

Л. П. МАРИНОВИЧ

ГРЕКИ и АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ



К ПРОБЛЕМЕ
КРИЗИСА
ПОЛИСА



Москва
«НАУКА»

Издательская фирма «Восточная литература»
1993

ББК 63.3(0)322
М 26

Ответственный редактор
Е. С. ГОЛУБЦОВА

Редактор издательства
И. Г. ВИГАСИНА

Маринович Л. П.

М26 Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). —
М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. —
287 с.

ISBN 5-02-017392

Монография посвящена тому трагическому для греков периоду, когда они вели неравную борьбу с царем соседней Македонии, знаменитым полководцем Александром. В центре работы — проблемы взаимоотношений греков и завоевателя, борьбы за свободу и стремления к власти.

На основе анализа разнообразных источников исследуются следующие основные вопросы: своеобразие политической борьбы в полисах, особенности положения эллинских государств, уже подчиненных Македонии, и тех, кто не хотел смириться с потерей независимости, место эллинов в системе новой империи.

М 0503010000-101 37-92
013(02)-93

ББК 63.3(0)322

ISBN 5-02-017392

© Л. П. Маринович, 1993

**Светлой памяти моих учителей
Константина Константиновича Зельина
и Владимира Дмитриевича Блаватского
посвящаю**

Тема «Греки и Александр Македонский» неоднозначна. Нередко ее понимали прежде всего как политику Александра по отношению к грекам. Мы не случайно поставили на первое место греков, стремясь тем самым обратить внимание на них, рассматривая тему как взаимоотношения греков и Александра. Когда сталкиваются две силы, возможны различные результаты, но сам результат в конечном итоге определяется характером обеих сил.

Мы не ставим своей целью рассмотреть положение Греции в годы правления Александра, но исходим из одного принципиально важного для нас постулата — полис переживал кризис; именно с точки зрения этого кризиса и изучаются взаимоотношения греков и нового владыки тогдашнего мира.

Отношения греков с Александром были сложными, как сложно было и само положение Александра — царя Македонии, гегемона Коринфского союза, стратега-автократора союзных войск, царя царей некогда великой Персидской державы, сына египетского бога Амона и обожествленного греками смертного. С точки зрения формально-правовой, отношения Александра с греками определялись Коринфским договором, навязанным силой оружия Филиппом. Наследовав власть отца, Александр, очевидно, возобновил это соглашение. Он жестоко расправился с Фивами, пытавшимися восстановить свободу, — так грекам был дан устрашающий урок. Греческие силы входили в состав армии, с которой Александр весной 334 г. до н. э. пересек Геллеспонт и под лозунгом возмездия персам за поруганные в греко-персидских войнах святыни двинулся вдоль побережья Малой Азии, освобождая греческие города от власти персов. Но по мере продвижения в глубь Азии греки все более уходили из поля зрения Александра. Отослав эллинские контингенты домой, он тем самым порывает с панэллинскими идеями. Все далее углубляясь на Восток, с новой обстановкой менялся и сам Александр. Греция была где-то далеко. За ней надзирает его наместник Антипатр. Однако неожиданно начинается антимакедонское выступление, вернее, настоящая война, которую возглавил спартанский царь Агис III. С трудом Антипатру удалось выстоять, побежденные греки были наказаны. Но вот поход наконец завершен, и Александр, словно вспомнив о греках, издает указ о возвращении в полисы политических изгнанников, тем самым полностью порывая с прошлым: отныне греки — лишь подданные в составе новой державы, в которой занимают положение хотя и своеобразное, но, подобно всем остальным народам, подчиненное.

Итак, отношения греков и Александра эволюционировали весьма быстро, как недолго был и поход, особенно если вспомнить,

сколько земель он прошел и покорил, как, впрочем, недолга была и сама жизнь Александра.

Об Александре написано очень много, литература о его жизни и деятельности поистине необозрима и разнообразна по тематике (библиография, включающая книги, обзоры, сборники статей и отдельные номера журналов, дана в работе Ф. Холта «Александр Великий и Бактрия» [Holt, 1988, с. 8, примеч. 22]). Есть и работы, посвященные различным аспектам интересующей нас темы. В какой мере мы опирались на них, станет ясно в дальнейшем, сейчас же отметим только, что успехи, достигнутые благодаря усилиям предшественников, освобождают нас от необходимости говорить о целом ряде вопросов, уже более или менее выясненных. К тому же, памятуя, что необъятного не объять, ограничим и тем самым определим свои задачи.

В книге пойдет речь об Афинах, Спарте и полисах Малой Азии. Афины и Спарта — ведущие государства в течение всей истории классической Греции — дают два варианта отношений полисов с Македонией: Афины, как и большинство государств Эллады, оказались вынуждены вступить в Коринфский союз, Спарта осталась вне рамок этого союза. Свою первую задачу мы видим в изучении политической борьбы в Афинах, характер которой в большой мере определялся новой внешнеполитической ситуацией, а именно македонской гегемонией в Элладе, установленной де-факто Филиппом и оформленной в виде союза между греками и им на подчеркнуто равноправных условиях. Вместе с тем эта тема составляет часть более широкой проблемы внутриполитической борьбы в полисах и связана с вопросом о социальной структуре афинского общества в IV в. до н. э. Изучая ее, мы обращаемся к проблеме кризиса афинской демократии как одного из аспектов кризиса полиса.

Наиболее яркие события в жизни Спарты времени Александра относятся к области внешнеполитической — мы имеем в виду антимакедонское выступление во главе с царем Агисом III, которое является другим объектом изучения.

Третья тема — греческие города Малой Азии, их взаимоотношения с Александром.

Последняя глава посвящена указу о возвращении политических изгнанников в полисы — важнейшей вехе в эволюции взаимоотношений греков и Александра, действовавшего уже как глава нового государства, подобного которому мир еще не знал.

Таким образом, на примере отдельных полисов, которые являют различные варианты взаимоотношений с Александром, рассматриваются судьбы полиса на последнем этапе его кризиса: разложение демократического строя, борьба греков за свою независимость, последняя попытка восстановить прошлое величие, предпринятая Спартой, положение греческих городов Малой Азии,

подчиненных персам и освобожденных Александром, полис в составе новой империи.

Литература по интересующей нас теме в общем распадается на три группы: работы, в которых изучается история Греции и ее отдельных полисов; книги и статьи об Александре, его жизни и деятельности; труды, посвященные кризису полиса или способствовавшие разработке этой проблемы. Работы первой и второй групп обычно лишены какой-либо концептуальной связи с проблематикой кризиса и сосредоточены преимущественно на событиях политической истории, тогда как в исследованиях, которые относятся к третьей группе, преобладает социальная и экономическая тематика. В соответствии с общим замыслом книги именно к ним мы сейчас и обратимся (тогда как остальные будут рассмотрены в соответствующих частях этой работы).

Кризис полиса — это тема, в сущности, новейшей литературы. Лишь с 20—30-х годов нашего века полис стали рассматривать не только как политическое образование (город-государство), но и как особую форму социальной и экономической организации античного общества с присущими ей чертами, и поэтому, естественно, только с этого времени можно говорить о появлении проблемы кризиса полиса как не только политической, но и социально-экономической организации древнегреческого общества.

Для классических (в первую очередь немецких) работ конца XIX — начала XX в., посвященных экономической и социальной истории античного общества, этой проблематики просто не существовало. Для сторонников концепции ойкосного хозяйства К. Бюхера проблема кризиса полиса не возникала прежде всего потому, что древнегреческое общество рассматривалось ими только как часть периода господства экономической системы, важнейший элемент которой составляло «замкнутое домашнее хозяйство». Эта система просуществовала от начала цивилизации до середины средних веков, и внутренние подразделения такого обширного периода казались малосущественными. Столь же незначительной представлялась эта тема и для ученых, придерживавшихся модернизаторского направления, сторонников теории Э. Мейера. Для них, сближавших мир античности с миром капитализма, было естественным пренебрегать спецификой первого. Даже те из исследователей, которые интуитивно осознавали специфику полиса, находили ее прежде всего в его малых размерах, а причиной кризиса IV в. до н. э. считали несоответствие политической организации города-государства условиям экономического прогресса, который понимался как развитие капиталистических отношений [Хвостов, 1924, с. 224].

Проблематика кризиса полиса оказалась чуждой и другим направлениям историографии, не втянутым в противоборство «ойкосной» и «модернизаторской» концепций. Сторонники Н. Д. Фюстель-де-Куланжа, в известной мере признававшие специ-

фику полиса, определяемого ими как *city* (на русский язык обычно переводится как «гражданская община»), видели ее основу прежде всего в религиозных установлениях, которые обуславливали весь строй жизни древнегреческого общества. Соответственно, кризис античной гражданской общины, с точки зрения Фюстель-де-Куланжа, порождался в первую очередь изменениями в области религиозных верований, а время кризиса определялось как период с V по II в. до н. э. [Фюстель-де-Куланж, 1895, с. 334—335].

В советской литературе 20—30-х годов проблема кризиса полиса не вставала перед исследователями. В духе господствовавших тогда прямолинейных схем развития античного общества писали о кризисе в IV в. до н. э., его глубине и всеобъемлющем характере, однако сам кризис рассматривался как упадок рабовладельческого общества в Греции, как общий кризис рабовладельческой системы. В вышедшем в 1922 г. последнем томе трехтомной работы «Очерки экономической и социальной истории древней Греции» (подзаголовок «Упадок») А. И. Тюменев, подробно говоря о различных сторонах жизни отдельных областей Греции, и прежде всего Афин, повсюду находил признаки упадка и разложения; социальная и экономическая жизнь в Афинах зашла в тупик, ближайшим следствием чего стала полная остановка в развитии полиса. Политическая жизнь уже находилась в состоянии полного упадка. Общество сверху донизу было охвачено процессом разложения [Тюменев, 1922, с. 20—21, 30, 43, 71, 115 и др.]. В работе 1937 г. в главе XII, имеющей название «Общий кризис рабовладельческой системы» (т. 3, ч. 2 вышедшей под редакцией С. И. Ковалева «Истории древнего мира»), А. И. Тюменев пишет уже об общем кризисе рабовладельческой системы [Тюменев, 1937, с. 68—69] (см. также [Тюменев, 1935, с. 91—92]), а С. И. Ковалев в 1936 г. в работе «Греция», указывая на экономический и политический кризис в Греции в IV в. до н. э., приходит к выводу, что рабовладельческое общество уже вступило в фазу своего разложения (с. 241—242).

Изменение позиций ученых началось в 30-е годы и связано с именем И. Хазебрека [Hasebroeck, 1928; 1931]. Не касаясь здесь роли его трудов для изучения собственно экономической истории Греции, скажем только о самом важном для нас: немецкий ученый показал, что полис является не только политической, но и экономической формой организации древнегреческого общества. Он особо подчеркнул, что полис, в принципе, представлял собой прежде всего организацию землевладельцев, а ремесленный и торговый секторы экономики развивались в основном вне рамок гражданского коллектива. Гражданство, монополизировавшее право на земельную собственность, в известной мере жило за счет эксплуатации негражданского населения, основной формой деятельности которого были ремесло и торговля. Тем самым Хазебрек разрушал модернизаторские построения относительно характера

экономики древней Греции (значительная роль крупной промышленности, меркантилистская политика, поощрение «национального» производства и т. д.).

Основные выводы И. Хазебрека были восприняты рядом исследователей (см. [Will, 1954, с. 18]). Разработка им концепции экономической структуры полиса оказала влияние и на изучение проблемы кризиса IV в. до н. э., который стали рассматривать с точки зрения кризиса такой специфической организации античного общества, как полис. Вместе с тем анализ шел преимущественно путем исследования экономических и социальных процессов, а идеологический кризис рассматривался как производный от кризиса социально-экономического и политического.

Среди ученых, которые занимались разработкой проблемы кризиса, следует выделить французскую исследовательницу Клод Моссе. В труде «Конец афинской демократии. Социальные и политические аспекты падения греческого полиса в IV в. до н. э.» [Mossé, 1962a], в известной мере итоговом, она дала, по выражению рецензента [Kagan, 1964, с. 191—192], «ортодоксальную» модель кризиса полиса, о которой поэтому скажем немного подробнее.

Следует, однако, заметить, что по двум важнейшим вопросам К. Моссе не разделяет крайних мнений, высказывавшихся ранее рядом историков, занимая более осторожную позицию. Она предостерегает против преувеличения масштабов разорения крестьян и распространения рабского труда, отрицая конкуренцию труда рабов¹.

Суть традиционных взглядов заключается в следующем. Начальный момент кризиса полиса связан с Пелопоннесской войной, которая разрушила сельское хозяйство целого ряда районов Греции, особенно Аттики. Средние крестьяне, составлявшие до того основную массу сельских хозяев и главную опору демократического полиса, не имели теперь средств для восстановления своего хозяйства. В результате крестьянство вынуждено было продавать свои участки земли крупным землевладельцам. Процесс обезземеливания крестьянства и концентрации земельной собственности имел своим последствием замену свободного труда в деревне рабским. Лишившись земли, крестьяне устремляются в город, но ремесло могло поглотить лишь часть свободных рук, так как само переживало упадок, вызванный в конечном итоге той же Пелопоннесской войной. Более того, в годы войны, когда ряд отраслей экономики был переориентирован на военные нужды, ослабевают торговые связи с периферией, ремесленные центры Эллады, в первую очередь Афины, почти не вывозят сюда свои товары, поэтому на местах начинает развиваться свое ремесло. По окончании войны все попытки торговцев из старых ремесленных центров пробиться на прежние рынки оказались безуспешными. Затрудняло торговые связи и отсутствие безопасности морских путей, которые ранее охранял афинский флот.

Все эти обстоятельства породили финансовый кризис, и государство оказалось вынужденным усилить экономическое давление на богатых, особенно на «торговый класс», что вызвало его недовольство. Массы неимущих либо превращались в люмпен-пролетариев, живущих за счет государства, не имеющего для этого достаточных средств, либо шли в наемники. Усилившаяся поляризация общества приводила к обострению классовых конфликтов, многочисленные примеры которых сообщают источники. Именно внутренняя борьба является самым ярким симптомом кризиса полиса. В идеологии кризис полиса нашел отражение в многочисленных проектах создания «идеального полиса», в идеях возвращения к «конституции предков».

Книга К. Моссе показала, как справедливо отмечала Л. М. Глускина, что «пока еще преждевременно писать обобщающие работы о кризисе греческого полиса» [Глускина, 1975, с. 11]. В работе ее вследствие широты поставленной задачи и обилия привлеченного материала отсутствует детальный анализ источников.

В советском антиковедении в первые послевоенные десятилетия не было специальных исследований, посвященных истории Греции или ее отдельных областей в IV в. до н. э., но о взглядах наших ученых на развитие Эллады в это время можно судить по трудам более общего характера. В них высказываются сходные мысли о характере социально-экономического и политического развития Греции в IV в. до н. э.: историки пишут о концентрации земли, росте имущественного неравенства, обострении социальной борьбы, о глубоком кризисе в экономике, политике, социальных отношениях и идеологии. Таковы взгляды, высказанные в 40—50-е годы В. Н. Дьяковым [Дьяков, 1952, с. 364—365; Дьяков, 1956, с. 391—447], Д. П. Каллистовым [Каллистов, 1956, с. 56 и сл.], Н. Н. Пикусом [Пикус, 1962, с. 313; Пикус, 1972, с. 245], Л. М. Глускиной [Глускина, 1958, с. 289].

В изданной в 1948 г. «Истории древней Греции» В. С. Сергеева говорится о «глубоком разложении классического полиса» (с. 341). В этом и заключалось главное — кризис IV в. до н. э. все более отчетливо начинает рассматриваться как кризис полиса. В 1950 г. в работе об эллинизме А. Б. Ранович, обращаясь к предпосылкам эллинизма, указывает, что их надо искать в основных противоречиях рабовладельческого строя Греции [Ранович, 1950, с. 17]. «Рабовладельческое общество в Греции в IV в. до н. э. дошло до предела своего возможного развития и вступило в полосу экономического и политического кризиса» (с. 23). «В IV в. до н. э. полис экономически и политически не соответствовал более тем условиям, которые вызвали его к жизни» (с. 21). В учебнике 1952 г. мы читаем об изжившей себя, устарелой полисной системе, которая «явно задерживала и тормозила развитие производительных сил» [Дьяков, 1952, с. 370] (см. [Ковалев, 1953, с. 60]).

Четко понятие кризиса IV в. до н. э. как кризиса полиса было

сформулировано О. В. Кудрявцевым. В статье о запуске Эллады в период империи О. В. Кудрявцев для выяснения причин указанного явления кратко рассматривает весь ход социально-экономического развития Греции — классической страны античного рабовладения и античной формы собственности на землю — и формулирует свое понимание кризиса, сущность которого, по его мнению, «состоит в процессе концентрации земли, с одной стороны, и разорения значительных масс граждан — с другой» [Кудрявцев, 1953, с. 41]. Вместе с тем О. В. Кудрявцев подчеркивает, что «кризис полиса ни в коем случае нельзя отождествлять с кризисом рабовладельческого способа производства» [Кудрявцев, 1953, с. 41] (см. также [Кудрявцев, 1957, с. 361—362]). В появившейся через год монографии об эллинских провинциях Балканского полуострова О. В. Кудрявцев рассматривает кризис полиса в более широком аспекте. Считая возникновение империи результатом кризиса полиса, ученый дает общую характеристику полиса (каковым по общему типу организации он считает и италийскую гражданскую общину, т. е. *цивитас*) и повторяет высказанное ранее определение сущности кризиса полиса, вновь предостерегая против отождествления кризиса полиса с кризисом рабовладельческого способа производства [Кудрявцев, 1954, с. 6 и сл.].

В изданном коллективом ученых в 1956 г. труде «Древняя Греция» глава о Греции в первой половине IV в. до н. э., написанная В. Н. Дьяковым, начинается с раздела о социально-экономическом кризисе, который излагается в обычном для того времени духе: отмечается пагубное воздействие Пелопоннесской войны — разорение, падение покупательной способности масс, нарушение торговых связей; говорится о концентрации богатств в руках немногих, небывалой остроте социальной борьбы и т. п. Вместе с тем здесь ни слова не сказано о кризисе полиса. Напротив, Д. П. Каллистов — автор соответствующей главы в вышедшем в том же году томе 2 «Всемирной истории» — пишет о кризисе полиса в IV в. до н. э., который он, правда, рассматривает только «как особую, типичную для древней Греции форму рабовладельческого государства». Кризис понимается традиционно, важнейшей экономической предпосылкой его автор считает «интенсивный процесс концентрации земли, оборотной стороной которого явилось растущее разорение и обезземеливание крестьянства» [Каллистов, 1956, с. 64]. Необычайно усиливается расслоение общества, обостряется политическая борьба.

Л. М. Глускина, говоря о кризисе полиса, отмечает, что «в IV в. до н. э. подрывается и экономическая основа гражданской общины — мелкое свободное ремесленное производство и мелкое свободное крестьянское хозяйство — и вместе с тем ослабляются узы, связывавшие полисный коллектив». Полисная система мешала развитию рабовладельческого хозяйства, «экономические интересы богатых купцов, ростовщиков и предпринимателей вы-

шли за рамки небольшого города-государства» [Глускина, 1958, с. 297].

Таким образом, концепция кризиса IV в. до н. э. как кризиса полиса становится господствующей в нашей науке, что нашло отражение в учебниках: более четкое — в третьем издании «Истории древней Греции» В. С. Сергеева [Сергеев, 1963, с. 350] и более неопределенное — в учебнике 1962 г., где автор главы о Греции IV в. до н. э. Н. Н. Пикус пишет о «социально-экономическом и политическом кризисе древнегреческого общества в условиях существования городов-государств (полисов)» (с. 314) и специально оговаривает, что «это не был, разумеется, кризис рабовладельческой системы в целом, хотя он и распространился в большей части Греции» (с. 319) (см. также [Пикус, 1972, с. 250]).

В последние десятилетия господствовавшая ранее концепция кризиса полиса подверглась значительному пересмотру со стороны целого ряда ученых, которые, опираясь на конкретные исследования отдельных сторон жизни Греции в IV в. до н. э., прежде всего ее экономики и социальных отношений, особенно на материале Афин, разрушали элементы старой схемы. Эти исследования воспринимались первоначально скорее как отдельные уточнения, но в дальнейшем, по мере нарастания их числа, оказались подорванными сами основы старой концепции кризиса IV в. до н. э.

Важнейшее место среди работ такого характера, несомненно, принадлежит трудам Дж. Файна [Fine, 1951] и М. Финли [Finl ey, 1952; 1953; 1968] о сельском хозяйстве Афин. При всех различиях в деталях, оба исследователя пришли, в общем, к близким выводам, суть которых заключается в том, что представления об обезземеливании крестьянства и концентрации земли оказались чрезмерно преувеличенными. Хотя этот процесс и имел место, он был медленным и не привел к катастрофическим последствиям. Землю, как правило, продавали не бедняки, для которых их участок оставался по-прежнему основным источником существования, а богатые люди, которым требовались деньги для выполнения литургий и других целей. Крупные землевладельцы имели участки земли в различных частях Аттики, они не слились поэтому в единые рабовладельческие хозяйства и обрабатывались, как правило, не рабами, а арендаторами. Массового ухода крестьян в город не наблюдалось, примерно три четверти граждан Афин владели своими земельными участками.

На всем протяжении IV в. до н. э. Аттика оставалась преимущественно областью мелкого и среднего землевладения, рабский труд не вытеснил в земледелии труда свободных крестьян. Устойчивость крестьянской земельной собственности объяснялась, наряду с другими факторами, прежде всего тем обстоятельством, что крестьянское хозяйство было относительно слабо затронуто

товарными отношениями, производством на рынок и денежной экономикой.

Тем же кругом вопросов занимался В. Н. Андреев, который пришел к выводу, что распределение земельной собственности в Аттике конца V—IV в. до н. э. было сравнительно равномерным (см. [Андреев, 1958; 1959; 1960; Andreyev, 1974]). Никакие источники не подтверждают для этого периода массового обезземеливания крестьянства и интенсивной концентрации земли. Обращаясь к этим же вопросам в главе «Аграрные отношения в Аттике в V—IV вв. до н. э.», опубликованной гораздо позднее, в томе 1 «Античной Греции», В. Н. Андреев отмечает, что «концепция аграрного развития Аттики в конце V—IV в., включая представление об „аграрном перевороте“, состоящем главным образом в „обезземеливании крестьянства“ и „концентрации земли“, должна быть, по-видимому, отвергнута, как не находящая достаточного подтверждения в источниках и в конечном счете противоречащая им» [Андреев, 1983, с. 324—326]. Тем самым ставятся под сомнение и ее теоретические предпосылки: идея о господстве товарного производства в сельском хозяйстве.

Критике подвергалось положение о превращении если не основной, то значительной части граждан в люмпен-пролетариев. В опровержении этой тезы большую роль сыграли труды В. Эренберга [Ehrenberg, 1951] и А. Джоунза [Jones, 1957], по мнению которых основную массу афинских граждан отнюдь нельзя считать живущей за счет тех выплат, которые они получали от государства за выполнение своих гражданских обязанностей. Эти выплаты правильнее рассматривать как своего рода «приработок», желательный, но отнюдь не составлявший основу их благосостояния. Основная часть афинских граждан в IV в. до н. э. занималась производительным трудом (по подсчетам А. Джоунза, не менее 60%).

Как показала Э. Барфорд, на протяжении всей античной эпохи наблюдается скорее недостаток квалифицированных ремесленников, чем избыток, и именно это обстоятельство она считает одной из причин медленного технического прогресса [Burford, 1972]. Применение рабского труда в таких условиях не вело к падению жизненного уровня свободных. В частности, для IV в. до н. э. нет никаких оснований говорить о вытеснении из производства свободных ремесленников рабами.

Нумизматические изыскания подтвердили тезис о широком развитии в это время товарно-денежных отношений, о распространении их вширь и вглубь. Именно в IV в. до н. э. по всей Греции распространяется практика чеканки бронзовой монеты, не имевшей хождения вне территории государства, их чеканившего, что свидетельствует о развитии внутреннего рынка и углублении специализации производства. Этим IV век до н. э. отличается от V в. до н. э., когда в чекане преобладала серебряная

монета, а бронза выпускалась лишь некоторыми полисами и от случая к случаю.

Как стало ясно прежде всего из работы Р. Богарта, именно на IV в. до н. э. приходится расцвет деятельности афинских трапезитов [Bogaert, 1968] (ср. [Bogaert, 1974, с. 521—530]). Весьма важен его вывод относительно создания особой системы права, регулирующего сделки, заключаемые в трапезах, — независимо от полисного права.

Эти и другие, более частные исследования отдельных сторон социальной и экономической жизни показали, что традиционное представление об экономическом упадке Греции в IV в. до н. э. не отвечает действительности.

Определенную роль в разрушении старых представлений о кризисе полиса и в подготовке новой концепции сыграли и исследования экономической мысли греков. Среди работ этого типа особого внимания заслуживают труды Л. Жерне и Ф. Готье. Л. Жерне подчеркивает факт развития в IV в. до н. э. концепции двух видов богатства: «видимого», под которым понимали традиционную земельную собственность — основу благосостояния гражданина, и «невидимого», состоящего главным образом из денег и драгоценных металлов [Gernet, 1968, с. 405 и сл.]. Интересен также вывод Л. Жерне об определенном различии в моделях поведения людей, в зависимости от того, какая из форм богатства представляла собой основу их благосостояния. В работе Ф. Готье [Gauthier, 1972] отметим изучение им развития в Греции IV в. до н. э. «торгового права», появление которого рассматривается как показатель высокого уровня межполисных экономических связей. Вместе с тем это право показательно еще в одном отношении — оно свидетельствует о преодолении в некоторых сферах традиционных полисных установлений.

Выявив слабость тех оснований, на которых базировались традиционные представления о кризисе полиса, ученые сделали новые попытки объяснить причины и выявить характер этого феномена. Из исследований, в которых рассматривались отдельные аспекты кризиса полиса, следует назвать вышедшие в Советском Союзе две книги: Э. Д. Фролова — о младшей тирании [Фролов, 1972] и автора этих строк — о греческом наемничестве IV в. до н. э., анализ которого дан именно в связи с проблемой кризиса полиса [Маринович, 1975; Marínović, 1988].

Проблему кризиса афинского полиса в IV в. до н. э. специально рассмотрел Я. Печирка в докладе, прочитанном в 1975 г. на XIV Международном конгрессе историков [Pečírka, 1975a] (расширенный вариант доклада — [Pečírka, 1976]). Я. Печирка ставит вопрос о том, был ли вообще кризис, и если да, то кризис чего, и дает следующий ответ: в некотором ограниченном смысле можно говорить о кризисе гражданской общины, ее структуры, институтов и идеологии полиса. Сущность кризиса, по его мнению, заклю-

чается в создавшемся к IV в. до н. э. конфликте между традиционной структурой полиса и его экономическим развитием, которое переросло рамки полиса.

Прогресс в экономике порождает в IV в. до н. э. новые явления, самое важное из которых — развитие новой формы собственности, более полно отражающей принципы частной собственности и противоречащей традиционной форме собственности гражданина полиса, т. е. прежде всего земельной. Эта вторая форма, олицетворявшаяся в монете и рабах, в первую очередь связана с теми группами населения Афин, которые стояли вне рамок гражданского коллектива. Так, в частности, почти все банкиры-трапезиты в Афинах IV в. до н. э. были метеками или даже вольноотпущенниками.

Развитие новой формы собственности привело к созданию новой социальной структуры, основанной на «экономическом богатстве» и не связанной с юридическим статусом. Богатые метеки и богатые граждане сливаются с точки зрения экономической в единый класс «бизнесменов», и политическое различие между ними обнаруживает тенденцию к уменьшению.

Вместе с тем Я. Печирка рассматривает пример Афин как уникальный, поскольку Афинская «империя» V в. до н. э. определила большие отличия их от других полисов.

Некоторые стороны экономического развития Афин в IV в. до н. э. были детально исследованы Л. М. Глускиной [Глускина, 1975]. Она отмечает многообразие форм преодоления традиционной связи гражданина с землей. Медленно, но упорно шел процесс отрыва части земледельческого населения от сельского хозяйства. Часть богатых граждан охотно продавала свои земли, превращая их в «невидимое имущество», что вызывалось возможностью вложить средства в более доходные сферы хозяйственной деятельности: торговлю, рудники, кредитно-денежные операции. Кроме того, достаточно широкое участие метеков и вольноотпущенников в аренде частновладельческой земли приобщало к земледельческому труду людей, не входивших в состав гражданской общины, что пробивало брешь в стене, отделявшей эту группу населения от полноправных граждан.

Весьма своеобразна роль, которую играли метеки и вольноотпущенники в сфере кредитно-денежных операций. Среди афинских трапезитов первенствующее положение занимали неграждане, но они не имели возможности участвовать в долговых сделках, связанных с залогом недвижимого имущества, в кредитовании морской торговли и др. Тем самым процесс развития товарно-денежных отношений вступал в конфликт с традиционной структурой полиса, с полисным принципом исключительности.

Рассмотренный Л. М. Глускиной материал, как она сама отмечает, осветил только некоторые, хотя и весьма существенные стороны кризиса полиса — усиление удельного веса в жизни Атики ее свободного негражданского населения и углубление «раз-

рыва между государственными и частными интересами в тех областях экономики, где они соприкасались и сталкивались». Кризис глубоко «коснулся самых существенных основ полисной организации» [Глускина, 1975, с. 175 и сл.].

Обращаясь специально к проблеме кризиса полиса, Л. М. Глускина в статье «О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса» [Глускина, 1973] и в главе «Проблемы кризиса полиса» в томе 2 коллективного труда «Античная Греция» [Глускина, 1983, с. 5—42] подчеркивает необходимость выявления различий, коренящихся в специфике экономической, социальной и политической структур раннего Рима, эллинистических полисов и полисов классической Греции на данном уровне наших знаний, когда проблема кризиса полиса далеко еще не разрешена. Между тем понятие кризиса полиса стали в равной мере применять к явлениям, характеризующим упадок, изменения или эволюцию этих структур. Признавая правомерной саму постановку вопроса о кризисе греческого полиса, Л. М. Глускина отмечает прежде всего необходимость дать дефиницию, определить хронологические (по возможности и географические) рамки явления, отделить сущность кризиса от его симптомов и результатов. Видя свою задачу в том, чтобы рассмотреть кризис полиса не вообще, а именно кризис классического полиса в IV в. до н. э., она отрицает массовое обезземеливание крестьянства, концентрацию земли, вытеснение свободного труда рабским, рост в городе люмпен-пролетарских элементов — все это признаки, характерные для Римской республики (начиная со II в. до н. э.), которые по аналогии переносят на Афины.

Л. М. Глускина выделяет те основные черты, которые характеризуют сущность полиса, а именно: исключительное право граждан на владение землей, на участие в политической жизни, характер военной организации — и рассматривает затем, какие именно изменения происходили здесь в течение IV в. до н. э., что нового появилось в мире греческих полисов, отмечая, что исчезновение или ослабление основных черт полиса является бесспорным свидетельством кризиса классической полисной структуры. Она повторяет высказанную ранее мысль о том, что была поколеблена материальная основа полисной структуры — связь гражданского полноправия с земельной собственностью. Кризис полиса проявляется и в том, что основная масса граждан становится все более равнодушной к проблемам общегосударственного значения, в частности, уклоняется от несения военной службы. Кризис полиса, пишет Л. М. Глускина, заключая главу, привел к ослаблению спаянности коллектива граждан, противопоставил различные слои гражданского населения не только друг другу, но и государству в целом, четко выявил разрыв между государственными и частными интересами, возможность существования и обогащения вне узких полисных рамок.

Разумеется, мы могли только весьма схематично показать, как выработывалась концепция кризиса полиса. Чаще всего ученые, естественно, обращались к афинскому материалу. Исследователи находили симптомы кризиса не только в социальных отношениях, экономике и политике, но и в литературе, философии, искусстве. Вместе с тем не всегда эти кризисные явления связывали с кризисом полиса.

Широкое распространение понятия «кризис полиса» при неоднозначности его трактовки, отсутствии четких хронологических и географических рамок вызвало реакцию ряда ученых, наиболее резкую — Э. Вилля [Will, 1977, с. 391—393]. Признавая отдельные «кризисные» периоды в истории полисов, он возражает против двойной деформации концепции кризиса полиса: преувеличенного расширения его во времени, когда «кризис» превращается в «долгую болезнь», и генерализации, когда говорят не о кризисе того или иного полиса, но о «кризисе полиса» вообще, и тем самым кризис превращается в период истории греческой цивилизации. В более конкретных исследованиях ученые выявляют отдельные кризисные явления, которые, как считает Э. Вилль, вызваны конкретными причинами, не имеющими отношения к «кризису полиса». В качестве примера он ссылается, в частности, на немецкое четырехтомное издание «Греческие полисы» [НР]. Этот же труд упоминает П. Картледж, по мнению которого идея «общего кризиса» полиса в IV в. до н. э. «не должна стать догмой» [Cartledge, 1978, с. 653] (ср. отклик на это замечание Ч. Старра [Starr, 1987, с. 9 и примеч. 31]).

К числу ученых, отрицающих концепцию кризиса полиса, относится Е. М. Штаерман. Она не считает изменения в IV в. до н. э. настолько коренными, чтобы можно было говорить о кризисе. «Само понятие кризиса в применении к обществу... кризиса, в его рамках непреодолимого, видимо, предполагает переход ряда присущих обществу базисных и надстроечных характеристик в их противоположность» [Штаерман, 1988а, с. 315—316]. Но полис оставался неизменно ведущим образованием и в эллинистических царствах, и в Римской империи.

Различное отношение к понятию «кризис полиса», принятие или отрицание кризиса, как видим, обусловлено прежде всего неоднозначной оценкой сути изменений, которыми отмечен IV век до н. э., и, соответственно, различным взглядом на характер полиса в последующие века. Например, если, по мнению Л. М. Глускиной, в структурные элементы полиса было внесено затем столько новых обстоятельств и черт, что можно говорить уже о новом качестве [Глускина, 1983, с. 8] (ср. [Runciman, 1990, с. 348]), то, согласно Е. М. Штаерман, полис оставался неизменным и обязательные признаки его, хотя и с некоторыми модификациями, сохраняются до полного разложения античного мира [Штаерман, 1988а, с. 316].

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Источники для изучения избранной темы делятся на две большие группы — современные описываемым событиям и источники более позднего времени (см. [Маринович, 1982, с. 22 и сл.]). Численно эти группы не сопоставимы — сочинения, написанные несколько веков спустя, преобладают. Источники, синхронные изучаемому периоду, отличаются определенным своеобразием: помимо надписей это речи, причем преимущественно политические. Уже самый характер такого рода источников, представляющих произведения риторического жанра, образцы политического красноречия крупнейших ораторов, обуславливает их тенденциозность. Вместе с тем злободневность, страстность речей, в которых чувствуется накал политической борьбы, придают им особую ценность, а отдельные общие места и штампы (так называемые *topoi*), вызванные апелляцией к одной и той же аудитории, важны для выяснения того, что именно волновало данного оратора, какой смысл вкладывал он в отдельные лозунги, какие мысли старался внушить слушателям и какие отклики вызвать у них. Один из исследователей образно сравнил речи ораторов IV в. до н. э. с зеркалом, «в котором отразилась душа Афин» [Harding, 1987, с. 38]. Но, обращаясь к этим речам как историческому источнику, всегда должно опасаться, не оказываемся ли мы в царстве кривых зеркал? ¹.

В сочинениях, написанных позднее, основное внимание сосредоточено на Александре, его завоеваниях и личности, события же в Греции рассматриваются преимущественно через призму его деятельности. В силу более позднего их происхождения встает вопрос о формировании и передаче исторической традиции, ибо от решения его зависит та или иная оценка как источника в целом, так и сообщений, в нем заключающихся.

Обращаясь к разным группам источников, заметим, что в рамках данной главы будет дана их самая общая характеристика, так как анализ отдельных надписей, речей и свидетельств античных авторов возможен только при исследовании конкретных вопросов.

От эпохи Александра дошло сравнительно немного надписей,

имеющих для нас интерес ². Это, прежде всего, фрагмент договора между Александром и греками, представляющий, как обычно считают, возобновление заключенного Филиппом соглашения о Коринфском союзе. К сожалению, надпись сильно повреждена и читается лишь частично, чем и обусловлена гипотетичность ее трактовки ³.

Несколько документов освещают характер взаимоотношений Александра с греческими полисами Малой Азии, бывшими ранее под властью Персии. Это письмо Александра Приене (сильно фрагментированное), в котором говорится об автономии и свободе города, определяются границы между полисной и царской землей, даруется освобождение от выплаты синтаксиса (опубликована в сборнике Тода, № 185). Другая надпись из Приены — посвящение Александром храма Афине Полиаде (№ 184).

В письме Александра островному полису Хиосу (№ 192) говорится о восстановлении здесь демократического строя, возвращении изгнанников, кодификации законов, которые затем должны быть представлены на утверждение Александру, и др. Значительный материал содержится в большой надписи из Эреса (№ 191).

Ряд документов характеризует последний этап взаимоотношений Александра Македонского с греческими городами. Когда в 324 г. до н. э. он объявил о возвращении всех изгнанников (Diod. XVIII, 8, 4), возникло множество имущественных споров, которые полисы регулировали, руководствуясь общими принципами, изложенными в диаграмме царя. До нас дошло два таких документа — из Тегей и Митилены (Tod, № 201, 202). С указом 324 г. до н. э. связаны также декрет Калимны в честь граждан Иасоса, выступивших в качестве третейских судей при урегулировании споров между вернувшимися из изгнания и оставшимися в полисе гражданами (Michel, № 417), и самосские декреты в честь граждан Иасоса Горга и Минниона, помогавших самосским изгнанникам [Heisserer, 1980, с. 169 и сл.].

Эпиграфика дает некоторую информацию об экономических и политических условиях в Греции. Надпись из Кирены (Tod, № 196) о посылке хлеба во многие полисы Эллады (с указанием его количества) обычно интерпретируют как свидетельство о нехватке продовольствия в Греции. В постановлении афинского совета и народного собрания сообщается об основании апойкии на побережье Адриатики ради доставки хлеба (Tod, № 200). С роспуском военных сил Коринфского союза связано посвящение Зевсу Спасителю беотийских всадников, служивших в армии Александра Македонского (Tod, № 197). Одним из интересных документов несколько более позднего времени, 307—306 гг. до н. э., в котором упоминается ряд событий интересующих нас лет, является постановление Афин в честь оратора Ликурга, текстуально почти совпадающее с постановлением, приведенным

в его биографии Псевдо-Плутарха (Syll.³, 326; Ps.-Plut. Vit. X Or. 851 F — 852 E).

В эпоху Александра в Греции на поприще политическом и судебном выступало много ораторов, но о некоторых из них мы не знаем ничего, кроме имен и названия речей. Самые известные — Демосфен, Эсхин, Ликург, Гиперид, Динарх. Сохранились три речи Эскина, три речи Динарха, одна речь Ликурга (не считая фрагментов); из речей Гиперида ни одна не дошла целиком, наибольшее число фрагментов относится к семи речам.

Самый значительный по объему — корпус речей Демосфена, включающий более 50 речей. Они представляют и наиболее сложный источник, так как в отношении ряда речей встает проблема их аутентичности, а также датировки. Не касаясь здесь всего этого круга вопросов (о них см. в соответствующих частях работы), скажем несколько слов об основных речах. В речи Демосфена «За Ктесифонта о венке», произнесенной в 330 г. до н. э., оратор блестяще защищает свою политическую деятельность, но основное внимание уделяет времени Филиппа, а о последующих годах говорит кратко. Обвинителем Ктесифонта (но по существу Демосфена) на этом процессе выступил злейший враг прославленного оратора Эсхин, в речи которого «Против Ктесифонта» события времени Филиппа также занимают большое место, однако свидетельства о годах правления Александра более многочисленны. Важны, в частности, сообщения о позиции Демосфена в начале восточного похода, о персидской политике в эти годы, о положении в Греции к моменту выступления Спарты под руководством царя Агиса. Естественно, деятельность Демосфена обрисовывается самым отрицательным образом.

Значительным материалом мы располагаем в связи еще с одним событием. В 324 г. до н. э. в Афинах разгорелась ожесточенная борьба, связанная с так называемым делом Гарпала, занимавшего пост казначея Александра. Бежав с похищенной казной и на вербовав на эти средства наемников, Гарпал просил убежище в Афинах, свои просьбы подкрепляя золотом. В дальнейшем, когда он был вынужден бежать из города, выяснилось, что часть оставленного им золота исчезла, возник судебный процесс против нескольких лиц, в числе которых оказался и Демосфен. Об обстоятельствах этого шумевшего дела известно из речей Динарха «Против Демосфена», «Против Аристогитона» и «Против Филокла», а также из сохранившихся фрагментов речи Гиперида «Против Демосфена по поводу денег Гарпала». Значение этих речей не ограничивается делом Гарпала — в них упоминаются некоторые факты, важные для изучения других сторон жизни Греции тех лет. В частности, речи Динарха и Гиперида дают возможность составить более правильное представление о характере выступления греков во главе со Спартой против Македонии, чем поздние источники; на основании речей

современников можно точнее судить о силах сторонников Спарты и их противниках, о масштабах самого антимакедонского движения.

Один из важнейших источников представляет XVII речь Демосфенова корпуса, называемая «О договоре с Александром». Ее анализ будет дан в соответствующей части работы, когда мы обратимся к деятельности и взглядам Гиперида, сейчас же отметим только, что этот документ, бесспорно, вышел из афинских кругов, враждебных Александру. В речи сообщается об условиях договора, заключенного македонским царем с греческими городами; это тем более важно, что договор Александра представляет копию договора Филиппа, поэтому данная речь может служить дополнительным источником для восстановления условий Коринфского договора. Довольно подробно говорится о нарушениях Александром этого договора, причем особое внимание уделяется фактам произвольного изменения политического строя в полисах, что представляло прямое нарушение основополагающих принципов договора. Из речи мы узнаем также о некоторых мерах, направленных непосредственно против Афин. Для выяснения позиции автора показательно, что в своей критике действий Македонии он не ставит под сомнение сам договор, вызывают осуждение только те мероприятия Александра, которые нарушают его.

Других источников, синхронных времени Александра Македонского, не сохранилось. Бесспорно, в древности существовали и документальные материалы, связанные с походом, и сочинения участников его, но от них дошли только отдельные фрагменты (в буквальном изложении или переложении) в произведениях более поздних авторов⁴. Как и другие бумаги — копии распоряжений, приказов, отчеты, планы, проекты, они хранились в придворной канцелярии, которую возглавлял Евмен. Историками нового времени была проделана большая работа по восстановлению содержания этих, так называемых первичных, источников, выявлению их характера и степени достоверности.

Известно, что при дворе Александра велись ежедневные деловые записи, своего рода «дворцовый журнал», или дневник — «Эфемериды» (F Gr Hist, 2 B, 117, с. 618—662). О них упоминается в античных источниках, в том числе у Арриана (Arr. Anab. VII, 25) и Плутарха (Plut. Alex. LXXVI). Высказывалось предположение, что после смерти Александра эти записки перешли к Пердикке, а от него — к Птолемею. Гипотеза о том, что Птолемей широко использовал «Эфемериды» в своем труде, получила распространение и послужила одним из аргументов в пользу мнения о большой достоверности его произведения. Делались даже попытки выделить у Арриана те заимствованные из «Эфемирид» сведения, которые историк использовал через Птолемея. Однако некоторые ученые выступили решительными противниками этих построений (см. [Pearson, 1955, с. 435], где указана соответствующая литература).

Другой путь исследования «Эфемерид» предложил Ч. Робинсон [Robinson, 1932], введший в исследовательскую практику «метод итинерария»: он сопоставил свидетельства о маршруте похода Александра, содержащиеся в пяти основных источниках — произведениях Арриана, Диодора, Курция Руфа, Плутарха и Юстина. Оказалось, что поход можно разделить на три части: от высадки в Азии до 327 г. до н. э.; 326 г. до н. э.; последующие годы. Для первого периода данные всех авторов в целом совпадают; во втором наблюдаются резкие расхождения; в третьем — снова совпадают. Совпадение в первом, по мнению Ч. Робинсона, объясняется наличием общего источника, но он склонен считать таковым не непосредственно «Эфемериды», а скорее Каллисфена — официального историографа похода, единственного, имевшего к ним доступ. Разногласия относительно маршрута во втором периоде — следствие ареста и последующей казни Каллисфена (новый историограф назначен не был). Более поздние авторы не могли использовать «Эфемериды» потому, что они погибли при пожаре палатки Евмена в 327 г. до н. э. (Plut. Eum. II, 2—3). Затем ведение «Эфемерид» возобновилось, и после смерти Александра новая часть была опубликована, возможно, Страттидом из Олинфа. Этим обстоятельством объясняется как согласие всех пяти авторов относительно итинерария после 326 г. до н. э., так и обращение Арриана и Плутарха к «Эфемеридам» только для описания последних дней жизни царя.

Л. Пирсон [Pearson, 1955, с. 429—439] выдвинул ряд аргументов в пользу того мнения, что сохранившиеся фрагменты происходят не из подлинных «Эфемерид» (наличие которых он, в принципе, не отрицал), а из чисто литературного произведения, созданного, вероятнее всего, в Александрии в эпоху эллинизма. Эта точка зрения нашла своих сторонников: в частности, Э. Бэдиан, критикуя Ч. Робинсона за то, что тот считал «Эфемериды» фактически основным источником для всех последующих сочинений об Александре, видит заслугу Л. Пирсона в том, что тот изгнал «злой дух» этого мнимого оригинального источника, который слишком долго довлел над учеными [Badian, 1961b, с. 667; Badian, 1978, с. 197]. Сравнительно недавно А. Сэмюэль высказал сомнения в самом факте ведения по приказу Александра официальных записей [Samuel, 1965, с. 1—12] (ср. [Hamilton, 1969, с. 59—60]). Как считает А. Сэмюэль, «Эфемеридами» назывались труды о последних днях жизни Александра, которые могли появиться в обстановке напряженной борьбы, развернувшейся после смерти царя. Авторы их заимствовали факты из ведшихся в Вавилоне записей, включавших наряду со всякого рода астрономическими, математическими и другими сведениями данные о пребывании здесь Александра. Создавались ли эти сочинения в целях пропаганды, как оружие в руках той или иной из борющихся сил, или просто явились данью уважения к

цзрю, их генезис из вавилонских источников, по мнению А. Сэмюэля, лучше всего объясняет особенности сохранившейся об «Эфемеридах» информации.

Спор об аутентичности «Эфемерид», их характере и месте в развитии античной традиции продолжается, и страсти вокруг этого источника не утихают, о чем свидетельствуют появившиеся в последние несколько лет работы крупнейших исследователей истории Александра: Вирта, Хэммонда, Босворта, Бэдиана [Wirth, 1986, с. 1051—1075; Hammond, 1983, с. 5—10 и др.; Hammond, 1987, с. 331—347; Hammond, 1988a, с. 129—150; Hammond, 1989a, с. 155—160; Hammond, 1989c, с. 187 и сл.; Badian, 1987, с. 605—625; Bosworth, 1988b, с. 157 и сл.].

В различных произведениях античных авторов приводится довольно много писем, написанных Александром Олимпиаде, друзьям, официальным лицам, Дарию и др., а также адресованных ему (собраны: [Pridik, 1893]). Проблема их подлинности решалась в науке нового времени по-разному (см. [Seibert, 1981, с. 4—5]), и если одни ученые признавали письма аутентичными, то гораздо большее число историков сомневалось в их подлинности, особенно Пирсон [Pearson, 1955, с. 443—450] (еще раньше — Ю. Керст [Kaerst, 1892, с. 602—622; Kaerst, 1897, с. 406—412]; см. также [Шахермайр, 1984, с. 97, 357, примеч. 29]). Очевидно, данная проблема не может быть решена в общей форме. Античная эпоха знала особый литературный жанр — письма, и хотя бесспорно, что определенная их часть представляет собой более поздние подделки, вполне вероятно подлинность некоторых из них (см., например, [Hamilton, 1955, с. 219—220; Hamilton, 1969, с. LIX—LX; Badian, 1961b, с. 667]).

В последнее время оживленная дискуссия развернулась вокруг одной арабской рукописи, в которой содержится «Письмо Аристотеля к Александру о политике по отношению к городам» [Bielawski, Plezia, 1970]. Известная уже с 1860 г., эта рукопись считалась большинством исследователей переводом с греческого языка на арабский позднеантичного риторического сочинения. Открытие новых, более полных рукописей этого произведения привело некоторых специалистов к выводу о подлинности сочинения. Однако более правильно, видимо, считать, что оно создано в раннеэллинистическую эпоху и имело целью защиту памяти основателя перипатетической школы [Кошеленко, 1974, с. 22 и сл.].

Никакой другой поход не получил столь полного отражения в литературе, столь обильного и разнообразного, как поход Александра. Он сам хотел, чтобы слава об его подвигах сохранилась для потомков, и среди интеллектуалов, которых он взял с собой, было немало ученых и писателей. Первым описал поход историк, которому Александр поручил это, — Каллисфен.

Родственник и ученик Аристотеля, Каллисфен³, видимо, был им рекомендован своему воспитаннику и стал официальным ис-

ториографом похода. К этому времени он был уже сложившимся историком, автором нескольких сочинений («О первой Священной войне», «Греческая история» и др.); высказывалось даже мнение [Bosworth, 1970, с. 412—413], что выработанные им методы оказали влияние на Аристотеля. Его произведение называлось «Деяния Александра» (раньше чаще пользовались другим сохранившимся названием — «Персидская история»). Труд Каллисфена носил апологетический характер, очевидны также папэллинские тенденции. Показателен анекдот, который сообщает Арриан (Anab. IV, 10, 1—2): Каллисфен будто бы писал, что Александр и Александровы дела зависят от него, Каллисфена, и он прибыл к Александру не за славой для себя, но чтобы прославить его. Каллисфен предназначал свой труд прежде всего грекам и стремился создать образ Александра — борца за дело всех эллинов в борьбе с персами, который подражает греческим героям и которому покровительствуют боги. Каллисфен умел изложить события так, чтобы они льстили тщеславию Александра, подчеркивает героизм его предков, мужество и самообладание царя в минуты опасности [Gunderson, 1981, с. 185—187]. Писательскую манеру Каллисфена отличает патетичность. Тенденциозность в освещении событий и их участников, отбор материала, стиль Каллисфена дали основания считать его произведение своего рода риторическим энкомием Александра [Hamilton, 1969, с. LIII]. Из дошедших до нас фрагментов нет ни одного о событиях после битвы при Гавгамелах.

Труд Каллисфена оказал сильное влияние на историческую традицию об Александре, его много читали, ему подражали (более всего Клитарх). Вместе с тем уже в раннеэллинистическое время он подвергся критике, наиболее жестокой, очевидно, со стороны Тимея, который называл Каллисфена льстецом, заслужившим свою казнь, так как он развратил душу Александра (Polyb. XII, 12); Полибий отмечает ошибки и нелепости в рассказе Каллисфена о битве при Иссе (XII, 18—22).

Харет из Митилены⁶ написал сочинение под названием «Истории об Александре», которое состояло по крайней мере из десяти книг. Это не было изложение событий в хронологической последовательности, Харет записывал всякого рода казавшиеся ему интересными сведения. Насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, его не интересовали большая политика и военные проблемы, но больше занимали подробности придворной жизни, о которых Харет, в силу занимаемой должности⁷, имел обильную информацию. Самые важные фрагменты — об убийстве Клита, проскинесисе и казни Каллисфена, о свадьбе в Сузах. Есть у него сведения этнографические и естественнонаучные. В труде его не обнаруживают следов ни морализирования, ни риторики.

Отношение к труду Харета в литературе нового времени неоднозначно. Так, Шварц негативно оценивал Харета, считая,

что он не оказал большого влияния на последующую историографию [Schwartz, 1899, с. 2129]. Крайне отрицательная позиция у В. Тарна, по мнению которого, помимо рассказа о проскинесисе, сочинение Харета не дает ничего ценного, самого же Харета интересовали только пустяки, происходившие при дворе церемонии и пиры и детали собственной службы [Tarn, 1948b, с. 70]. Пример другой крайности — Ф. Шахермайр, который считал Харета автором одного из трех великих трудов Александрова времени (наряду с Аристубулом и Птолемеем) [Schachermeyr, 1949, с. 131] (ср. [Schachermeyr, 1973, с. 155 и примеч. 153]). Не соглашаясь с Ф. Шахермайром, Д. Р. Гамильтон склонен считать оценку В. Тарна не лишенной справедливости [Hamilton, 1969, с. LVI]. Вместе с тем Гамильтон отмечает ценность труда Харета как источника сведений о некоторых событиях, свидетелем которых он был. Ф. Якоби (F Gr Hist, 2 BD, с. 433) признает влияние Харета на Аристубула, Дурида и, видимо, Клитарха, а Л. Пирсон отмечает, что у Харета находили полезный материал и такие серьезные историки, как Птолемей и Аристубул, и «менее ответственный» Клитарх [Pearson, 1960, с. 61].

Онесикрит⁸ принимал участие в походе Александра (видимо, не с самого начала), во время плавания по Инду был кормчим на корабле царя, при возвращении флота из Индии выполнял обязанности главного кормчего [Hauben, 1987, с. 569—593]. Ученик известного философа — киника Диогена. Свой труд об Александре завершил, вероятнее всего, около 305 г. до н. э. при дворе Лисимаха [Strasburger, 1939, с. 460—467; Pearson, 1960, с. 87—90; Шахермайр, 1984, с. 94—95] (ср. [Seibert, 1981, с. 15, 236]). Сохранившиеся фрагменты (более всего — у Страбона) свидетельствуют о большом интересе Онесикрита к Индии, ее флоре и фауне, населяющим ее народам, их нравам и обычаям. Онесикрита привлекало все необычное, он писал об индийском хлопке, слонах, гиппопотамах, крокодилах. В трудах античных авторов сохранилось несколько суровых суждений об Онесикрите.

Из историков нового времени, пожалуй, наиболее положительно его оценивал Г. Берве: Онесикрит дал живой образ Александра, а если бы сохранился весь его труд, он имел бы «бесценное историческое значение» [Berve, 1926b, с. 290, № 583]. Ф. Якоби (F Gr Hist, 2 BD, с. 469) считал его сочинение «своеобразным соединением историографии и философской утопии». Большую ценность сочинения Онесикрита признавал Л. Пирсон [Pearson, 1960, с. 83—111]. Но В. Тарн называл Онесикрита лжецом, а его сочинения — своего рода героическим романом [Tarn, 1948b, с. 35, 70]. С такой оценкой, в общем, согласен Д. Гамильтон [Hamilton, 1969, с. XLI—XLII], по мнению которого Онесикрит — профессиональный моряк и не претендовал на то, чтобы его произведение считали историческим.

Ученик Диогена, он создал образ Александра — «философа с

оружием в руках», выполняющего цивилизаторскую миссию. Привлекательность его труда заключалась в умелом смешении фактов и выдумки. Всесторонний анализ личности Онесикрита и его сочинения дал Т. Браун, посвятивший ему специальное исследование [Brown, 1949a] (см. также [Brown, 1973, с. 126—127]). Т. Браун считает, что труд Онесикрита был по своему духу киническим, основная цель автора — представить Александра живым воплощением кинического идеала просвещенного правителя. Его произведение по жанру — своеобразный энкомий (типа «Киропедии» Ксенофонта), в котором фактический материал служит для конструирования заранее заданного образа, соединяющего определенные черты. Это сочинение дидактическое, в котором автор не столько придумывает эпизоды, сколько отбрасывает все, не входящее в его схему. По мнению Л. Пирсона [Pearson, 1960, с. 111], Онесикрит, как ученик Диогена, пользовался большей популярностью среди философов, чем у историков, оказав влияние на стоиков.

Неарх⁹, друг Александра с детских лет, во время восточного похода выполнял ряд ответственных поручений, в том числе руководил постройкой флота на Гидаспе, затем как наварх командовал этим флотом¹⁰. Автор труда «Плавание вдоль берегов Индии», который начинался с описания строительства флота и заканчивался рассказом о последних планах Александра. Судя по полемике с Онесикритом, писал позднее его. Высказывалось мнение (Jacoby — F Gr Hist, 2 BD, с. 445), что произведение Неарха создано на основе официального отчета, который был представлен Александру по завершении плавания, а сам отчет — обработка ведшегося Неархом судового журнала. Сведения, содержащиеся в его труде, широко использовал Арриан в своей «Индии». Ценность труда Неарха признается всеми исследователями, споры вызывает только характер его сочинения (ср. [Berve, 1926b, № 544; Tarn, 1948b, с. 350; Pearson, 1960, с. 118 и сл., особенно 149; Badian, 1975, с. 147—170]).

Птолемей¹¹ — знатный македонянин, один из ближайших сподвижников Александра, участник восточного похода, впоследствии царь Египта, основатель династии Лагидов. Если сама личность Птолемея и его карьера, в общем, известны довольно хорошо, о труде его мы знаем мало, и характер сочинения Птолемея не может быть полностью выяснен на основании сохранившихся фрагментов. Неизвестны ни название его произведения, ни объем, ни время создания. Одни историки [Jacoby, 1927, 2 BD, с. 499; Tarn, 1948b, с. 19, 43; Pearson, 1960, с. 153, 193; Seibert, 1969, с. 1; Welles, 1963, с. 103] (ср. [Badian, 1977, с. 198—199; Bosworth, 1980, с. 22—23]) считают, что Птолемей написал свой труд незадолго до смерти (он умер в 283 г. до н. э.), когда, уйдя на покой, мог отделиться литературной деятельностью. Сторонники более ранней датировки [Badian, 1961b, с. 665—666; Badian, 1978,

с. 198—199; Errington, 1969, с. 241—242; Hamilton, 1969, с. LV], напротив, полагают, что Птолемей создал свое произведение в первые годы деятельности в Египте (т. е. после 310 г. до н. э.), когда, претендуя на то, чтобы быть наследником Александра, он в политических целях пишет труд о нем. Источниками Птолемея признают его собственные воспоминания и, по-видимому, ведшиеся им во время похода записи; очевидно, Птолемей знал историю Каллисфена и, возможно, Клитарха. Что касается документальных источников, то этот вопрос решается по-разному, многие допускают широкое привлечение «Эфемерид» [Tagh, 1948a, с. 13; Pearson, 1960, с. 194—195; Badian, 1961b, с. 664, 667] (ср. [Welles, 1963, с. 101; Bosworth, 1980, с. 23—24; Шахермайр, 1984, с. 98]).

Труд Птолемея не был занимательным, он не пользовался в древности популярностью, как сочинения Каллисфена, Онесикрита или Клитарха, и писатели римского времени почти ничего не говорят о нем.

На первом плане в истории Птолемея стояла фигура Александра — гениального полководца, который прозорливо принимает решения и мужественно их выполняет. Птолемей, очевидно, более ценил Александра-воина, чем политика, и его действия, направленные на сближение с Востоком, не вызывали симпатий знатного македонянина.

Обычно труд Птолемея рассматривался преимущественно как рассказ воина о войне — точный, содержащий много деталей о сражениях, составе и маневрах отрядов, рассказ сухой, но временами полный драматической силы. Но в литературе последнего времени выражается сомнение в полноте такой характеристики и справедливо указывается, что впечатление, которое складывается о Птолемеи на основании «Анабасиса» Арриана, не может быть адекватным. Арриана интересовала главным образом военная информация, которую он черпал у Птолемея, но этим могло не ограничиваться содержание его произведения.

На представление о ценности труда Птолемея наибольшее влияние оказали слова Арриана, для которого он (наряду с Аристобулом) стал основным источником: Птолемей «сам был царем, и ему лгать стыднее, чем кому другому» (Агг. Анаб., Прогм. 2). Дальше всех в развитии этого суждения пошел Э. Корнеманн [Kornemann, 1935], который, считая Птолемея «вторым Фукидидом», пытался на основании главным образом стиля Арриана реконструировать его сочинение. Этот метод встретил единодушную критику специалистов (литературу см. [Seibert, 1981, с. 20; Маринович, 1982, с. 30]), указывавших на субъективность подхода и неадекватность критериев Корнеманна: «Анабасис Александра» Арриана — это не эпитомы труда Птолемея, а самостоятельное произведение, автор которого не копировал рабски свои источники.

При всех отличиях других работ ученых нового времени с Птолемеем их объединяла, пожалуй, одна черта — вера в достоверность труда Птолемея. В общем полагали, что он написал подлинную историю походов Александра, что Птолемей — наиболее надежный, лучший источник.

Однако в последнее время исследователи все более разрушают эти представления [Badian, 1958b, с. 144—157; Badian, 1961b, с. 664—665; Welles, 1962, с. 271—298; Welles, 1963, с. 101—116; Errington, 1969, с. 233—242] (ср. [Roisman, 1984, с. 373—385]). Отмечается, что сочинение Птолемея — это не история, а мемуары [Levi, 1977, с. 56] и, соответственно, в такого рода произведениях иные принципы организации материала, иная форма освещения фактов. Но основное, на что обратили внимание ученые, — это образ Александра, цели Птолемея, который (в числе других задач) стремился обосновать легитимность своей власти в Египте, используя разные средства, в том числе создавая культ Александра, законным наследником которого претендовал быть. Соответственно, Александр всячески возвеличивался, выступая не столько как реальный деятель, сколько как своеобразная «идеальная модель» эллинистического правителя. Сочинение Птолемея — это не бесхитростный рассказ воина, но политическое произведение. Он был небеспристрастен в изображении деятельности и некоторых других лиц, например Антигона, на образ которого легла тень его будущей борьбы с Птолемеем (см. [Badian, 1978, с. 197, 199]). Более того, как показал особенно Я. Зейберт [Seibert, 1969], надо пользоваться с осторожностью свидетельствами Птолемея и относительно его самого. Логическим шагом на этом пути стал отказ рассматривать Арриана как безоговорочный авторитет (ср. [Wirth, 1959, с. 2467—2484; Bosworth, 1976a, с. 117—139; Bosworth, 1976с, с. 1—46 (дискуссия); Bosworth, 1988b, с. 297]), отход от ранее широко распространенного принципа: в случае расхождения Арриана с другими источниками всегда отдавать предпочтение ему на том основании, что его труд базируется на лучшем источнике — Птолемеи.

Об Аристобуле¹² известно мало. Он участвовал в походе Александра, умер в преклонном возрасте в Кассандрии. К труду об Александре (от начала его правления) Аристобул приступил в возрасте 84 лет, но когда именно, мы не знаем. Немногие фрагменты Аристобула (их 36, т. е. вдвое меньше, чем Птолемея), несмотря на значительные усилия ученых, не позволяют составить ясного представления о характере его сочинения. Аристобул не был военным, он принадлежал к группе техников, инженеров и строителей, сопровождавших Александра в походе, и его иногда называют архитектором. Видимо, он пользовался определенным доверием царя, который поручил ему восстановить разрушенную гробницу Кира в Пасаргадах. Труд Аристобула использовал Арриан (он называет его своим главным источником, наряду с Птолемеи),

видя его достоинство в правдивости (Anab. Proem. 2), но Арриан не отмечает никаких других черт произведения Аристовула. Аристовул, судя по сохранившимся фрагментам, проявлял живой интерес ко всему, что видел во время похода, — новым странам, народам, рекам, растениям. Хотя образ Александра у Аристовула не совсем ясен, считают, что в общем он нарисовал привлекательный портрет: Александр у него энергичен, милосерден к женщинам и щедр к друзьям, но все это черты человека, а не героя.

Отсутствие занимательности, спокойный повествовательный стиль, без какой-либо риторики, не привлекли к сочинению Аристовула в античное время ни читателей, ни критиков, ни раторов.

Оценка Аристовула как исторического источника в новое время связана с решением другого вопроса — о времени создания его труда или, более широко, о соотношении произведений Аристовула, Птолемея и Клитарха. Является ли труд Аристовула самостоятельным сочинением, написанным очевидцем и заслуживающим доверия, или произведением второстепенного автора, который, хотя и участвовал в походе, зависел от своих предшественников — так формулируется одна из важнейших источниковедческих проблем истории Александра. Основополагающей в суждениях нового времени стала статья Э. Шварца [Schwartz, 1896a, с. 911—918], который не считал произведение Аристовула оригинальным. По его мнению, Аристовул зависел от других авторов, прежде всего от Клитарха, у которого многое заимствовал; использовал он и Птолемея. В Аристовуле Э. Шварц видел писателя невысокого интеллекта, трезвого, скучного и придирчивого критика Клитарха.

Негативную оценку Э. Шварца поддержал ряд ученых, в числе которых — Г. Берве [Berve, 1926a, № 121] и Ф. Якоби [Jacoby, 1927, 2BD, с. 508—509]. Определенный перелом в отношении к Аристовулу связан с именем В. Тарна [Tarn, 1948b, с. 31—40, 69—71 и др.], который, найдя в его фрагментах благоприятный материал для суждения о своем герое — Александре, считал Аристовула одним из двух основных источников книги XVII Диодора. Среди последователей Тарна в положительной оценке Аристовула назовем Л. Пирсона [Pearson, 1960, с. 150—187]; позитивно оценивал Аристовула и Г. Вирт [Wirth, 1963, с. 564—565; Wirth, 1964, с. 213 и сл.]. Напротив, Браун видел в нем второстепенного историка [Brown, 1973, с. 128]. Суждение Ф. Шахермайра: критика Аристовулом предшествовавших авторов и добавленный им новый материал носят весьма заурядный характер, как писатель он не обладал выдающимся талантом [Schachermeyr, 1949, с. 13] (ср. [Schachermeyr, 1973, с. 156; Шахермайр, 1984, с. 97]). В историографии нового времени, таким образом, Аристовул оказался тесно связанным с Клитархом,

как две чаши весов: умаление значения одного влекло возвеличение другого.

О жизни Клитарха¹³ почти ничего не известно. Обычно считают, что он не принимал участия в походе, жил, вероятно всего, в Александрии и потому не должен был писать ничего, что не понравилось бы Лагидам (о проптолемеевских тенденциях труда Клитарха см. [Goukowsky, 1969, с. 328—329; Hamilton, 1977, с. 144]). Его отцом был, видимо, Динон — автор сочинения по истории Персии; высказывалось предположение, что именно этому утерянному труду Клитарх обязан многими сведениями о Персии. Клитарх написал, очевидно, большое сочинение (не менее чем в 12 книгах), называвшееся «Об Александре». Сохранившиеся фрагменты, а также суждения писателей римского времени дают возможность составить представление о некоторых чертах труда Клитарха, хотя фигура его, в общем, остается во многом неясной. Считают, что произведение его представляет своего рода героический роман. Ряд фрагментов показывает, что ради занимательности Клитарх не останавливался перед искажением фактов. Это была смесь правды и выдумки, реального и чудесного, написанная ярко и увлекательно. Именно эти черты обеспечили Клитарху большую популярность в конце республики и в первые два века империи. Его много читали, но критиковали как историка и стилиста.

Клитарха многие историки считают создателем так называемой «вульгаты» — романтической традиции об Александре, которая легла в основу XVII книги Диодора, оказала сильное влияние на сочинение Курция Руфа и заметна в переложении истории Помпея Трога, сделанном Юстином. В течение долгого времени наибольшим признанием пользовалась концепция, разработанная немецкими учеными. Еще Дройзен [Дройзен, 1890, с. 126 и сл.] предложил следующую схему зависимости историков: Клитарх — Птолемей — Аристул. Ее разработал Э. Шварц [Schwartz, 1896a, с. 911—918; Schwartz, 1901, с. 1873 и сл.; Schwartz, 1905, с. 683—684], и, несмотря на некоторые возражения, эта концепция стала общепризнанной. В согласии с Э. Шварцем, Ф. Якоби полагал, что Клитарх писал раньше Птолемея и Аристула, более вероятно, около 310 г. до н. э., чем около 300 г. до н. э. По мнению Ф. Якоби, нет веских аргументов для того, чтобы отрицать участие Клитарха в восточном походе. Несомненно, он использовал труд Каллисфена [Jacoby, 1921, с. 622—654; Jacoby, 1927, 2 BD, 484—485]. Радикальный пересмотр этой концепции, как уже отмечалось, предпринял В. Тарн [Tarn, 1948b, с. 5—15 и др.]. Для него Клитарх — второстепенный писатель, который не сопровождал Александра в походе и написал свой труд, вероятно, в 280—270 гг. до н. э., может быть, десятилетием позже. Свои сведения он заимствовал в большой мере у Аристула, которого В. Тарн считает важнейшим источником Диодора. Тем

самым В. Тарн отрицает «вульгару» и Клитарха — родоначальника важнейшего направления в античной историографии Александра для Э. Шварца — низводит до уровня второстепенного историка. Что касается отношения Клитарха к Александру, то Ф. Якоби [Jacoby, 1921, с. 641] считал его безусловным поклонником царя, а по мнению В. Тарна [Tarn, 1948b, с. 238—239], он был враждебно настроен к Александру. Впрочем, в литературе отмечалась крайность суждений обоих [Strasburger, 1952, с. 208].

Ряд ученых приветствовали работу В. Тарна, считая верной его датировку Клитарха и хваля за защиту Аристобула как хорошо информированного, правдивого историка. Так, Л. Пирсон поддержал предложенный В. Тарном порядок: Аристобул — Птолемей — Клитарх, хотя и отмечал, что, поскольку нет точных доказательств, речь может идти о гипотезе, которая дает наиболее удовлетворительную интерпретацию имеющихся пока в нашем распоряжении источников [Pearson, 1960, с. 212—242]. Но далеко не все историки согласились с выводами В. Тарна. В защиту старой датировки выступил Штрасбургер [Strasburger, 1952, с. 202—211] в обстоятельной рецензии на книгу Тарна. По мнению Т. Брауна, у нас нет доказательств того, что Клитарх писал после Аристобула или что он использовал его [Brown, 1950, с. 134—155] (ср. [Brown, 1973, с. 131—132]). Исследование Тарна не убедило Ф. Шахермайра, который считает, что Клитарх умер при Птолемее I, вероятно, до 305 г. до н. э. Позитивно оценивая его труд, Ф. Шахермайр среди источников Клитарха, наряду с Каллисфеном и Онесикритом, большое значение придает сведениям, которые Клитарх, живя в Александрии, мог получить от бывших наемников — офицеров и рядовых воинов, служивших как в армии Александра, так и у Дария, а также от греков, занимавших различные должности при дворе македонского царя и доживавших свой век в Александрии [Schachermeyr, 1949, с. 129—131] (ср. [Schachermeyr, 1970, с. 81—92, 211—224; Schachermeyr, 1973, с. 152—155; Schachermeyr in: Entretiens Hardt, с. 34; Шахермайр, 1984, с. 95—96]). Старую датировку защищает и Д. Гамильтон [Hamilton, 1961, с. 448—458; Hamilton, 1969, с. LIV]. Клитарх писал в конце IV в. до н. э., а поскольку Аристобул создал свой труд не раньше 295 г. до н. э., то, следовательно, Клитарх предшествовал ему. Но соотношение между Клитархом и Птолемеем для Д. Гамильтона не ясно, хотя он и допускает, что Птолемей мог предшествовать Клитарху. По мнению Э. Бэдиана, Клитарх начал писать свой труд, вероятнее всего, после 300 г. до н. э. и вряд ли опубликовал его ранее 290 г. до н. э. Он считает доказанным, что Клитарх находился при Александре в Вавилоне в 324 г. до н. э. и описал его смерть как свидетель [Badian, 1961b, с. 666—667; Badian, 1976, с. 35 — дискуссия; Badian, 1978, с. 198—199]. Но вопрос об относительном

порядке трех наших авторов Э. Бэдиан оставляет открытым, признавая только приоритет Птолемея над Клитархом.

Из сказанного ясно, что старая схема Клитарх — Птолемей — Аристокл имеет как своих сторонников, так и противников. Следует отметить, что более ранняя датировка Клитарха вовсе не означает признания его приоритета над Аристоклом или Птолемеем. Здесь возможны различные варианты, а некоторые исследователи вообще оставляют вопрос о хронологическом соотношении трех названных писателей открытым.

Рассмотрение «первичных» источников приводит к выводу, что распространенные ранее концепции развития традиции об Александре нуждаются в определенном пересмотре. В общем, признавали две основные традиции, одна из которых — надежная, восходящая к Птолемею и отчасти к Аристоклу, получила свое последнее выражение в труде Арриана, самом достоверном и объективном из «вторичных» источников. Вторая традиция, по-разному отразившаяся в трудах Диодора, Курция и Юстина, — так называемая «вульгата» — восходит к Клитарху, который, опираясь прежде всего на Каллисфена, создал романтическую и риторическую историю Александра. Ответвлением этой традиции считают сложившийся в эллинистическом Египте «Роман об Александре» (называемый обычно Псевдо-Каллисфеновым) [Костюхин, 1972, с. 22—35; Samuel, 1986, с. 427—437]. Несколько особняком с точки зрения использованных источников стоит биография Александра, написанная Плутархом.

Однако установление более сложной зависимости источников в пределах того, что называют «вульгатой» (вплоть до полного отрицания ее), и выявление определенной идеологической направленности в труде Птолемея заставляют с большим сомнением относиться к этой традиционной схеме. Видимо, на современном уровне развития источниковедения большее значение имеет не обрисовка общих линий развития традиции, но выявление конкретных источников каждого автора, его достоинств и недостатков.

Вместе с тем, как недавно справедливо отметил Босворт, серьезный труд о первичных историках не может быть создан, пока мы полностью не поймем характерные черты и методы так называемых обширных историков, т. е. Курция Руфа, Диодора, Плутарха, Арриана и Помпея Трога (к их числу Босворт относит также «Географию» Страбона, особенно книги XV—XVII), ибо, как теперь ясно, оригинальная традиция об Александре доступна нам только через искажающий фильтр этих источников [Bosworth, 1988b, с. 299—300].

Из пяти основных источников по истории Александра, которыми мы располагаем, сочинения Арриана и Курция Руфа целиком посвящены походу, Плутарх написал биографию Александра, у Диодора и Юстина (Помпея Трога) в их всеобщих историях есть большие разделы о Греции и Малой Азии этого времени.

Самая ранняя из сохранившихся историй Александра содержится в XVII книге труда Диодора Сицилийского «Историческая библиотека» (I в. до н. э.). Диодор не называет своих источников, он ведет рассказ от своего имени, только изредка ссылаясь на безликие авторитеты (например, φέσιν — «говорят», XVII, 4, 8; λέγεται — «рассказывают», XVII, 85, 2), как правило, для подтверждения каких-либо особых сведений [Welles, 1970, с. 6].

Проблема источников Диодора чрезвычайно сложна и, несмотря на большое число исследований, не может считаться решенной. Выдвигались различные теории, иногда довольно сложные и запутанные (подробнее см. [Seibert, 1981, с. 25—29, 241—243]). Ранее большое распространение получила «теория одного источника» (критику «теории единого источника» см. [Бузескул, 1915, с. 211, 220—224]). Сходство между Диодором, Курцием Руфом и отчасти Юстином объяснялось (как отмечалось выше) их общим источником, автором которого отождествляли с Клитархом. Отчетливо эта теория выражена Э. Шварцем [Schwartz, 1905, с. 682—684] и Ф. Якоби [Jacoby, 1921, с. 631; Jacoby, 1927, 2 BD, с. 484], который полагал, что Диодор старательно копировал Клитарха, сокращая его. По мысли сторонников теории двух источников (среди них назовем Р. Лакера [Laqueur, 1958, с. 257—290]), материал основного источника Диодор дополнял и улучшал сведениями, почерпнутыми из второго, дополнительного. В. Тарн [Tarn, 1948b, с. 63—91, 115] выдвинул теорию «мозаики», рассматривая XVII книгу как сложное произведение, в котором легко выделяются два главных источника. Один, до битвы при Иссе, — это рассказ неизвестного грека, наемника на службе у Дария, осведомленного и точного писателя, хорошо разбиравшегося в военных вопросах (его герой — полководец персидского царя Мемнон). Второй источник — Аристул, которого Диодор использовал для остальной части XVII книги. На эту основу накладывался материал из других сочинений, лишь немногие из которых могут быть идентифицированы, — Клитарх, второстепенные поэты-рифмоплеты, сопровождавшие Александра в походе, и др. В. Тарн выделяет два несовместимых, по его мнению, портрета Александра — благоприятный, вобравший в себя все качества идеального эллинистического монарха, которым Диодор обязан Аристулу, и неблагоприятный — образ кровавого тирана, который восходит к Клитарху.

Часть историков приняли теорию В. Тарна, считая, что он открыл, по существу, новый ценный первоисточник — «рассказ наемника» и изгнал призрак Клитарховой «вульгаты» (например, [Burn, 1952, с. 82; Bickerman, 1950, с. 42]). Но многие ученые или частично не согласились с Тарном, или полностью отвергли его концепцию. (О критике мнения Тарна об Аристуле и Клитархе как источниках Диодора см. выше.) Кроме того, резкую критику Л. Пирсона [Pearson, 1960, с. 78—82], П. А. Брунта

[Brunt, 1962, с. 141—155], Ф. Шахермайра [Schachermeyr, 1970, с. 83—84] и других ученых вызвала идея Тарна о «рассказе наемника», представляющем, по словам Шахермайра, «продукт фантазии Тарна». Было также показано, что два, для В. Тарна несовместимых, портрета Александра представляют два аспекта единого образа (помимо указанных выше работ Бикермана и Пирсона см. вступительную статью Уэллза к изданию книги XVII Диодора [Welles, 1970, с. 17—18]). Но разработанная В. Тарном концепция источников XVII книги Диодора побудила исследователей вновь обратиться к фрагментам Клитарха.

В общем, можно считать, что с теорией «вульгаты» В. Тарн не покончил. Другой вопрос — был ли ее источником Клитарх и была ли эта традиция единственным или основным источником XVII книги Диодора, т. е., иными словами, что понимать под «вульгатой» и как оценить ее роль. На эти вопросы давались различные ответы. Ч. Уэллз [Welles, 1970, с. 7 и сл.], сопоставив рассказ Диодора с фрагментами «первичных» источников, пришел к выводу, что у Аристобула и Каллисфена Диодор заимствовал фактологическую основу, у Неарха — детали его плавания, а различные любопытные подробности — у Клитарха и Онесикрита. Как склонен считать Ч. Уэллз, Диодор не непосредственно обращался к этим авторам, но использовал одну рукопись, содержащую весь этот материал; для компиляторов древности было обычным ссылаться на первоисточник, когда они брали сведения из вторых рук. Однако кто бы ни был источником Диодора, это тот же автор, что и использованный Курцием, хотя многое отличается их друг от друга. Характер труда Диодора делает очень вероятным, что источником ему послужила какая-то всемирная история. Это не новая теория, и Ч. Уэллз указывает, что уже высказывались предположения о Диилле Афинском или Дуриде Самосском, но он наиболее подходящую кандидатуру видит в Помпее Троге.

Гипотеза Ч. Уэллза о всеобщей истории Трога как источнике Диодора не получила поддержки специалистов, ему возражали П. Гуковский [Goukowsky, 1969, с. 336], Ф. Шахермайр [Schachermeyr, 1974, с. 658—662], Д. Гамильтон [Hamilton, 1977, с. 145], Э. Бэдиан [Badian, 1978, с. 206]. Последний, в частности, считал ее неубедительной потому, что мы не знаем, кто писал раньше — Диодор или Трог. По мнению П. Гуковского, материал XVII книги делится на тот, который несомненно или очень вероятно восходит к Клитарху, и тот, происхождение которого неизвестно [Goukowsky, 1969, с. 320—337] (ср. [Goukowsky, 1976, с. IX—XXXI]).

Пожалуй, ближе всего к взглядам Э. Шварца и его учеников стоит Ф. Шахермайр, который считает Клитарха главным и прямым источником Диодора [Schachermeyr, 1949, с. 129—131 и др.; Schachermeyr, 1970, с. 81—82; Schachermeyr, 1973, с. 152—155,

658—662]. В труде Диодора нашла «наиболее чистое» выражение та традиция, которая в более смешанном виде выявляется у Курция и Помпея Трога. Но, по мнению П. Гуковского, Ф. Шахермайр часто слишком легко отождествляет Диодора с Клитархом [Goukowsky, 1969, с. 337]. Напротив, Д. Гамильтон выразил свое согласие с Ф. Шахермайром [Hamilton, 1977, с. 126—146] (см. также [Hamilton, 1961, с. 448—458]). Сравнительное изучение сочинений Диодора и Курция и анализ фрагментов Клитарха привели Д. Гамильтона к выводу, что при работе над XVII книгой Диодор следовал тому же источнику, что и Курций, — вероятнее всего, Клитарху, однако он не исключает и другие источники. Соглашаясь с В. Тарном, что XVII книга Диодора — это не Клитарх, Д. Гамильтон полагает, что, по всей вероятности, именно Клитарх служил и для Диодора, и для Курция основным источником.

Близкие взгляды высказал А. Босворт [Bosworth, 1976a, с. 1—33; Bosworth, 1980, с. 16 и сл.; Bosworth, 1988b]. Считая, что ценность «Анабасиса» Арриана преувеличена, он противопоставляет ему другую традицию — «вульгату», которую в большей мере использовал Диодор, в значительных отрывках — Курций и частично — Помпей Трог. А. Босворт рассматривает «вульгату» как достойную доверия традицию, предполагая, что ее источником является, может быть, Клитарх. Как и Ф. Шахермайр, он верит, что Клитарх широко использовал сведения, устно полученные им от греков — участников похода, и поэтому «вульгата» менее подверглась искажению официальной традицией. Более осторожную позицию занимает Э. Бэдиан [Badian, 1978, с. 198]. Отметив, что классический тезис немецкой науки XIX в. о Клитархе как источнике, лежащем в основе Диодора, Курция и Юстина, в общем, рассматривается сейчас как упрощение, Э. Бэдиан не отвергает наличия общего источника у этих авторов, но возражает против того, чтобы считать его главным источником всех трех историков (особенно Курция) и отождествлять с Клитархом, хотя следы использования Клитарха можно найти у названных авторов (как и у Арриана и Плутарха).

Вопрос о методе обращения Диодора с источниками разработан далеко не достаточно. Если раньше в нем видели главным образом компилятора, роль которого ограничивалась сокращением и соединением различных источников (точка зрения, которой мы обязаны знаменитым филологам Э. Шварцу и Ф. Якоби), то в последние десятилетия отчетливо проявляется другая тенденция — выявить более активное, творческое начало в его произведении, определить вклад самого Диодора [Palm, 1955; Welles, 1970, с. 10—11; Bizière, 1974, с. 369—374] (см. также [Hornblower, 1981, с. 18 и сл.]). В частности, Ф. Шаму на примере анализа образов трех македонских царей — Филиппа, Александра и Кассандра — показал, что Диодор не механически извлекал инфор-

мацию из своих источников, но в отборе фактов и принципов их изложения руководствовался своей исторической концепцией, ясно прослеживаемой в его труде, и определенными этическими принципами [Chamoux, 1983, с. 57—66].

В литературе нового времени Диодор оценивается как важный и интересный источник, хотя отмечается, что небрежности при сокращениях часто лишают текст ясности, а описания военных действий, сражений и осад содержат определенные стереотипы. Общий стиль Диодора — спокойный и лишенный риторических прикрас. Автора интересует преимущественно политическая, т. е. прежде всего военная история. Он приводит целый ряд сведений, которых нет у других историков: о кампании Мемнона и Троаде (гл. 7), о восстании во Фракии (гл. 62); Диодор сообщает о численности армии Александра и ее реорганизации (гл. 17 и 65) и др. Иногда версия Диодора в той или иной степени расходится с сообщениями других источников. Так, осада Фив, согласно Диодору, продолжалась дольше, чем у Арриана; Диодор очень кратко сообщает о том, что происходило в это время в Афинах, подчеркивает роль Демада, не упоминает о Фокионе и ничего не говорит об изгнании ряда лиц, произведенном афинянами по требованию Александра (гл. 8—13 и 15). Наконец, у него нет некоторых сведений, которые мы находим в других источниках.

В суждении об Александре Диодор руководствуется тем основным принципом, который проявляется и в других частях «Исторической библиотеки», — доказательством правоты государственного деятеля служит его успех: «В течение короткого времени Александр, опираясь на собственное разумение и мужество, совершил дела более великие, чем те, которые совершили все цари, память о которых передана нам историей» (XVII, 1). Для Диодора Александр — прежде всего воин, движимый жадой славы. Он отважен и решителен, он мудрый и заботливый командир, он благороден, справедлив и грозен. Диодор не замалчивает жестокости Александра, но она не вызывает осуждения историка. Однако развернутой характеристики Александра в XVII книге мы не найдем (подробнее см. [Костюхин, 1972, с. 18—20]; ср. [McQueen, 1967, с. 33; Goukowsky, 1976, с. XXXVII—XLVIII]).

Произведение Помпея Трога «Филиппова история» («*Historiae Philippicae*»), написанное при Августе, представляет попытку дать широкую картину развития человечества от времен легендарных Нина и Семирамиды до современных ему дней [Klotz, 1952, с. 2300—2313]. Во II или III в. оно было сокращено неким Марком Юнианом Юстином, и в дальнейшем оригинал оказался утрачен, чему, видимо, способствовала популярность компиляции Юстина. Сохранив деление на 44 книги, эпитоматор не только сильно сократил оригинал, подвергнув материал отбору с морализирующей точки зрения, но и исказил его [Зельин, 1948, с. 209; Зельин, 1954, с. 184] (ср. [Therasse, 1968, с. 560]). Про-

подхода Юстина ясна из его предисловия, где он следующим образом определяет принципы, которыми руководствовался: «...я на досуге... извлек все, наиболее достойное внимания, и опустил то, что не могло ни доставить удовольствия... ни послужить полезным примером» (Just. Proem.). О содержании труда Трога дают возможность судить «Прологи» — своего рода оглавления книг — и сохранившиеся в сочинениях других авторов фрагменты «Филипповой истории». Истории Александра Македонского посвящены книги XI и XII.

Вопрос об источниках Помпея Трога особенно затруднен тем обстоятельством, что в распоряжении историков находится не оригинал, а эпитомы. Еще в прошлом веке была предложена следующая схема передачи традиции: Клитарх — Помпей Трог — Курций Руф. Оживленно обсуждался вопрос о Тимагене — александрийском греке, авторе сочинения «История царей» — как источнике Трога (литературу см. [Seibert, 1981, с. 40, 249; Маринович, 1982, с. 49—50]).

По мнению В. Тарна, сокращение Юстина настолько плохо, что бесполезно даже ставить вопрос об источниках Трога, произведение которого обнаруживает следы использования многих авторов [Tarn, 1948b, с. 122—126]. В соответствии со своей концепцией развития традиции об Александре (о чем см. выше) В. Тарн считает, что Трог мало материала почерпнул у Клитарха. Сходство его произведения с сочинениями Диодора и Курция незначительно, и если согласно Курцию отрицательные черты у Александра начинают проявляться со смертью Дария, то у Трога — после посещения им оракула Амона. В литературе последних десятилетий вновь раздаются голоса в защиту и Тимагена и Клитарха, и автор одной из статей о Троге, рассматривая вопрос о влиянии его на Курция Руфа, считает источниками Трога Клитарха и Тимагена [Therasse, 1968, с. 551—588] (ср. [Schachermeyr, 1970, с. 120—130]).

Обращаясь к сочинению Помпея Трога как источнику, следует иметь в виду прежде всего его историческую концепцию (см. [Зельин, 1948, с. 211 и сл.; Зельин, 1954, с. 189—190]), в соответствии с которой трактуется и история Греции интересующего нас времени. В схеме исторического развития Трога важнейшим является понятие *imperiū* — как державы и как особой системы господства, системы насилия, произвола, захватнических стремлений; возникновение империи ведет к порче нравов. Наиболее полно и ярко мысли о путях возникновения державы и ее характере развиты на примере Македонии (ее особое место в труде Трога ясно уже из заголовка его сочинения). Отсюда — интерес автора к основателю Македонского государства Филиппу, моральный облик которого рисуется в резко отрицательных тонах. Это отрицательное отношение сохраняется и при рассказе о деятельности Александра, хотя тон Трога здесь менее резок и в

заклучении говорится о величии духа македонского царя. Военные успехи, расширение державы, приобретение власти над Азией имеют печальные последствия для всех. Подобно тому как Филипп навязывает Греции «царское рабство», так Александр накладывает «ярмо рабства» на Азию. В характере Александра неоднократно отмечаются двоедушие, коварство, высокомерие, жестокость; он возбуждает ненависть у побежденных и страх у друзей. Помпей Трог использовал готовый материал — уже в раннеэллинистической литературе был создан образ Александра, наделенного отрицательными чертами. Но, как отметил К. К. Зельин, каковы бы ни были источники этого образа, важно иметь в виду, что он входит как органический элемент в целостную картину истории Македонии: ее возвышение ведет к порабощению других народов, а сам создатель державы рисуется в значительной мере как свирепый тиран [Зельин, 1954, с. 192].

Отрицательное отношение Помпея Трога к Александру сказывается не только в соответствующем освещении его отдельных поступков, оно приводит и к чисто фактическим ошибкам, вызванным желанием сгустить краски и ярче выявить ту или иную отрицательную черту в его характере. Например, вопреки другим источникам, Трог рассказывает, что Парменион перед смертью подвергался пыткам (Just. XII, 5, 3). Каллисфен оказывается близким товарищем Александра еще с того времени, когда они оба учились у Аристотеля (Just. XII, 56, 16), хотя известно, что Каллисфен был много старше Александра. Но эта деталь нужна Трогу, так как придает поступку Александра новый оттенок — он убил не просто Каллисфена, а своего товарища и соученика.

Среди недостатков сочинения Трога отмечается слабое знание им географии, которое не считалось обязательным для трудов, представляющих смесь истории и дидактики [Levi, 1977, с. 335]. В частности, Трог пишет, что после битвы при Гранике на сторону Александра перешла большая часть Азии (Just. XI, 6, 14), не делая различия между значением термина «Азия» в IV в. до н. э. и его употреблением для обозначения римской провинции.

Помпея Трога не интересовали военные вопросы, и когда он сообщает, что на стороне персов в битве при Гранике сражалось 600 тыс. воинов, ему явно изменяет чувство реальности (Just. XI, 6, 11). Но некоторые ошибки происходят по вине эпитоматора. Так, несомненно, в результате неудачного сокращения плавание по Инду превращается в плавание по Индийскому океану (Just. XII, 10).

Вместе с тем иногда сообщения Помпея Трога оказываются более точными, чем свидетельства такого, в целом неизмеримо более достоверного источника, как «Анабасис» Арриана. Например, роспуск отрядов греческих полисов Помпей Трог правильно от-

носит ко времени пребывания армии Александра в Парфии, а не в Мидии, как у Арриана (см. ниже).

«История Александра Македонского», написанная Курцием Руфом, — единственное дошедшее до нас произведение на латинском языке, целиком посвященное Александру¹⁴. В рукописях не сохранились первые две книги, большая лакуна есть в конце V и начале VI книги и более мелкие — по всему тексту. Дата создания этого сочинения точно не известна¹⁵. Для ее выяснения обычно привлекается следующее высказывание Курция: «...римский народ признает, что обязан своим спасением принцепсу, явившемуся, как новое светило в ночи, которую мы считали своей последней... да процветает на долгие годы — о, если бы и на вечные времена — благополучие его дома» (Curt. X, 9, 3—6). Но какой из принцепсов имеется в виду? Ответ на этот вопрос в литературе нового времени давался самый различный — от Августа до Константина, но большинство исследователей склоняются к Калигуле или Нерону (I в.), хотя не исключают и других императоров, вплоть до Веспасиана.

Вопрос об источниках Курция сложен. Еще в прошлом веке было высказано мнение о Клитархе. Далее предполагали, что помимо Клитарха Курций широко использовал Птолемея, а некоторые свидетельства заимствовал у Каллисфена и Тимагена. На смену этим взглядам пришла более сложная схема, сторонники которой выдвинули идею о посреднике, через которого Курций получил материал из «первичных» источников. Со временем ученые расширили число источников Курция, использованных им как в оригинале (Клитарх, Каллисфен, Аристокл, Птолемей), так и через посредников, среди которых называли Тимагена и других, вплоть до Помпея Трога (обзор дискуссии см. [Atkinson, 1963, с. 125—135; Atkinson, 1980, с. 58 и сл.; Seibert, 1981, с. 31—32]¹⁶). Активно обсуждался также вопрос о сходстве трудов Диодора, Трога и Курция (конкордацию Диодора и Курция дал Шварц [Schwartz, 1901, с. 1873 и сл.; Schwartz, 1905, с. 683—684]; ср. [Hamilton, 1977, с. 126—127; Badian, 1978, с. 198]; см. также выше разделы о Клитархе, Диодоре и Троге). Оригинальную концепцию выдвинул В. Тарн, согласно которому в произведении Курция легко обнаружить два источника, это — упоминавшийся уже «рассказ наемника» и ἱστορία μακεδονία — вероятно, александрийская компиляция, составленная не позднее III в. до н. э. в духе учения перипатетиков [Tarn, 1948b, с. 91—116]. Помимо них Курций использовал «хорошую» традицию Птолемея и Аристокла, материал о Персии черпал у Ктесия и Динона, к Клитарху он обращался только как к второстепенному источнику, несомненно также заимствования из Диодора. Но мнение о Диодоре другим ученым [Strasburger, 1952, с. 210; Pearson, 1960, с. 217; Goukowsky, 1969, с. 336] кажется неубедительным; что касается Клитарха, то Л. Пирсон, например (не соглашаясь с Ф. Якоби

[Jacoby, 1921, с. 631], который полагал, что Курций знал Клитарха через «вторые руки»), допускает непосредственное обращение его к оригиналу [Pearson, 1960, с. 217]. Историки последних десятилетий в общем называют Клитарха, Каллисфена, отмечают антимакедонскую традицию (Феофраст, Эратосфен, Тимей, Тимаген) и традицию, восходящую к Птолемею и Аристубулу; признают также использование Помпея Трога [Rolfе, 1946, с. XVIII; Bardon, 1947, с. VIII; Wehrli, 1961, с. 65; Therasse, 1968, с. 551 и сл.; Therasse, 1973, с. 23 и сл.; Welles, 1970, с. 13].

Труд Курция пронизан определенными этико-философскими идеями, сложившимися в римском обществе, прежде всего среди стоиков (ср. [McQueen, 1967, с. 32—33]). Тема судьбы, определяющей жизнь человека, занимает в нем важное место. Согласно современной ему концепции Фортуны, Курций на примере Александра хочет показать, как постоянная благосклонность судьбы портит характер: его Александр в начале наделен более положительными чертами, но после победы над Дарием меняется, успехи превращают его в жестокого тирана. Александр для Курция герой, но и реальный человек, полный противоречий, блестящий и загадочный. Особенно отчетливо это проявляется в его заключительной характеристике: добрые качества царя, по мнению Курция, следует приписать его природе, пороки — счастливой судьбе (*fortunaе*) или возрасту. Александр обладал невероятной силой духа, был вынослив, отважен, щедр, милостив к побежденным, благосклонен к друзьям, благожелателен к воинам, умело сдерживал свои чрезмерные страсти. «А вот дары судьбы: он приравнял себя к богам и требовал божеских почестей», верил оракулам, распалялся несправедливым гневом на отказывавшихся почитать его как бога, переменял на иноземные свое платье и обычаи. Но Александр владел своей судьбой, как никто среди людей, она охраняла его и положила ему предел жизни вместе с пределом славы, выждав, пока он, «покорив Восток и дойдя до океана, выполнил все, что доступно было человеку» (Curt. X, 5, 26—36). Курций не делает попыток примирить противоречивые черты в образе Александра, и, очевидно, более правы те ученые, которые видят в этой противоречивости скорее не результат небрежного обращения автора с различными источниками, а сознательную попытку обрисовать Александра многосторонне, показать сложность его характера [McQueen, 1967, с. 33—38] ¹⁷.

Для отрицательной характеристики Александра Курций черпал материал из враждебных Александру источников, создатели которых в угоду своим взглядам не всегда придерживались истины. Как пример легенд, сложившихся вокруг имени Александра, можно привести красочный рассказ о том, как царь в Персеполе во время пира, подстрекаемый «пьяной распутницей» Таис, поджег дворец. Считают, что эта, наиболее неблагоприятная для Александра, версия восходит к Клитарху, тогда как Арриан совсем

иначе рассказывает о поджоге дворца, а Плутарх, сообщая, в общем, ту же историю, что и Курций, ссылается, однако, на мнение «других», которые утверждают, «будто поджог дворца был здраво обдуман заранее» (Curt. V, 7, 3—7; Arr. Anab. III, 18, 11—12; Plut. Alex. XXXVIII; см. также [Badian, 1967a, с. 186—187]; ср. [Borza, 1972, с. 243—245]). Но в своей неблагоприятной оценке Курций не был одинок в римской литературе, следуя той традиции, которая к его времени сложилась уже довольно прочно и нашла отражение в сочинениях Цицерона, Тита Ливия, Сенеки и Лукана. Считают также, что морализирующей тенденцией в своем труде Курций обязан отнюдь не источникам — это была одна из черт, присущих римской историографии.

В литературе отмечалось, что «История Александра Македонского» представляет скорее не собственно историческое, а риторическое произведение, в котором источники соответствующим образом отобраны, интерпретированы и изложены. Исторический материал подвергается беллетризации, Курций излагает различные легенды и предания об Александре, вводит всякого рода фантастические подробности в описания стран и народов, склонен к психологическому анализу и не скупится на моралистические сентенции. Большую роль играют блестяще составленные речи, которые автор щедро вводит в текст, заставляя произносить их всех, от Александра и его сподвижников до освобожденных из плена, изуродованных греков и скифских послов, советующих Александру в духе учения стоиков помнить о судьбе (Curt. VII, 8, 12—29). Лексика и стиль произведения обнаруживают сильное влияние риторики и этим напоминают сочинения Сенеки, но ближе всего по стилю Курций Ливию (см., например, [Rutz, 1965, с. 370—382]).

Среди других недостатков произведения Курция укажем на его весьма слабое знание географии. Евфрат течет у него через Мидию, а Арахозия находится невдалеке от Понта Евксинского.

И все же, несмотря на отмеченные черты, история Александра, написанная Курцием, является одним из важных исторических источников. У Курция есть целый ряд свидетельств, которых нет у других авторов. Особенное значение имеют главы о Средней Азии, народах, ее населяющих, и их сопротивлении греко-македонским войскам. При расхождении версий Курция и Арриана отнюдь не всегда следует отдавать предпочтение последнему [Radet, 1924, с. 356—365].

Трех историков, о которых до сих пор шла речь, — Диодора, Юстина и Курция Руфа — обычно объединяют как авторов сочинений, в которых (в отличие от двух других — Плутарха и Арриана) прослеживают традицию «вульгаты». Завершая обзор научной литературы, которую они породили, представляется целесообразным несколько подробнее остановиться еще на одном

труде, а именно на исследовании Н. Г. Л. Хэммонда «Три историка Александра. Авторы так называемой вульгаты Диодор, Юстин и Курций» [Hammond, 1983].

По мнению Хэммонда, основой книги XVII «Исторической библиотеки» Диодора послужило сочинение Диилла, которое заслуживает особого доверия, поскольку отчасти восходит к документальным источникам. Но труд его был краток, не эффектен, поэтому Диодор обратился также к Клитарху, у которого заимствовал описания осад, сражений, смерти спартанского царя Агиса. Что касается собственного вклада Диодора, то, как считает Хэммонд, историк не придавал излагаемому материалу никакой политической окраски и его индивидуальность сказалась более всего в стилистике, однако стиль Диодора, его словарь не разрушили источников и не скрыли духа оригинала даже там, где историк давал волю риторике.

Помпей Трог взял за основу сочинение Клитарха, но, в отличие от Диодора, воспроизвел его более полно, не смягчая. Помимо него Трог должен был почерпнуть материал у какого-то биографа, имевшего вкус к скандальным историям, — Хэммонд находит такого в лице Сатира, у которого Трог заимствовал, в частности, сцену убийства Агиса. В отличие от Диодора, Трог многим обязан предшественникам.

Курций основной источник для книг III и IV — Клитарх, для книг V и VI он обратился, кроме того, к Дииллу, для книг VII и VIII, помимо Клитарха, многое взял у Аристобула, тогда как источники книг IX и X — Клитарх и Диилл.

Анализируя обращения историков к Дииллу, которого Диодор и Курций использовали преимущественно при изложении событий в Греции, Хэммонд объясняет этот выбор тем обстоятельством, что в Клитарховой истории основное внимание обращено на Азию. Полнее всего материал у Клитарха заимствовал Помпей Трог, найдя близкие ему по духу черты: неприязнь к авторитарному правлению, антипатию к македонянам и вкус к сенсациям. Диодор же, напротив, извлек из Клитарха менее всего информации. Метод заимствования Курция более сложен, это был оригинальный писатель, он насытил текст речами собственного изготовления и трактовал источники со значительной долей свободы. Влияние современности, ее событий и идей временами у него весьма отчетливо.

Хэммонд уверен, что все три историка обращались к Клитарху и Дииллу непосредственно (кроме Трога, который Диилла вообще не использовал), и возражает против высказывавшегося мнения о том, что они черпали информацию у более ранних авторов через посредника, каковым в научной литературе называют Тимагена.

Исследователь решительно выступает против теории «вульгаты», сторонники которой упрощают проблему источников истории

Александра и замалчивают трудности в исследовании источниковедческих вопросов, с ней связанных. Как хочет показать Хэммонд, нет единого источника, к которому бы восходили труды Диодора, Юстина и Курция. Он протестует против стремления некоторых историков противопоставлять традицию «вульгаты» Арриану. Общая ошибка тех, кто верит в эту традицию, — считать, что если один ошибочен, то другой верен, однако «болезнь одного не доказывает здоровья другого» [Hammond, 1983, с. 169].

Итак, перед нами еще один пример источниковедческого анализа истории Александра Македонского, но не все в этом анализе представляется убедительным. Когда приходится решать задачу с многими неизвестными, т. е. судить о степени и способе использования сочинения, от которого в лучшем случае сохранились фрагменты и о характере которого мы можем составить лишь самое общее представление, предложенные построения остаются все-таки на уровне гипотезы, более или менее вероятной. Тем больше сомнения вызывает тезис о Диилле, которому Хэммонд отводит столь важное место в сочинениях Диодора и Курция Руфа, поскольку, по существу, мы знаем о нем очень мало (подробнее см. [Маринович, 1990а, с. 202—208]; ср. [Errington, 1984, с. 779—781; Hornblower, 1984, с. 261—264]; о Диилле из новых работ см. [Alonso-Nunez, 1989, с. 163]).

Написанная Плутархом¹⁸ в числе других жизнеописаний¹⁹, биография Александра представляет собой не собственно историческое произведение. Особенности того жанра, который избрал Плутарх, он сам таким образом объясняет во введении к биографии Александра: «Мы пишем не историю, а жизнеописание, и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями и осада городов» (Plut. Alex. I). Итак, цель жизнеописания — не биография, а характер, «этос» героя. Плутарха интересуют прежде всего «добродетель или порочность», т. е. преобладает морально-этический подход, определяя и метод подбора материала, и выбор источников (ср. [Wardman, 1971, с. 254—261]). Мельчайшие факты, анекдоты тщательно собирались Плутархом и включались в общую художественную ткань, поэтому проблема источников Плутарха представляет большую трудность. Сам Плутарх в биографии Александра называет по имени не менее 25 авторов, ссылаясь на некоторых по нескольку раз; кроме того, он приводит более 30 писем, но это отнюдь не значит, что все источники он читал в оригинале.

В литературе нового времени выдвигались различные точки зрения об источниках Плутарха, которые можно свести к нескольким основным. Согласно распространенной в немецкой филологии прошлого века «теории единого источника», такой ис-

точник старались выделить и для жизнеописания Александра. Так, по мнению А. Шене, свидетельства Плутарха восходят к компиляции эллинистического времени; А. Шефер назвал имя Сатира. Другие исследователи, напротив, считали, что Плутарх непосредственно использовал источники времени Александра. К. Лауден писал о традиции «вульгаты», восходящей к Каллисфену и Онесикриту, А. Френкель — о более широком круге источников: Каллисфене, Онесикрите, Аристобуле, «Эфемеридях», письмах (литературу см. [Seibert, 1981, с. 35—37, 246]). Уже в 30-е годы нашего века, отчасти возрождая взгляды А. Шене, Д. Пауэлл выдвинул теорию, согласно которой основным источником Плутарха было сочинение компилятивного характера, составленное в стенах Александрийской библиотеки не ранее начала II в. до н. э. (его использовал и Арриан в «Анабасисе Александра»); дополнением к нему послужил сборник писем Александра, в аутентичности которого у Плутарха не возникало никаких сомнений [Powell, 1939, с. 229—240]. Концепция Д. Пауэлла вызвала резкие возражения ряда ученых — В. Тарна [Tarn, 1948b, с. 306—309], И. Рабе [Rabe, 1964, с. 42—125], Д. Гамильтона [Hamilton, 1969, с. XLIX—LI], Э. Бэдиана [Badian, 1978, с. 199 и сл.]. Тарн не без иронии критиковал теорию Пауэлла как новую версию известного мнения о том, что ни один из наших авторов не мог написать оригинального сочинения, но это сделал для него неизвестный предшественник, который затем бесследно исчез, а Рабе, детально рассмотрев привлеченные Пауэллом тексты Арриана и Плутарха, показала всю беспочвенность его теории.

Сам Тарн весьма скептически относился к возможности разрешения проблемы источников жизнеописания Александра, в котором, по его мнению, нельзя выделить ни «хорошей» традиции, ни традиции «вульгаты». Обладая огромной эрудицией, Плутарх, несомненно, использовал обширный биографический материал, прежде всего сборники рассказов об Александре его современников, а также письма, которые нельзя рассматривать как целиком поддельные. В общем, в литературе последних десятилетий преобладает мнение о разнообразии источников Плутарха, одни из которых, согласно Л. Пирсону [Pearson, 1960, с. 218], он использовал в оригинале, другие — опосредованно. Как полагает И. Рабе, в распоряжении Плутарха было много источников, из которых он сам делал извлечения, контаминировал с другими источниками, так что в результате не всегда можно узнать их [Rabe, 1964, см. особенно вывод на с. 134].

Специально рассматривая вопрос об источниках жизнеописания Александра в своем прекрасном комментарии к этому сочинению Плутарха, Д. Гамильтон указывает, что Плутарх был знаком с трудами Онесикрита и Аристобула, вероятно, читал Каллисфена и Харета [Hamilton, 1969, с. LI—LXI]. В биографии много сходного с традицией «вульгаты», восходящей к Клитарху, которого он,

по всей видимости, знал в оригинале, а не заимствовал у Дурида, как считает Г. Гомейер [Homeyer, 1963, с. 143—157]²⁰; он использовал также Феокрита, Ктесия и сборник писем, в подлинность которых верил. Д. Гамильтон считает возможным связать некоторые группы свидетельств Плутарха с определенными авторами. Так, информацию об обучении Александра Плутарх мог получить у Онесикрита, сведения о дворе — у Харета, факты о характере Александра — у Аристула. Сходство Плутарха со Страбоном указывает на использование им Онесикрита, с Аррианом — Аристула, с «вульгатой» — Клитарха. Но трудность такого метода заключается в том, что все эти «первичные» историки опирались прежде всего на Каллисфена, для описания же более поздних событий ситуация еще более осложняется, так как Клитарх использовал Онесикрита, а Аристул — Клитарха.

Общая оценка Александра Плутархом положительная, более того, Александр явно идеализируется (ср. [Tarn, 1948b, с. 298—299; Wardman, 1955, с. 96—107; Hamilton, 1969, с. LXII—LXVI; Костюхин, 1972, с. 7—13; Mossman, 1988, с. 83—93; Штасерман, 1988б, с. 14—15])²¹. Плутарх рисует во многом привлекательный образ, наделяя Александра множеством добродетелей: он смел, заботлив к друзьям, великодушен с побежденными врагами, щедр, благороден в борьбе, желая добывать победу в честном бою, а не хитростью. Большое влияние на формирование Александра оказал Аристотель, зародив в нем страсть к философии; Александр склонен к изучению наук, любит читать и с «Илиадой» Гомера не расстается, храня ее вместе с кинжалом под подушкой. Александр честолюбив, с раннего детства он стремится не к наслаждениям и богатству, а к доблести и славе. Всякий раз, когда приходило известие, что Филипп одержал славную победу, он мрачнел, боясь, что ему «не удастся совершить ничего великого и блестящего» (гл. V). Александр Плутарха — талантливый и благородный политик и философ, который, стремясь к великому, был неистов и безудержен; но, воздержанный в телесных радостях, он подвергал себя лишениям и опасностям, считая, что «нет ничего более рабского, чем роскошь и нега, и ничего более царственного, чем труд» (Plut. Alex. гл. XL). Судьба покровительствовала ему, а божество помогало, «он не только ни разу не был побежден врагами, но даже оказывался сильнее пространства и времени» (гл. XXVI—XXVII и сл.).

Плутарх не скрывает неблагоприятных поступков Александра, ухудшения его характера, его жестокости и хвастливости, но находит смягчающие обстоятельства: неумолимость и беспощадность Александра к оскорбительным речам он объясняет его любовью к славе, которой Александр «дорожил больше, чем жизнью и царской властью», а характер его «ожесточили многочисленные измышления» (гл. XLII).

Человек своего века, Плутарх скептически относится к тем мифам и легендам, которыми было окружено имя Александра. Рассказывая о чудесных предзнаменованиях рождения Александра, он находит рационалистическое объяснение рассказу о том, что на ложе Олимпиады видели змея (гл. II). Ответ оракула в храме Амона он объясняет оговоркой жреца (гл. XXII). По словам Плутарха, Александр «сам не верил в свое божественное происхождение», но пользовался этим вымыслом, «чтобы поработать других» (гл. XXVIII).

Плутарх создал яркий и живой образ Александра, но, верный своим принципам, слишком часто большое внимание обращал на мелкие факты и детали. Он пишет об Александре более как о человеке, чем как о государственном деятеле, ничего не сообщая, например, об организации им управления новой державой, о его последних планах и т. п.

Значение жизнеописания Александра как исторического источника определяется в сравнении его с другими сохранившимися сочинениями. Ряд сведений мы находим только в этой биографии. Историки особо выделяют главы LVIII—LV, где речь идет об убийстве Филоты и Каллисфена и о проскинесисе (например, [Hamilton, 1969, с. LXVI]). Но отнюдь не все свидетельства Плутарха достоверны, и, например, говоря о способностях будущего царя, Плутарх (гл. V) рассказывает явно вымышленный анекдот о беседе Александра с персидскими послами, которые «поразились величию замыслов и стремлений» мальчика [Levi, 1977, с. 192].

Помимо жизнеописания Александра среди многочисленных трудов Плутарха есть еще один, посвященный ему, — трактат «Об удаче или доблести Александра Великого» (Περὶ τῆς Ἀλεξάνδρου τύχης ἢ ἀρετῆς). Ученые довольно единодушно относят его к числу юношеских сочинений Плутарха [Ziegler, 1951, с. 716—717; Hamilton, 1969, с. XXIII; Badian, 1958a, с. 436]²². По жанру это — похвальное слово (laudatio), в котором изображение Александра имеет ярко выраженный апологетический характер. «Если рассмотреть то, что он говорил, что он делал и чему учил», то, по мнению Плутарха, Александр тоже будет признан философом (328 В). Цель Плутарха — выяснить, какую роль для Александра сыграли удача и доблесть; в первой части доказываемся, что своими успехами Александр обязан не удаче (τύχη, fortuna), а доблести (ἀρετή, virtus), вторая²³ представляет опровержение первой, здесь доказываемся, что Александр был вознесен удачей.

В общем, можно говорить о двух основных взглядах на характер этого сочинения. Одни ученые считали, что Плутарх выступил в защиту Александра против враждебных ему философов — киников и стоиков, а хваля его, имел в виду Траяна; другие исследователи рассматривали трактат как риторическое произве-

дение (из последней литературы см. [Bosworth, 1980, с. 14]; о более ранней см. [Seibert, 1981, с. 37—38]). Эти два определявшиеся еще в прошлом веке подхода прослеживаются и в более новой литературе. Позитивно оценивая труд Плутарха, В. Тарн видел в нем не риторическое упражнение, но сочинение, в котором Плутарх со всей страстью и чистотой юности бросился на защиту того, во что верил, опровергая взгляды стоиков и перипатетиков на Александра [Tarn, 1948b, с. 298, 419—423]. В рассуждениях Плутарха о том, что Александр на основе разработанного Зеноном проекта объединил все народы, В. Тарн нашел благоприятный материал для создания своего образа Александра — поборника братства народов, борца за единство человечества. Совместный анализ трактата «Об удаче или доблести Александра Великого» с другим произведением Плутарха — «Об удаче римлян» свидетельствует, по мнению А. Э. Уэрдмэна, о том, что Плутарх рассматривал историю человечества как путь к всеобщему единству, которого смогли достичь римляне, так как обладали и удачей и доблестью, тогда как Александр своими успехами обязан только доблести, а удача не сопутствовала ему [Wardman, 1955, с. 96 и сл.]. Такая концепция побуждает А. Уэрдмэна более высоко оценивать Плутарха, который уже в молодости показал себя политическим мыслителем и философом. Несостоятельность построений В. Тарна показал Э. Бэдиан [Badian, 1958a, с. 425—440], который видит в трактате «Об удаче...» риторическое сочинение, лишенное какой-либо серьезной цели. Различное отношение Плутарха к Александру в его юношеском трактате и в жизнеописании он объясняет не возрастом автора и его большей эрудицией к старости, как В. Тарн, но требованиями жанра (ср. [Grown, 1967, с. 360]). Так же трактует это произведение Д. Гамильтон, сочувственно ссылаясь на Э. Бэдиана и отвергая взгляды В. Тарна и А. Уэрдмэна [Hamilton, 1969, с. XXIII—XXXII']. Сравнение биографии Александра и эпидейктической речи показывает, как по-разному Плутарх интерпретировал один и тот же материал. Но при соответствующей критике трактат об Александре является таким же историческим источником, что и его биография. Вместе с тем на основании этой речи нельзя судить о мнении самого Плутарха об Александре, которого он нарисовал столь совершенным, что в это невозможно поверить (ср. [Штаерман, 1988б, с. 14]).

Флавий Арриан из Никомедии (см. [Schwartz, 1896b, с. 1230—1247; Breebaart, 1960, с. 160; Wirth, 1964, с. 209—245; Wirth, 1985a, с. 1—13; Bosworth, 1980, с. 1—6; Bosworth, 1988b, с. 16 и сл.; Крюгер, 1962, с. 7 и сл.]; краткий обзор [Seibert, 1981, с. 38—40])²⁴ был человеком разносторонне образованным. Ученик известного философа-стоика Эпиктета, он обладал большими познаниями в военном деле, политике, географии, приобретенными за долгие годы военной и государственной деятельности (вершина

его карьеры — консульство и управление провинцией Каппадокией при императоре Адриане). О риторическом искусстве Арриана дают представление речи, составленные для «Анабасиса Александра» (см. особенно [Bosworth, 1988b, с. 94—134]); здесь же, описывая строительство моста, он ссылается на собственный опыт (Агг. Анаб. V, 7, 1—5). Литературная деятельность Арриана многообразна, как философ-моралист, он написал «Беседы Эпиктета», как историк, помимо уже названного «Анабасиса Александра» — «Историю Парфии» и «Историю Вифинии», в подражание Ксенофону — трактат «Об охоте», как военный — сочинение по тактике и «Диспозицию против аланов». В своей деятельности и мировоззрении Арриан избрал образцом Ксенофонта, которому подражал в сюжетах произведений, их названиях, манере изложения. Заголовок его «Анабасиса Александра» вызывает в памяти сочинение Ксенофонта о походе «десяти тысяч», а характеристика Александра, которой завершается этот труд Арриана, навеяна характеристикой, данной Ксенофонтом Киру Младшему [Paerson, 1960, с. 186].

Самое известное, целиком сохранившееся сочинение Арриана — о походе Александра²⁵. Свою задачу Арриан видит в том, чтобы «достойным образом» рассказать о нем. Подобно Ахиллу, Александр был счастлив во всем, но в одном «ему не повезло» — у него не было своего Гомера, чтобы возвестить о славе его на будущие времена. Все, что рассказано об Александре, не соответствует величию его деяний, именно это соображение и побудило Арриана взяться за свой труд. Он считает себя достойным «осветить людям деяния Александра» и без излишней скромности определяет свое место «среди первых эллинских писателей, если Александр первый среди воителей» (Анаб. I, 12, 1—5). Своим основным принципом Арриан провозглашает правду и стремление приносить людям пользу. Этим он (Анаб. VII, 30, 3) объясняет, как бы оправдываясь, почему с порицанием относится к некоторым поступкам Александра (ср. [Schepens, 1971, с. 254—268]).

До недавнего времени среди ученых преобладало мнение, согласно которому «Анабасис» представляет собой наилучший источник по истории Александра. Выработанное еще в прошлом веке немецкими филологами, это мнение — «культ Арриана», по выражению его противников (см. [Seibert, 1981, с. 34]), — покоилось на нескольких исходных положениях: Арриан своей карьерой военного и государственного деятеля был прекрасно подготовлен к тому, чтобы профессионально понять проблемы, стоявшие перед Александром; Арриан следовал «хорошей» традиции, фактически не привлекая недостоверных источников; сам душевный склад Арриана, его стоическое воспитание способствовали выработке у него трезвого, рационалистического подхода к истории, беспристрастности в оценке фактов и людей. Соответственно «Анабасис» рассматривался как в высшей степени достоверный источник²⁶.

Однако в последнее время появился ряд исследований, авторы которых высказывают сомнения в правильности такой односторонней оценки. Проблема заключается в характере источников Арриана и методах их использования²⁷. В отличие от других историков, о которых речь шла выше, Арриан сам четко определяет свои источники и причины, побудившие его обратиться именно к ним: «Я передаю, как вполне достоверные, те сведения об Александре, сыне Филиппа, которые одинаково сообщают и Птолемей, сын Лага, и Аристобул, сын Аристобула. В тех случаях, когда они между собой не согласны, я выбирал то, что мне казалось более достоверным и заслуживающим упоминания. Другие рассказывали о нем иначе; нет вообще человека, о котором писали бы больше и противоречивее. Птолемей и Аристобул кажутся мне более достоверными: Аристобул сопровождал Александра в его походах, Птолемей тоже сопровождал его, а кроме того, он сам был царем, и ему лгать стыднее, чем кому другому. А так как оба они писали уже по смерти Александра, то ничто не заставляло их искажать события и никаких наград им за то не было бы. Есть и у других писателей сведения, которые показались мне достойными упоминания и не вовсе невероятными; я записал их как рассказы, которые ходят (ὡς λεγόμενα) об Александре» (Ptoem. 1—3).

Таким образом, основные источники Арриана — сочинения Птолемея и Аристобула; вполне достоверны для Арриана те сведения, которые он находит у обоих, а в случае расхождений он полагается на свой здравый смысл. В ходе повествования Арриан неоднократно ссылается на них как на писателей, вызывающих у него наибольшее доверие. Большая осведомленность Птолемея в военных делах особенно привлекает к нему военного — Арриана, и при расхождениях между Птолемеем и Аристобулом он обычно отдает предпочтение первому. «По словам Птолемея, сына Лага, которому я преимущественно следую...» — замечает Арриан уже в VI книге, сообщая о численности флота Александра (Anab. VI, 2, 4).

Кроме этих двух писателей, Арриан ссылается на авторов, известных главным образом своими сведениями по географии и этнографии — Неарха, Мегасфена и Эратосфена. Очень неодобрительно он отзывался об Onesikrite, называя его лжецом (Anab. VI, 2, 3). Но, несомненно, этими именами не ограничивался круг историков, с сочинениями которых был знаком Арриан — в ходе повествования он время от времени ссылается на «некоторых писателей», не называя их по имени (так называемая «τὰ λεγόμενα группа»), версии которых кажутся ему более вероятными или, чаще наоборот, не заслуживающими доверия. Вопрос о составе этой группы источников вряд ли может быть решен, но он не представляется важным, поскольку эти источники играют второстепенную роль. Существенно то почти безграничное дове-

рие, которое Арриан высказывает к Птолемею. Как справедливо заметил Э. Робсон, оно «делает больше чести его уважению к царской власти, чем его критическому чутью...» [Robson, 1946, с. XI]. Выше уже отмечалось, что работы последних лет показали тенденциозность Птолемея, которая стала причиной ряда ошибок Арриана. Так, в частности, в «Анабасисе» совершенно ничего не говорится о военных действиях, которые вел в Малой Азии Антигон Одноглазый, в то время сатрап Фригии. Между тем современные исследования выявили их значение для срыва персидского контрнаступления, развернувшегося во время осады Александром Тира. Умолчание Арриана объясняют тем обстоятельством, что об этих событиях умолчал и Птолемей, не желавший возвеличивать одного из своих противников в будущей борьбе диадохов [Tagh, 1948b, с. 110—111] (ср. [Badian, 1978, с. 199]).

Установлено, что интерпретация Аррианом битвы при Гранике неверна, она не согласуется с топографическими особенностями местности [Badian, 1977, с. 271—293]. Неправильно Арриан описывает и события, связанные с роспуском греческих союзных отрядов [Bosworth, 1976a, с. 117—139]. Если следовать ему, то получится парадоксальная картина: в разгар преследования Дария Александр останавливается, распускает греческие отряды, оплачивает их службу, а затем вновь бросается в погоню за Дарием. Эту ошибку считают следствием небрежного соединения источников. Не всегда точны и термины Арриана [Robson, 1946, с. XIII—XV].

Обсуждая вопрос о характере «Анабасиса» как источника, следует иметь в виду не только тот материал, которым располагал Арриан (или, вернее, которым он предпочел воспользоваться), но и его мировоззрение во всем объеме этого понятия, цели, которые он преследовал, обращаясь к судьбе македонского царя и великого завоевателя, жившего несколькими столетиями раньше, задачи, которые он ставил перед собой, наконец, его литературные способности, устремления политика и замыслы последователя «второй софистики»²⁸.

Из сохранившихся сочинений об Александре «Анабасис» содержит наиболее трезвое и ясное изложение событий, почти лишенное риторических прикрас и морализирования. Арриан нередко отвергает свидетельства своих источников, не согласные с его критическим чутьем и опытом. Так, он сомневается в сообщениях Ариста и Асклепиада о посольстве римлян к Александру, который якобы предсказал Риму великое будущее (Арг. Анаб. VII, 15, 5). И хотя патриотизм Арриана мог бы побудить его поддержать эту лестную для Рима версию, он отвергает ее. Рационалистическое мышление Арриана заставляет его не принимать рассказов о всякого рода чудесных знамениях, например рассказ Птолемея о двух змеях, наделенных головами. Правда,

Арриан признает вмешательство божества, которое споспешествовало Александру, но предпочитает версию Аристобула, согласно которому — «и чаще всего именно так и рассказывают» — перед войском летело два ворона. А в точности всего этого эпизода Арриана заставляют усомниться разные его версии. На примере рассказа об амазонках проследим систему аргументации Арриана, отвергающего возможность встречи Александра с этим племенем женщин-воительниц. Обо всем этом нет ни слова ни у Аристобула, ни у Птолемея и вообще ни у одного из писателей, рассказу которого можно было бы поверить. Сам Арриан не думает, что племя амазонок могло сохраниться даже до времени, предшествующего походу Александра, так как в противном случае о нем должен был упомянуть Ксенофонт. Но Арриан не сомневается в историчности амазонок: их воспели многие поэты; известен рассказ о Геракле и царице амазонок Ипполите, о том, что афиняне под предводительством Тесея впервые одержали победу над этими женщинами. Битва между афинянами и амазонками изображена Миконем наравне с битвой между афинянами и персами. И Геродот часто рассказывает о них, и те, кто произносил похвальное слово афинянам, павшим в войне, упоминали о сражении афинян с амазонками как об одном из важнейших событий. Александру же Атропат показал не амазонок, но каких-то варварок, умевших ездить верхом (VII, 13, 2—6).

Оценка Аррианом Александра самая восторженная (ср. [Kroger, 1962, с. 31—35; Breebaart, 1960, с. 163; Schepens, 1971, с. 254—268; Hammond, 1980a, с. 455 и сл.; Bosworth, 1988b, с. 135—136; Штаерман, 1988б, с. 15—16]). В заключительных строках «Анабасиса» он пишет: «Я не стыжусь того, что отношусь к Александру с восхищением» (Arr. Anab. VII, 30, 3). По его мнению, «нет другого человека, который — один — совершил бы столько и таких дел; никого нельзя ни у эллинов, ни у варваров сравнить с ним по размерам и величию содеянного» (I, 12, 4); «...не без божественной воли родился этот человек, подобного которому не было» (VII, 30, 2). Арриана прежде всего привлекают черты Александра-полководца. Он очень деятелен и мужествен, как никто умел поднять дух воинов, прекрасно знал, как построить, вооружить и снабдить всем необходимым войско; ему не было равно в умении обойти врага и предупредить его действия. Он нерушимо соблюдал договоры и соглашения и усердно почитал богов. Арриан не скрывает недостатки своего героя: его вспыльчивость и гневливость, честолюбие и ненасытное желание похвалы, восхищение варварскими обычаями. Но всему этому Арриан, по его собственному утверждению, не придает большого значения. К снисхождению склоняют его молодость Александра, его постоянное счастье и влияние людей, которые стремились угодить царю, а не исправить его к лучшему. Оправдывает Александра и то обстоятельство, что, по благородству своей души, он рас-

каивался в своих поступках. Возводя свой род к богам, Александр, по мнению Арриана, возможно, этой выдумкой хотел возвеличить себя в глазах подданных, а персидскую одежду он надел обдуманно: ради варваров — чтобы не быть чуждым для них царем и ради македонян — для умаления их заносчивости (VII, 28—29). Посвятив свой труд Александру, Арриан гневно обрушивается на его хулителей: «Тот, кто бранит Александра, пусть не только бранит достойное брани, но охватит все его деяния и даст себе отчет в том, кто он сам и в какой доле живет. Он, ничтожное существо, утружденное ничтожными делами, с которыми, однако, он не в силах справиться, он бранит царя, ставшего таким великим, взошедшего на вершину человеческого счастья, бесспорно, повелителя обоих материков, наполнившего мир славой своего имени» (VII, 30, 1).

Хотя данный обзор, возможно, и покажется излишне затянувшимся, он носит поневоле довольно общий характер: настолько сложны историкоповедческие проблемы истории Александра и греческого мира его времени. Это — один из «проклятых вопросов» или, точнее, комплекс вопросов, над решением которых бьется уже не одно поколение антиковедов. Написано много, выдвинут целый ряд теорий, строятся сложные схемы, подчас поражающие изобретательностью и «хитроумием» их авторов, материализуются даже неизвестные историки (вроде грека-наемника В. Тарна). Но каждое новое поколение, опираясь на своих предшественников и в чем-то отказываясь от сделанного ими, движется все-таки вперед. Историки и филологи достигли уже немало, некоторые положения можно считать несомненно установленными, хотя многое остается еще в области предположений. Не хотелось бы присоединять свой голос к числу тех ученых (заметим, не очень многочисленных), кто весьма скептически настроен в своих прогнозах. На известный оптимизм дают право несколько фундаментальных трудов, вышедших в последнее время (о них мы уже писали *ad hoc*). Это — прекрасный комментарий к первым трем книгам «Анабасиса Александра» Арриана, принадлежащий перу Босворта [Bosworth, 1980], основательный комментарий к книгам III и IV «Истории Александра Великого» Квинта Курция Руфа Аткинсона [Atkinson, 1980], блестящее издание книги XVII «Исторической библиотеки» Диодора в серии Budé, подготовленное П. Гуковским [Goukowsky, 1976] (как и другие тома Диодора в этой серии), основанное на пересмотре рукописной традиции и содержащее комментарии, где версия Диодора сопоставляется со свидетельствами других авторов, надписями и археологическим материалом.

К ним по праву следует присоединить издание текста Арриановых «Анабасиса Александра» и «Индийской истории», осуществленное одним из крупнейших нынешних знатоков Александра Г. Виртом — с его эмendaциями, немецким переводом, вступи-

тельной статьей и комментарием, занимающими целый том [Wirth, 1985a, 1985b].

Помимо дальнейшего совершенствования методики исследования, которое являют нам и названные труды, и более специальные исследования, можно возлагать надежды также на появление новых материалов — надписей, собственно археологического материала, папирусов. Кто знает, какие неожиданные открытия таят в себе папирусы, новые и те, которые уже давно хранятся в музеях? Задать такой вопрос побуждает недавняя публикация папируса, найденного еще в начале нынешнего века. Он содержит один из ранних (II или I в. до н. э.) и значительных по объему фрагментов истории Александра, речь в котором идет, вероятнее всего, о кампании македонского царя в Иллирии и Фракии. Текст позволяет говорить об открытии, по всей видимости, нового, ранее неизвестного сочинения. Анализ выявляет своеобразные черты, дающие возможность видеть в авторе военного, служившего под командой Александра, но не Птолемея.

Таково мнение издателей [Clarysse, Shepens, 1985, с. 30—47]. Но Хэммонд, первым откликнувшийся на публикацию этого замечательного папируса, склонен видеть в нем отрывок из труда олинфского историка Страттида, написавшего, по его мнению, пять книг сочинения под названием «Об Эфемеридах Александра» [Hammond, 1987, с. 331—347; Hammond, 1988a, с. 149—150].

И последнее. Как нам представляется, только такого рода общий обзор позволит понять, какие опасности поджидают тех, кто встал на путь изучения вопросов, связанных с деятельностью Александра: идя по этому пути, ему придется преодолеть Сциллу простого доверия к любому свидетельству древних и Харибду излишнего скептицизма, учитывая к тому же не столь редкие противоречия между свидетельствами различных источников.

О ХАРАКТЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В АФИНАХ

История Афин от битвы при Херонее (338 г. до н. э.) до начала Ламийской войны (323 г. до н. э.) не очень богата внешними событиями. Вынужденные вступить в Коринфский союз и признать македонскую гегемонию, Афины тяготились зависимостью. Известие о смерти Филиппа вызвало бурный взрыв радости и подъем надежд на свободу. Однако скоро наступило отрезвление — в Элладе со своей армией появился Александр, и Афинам, подобно остальным полисам, пришлось признать его гегемоном Коринфского союза (см. гл. 1). Поход Александра на север и слухи о его смерти позволили вновь воспрянуть противникам Македонии. Но стремительный приход македонских войск, расправа с Фивами, угроза осады Афин резко изменили настроения демоса. Афины подобострастно поздравляли победителя, который потребовал выдачи наиболее активных врагов Македонии. С большим трудом афинским послам удалось отстоять своих сограждан: готовясь к походу на Восток, Александр не был заинтересован в обострении отношений с греками — они были напуганы достаточно.

С этого времени начинается новый этап в политической жизни Афин, период относительного спокойствия. Афины посылают триеры македонскому царю, шлют ему посольства. Даже во время выступления Агиса, в месяцы наивысших успехов спартанцев, когда, казалось, наступил наконец благоприятный момент для того, чтобы взяться за оружие, Афины сохраняли спокойствие, хотя в экклесии шли бурные дебаты и некоторые ораторы призывали поддержать Спарту. Политическая жизнь сосредоточилась на внутренних делах, шли жаркие споры в народном собрании, судебные процессы, из которых наибольший след в источниках оставили дело Ктесифонта, или процесс о венке, и дело Гарпала. Прошел и ряд других процессов, в которых лидеры различных политических группировок сводили счеты друг с другом¹.

Положение резко меняется к 324 г. до н. э. Требование Александра признать его богом и особенно декрет о возвращении изгнанников всколыхнули всю Элладу. Пришедшее вскоре сооб-

шение о смерти царя стало той искрой, которая вызвала взрыв. Греция восстала, и руководящую роль теперь взяли на себя Афины. Ламийская война стала началом бурных военно-политических потрясений.

Итак, от Херонеи до Ламийской войны — 15 лет мира, мира в годы самых больших событий, изменивших судьбы многих народов. В этом состоит одна из загадок: почему Афины практически полностью устранились от всех внешнеполитических действий (по выражению Тарна, «не имели внешней политики» [Тарн, 1927, с. 440]²), следствием чего стал своеобразный изоляционизм в этот столь не благоприятствующий изоляционизму период?

Нам представляется, что ответ на этот вопрос может быть найден при анализе внутривосточной ситуации в Афинах этого времени. Уже самое общее знакомство с источниками приводит к некоторым заключениям, которые кажутся с первого взгляда удивительными. Как будто не было Херонеи, не было Коринфского союза, т. е. тех событий, которые современные исследователи считают концом мира свободных полисов, следуя, в общем, в этом суждению современников (Dem. XVIII, 65; Luc. С. Leost. 50). Жизнь в Афинах на первый взгляд идет по проторенному руслу: заседания буле, экклесии, судов, ареопага, свобода слова (такая, что некоторые политические деятели жалуются на чрезмерность ее в Афинах), совершенно свободное обсуждение самых, казалось бы, предосудительных с точки зрения македонских властей вопросов — как оценивать всю македонскую политику в прошлом и как следует вести государственный корабль Афин в будущем, посылать Александру требуемые триеры или не посылать, присоединяться ли к Агису, выступавшему против Александра, или сохранять нейтралитет, выдать ли македонскому царю бежавшего с украденными сокровищами казначея Гарпала или предоставить ему убежище, начинать ли военные действия против Македонии и если начинать, то когда. Александр где-то далеко, затерялся в азиатских просторах, его наместник Антипатр не притесняет Афины, сохраняющие еще свою роль экономического центра Эллады и — более чем когда-либо ранее — ее интеллектуальной столицы. Да и с военным потенциалом Афин приходится считаться. К тому же Антипатр не всесилен. Власть новых владык почти не чувствуется в Афинах, она воспринимается скорее как какая-то внешняя сила, не затронувшая самое суть жизни полиса.

Все это нашло отражение в источниках, которые позволяют представить характер политической борьбы в Афинах. И первым выводом, к которому можно прийти, является положение о дробности политических сил, о ряде группировок, борющихся в Афинах того времени. С нашей точки зрения, совершенно неверна широко бытующая в научной литературе концепция о борьбе антимаке-

донской (патриотической, сопротивления, национальной) и промакедонской (партии мира, македонской) партий. Прежде всего, возражение вызывает сам тезис о существовании в Греции «партий», и, по крайней мере в отношении интересующего нас времени, кажется правильным говорить о политических группировках, которые имели мало общего с современными политическими партиями. Но главное даже не в этом (вопрос о партиях в конечном итоге часто вопрос термина, за которым не скрывается сколько-нибудь определенное содержание). Главное заключается в том, что картина, которая вырисовывается при изучении афинского материала, позволяет, как кажется, говорить о сложном спектре и пересечении политических сил; борьба далеко не сводилась к вопросу об отношении к Македонии. Деление всех борющихся сил на промакедонские и антимакедонские — в самой общей форме, возможно, и правильное с точки зрения отношений с Македонией (т. е. только в одном плане) — обедняет реальную картину. Действительность была гораздо сложнее¹. Эту сложность и неоднозначность политических сил и их борьбы мы и попытаемся показать на примере наиболее значительных группировок. Такой подход позволяет, как представляется, не касаться целого ряда фактов политической истории Афин. В частности, мы не будем рассматривать вновь политические процессы, прежде всего процесс о венке² и процесс Гарпала³, о которых много писали. В этих самых известных судебных процессах расстановка сил проявилась хотя, быть может, и наиболее отчетливо, но вместе с тем более, если можно так сказать, суммарно. Нас же интересуют другие аспекты, другие, может быть, и менее значительные, факты и детали, которые позволяют представить более дифференцированно расстановку действующих на политической арене сил.

Что касается изучения истории Афин времени Александра, то кроме работ общего характера и старого труда А. Шефера, который ориентирован на Демосфена [Schaefer, 1885; 1886; 1887], есть только одно специальное исследование, вышедшее сравнительно недавно — труд В. Вилля «Афины и Александр» [Will, 1983]. Книга охватывает период с 338 по 322 г. до н. э. Значительное место в ней отведено программе реформ Ликурга и событиям, связанным с бегством Гарпала. Помимо литературных источников, автор широко привлекает надписи и археологический материал.

Относительно большое внимание В. Вилль уделяет времени Филиппа, справедливо видя здесь истоки дальнейшего. Отправная точка — битва при Херонее. Мирные условия, предложенные Филиппом Афинам, оказались неожиданно для них сравнительно мягкими, и полис проявил согласие к диалогу. Коринфский договор гарантировал сохранение существующего политического строя и поход против персов. Многочисленные декреты, принятые тогда афинской экклесией, по мнению В. Вилля, показали готовность

полиса к соглашению с македонским царем. Известный декрет против тирании автор рассматривает как попытку промакедонских кругов гарантировать стабильность положения в Афинах. Филипп, отправив войско в Азию, продемонстрировал грекам свое желание вместе с ними реализовать план отмщения персам. Официальный лозунг войны — освобождение греческих полисов Малой Азии — был адресован грекам, и, очевидно, прежде всего Афинам.

Смерть Александра, по существу, ничего не изменила — было уже слишком поздно. Основной фактор, определивший политическое развитие Афин в годы правления Александра — супрематия Македонии, которую Афины осознали и которую восприняли реалистически. После разрушения Фив в 335 г. до н. э. афиняне поняли, что смогут выжить только при условии сотрудничества с Александром. Речь о договоре с Александром, по мнению В. Вилля, стала последним проявлением антимакедонской агитации. Даже сложности, связанные с изданием декрета о возвращении изгнанников, афиняне старались разрешить дипломатическим путем, не думая о вооруженном сопротивлении.

В свою очередь, македонские цари, и Филипп и Александр, были настроены миролюбиво по отношению к Афинам, не угрожали им и стремились использовать материальные ресурсы и моральный авторитет города, ставшего вдохновителем войны отмщения. Суть политики обеих сторон, согласно В. Виллю, заключалась в сдержанности и взвешенности. Демосфен образумился, и в его поведении возобладал здравый смысл, Фокион, Демад и особенно Ликург стали опорой сложившихся отношений, а Гиперид в своей непреклонности оказался изолированным.

Главное, в чем можно упрекнуть В. Вилля, — это в некотором упрощении проблемы: автор делает политическую обстановку в Афинах излишне монолитной и преувеличивает доброжелательность Александра по отношению к ним⁶.

В свое время с интересом и одобрением были встречены появившиеся гораздо раньше книги В. Вилля две небольшие работы Ф. Митчела: статья «Афины в век Александра» [Mitchel, 1965] и две лекции, объединенные под общим заголовком «Ликурговы Афины: 338—322» [Mitchel, 1970]. Посвященные преимущественно Ликургу, они содержат также небольшие очерки о «драматических личностях» той поры: помимо Ликурга, речь идет о Демосфене, Демаде, Фокионе, Эскине, Гипериде.

Политические деятели, о которых пойдет речь, все были ораторами — знаменитыми, как Демосфен, или известными только специалистам, как Ликург или Гиперид. Каждому, кто знаком с античной историей, это понятно. Народные собрания и суды представляли основные арены политической борьбы, и чтобы быть политиком, т. е. оказывать влияние на демос, требовалось его убедить. Оратор должен был уметь донести до аудитории свои мысли, заставить себя выслушать и поверить, а для этого надо

было обладать определенными знаниями, и ораторскому искусству специально учились, некоторые ораторы были профессионалами, т. е. составляли для других лиц судебные речи, как, например, Демосфен.

В V в. до н. э. господствующая демократия имела аристократических лидеров, она не могла достичь полной зрелости иначе, как под их руководством, и исчерпание кадров этих лидеров не случайно, по-видимому, совпадает с началом упадка афинской демократии, которая начинает тяготеть к охлократии [Фролов, 1983б, с. 22]. После восстановления демократии в 403—402 гг. до н. э. заметен рост антиаристократических чувств, и честолюбивому юноше уже не обязательно было иметь хорошее происхождение. Вместе с тем и в V, и в IV вв. до н. э. те политики, о ком есть информация, обладали определенным состоянием [Sinclair, 1989, с. 44]⁷.

Считают, что сочетание «ораторы и стратеги» (ῥήτορες καὶ στρατηγοί) наиболее адекватно современному понятию «политик», «политический лидер»⁸. В V в. до н. э. две различные обязанности — оратора и стратега — выполняли одни и те же лица. Фемистокл, Аристид, Кимон, Перикл, Клеон, Никий, Алкивиад — каждого из них, по крайней мере единожды, выбирали стратегом, и все они выступали в экклесии. Слияние обязанностей оратора и стратега хорошо иллюстрирует принцип, в свое время сформулированный К. Клаузевицем: «война есть продолжение политики другими методами» [Hansen, 1987a, с. 52].⁹

Но в IV в. до н. э. происходят значительные изменения. В связи с возрастанием значения собственно экономического фактора в жизни полиса и соответственно финансов увеличивается роль финансовых магистратур, создается несколько новых должностей. Евбул, Демосфен, Ликург, Демад, с именами которых мы встретимся далее, все исполняли финансовые магистратуры. И второе новое явление, еще более, быть может, важное, — в связи с общей профессионализацией (что, как нам кажется, особенно ясно и ярко проявилось в развитии наемничества, см. [Маринович, 1975]) происходит своего рода разделение труда между ораторами и стратегами, политика переходит в руки ораторов. Названных только что лиц, т. е. Евбула, Демосфена, Ликурга, Демада, а также Гиперида, никогда не выбирали стратегами, тогда как стратеги обычно держались подальше от бемы, т. е. трибуны, с которой обращались в экклесии к народу. Но это разделение не следует абсолютизировать, преувеличивая разрыв и противопоставляя ораторов как по преимуществу политиков стратегам как полководцам.¹⁰ Важность войн в IV в. до н. э., развитие наемничества, повлекшее увеличение значения стратегов, способствовали тому, что политическими лидерами становились и те и другие. Более того, сама формула «ораторы и стратеги» зафиксирована именно для IV в. до н. э., возможно, как замена другого выражения —

«простат народа», используемого для обозначения лидера в V в. до н. э. Таким образом, происходит расширение и усложнение цельного прежде образа, но процесс этот шел постепенно [Hansen, 1987a, с. 54] (ср. [Jones, 1957, с. 128; Perlman, 1963, с. 347; Davies, 1981, с. 124 и сл.]).

С течением времени, по мере усложнения политической жизни, которая требовала специальных знаний, выделение политических лидеров как группы людей, определенной категории граждан, получает оформление и на уровне языка: появляется понятие *πολιτεύμενοι* в отличие от *ιδιώται* — обычных, рядовых граждан, которые в экклесии составляли основную часть [Mossé, 1984, с. 193—200].

В речи Демосфена «О распределении средств»⁹ есть следующее утверждение: «И если прежде вы делали взносы по симмориям, то теперь ведете общественные дела (*πολιτεύεσθε*) по симмориям. Оратор является предводителем (*ἡγεμῶν*), и полководец у него в подчинении, и еще триста человек, готовых кричать ему в лад, вы же, все остальные, распределены кто к одним, кто к другим (*οἱ δ' ἄλλοι προσενέμεσθε, οἱ μὲν ὡς τοῦτους οἱ δ' ὡς ἐκείνους*). В итоге всего этого получается у вас, что такому-то воздвигнута бронзовая статуя, такой-то разбогатец — один или двое; они стоят выше всего государства, а вы, все остальные, сидите как свидетели благополучия этих людей и ради своей повседневной беспечности уступаете им многообразные и огромные богатства, имеющиеся у вас» (Dem. XIII, 20). Не вправе ли мы видеть здесь картину борьбы политических сил в Афинах? Нет оснований сомневаться в справедливости оратора, при всей очевидной преувеличенности отдельных утверждений. Нужна лишь одна поправка: Демосфен говорит о «чужих политических симмориях», но и сам он стоял во главе такой же группы.

Эта «мгновенная фотография» анатомии афинской политической жизни позволяет сделать несколько предварительных выводов, которые, как надеемся, подкрепит дальнейший анализ. Прежде всего, сегментация политической жизни Афин того времени, наличие нескольких политических группировок. Далее, определенная степень организованности этих групп. В-третьих, объединение в рамках отдельных группировок политических и военных руководителей (о чем уже шла речь). Если в масштабах полиса происходит разобщение политического и военного руководства (например, Plut. Phoc. VII, 3 — разделение между *στρατῆρων* и *βῆμα*; Aeschin. II, 184; Isocr. V, 140; VIII, 55; Aristot. Polit. V, 4, 4, 1305A), что рассматривается как один из признаков кризиса полисной политической структуры [Mossé, 1962, с. 269—270], то в рамках этих группировок, отражающих более узкие интересы, ораторы и стратеги действуют сообща, стратеги создают своего рода политическую клиентелу, а ораторы поддерживают их и, в

свою очередь, ищут у них поддержки (например, Aeschin. III, 7; Dinarch. I, 112; III, 19)¹⁰. В-четвертых, определенная степень отчуждения между политическими группами и основной массой гражданства.

С той или иной степенью уверенности можно охарактеризовать следующие пять групп: Ликурга, Демосфена, Гиперида, Эсхина, Фокиона. Конечно, этими группами не исчерпывается политический спектр, были и другие, менее значительные группы и группки, возможно оказывавшие некоторое влияние на общий ход событий, были также и прямые наймиты Македонии¹¹, были политические деятели, находящиеся, так сказать, на «вторых ролях» при ведущих политиках, и была масса рядовых афинян, на которых пытались воздействовать вожди этих политических группировок, быть может, лучше всего определяемых современным словом «клика» или «блок».

Видимо, правильное всего начать с той, которая объединялась вокруг наиболее влиятельной фигуры того времени — Ликурга.

Хотя, в общем, Ликург не мог бы пожаловаться на невнимание со стороны ученых нового времени, помимо трудов общего характера по истории и литературе классической Греции, о нем написано сравнительно немного, к тому же, кроме теперь уже устаревшей книги Ф. Дюрбаха «Оратор Ликург», нет ни одного фундаментального исследования об этой замечательной личности. Общий очерк жизни и деятельности Ликурга, помимо названной книги [Dürnbach, 1890], можно найти в известном труде Ф. Бласса [Blass, 1893 III, I], в вводных статьях к изданию речей Ликурга [Dürnbach, 1932; Burt, 1973], в статье энциклопедии Паули-Виссова [Kunst, 1927].

Своего рода возрождение интереса к Ликургу вызвали исследования Ф. Митчела — уже упоминавшиеся статья об Афинах в век Александра, в центре которой — личность Ликурга, его политическая программа и деятельность, и более развернутое ее изложение в виде небольшой книжечки [Mitchel, 1965; 1970]. Интерес к оратору не ослабел и далее, о чем свидетельствуют последние известные нам работы: небольшой очерк, предвещающий диссертацию Уильямса об Афинах времени «олигархии Фокиона и тирании Деметрия Фалерского» [Williams, 1982, с. 3—18], глава в уже упомянутой книге В. Вилля «Афины и Александр» [Will, 1983, с. 77—100], статья С. Хамфрис «Ликург из Бутад: афинский аристократ» [Humphreys, 1985, с. 199—252], главка об Афинах при Ликурге в новом исследовании Босворта об Александре [Bosworth, 1988a, с. 204—215] и статья К. Моссе с весьма интригующим заголовком «Афинянин Ликург: человек прошлого или предшественник будущего?» [Mossé, 1989].

Социально-политическая позиция Ликурга обрисовывается в литературе довольно однозначно. Отмечая его враждебность к Македонии, историки обычно характеризуют его как умеренного

демократа, разница же заключается только в том, что одни больше подчеркивают консерватизм Ликурга, отделяя его от Демосфена как более радикального политика, другие же склонны говорить об их общей партийной принадлежности и считать вождями одной партии или одного направления в рядах антимакедонской партии. Так, Белох полагает, что Ликург был вождем антимакедонско-консервативного направления [Beloch, 1884, с. 250—251], К. Моссе видит в Ликурге одного из «умеренных» (*les modérés*), далекого во внутренней политике от крайних демократов (Демосфена), с которыми во внешней политике его объединяла враждебность к Македонии [Mossé, 1962a, с. 193]. По мнению Митчела, при Ликурге управление городом находилось в руках консервативной группы, его идеал — умеренная демократия [Mitchel, 1965, с. 192, 193]. Для Фергюсона [Ferguson, 1974, с. 7—8], Тарна, Глотца и Козна Ликург, в общем, — вождь демократической партии, как и Демосфен; Глотц и Козн пишут об антимакедонских консерваторах во главе с Ликургом и Демосфеном [Glotz, Cohen, 1945, с. 198]; Тарн уточняет, что сам Ликург, вероятно, назвал бы себя демократом, но его идеалом была Спарта, а его режим — не особенно демократическим: большинство магистратур при нем занимали зажиточные граждане [Tarn, 1927, с. 440].

Обычно отмечают патриотизм Ликурга и смысл осуществляемой под его руководством программы обновления Афин видят прежде всего в подготовке к сопротивлению Македонии. Приведем более свежий пример: по мнению Босворта, Ликург интенсивно и заботливо развивал патриотические чувства афинян как своего рода утешение в обстановке относительного бессилия, психологическое дополнение к своей программе вооружения. Как показал моральный климат во время Ламийской войны, эта программа полностью себе оправдала [Bosworth, 1988a, с. 215]. Но против подобной трактовки решительно выступил В. Вилль, считая, что традиция радикального антимакедонизма Ликурга — фикция, и находя у него возрастающее желание к примирению с македонской супрематией, особенно после 335 г. до н. э., когда был достигнут компромисс с Александром, стабилизировавший положение Афин [Will, 1983, с. 97 и сл.]. Ликург, по мнению Вилля, конечно, не был другом Александра, но его программа не направлена против Македонии и ее царей. Путем реформ Ликург стремился к возрождению Афин, к оживлению демократических институтов и хотел создать основу для ведущего положения полиса в Македонской империи (с. 140). Представляется все же, что В. Вилль идет слишком далеко в своем разрушении более традиционного образа Ликурга, и источники не дают для этого оснований.

И последние суждения о Ликурге, высказанные такими интересными исследователями, как С. Хамфрис и К. Моссе. Для С. Хамфрис Ликург — аристократ, патриот и религиозный ре-

форматор. Религиозная программа Ликурга была новаторской, и он не думал о воссоздании Афин прошлого, но стремился к их независимости от Македонии. Его программа отчасти предвосхищала режим Деметрия Фалерского, философа-тирана. Взгляды Ликурга С. Хамфрис характеризует как более демократические, чем его деятельность, и считает его в некотором смысле консерватором. Вера Ликурга в то, что стоящие перед Афинами проблемы можно решить путем внутренней реорганизации, с помощью реформ, при минимальных связях с внешним миром и при полном отсутствии какой-либо конструктивной внешней политики, свидетельствует, по мнению С. Хамфрис, об отсутствии у него политической проницательности и воображения. Реформа Ликурга встретила энергичную поддержку значительной части верхнего класса. Оценивая Ликурга с точки зрения исторической перспективы, она отмечает противоречивость этой фигуры, стоявшей на грани между миром классического полиса и эпохой эллинизма [Humphreys, 1985, с. 199—252].

Определенное сходство с наблюдениями С. Хамфрис обнаруживается в статье К. Моссе, которая, однако, идет еще дальше по пути выявления нового в деятельности Ликурга. Рассматривая природу власти Ликурга, она видит в нем предшественника «греческих администраторов» будущих эллинистических государств. Как и С. Хамфрис, К. Моссе придает большое значение реорганизации культов и заботе о возрождении общественной жизни, в частности фиксации текстов произведений великих трагиков. По мнению К. Моссе, Ликург не был человеком своего времени. Возможно, сам он и мечтал о возвращении славы Афин времени Перикла, но на деле предвосхитил некоторые аспекты политики первых Лагидов. Посредником здесь она считает Деметрия Фалерского, в деятельности которого обнаруживается поразительное сходство с Ликургой. Что касается его отношения к власти Македонии, то, по мнению исследовательницы, Ликург проявил себя лучшим патриотом, чем Демосфен или Гиперид [Mossé, 1989, с. 25—36].

Ликург¹², сын Ликофрона, из дема Бутады, ученик Платона и Исократ, принадлежал к верхушке афинского гражданства [Davies, 1971, с. 348—350]. Он вел свой род от героя Бута и Эрехфея, сына Геи и Гефеста (Ps.-Plut. Vit. X. Or. 843 E), что указывает на аристократическое происхождение. Подтверждается оно также принадлежностью его к роду Этеобутодов, наследственных жрецов культа Посейдона (841 B). Его непосредственные предки занимали высокие магистратуры в афинской гражданской общине, были удостоены многих почестей, в частности похоронены на общественный счет; их статуи стояли на агоре (842 E, 843 E—F). Женат был Ликург на женщине из той же среды (842 F—843 A). Приверженность к демократии в семье Ликурга была традиционной, его деда казнили в период власти «тирании

тридцати». Можно полагать, что Ликург принадлежал к той части афинской аристократии, наиболее яркий образец которой представляет Перикл, — аристократии, которой ее происхождение, богатство, связи обеспечивали видное место в Афинском демократическом государстве и которая активно отстаивала демократический строй. К IV в. до н. э. значение таких фамилий упало, от кормила государственного правления их активно отталкивали «нувориши», среди аристократов росло стремление отойти от политики, но определенная часть их сохраняла традиции V в. до н. э. [MacKendrick, 1969, с. 3—4]. К числу таких аристократов старой формации принадлежал и Ликург.

Ликург был не только знатен, но и богат. Прямые указания на это содержатся в его «Жизнеописании» (Ps.-Plut. Vit. X. Or. 842 C), где, в частности, указывается, что, несмотря на свое богатство, «он зимой и летом носил один и тот же гиматий, а обувь надевал только в те дни, когда это непременно требовалось». Ликурга обвинили в том, что он платит тысячу драхм софистам за обработку своих речей (842 C—D). Еще более показателен другой анекдот: Ликург провел закон, по которому «ни одна женщина не должна ездить на Элевсинские мистерии на колеснице, чтобы женщины из простонародья не были унижены богатыми». Но его собственная жена нарушила закон, и Ликург был вынужден уплатить штраф в шесть тысяч драхм (842 A—B). Бесспорно, на такие расходы способен был только достаточно богатый человек. Мы не будем говорить, в какой степени достоверен сам этот эпизод; подобный сюжет — о жене, нарушающей закон, изданный мужем, — достаточно распространен в античности. Важно другое — то, что именно Ликург стал героем такой новеллы. Вместе с тем в источниках о Ликурге нет совершенно никаких указаний на его личные траты в пользу полиса, тогда как о пожертвованиях часто рассказывается в биографиях политических деятелей и более раннего, и того времени (например, о Демосфене). Отсутствие сведений такого рода о Ликурге, видимо, выражает в какой-то мере его принципы.

Внешнеполитическая позиция Ликурга весьма отчетлива и определена: он был бескомпромиссным врагом Македонии. После поражения при Херонее именно по обвинению Ликурга казнили афинского стратега Ласикла, командовавшего в битве. В речи против Леократа Ликург неоднократно возвращается к этому поражению, вспоминая о нем со скорбью и тоской (16, 37—43, 50 и др.). «Бедственные события», «случившееся несчастье», «величайшее несчастье», «такие ужасы», «такие опасности и такой позор» — вот какими словами он определяет свое отношение к Херонее. Для Ликурга только погибшие при Херонее — истинно свободные: «...в них одних только сохранилась свобода Эллады. Ведь когда они расстались с жизнью, была поработшена и Эллада, а вместе с их телами была погребена и свобода остальных эллинов».

Позиция Ликурга оставалась неизменной и в последующие годы. Так, после разрушения Фив Александр потребовал выдачи в числе других антимакедонских деятелей и Ликурга, о чем говорят Диодор (Diod. XVII, 15, 1) и Арриан (Arr. Anab. I, 10, 4), причем Диодор, сообщая об этом требовании, называет по имени (наряду с Демосфеном) только Ликурга. О том же упоминает и Псевдо-Плутарх (Vit. X Or. 841 E; ср. [Mossé, 1973с, с. 84]).

Показательно, как преломляются эти события в рукописной копии декрета в честь Ликурга: «А когда царь Александр, подчинивший себе всю Азию и считавший справедливым публично отдавать распоряжения всем эллинам, потребовал выдачи Ликурга как своего противника, народ не выдал его, несмотря на страх перед Александром» (Vit. X Or. 852 C—D). Здесь очень важна временная абберация: Александр требует выдачи Ликурга много позднее, чем это произошло в действительности, — уже после завоевания Азии (ср. [Heisserer, 1980, с. 24—26]). Подобная ошибка могла появиться только в том случае, если Ликург на протяжении всей своей деятельности после Херонеи стойко сохранял свои антимакедонские убеждения. Временное смещение наблюдается и в афинском декрете в честь Ликурга 307—306 гг. до н. э.: «А когда эллинов обступили ужасные и страшные опасности, он, защищая интересы народа, постоянно оказывал противодействие Александру, завладевшему уже Фивами и подчинившему себе всю Азию и другие части мира; при этом ради отечества и благополучия всех эллинов он в течение всей своей жизни постоянно выказывал себя неподкупным и безупречным человеком и всеми средствами боролся за то, чтобы город был свободным и независимым; поэтому, когда Александр потребовал его выдачи, народ решил не соглашаться и даже не принимать во внимание требование о выдаче» (Syll.³, 326; перевод Э. Д. Фролова — ВДИ. 1963, № 1, с. 214—215, № 23)¹³. Подтверждением враждебности Ликурга к Македонии является и сообщение об отрицательном отношении его к обожествлению Александра, содержащееся в Псевдо-Плутарховом «Жизнеописании» (842 E).

Вместе с тем мы совершенно ничего не знаем о том, что эта позиция нашла какое-либо воплощение во внешнеполитических акциях. В источниках нет, например, никаких указаний на активность Ликурга во время выступления Агиса. Представляется, что молчание источников не случайно. Понять причину подобной позиции Ликурга помогает его речь «Против Леократа». Объясняя, в частности, почему бегство Леократа из города в момент вражеской угрозы может иметь самые тяжелые последствия, оратор проводит различия между городами, попавшими под власть врага, и городами, оставленными населением и разоренными: «Государство, преданное теми, хоть и поработщенное, осталось бы населенным, а покинутое по примеру этого человека могло оказаться

необитаемым. К тому же весьма естественно, что тяжелое положение государства может измениться к лучшему, а если оно полностью будет разорено, то тогда вообще лишится всякой надежды. Ибо как живой человек надеется выйти из тяжелого положения, а со смертью погибает все, благодаря чему он мог бы быть счастливым, так случается и с городами: их постигает самое страшное несчастье, когда они подвергаются такому разорению» (Lycurg. C. Leocr. 60). Далее следуют примеры, подтверждающие эту мысль. Надо думать, что здесь выражена суть представлений Ликурга о внешней политике в годы после Херонеи; покорение города не означает гибели его, нужно только ждать изменения ситуации. В конкретных условиях того времени эта программа означала сохранение мира любой ценой, ибо победа Македонии не означала гибели Афин. Надежда на возрождение еще не утрачена, нужно только дожидаться благоприятного поворота событий.

Именно такова была сущность политики Ликурга и его приверженцев в годы царствования Александра, политики сознательного выжидания, накопления сил в ожидании перемен. Она имела три аспекта: военно-технический, социальный и идеологический. Военно-технический — это возрождение и усиление флота (Ps.-Plut. Vit. X Or. 852 C; Hyperid. fr. 23)¹⁴, завершение строительства доков, постройка верфи, арсенала Филона в Пирее (Ps.-Plut. Vit. X Or. 841 D; 852 C; Hyperid. fr. 23; Syll.³, 326; IG. II—III², 1(1), 505, 11.1—30; 2(1), 1627, 11.279 sqq., 397—405, 418—420; 1628, 11.552—559; 1631, 11.253—256), создание значительных запасов военного и военно-морского снаряжения, усиление городских укреплений (Aeschin. III, 27—31; IG, II—III², 1(1), 244; [Maier, 1959, № 10, с. 36—48; Schwenk, 1985, № 4, с. 18—26; Jones, Sackett, Eliot, 1957, с. 181—189; Jones, Sackett, Graham, 1962, с. 100—101]) и фортов, охраняющих границы Аттики [Pouilloux, 1954, с. 55, 62—66].

Все это было осуществлено в большой мере благодаря тому, что Ликург в течение 12 лет, лично или опосредованно, управлял финансами полиса (Ps.-Plut. Vit. X Or. 841 B—C)¹⁵ и сумел повысить их примерно втрое, так что ежегодный доход Афин достиг небывалой суммы — примерно 12 тыс. талантов (Ps.-Plut. Vit. X Or. 841 B; 842 Γ)¹⁶.

Одним из важнейших нововведений, осуществленных под руководством Ликурга, была реформа эфебии (Aristot. Athen. pol. XLII)¹⁷. В этом мероприятии сливались военно-технический, социальный и идеологический аспекты политики Ликурга. Эфебы, служба которых продолжалась два года и состояла главным образом в охране границ Аттики, получали не только военную подготовку, в них воспитывали граждан-патриотов. Много усилий прилагалось для воспитания в них афинского патриотизма: так, они принимали активное участие в религиозных церемониях полиса¹⁸.

Этот аспект политики Ликурга — политики возрождения полиса, оживления национального духа, ценностей и традиционных доблестей — буквально пронизывает все стороны его деятельности. Одно из проявлений этой политики — решительное преследование всех, кто не отвечал, по его понятиям, высоким критериям афинского гражданина. Весьма красноречива упоминавшаяся уже речь Ликурга против Леократа, бегство которого после Херонен из Афин интерпретируется оратором как предательство. Интересные результаты дает лексический анализ речи: слово ἡ προδοσία «предательство» и родственные ему употреблены 72 раза; второй лейтмотив речи — антитеза первому: патриотическая тема представлена словом ἡ πατρίς «родина» и родственными ему, упомянутыми 61 раз [MacKendrick, 1969, с. 23; Forman, 1897].

Другая сторона политики Ликурга проявляется в мерах, направленных против всякого рода злоупотреблений, и в его «законах против роскоши». Эти меры носили не только финансовый и фискальный характер, но имели своей целью возрождение определенного единства гражданского коллектива. Из жизни полиса старательно изгонялось все, что могло напоминать о разнице между богатыми и бедными гражданами. Внешние знаки богатства, дразнящие бедняков, провоцирующие их, осуждались Ликургом (Ps.-Plut. Vit. X Or. 842 A). В этой связи находятся и такие мероприятия, которые должны были сделать демос соучастником наказания людей, наживших «неправедное богатство». Мы имеем в виду факт, о котором сообщает его биограф, — раздел между гражданами Афин конфискованного имущества некоего Дифила, который разбогател, похитив из серебряных рудников Лаврии опорные столбы. За это по закону полагалась смерть, и Ликург добился осуждения Дифила, видимо, одного из активных предпринимателей, так как его конфискованное имущество оценивалось в 160 талантов, и на каждого гражданина пришлось по 50 драмам (Ps.-Plut. Vit. X Or. 843 D—E) ¹⁹.

С этим согласуется и сам образ жизни Ликурга (о чем уже упоминалось) — подчеркнутая суровость и неприязнательность. Это был не только акт социальной демарши, но и выражение определенной жизненной позиции — стремление даже внешне походить на образцовых граждан и политических деятелей прошлого, пекущихся только о благе сограждан и полиса. В русле той же самой политики — оказание почестей тем, кто, по мнению Ликурга, достойно выполняет свой гражданский долг. В первую очередь здесь надо назвать павших при Херонее (Tod, с. 223, № 176; [Bratvas, 1964, с. 16—62]; см. также [Mitchel, 1965, с. 199]).

В контексте этой политики следует рассматривать и деятельность Ликурга в религиозной сфере. Возрождались древние культы, восстанавливались храмовые сокровищницы, было завершено стро-

ительство храма Аполлона Патрооса на агоре, изготовлены золотые статуи Ники, золотая и серебряная утварь для торжественных процессий и т. п. При Ликурге издается ряд законов, регулирующих финансовую сторону религиозных празднеств, в частности закон о финансировании Малых Панафинейских игр (Ps.-Plut. Vit. X Or. 841 D; 842 A; 852 B; IG, II—III², 1(1), 333, 337; [Schwenk, 1985, с. 108—126, № 21; Thompson, 1937, с. 77—115]. Декрет о Малых Панафинях: IG, II—III², 1(1), 334; Syll.³, 271; перевод Э. Д. Фролова — ВДИ, 1963, № 1, с. 207, № 9. Другая часть этой надписи — [Lewis, 1959, с. 239—247]. О ней см. также [Robert, 1960, с. 189—203]; весь текст — [Schwenk, 1985, с. 81—94, № 17]).

Важным направлением в деятельности Ликурга, отвечавшим старым Перикловым традициям, является широкое строительство (о нем подробно, с широким привлечением материала раскопок см. [Will, 1983, с. 79—93]). В Ликее реконструируется гимнасий и сооружается палестра; ведутся работы на агоре [Thompson, Wicherley, 1972, с. 21, 60]; он завершил постройку театра Диониса, построил панафинейский стадион и «{украсил весь} город другими многочисленными {сооружениями}» (Ps.-Plut. Vit. X Or. 841 D, 852 C; Hyperid. fr. 23; IG, II—III², 1(1), 351; Syll.³, 288; Tod, № 198; [Schwenk, 1985, № 48, с. 232—238]; перевод Э. Д. Фролова — ВДИ, № 1, 1963, с. 208, № 12; IG, II—III², 2(1), 1627, ll. 382—384; Paus. I, 29, 16)²⁰.

Итак, строились сооружения, функционально необходимые для подъема военной мощи Афин; возводились постройки прокламативно-престижного характера. Важное значение имели в этом отпущении работы на Пниксе, где происходили заседания народного собрания. Широкое строительство давало возможность прокормиться афинским беднякам. Понятно, почему прежде всего строительные работы дают основание вспомнить о Перикле и его традициях. Наконец, строительство должно было способствовать более активному вовлечению богатых граждан в жизнь города — именно в это время развилась практика привлечения богачей к завершению тех или иных сооружений, на которые не хватило государственных средств (с правом поставить на них свое имя).

Большое место в политике Ликурга занимают меры по развитию торговли²¹ и повышению роли Пирейского порта, для охраны торговых путей от пиратов посылаются военные эскадры, предпринимаются усиленные меры для привлечения иностранцев, в том числе и купцов. Им предоставляется право владения землей, количество метеков возрастает (о привлечении иностранцев и даровании права энкtesis см. [Ресірка, 1966, с. 59 и сл.]). В 335—334 гг. до н. э. экклесия по предложению Ликурга принимает решение об отправке триер под командой стратега Диотима для защиты от пиратов (IG, II—III², 2(1), 1623, ll. 276—285)²². Сохранился другой декрет, из которого мы узнаем, что, тоже по

предложению Ликурга, купцы из кипрского города Китиона получили в Афинах право владения участком земли для возведения на нем святилища Афродиты (IG, II—III², 1(1), 337; Syll.³, I, 280; Tod, № 189; [Schwenk, 1985, с. 141—146, № 27]; перевод Э. Д. Фролова — ВДИ. 1963, № 1, № 10, с. 207]. Ранее такое же право получили, очевидно, египетские купцы, судя по этой же надписи. Исследователи согласны в том, что по крайней мере до 330 г. до н. э. значение Пирея было велико (ср. [Papagos, 1968, с. 120 и сл.]). Помимо общего характера политики Ликурга, направленной на всестороннее развитие Афин, было еще одно обстоятельство, заставившее проявить особую заботу о торговле: наблюдавшийся в Греции в 330—326 гг. недостаток зерна. Известно, что в Афинах в связи с голодом были волнения и принимались меры по доставке зерна. Из речи Демосфена против Формиона (Dem. XXXIV, 37, 39) мы узнаем, как поднялись цены на хлеб и как его раздавали среди толчеи и давки в Одеоне и других местах. Сохранилось довольно значительное количество надписей в честь лиц, доставивших зерно в Афины, большинство из них — из Северного Причерноморья и Восточной Эгеиды²³. Прежде всего с пережитым голодом связывают выведение в Адриатику последней колонии Афин, чтобы была у афинян «собственная торговля и доставка хлеба, чтобы с сооружением собственной корабельной стоянки появилась охрана» от пиратов и чтобы все, кто плавает по Адриатическому морю, могли это делать безопасно (Syll.³, 305; Tod, № 200; перевод Э. Д. Фролова — ВДИ. 1963, № 1, с. 211—212, № 18] (см. также [Жебелев, 1930, с. 59—65] — надпись 325/4 г. до н. э.).

Все эти мероприятия Ликурга — политические, социальные и экономические — вдохновлялись его более общими идеями. Уяснить его мировоззрение помогает речь «Против Леократа» (кроме старых работ А. Шефера [Schaefer, 1887, с. 217—220], Ф. Дюрбаха [Dürbach, 1890, с. 150 и сл.] и Ф. Бласса [Blass, 1898, с. 111—116, 118—122] о речи см. [Treves, 1933, с. 315—330; Вальченко, 1976, с. 92—101 (риторический план); Вальченко, 1977а, с. 62—67 (характер аргументации); Вальченко, 1977б (о речи в целом)]).

Важнейшим здесь является понятие «демократия»: демократия упоминается как существующий в Афинах государственный строй, говорится об угрозе независимости и демократии Афин со стороны Македонии, приводятся некоторые теоретические экскурсы о сущности демократии, даются яркие пассажи о тех мерах, которые должны способствовать защите демократии.

Во всех этих рассуждениях, однако, можно выделить то специфическое, что позволяет говорить об особенностях понимания демократии Ликургом. В этом отношении очень показательным, как описывает он последствия поражения при Херонее (Lysurg. C. Leocr. 41—42 и сл.). Самое ужасное для Ликурга — те решения,

которые афинский народ вынужден принять в силу сложившихся обстоятельств: «сделать рабов — свободными, чужеземцев — афинянами, лишенных гражданской чести — гражданами». Думаю, здесь имеются в виду предложения Гиперида. Тон, каким говорится о них, значение, которое придается этим постановлениям, убеждают, что для Ликурга принятие их означает конец подлинной демократии; страшно даже не столько само поражение, сколько то, что оно вызывает меры, отвечающие принципам крайней, радикальной демократии. Это, кстати, отвергает высказывавшийся в литературе взгляд о единстве позиций Ликурга и Гиперида (см. ниже).

В связи с этим направлением мысли, возможно, находятся и восхваления ареопага (ср. [Perlman, 1967, с. 168 и сл.]). Причем характерно, что эти восхваления обращены не в прошлое, как это нередко наблюдается в политической мысли IV в. до н. э., а в настоящее: «...вы, единственные из эллинов, имеете прекрасный пример в лице совета ареопага, который настолько превосходит другие судебные органы, что решения его признаются справедливыми даже и самими осужденными» (§ 12). Наконец, в эту общую картину хорошо вписывается еще одно положение, подробно развиваемое в речи «Против Леократа» (§ 142—143), — право на соучастие в демократической форме правления имеют только те, кто участвует в защите города. Рассматривая меры по защите демократии, Ликург особо выделяет роль судебных органов (Lycurg. C. Leocr. 4) ²⁴.

В политической концепции Ликурга важное место занимали традиционные для афинской демократии идеи о праве Афин на гегемонию над другими полисами, о моральном и военном превосходстве афинян; более того, власть Афин — благо для эллинов. Особенно отчетливо эта мысль выражена в «исторической части» ²⁵ речи «Против Леократа», в рассказе о греко-персидских войнах, о битве при Саламине, когда, по словам Ликурга, афиняне сделали греков свободными вопреки им самим.

Речь «Против Леократа» являет нам еще один облик Ликурга — не просто моралиста, исповедующего определенные этические нормы [Salamone, 1976, с. 41—52], но человека, озабоченного моральным обликом подрастающего поколения и имеющего определенные представления об их воспитании ²⁶. Центральным элементом ее были произведения трех великих трагиков — Эсхила, Софокла и Эврипида, статуи которых украсили новый театр и тексты трагедий которых хранили отныне в государственном архиве, чтобы избежать их искажений. Большой отрывок из «Эрехтея» Эврипида, в котором Праксителя говорит о своей готовности ценой смерти дочери спасти родной город, его свободу, составляет (как показала Хамфрис) часть «священных текстов», очевидная цель которых — «направить к добродетели все молодое поколение» (C. Leocr., 10). Речь начинается молитвой — Ликург взывает «к

Афине и остальным богам и героям, изображения которых стоят в этом городе и стране» (§ 1), — включает клятву эфеев (§ 76—77), клятву, данную греками перед битвой при Платеях (§ 80—81), миф о чуде, когда при извержении Этны волею божеств спаслись только юноша, не бросивший своего немощного отца, и отец (§ 95—96), и рассказ о царе Кодре, который пошел на смерть ради спасения родины (§ 84—87) ²⁷.

Поэтические тексты составляют существенный элемент Ликуровой системы воспитания: ведь «законы из-за краткости не поучают, а приказывают, что нужно делать», тогда как поэты, «изображающие человеческую жизнь, выбрав прекраснейшие поступки, с помощью слов и поэтического изображения воспитывают людей» (§ 102). И Ликург цитирует «Илиаду» (§ 102), Тиртея (§ 107), Симонида (§ 109) ²⁸.

Подводя некоторые итоги, можно считать, что группа Ликурга наиболее полно выражала традиционные концепции и ценности афинской демократии, прежде всего убеждение в необходимости господства Афин над эллинским миром и их праве на это. Однако трезвая оценка обстановки заставляла эту группу в данной конкретной ситуации занимать выжидательную позицию, накапливая силы. Особое внимание уделялось сохранению и приумножению флота, что соответствовало традициям афинской демократии.

Во внутривполитической сфере эта группа также стояла за сохранение традиционного государственного устройства ²⁹, при этом упор делался на суд как орган, наиболее эффективный в защите демократического строя. Предпринимались меры по сохранению единства гражданского коллектива, если не экономического, то хотя бы политического. Много внимания уделялось возрождению и укреплению традиционных ценностей афинской демократии. Основного врага представители этой группировки видели в радикальных демократах. Активная строительная деятельность играла как «прокламативную» роль, так и должна была служить средством для обеспечения прожиточного минимума беднейшим слоям гражданства и для привлечения богатых граждан к украшению и прославлению полиса, а их ресурсов — для помощи неимущим.

В области экономической, в соответствии с традициями афинской демократии, поощрялась торговля. Возможно, представители этой группы с определенным неодобрением относились к деятельности богатых дельцов в Лаврии ³⁰.

Насколько можно судить, верхушку этой группы составляли представители старой афинской аристократии, сохранившие и в IV в. до н. э. свое богатство и свою традиционную приверженность демократическому строю полиса и его системе ценностей; по крайней мере таков был Ликург, стоявший во главе ее. Тот факт, что эта группа, по существу, находилась во главе государства, во всяком случае управляла в большой мере его внутривполити-

ческой жизнью в течение почти всех лет царствования Александра, с 338 по 326 г. до н. э., по-видимому, дает основание считать, что ее политика отвечала в это время интересам демоса в целом.

Анализ позиции группы Демосфена (библиографию за 1915—1965 гг. см. в работе [Jackson, Rowe, 1969]) во многом является ключевым для понимания процессов, происходивших в политической истории Афин рассматриваемого времени. Как уже отмечалось, некоторые исследователи даже полагают, что вся история Греции в эти годы (в частности, вследствие спартанского выступления) определялась позицией Демосфена, но это все-таки кажется преувеличением.

Вместе с тем обычно не проводится различие между Демосфеном и Ликургом и даже между ними и Гиперидом (см. ниже), что совершенно неоправданно. Даже то обстоятельство, что лидеры этих групп имели примерно одинаковое имущественное положение — принадлежали к «верхушке среднего класса» [Perlman, 1963, с. 327 и сл.; Mitchel, 1965, с. 193; Burke, 1977, с. 335], не означает, что они должны были проводить одинаковую политику. Помимо имущественного положения на их позицию оказывали влияние и многие другие факторы, среди которых — характер имущества, традиционные связи семьи, наконец, сама логика политической борьбы. Ученые, которые сводят внутривнутриполитическую борьбу в Афинах к противостоянию двух партий, антимакедонской и промакедонской, естественно, относят Демосфена и Ликурга (как и Гиперида) к антимакедонской (см., например, [Mathieu, 1948, с. 120]). С. И. Радциг [1954, с. 417, 446, 456] называет Ликурга сторонником Демосфена. Но и те немногие историки, которые рисуют несколько более сложную картину соотношения сил, тоже объединяют Демосфена и Ликурга в пределах одной партии. Так, Г. Глотц и Р. Коэн считают, что после расправы Александра над Фивами Демосфен, отойдя от руководства своей партией, передал ее Ликургу, будучи уверен, что найдет в его лице верного глашатая своих надежд [Glötz, Cohen, 1945, с. 198]. Такого же мнения в общем и Тарн, который отмечает, что после замещения Ликурга Менесехмом в 326 г. до н. э. Демосфен остался у руководства партией [Tarn, 1927, с. 440] (против: [Lewis, 1955, с. 35]).

Делались попытки найти доказательства тесного сотрудничества Ликурга и Демосфена (кроме немногих известных фактов), и для этого обращались к судебным процессам 331—330 гг. до н. э. В. В. Вальченко, опираясь на наблюдения П. Тревесы [Treves, 1933, с. 315 и сл.] об идейно-политической и текстуальной близости речей Ликурга против Леократа и Демосфена в защиту Ктесифонта (сам Тревес объяснял сходство последующим редактированием Ликургом своей речи), считал, что Ликург возбудил дело для подготовки Демосфенова процесса как «наводящий пример» [Вальченко, 19776, с. 15—16]. Еще дальше пошел Берк, ход рассуждений

которого (очень суммарно) таков: ораторов связывало страстное желание вернуть Афинам их былое величие (что отчасти объясняется их «аристократическим» фоном; оба хорошего происхождения и богатые, они, вполне возможно, были личными друзьями), но после поражения Агиса моральный климат в Афинах изменился, что могло фатально сказаться на Ликурговой программе возрождения Афин, и ораторы нашли в судебных процессах способ поднять патриотические настроения демоса, регенерировать их оппозицию Македонии [Burke, 1977, с. 330—340].

Однако есть одно веское возражение — неизвестно, кто был инициатором процесса в 330 г. до н. э. Для Берка, естественно, — Демосфен, но приведенные им доводы неубедительны. Напротив, обычно полагают, что именно Эсхин, сочтя обстановку благоприятной для себя, решил нанести Демосфену удар (см., например, [Cawkwell, 1969, с. 180; Bosworth, 1988a, с. 213]).

Демосфен относится к числу тех великих деятелей прошлого, вокруг которых и в новое время продолжают бушевать такие страсти, как если бы речь шла о современнике³¹. Патриот, доходящий до фанатизма и ограниченный в своем фанатизме, борец за свободу и демократию, не гнушающийся персидских денег, шовинист, разделяющий абсурдные концепции и тешившийся абсурдными надеждами, любитель интриг, сложивший голову за дело, которому служил, но защищавший отжившие идеалы и тем самым мешавший поступательному ходу истории, которая выбрала своим орудием Филиппа, объединившего греков вопреки им самим, — таков далеко не полный перечень противоречивых суждений историков о Демосфене. В Демосфене видели «святого» (Б. Нибур) и платного агента персидского царя (У. Каршtedт). Здесь не место подробно касаться всей этой проблемы, которая сама может послужить темой специальных исследований (см., например, [Schindel, 1963]). Скажем основное — оценка Демосфена во многом определялась прежде всего общими взглядами на характер развития Греции во второй половине IV в. до н. э. и роль Филиппа, а взгляды эти, в свою очередь, во многом зависели от политических симпатий того или иного историка. Как заметил П. Клоше [Cloché, 1957, с. 310—311], горячие поклонники диктаторских режимов и военной монархии занимали сторону Македонии против Демосфена, тогда как сторонники демократии выражали ему свое самое глубокое восхищение. В изучении Демосфена во второй половине XIX — начале XX в. можно выделить, говоря словами Ж. Матье [Mathieu, 1948, с. 183—184], две основные тенденции: либеральную, сторонники которой видели в Демосфене прежде всего защитника свободы и независимости Греции (здесь большое влияние оказала английская историография эпохи развития парламентаризма, прежде всего Д. Грот), и «унитарную», или монархическую, представители которой осуждали Демосфена за его противодействие Филиппу.

Сторонники последней представлены преимущественно немецкими учеными. Если в период наполеоновских войн в Германии переводили речи Демосфена, чтобы усилить дух национального сопротивления, то с изменением обстановки в Европе иным стал и подход к Демосфену. Возникают аналогии между состоянием полисов в IV в. до н. э. и германскими государствами, объединенными Пруссией, между Филиппом и Вильгельмом I; в борьбе Демосфена с Македонией видят только губительную попытку удержать систему мелких государств, а в завоеваниях Филиппа и Александра — прогресс для Греции, объединенной Македонией (К. Белох, Э. Мейер и др.). В годы первой мировой войны Э. Дреруп [Dreger, 1916] пытается опорочить Демосфена как демагога, думающего только о собственных успехах и способствующего гибели греков, после войны Ж. Клемансо [Clemenceau, 1926] прославляет Демосфена, по выражению В. Егера [Jaeger, 1944, с. 263], против «немецкой Македонии», чтобы помочь Франции сохранить жизненную силу и энергию для сопротивления врагам — варварам.

В работах 50—60-х годов, преимущественно французских, дается более спокойная и объективная оценка. Демосфен вызывает восхищение как самый решительный борец за свободу греков, прежде всего Афин, но и других эллинов. Указывается, что его патриотизм не ограничивается границами Аттики и что он, в отличие от Филиппа и Александра, с уважением относясь к автономии полисов, развивал панэллинские идеи, которые не мешали ему, однако, считать Афины наиболее достойными занять, с согласия других государств, руководящую роль в Греции. Из работ Ж. Матье, П. Клоше, А. Боннара, Ж. Люччиони, В. Егера возникает трагический образ великого оратора, полного любви к прекрасному, человека долга и чести, гордость страны, за которую погиб. Возражая критикам Демосфена, они пишут, что дело, которому он служил, не было ограниченным, а проводимая им политика — ретроградной, так как Демосфен боролся за идеалы, которые никогда не потеряют своей ценности, — за свободу, независимость, ради спасения и будущего цивилизации, а успех или поражение не могут служить критерием при суждении о правильности политики. Однако, создавая более адекватный образ, эти ученые, как нам кажется, не избежали определенной идеализации (наиболее, пожалуй, отчетливо у Радцига [1954, с. 405 и сл.] и Боннара [Боннар, 1962, с. 88 и сл.]). Можно указать и на своего рода продолжение отмеченной традиции, но *vice versa*: Коквелл (на что уже обратил внимание Хардинг [Harding, 1987, с. 26]), ранее критиковавший Демосфена [Cawkwell, 1963b, с. 120—138, 200—213; Cawkwell, 1969, с. 162—180] написал затем своего рода эпитахию Филиппу [Cawkwell, 1978].

Интерес к жизни и деятельности Демосфена, к его речам, естественно, не прекращается, и каждый год выходят новые статьи, но, очевидно, после потока книг о нем в прошлом еще

не настало время, чтобы эти более частные исследования потребовали монографического обобщения. Единственная известная нам книга, вышедшая в последнее время,— работа Г. Монтомгери «Путь к Херонее. Внешняя политика, принятие решений и влияние в речах Демосфена» [Montgomery, 1983], если не считать популярной книги П. Карлье [Carlier, 1990].

В заключение этого небольшого обзора упомянем об оригинальном взгляде на Демосфена, недавно высказанном П. Карлье (к сожалению, судить о нем можно только по краткому изложению прочитанного им доклада). Отрицая неизменность позиции Демосфена, Карлье считает, что он сознавал невозможность восстановления политического порядка в Греции времени до Херонее. Отныне перед греками не стояла дилемма: сопротивление или подчинение, но ситуация диктовала другой путь — изощренные переговоры. Тем самым позиция Демосфена в последние годы его жизни, возможно, позволяет видеть в нем первого полисного политика эллинистического типа [Carlier, 1989, с. XXV—XXVI]. Напомним, что С. Хамфрис [Humphreys, 1985, с. 199 и сл.] и К. Моссе [Mossé, 1989, с. 25 и сл.] считали таковым Ликурга. Это направление мысли, новое в изучении политических деятелей IV в. до н. э., идет, как мне кажется, в общем русле исследования современными учеными истоков эллинизма.

На обрисовку позиции Демосфена наложила сильнейший отпечаток его непримиримая борьба с Македонией. К тому же постоянные ссылки оратора на демократию выработали в современной литературе определенный стереотип: защита Афин от македонской агрессии является защитой афинской демократии.

Однако внимательное изучение речей Демосфена позволяет понять, что позиция прославленного афинского оратора не была столь однозначной. Неемненно, руководящим мотивом всей его политической деятельности является вражда к Македонии³². Эта вражда обосновывается Демосфеном и теоретическими соображениями. Исходный пункт таков: тирания (а такова власть Филиппа)³³ по самой своей природе враждебна демократии, и эта мысль варьируется в речах Демосфена. Впервые она высказывается в Первой Олинфской речи: «Да и вообще, я думаю, для демократических государств тирания есть что-то не внушающее доверия» (I, 5). Затем появляется во Второй Филиппике: «Вот как ненадежна для свободных государств эта чрезмерная близость с тиранами» (VI, 21) и далее: «Но есть одна вещь... она хороша и спасительна... особенно для демократических государств против тиранов. Что же это такое? Это — недоверие. Его храните, его держитесь... Чего вы ищете? — спрашивал я, — свободы? Да разве вы не видите, что Филипп не имеет ничего общего с ней даже по своему именованию: ведь всякий царь и тиран есть враг свободы и противник законов» (VI, 24—25). Наконец, в речи «О делах

в Херсонесе», где, наоборот, говорится уже об опасности демократических государств для тиранов: Филипп «знает отлично, что, если даже он всех остальных подчинит себе, никакое владение не будет у него прочным, пока у вас будет демократическое правление, но что, если только его самого постигнет какая-нибудь неудача, каких много может случиться с человеком, тогда все, находящиеся сейчас в насильственном подчинении у него, придут к вам и у вас будут искать себе прибежища» (VIII, 41; то же — X, 13) ³⁴.

Таким образом, с точки зрения Демосфена, царь Македонии (являющийся тираном) и демократия (в первую очередь афинская) — естественные враги, сколько-нибудь длительное сосуществование которых невозможно. Из этого положения оратор делает несколько выводов, один из которых касается отношений с другими полисами. Демосфен считает наиболее последовательным и непримиримым врагом Македонии Афины. Показательна его аргументация, имеющая двусторонний характер: объяснение с точки зрения Филиппа («Да, кроме того, и опасность, которая угрожает вам, совсем не такова, как всем остальным: ведь Филипп хочет не просто подчинить своей власти наше государство, а совершенно его уничтожить»); объяснение с точки зрения афинян («Он знает отлично, что рабами быть вы и не согласитесь, и хоть бы даже согласились, то не сумеете, так как привыкли главенствовать» — VIII, 60).

Афиняне должны выступить организаторами сопротивления всей Эллады и возглавить борьбу с Македонией. К этому призывает их прошлое, они привыкли главенствовать в Элладе (ἀρχεῖν γὰρ εἰώθατε — VIII, 60), хотят первенствовать (πρωτεύειν — XIII, 8) и являются политическими руководителями греков (πρωτοκόμισθε γὰρ ἐν τοῖς Ἑλλήσιν — XIII, 35).

В этой борьбе, по словам Демосфена, они готовы сделать всех свободными (X, 14). Он призывает афинян поступать так, чтобы в них видели «общих заступников свободы всех» (XV, 30). Они всегда стремились к тому, чтобы «спасать притесняемых» (XVI, 14—15) ³⁵ и не должны отдавать «никого из более слабых во власть более сильному» (XVI, 32). Афины занимают особое положение, и, в то время как многие из эллинов считают «допустимым ради какой-нибудь выгоды лично для себя пожертвовать остальными греками», афинянам, даже когда они терпят обиду, «честь не позволяет применить по отношению к своим обидчикам такого возмездия, — допустить, чтобы некоторые из них попали под власть варвара» (XIV, 6).

Но ныне граждане отступились от того основного, что завещали предки: «вставать во главе греков (προΐστασθαι τῶν Ἑλλήνων) и, имея наготове постоянное войско, защищать всех притесняемых» (X, 46). «Отечество всегда борется за первенство (πρῶτεύων), за честь и славу», которые у Демосфена отождеств-

ляются с общей пользой эллинов (XVIII, 66)³⁶. О самом себе Демосфен здесь говорит как об «ораторе, выступавшем перед государством в качестве советника по вопросу о первенстве» (περὶ τῶν πρωτεῖων — XVIII, 209). Очевидно, Демосфен следовал традиционной практике — чтобы оказывать влияние на аудиторию, оратор должен быть хорошим актером, играя определенный образ³⁷. Демосфен выбрал образ советчика (ὁ σύμβουλος)³⁸, который он пронес через всю свою карьеру, но наиболее отчетливо, как видим, выразил в речи «О венке». Ясно, что человек, который выступал перед аудиторией в такой роли, претендовал на то, что его советы — наилучшие, а сам он никогда не испытывал дурного влияния, был неподкупен. Поэтому столь губительным для Демосфена стало обвинение его по делу Гарпала.

Демосфен призывает сограждан брать пример с предков, которые «в течение сорока пяти лет правили греками с их собственного согласия и более десяти тысяч талантов собрали на Акрополе; им подчинялся царь... как и подобает варвару подчиняться грекам; кроме того, много прекрасных трофеев воздвигли они в сухопутных и морских сражениях, сами выступая в походы» (III, 24). Все эти славные дела предки совершили под руководством Аристиды, Мильтиада, Перикла. Как ясно, Демосфен обращается к временам греко-персидских войн и Афинского морского союза³⁹.

Однако все попытки возродить гегемонистскую политику Афин в это время терпят крах, что, естественно, заставляло искать причину неудач. Ответ Демосфен дает путем противопоставления славного прошлого безрадостному настоящему. Недовольство существующим состоянием вещей — одна из основных мыслей Демосфена, ее мы найдем почти в каждой его речи. Наблюдение важно для нас в двух отношениях: во-первых, становится ясным, что Демосфен отнюдь не был ярким сторонником существующих в это время в Афинах порядков. Во-вторых, еще более важно выяснить, что же в современных Афинах не нравилось ему, что отвергалось и о каких чертах прошлого (реального или воображаемого) он вспоминал.

Больше всего Демосфена возмущает и удручает отсутствие энергичной практической деятельности. Народ ограничивается выслушиванием речей, принятием псефисм, свои же обязанности по проведению в жизнь решений и — более широко — своего гражданского долга вообще не выполняет (II, 23; III, 14, 34; IV, 2, 13, 30, 45; VI, 3—4; VII, 21; IX, 1; X, 75; XIV, 14—15). Эта выраженная в общей форме мысль иногда конкретизируется: указывается, что рядовые афиняне не хотят выступать в поход (II, 24; III, 24, 30; IV, 45; VIII, 21), а богатые не хотят делать денежных взносов (II, 24; VIII, 21; XVIII, 102; ср. [Jones, 1957, с. 23 и сл.]).

Далее, Демосфен отмечает разрыв между государством как

коллективом афинских граждан и его руководителями: с одной стороны, полномочными магистратами — стратегами (II, 28—29; IV, 47), с другой — ораторами, получившими чрезмерное влияние в народном собрании (III, 22—23, 31; XIII, 20, 31). Ораторы прошлого не заискивали у народа (III, 24), а были простатами демоса (III, 27).

Наконец, Демосфен указывает на общую моральную деградацию, сказывающуюся, в частности, в том, что отдельные лица (в первую очередь военные и политические руководители) обогащаются, а государство в целом беднеет (III, 25—26, 31; IX, 39; XIII, 20, 30, 36). Именно это обстоятельство создает благоприятный моральный климат для деятельности Филиппа, подкупающего политических деятелей, чем он губит Элладу⁴⁰.

Отметим, что Демосфен правильно диагностирует некоторые существенные стороны того явления, которое теперь мы называем кризисом полиса. Однако для нас в данном случае важнее другое — его убеждение в необходимости преобразований и высказывающиеся на этот счет соображения. При этом подчеркнем одно обстоятельство: эти преобразования имеют своей целью не создание «идеального полиса», воплотившего некие абстрактные идеи (как у Платона или Аристотеля). У Демосфена речь идет об определенных реформах, необходимых для того, чтобы конкретный полис — его родные Афины вновь стали могущественными, сокрушили Филиппа и вернули гегемонию над эллинским миром.

Следует также отметить и второе обстоятельство, тесно связанное с первым. Демосфен был реальным политиком, учитывавшим конкретную обстановку, поэтому в его политических воззрениях можно достаточно отчетливо различать планы конкретных политических реформ, в осуществлении которых Демосфен, в принципе, был уверен, и те «настроения» (часто достаточно отчетливые), которые были нереальны в данной ситуации, и их неосуществимость признавал и сам оратор. Однако, как представляется, следует анализировать и их, поскольку они накладывали определенный отпечаток на всю систему взглядов Демосфена. Как видим, Демосфен часто критиковал современную ему демократию в Афинах, и основная цель его критики — побудить граждан к более активным действиям против Филиппа. Отсюда и многие предложения об упорядочении финансов для более успешной войны с македонским царем. Но в отличие, например, от Исократы Демосфен не предлагает изменений в конституции, для него решающий фактор в политике — демос. Именно к демосу Демосфен обращается (опять же в отличие от Исократы, у которого другая аудитория). Демосфену чужды спекуляции философов относительно идеального строя, и в своей критике демократии он, в общем, не прибегает к аргументам на теоретическом уровне. Информация, которую можно извлечь из его речей о демократии, ограничивается мыслями, которые он мог высказать народу в

экклесии и суде, и, повторяю, критикой демоса, но это критика из своих рядов, тогда как Платон, Аристотель или Исократ критикуют ее, так сказать, извне. Подтверждение своей правоты Демосфен, в духе времени, находит в славном прошлом, когда честные граждане ставили спасение государства выше, чем успех, приобретенный угодными народу речами, когда народ имел смелость сам отправляться в походы и вследствие этого был хозяином всех благ, тогда как сейчас всеми благами распоряжаются нечестные политические деятели, которые (разумеется, в отличие от самого Демосфена) сделали из народа своих слуг (III, 21—22, 30—32). Но в этом виновата не демократия, а сам народ, его ошибки (ср. [Маринovich, 1983а, с. 208 и сл.]; о Демосфене как политическом мыслителе см. [Montgomery, 1983]).

По мнению Демосфена, необходима определенная моральная «регенерация» и, как естественное следствие этого, внутреннее единство в полисе. Демосфен провозглашает что-то вроде «национального единства» перед лицом внешней опасности (ср. [Jaeger, 1944, с. 287—288]).

Необходимость отложить все внутренние распри до окончания войны с Филиппом — такова одна из основных идей Демосфена, которая в той или иной степени окрашивала весь комплекс его представлений. Мысль об укреплении внутреннего единства полиса многократно высказывается в речах Демосфена, причем пути этого укрепления представлены по-разному. Во Второй Олинфской речи эта идея высказывается в самой общей форме, как призыв к своего рода возрождению того «идеального» строя, который существовал в эпоху расцвета Афин: «Так, значит, нужно положить конец такому порядку и, став хоть теперь вполне самостоятельными, всем предоставить возможность участвовать и в совещаниях, и в прениях, и в дебатах... Итак, сущность моего предложения сводится к следующему: всем делать взносы — каждому сообразно с его состоянием; всем выступать в походы по очереди, пока все не выполните походной службы; всем выступающим ораторам давать слово и из всего, что услышите, выбирать наилучшее... И если вы будете так вести дела, тогда не сейчас только будете хвалить одного лишь оратора, внесшего предложение, а и самих себя впоследствии, когда все государство в целом будет у вас в лучшем состоянии» (II, 30—31).

Свое конкретное выражение идея единства гражданства находит в мыслях о необходимости возрождения ополчения (IV, 19—20, 47 и др.)⁴¹. Другой аспект этой же идеи — мысль о необходимости прекратить борьбу между богатыми и бедными. Демосфен — противник «эксцессов», связанных с чрезмерными, как он полагает, нападками их друг на друга (X, 36). Нуждающимся он советует «отказаться от того требования, которым недовольны состоятельные» (X, 43). А выступая против конфискации имущества богатых, Демосфен не без горькой иронии

замечает, что оратор, предлагающий это, т. е. потакающий демосу, «становится у вас сейчас же великим, прямо бессмертным по своей неприкосновенности» (X, 44). Завершаются эти рассуждения весьма определенно: «Да, граждане афинские, нужно установить между собой справедливые взаимоотношения в государстве — богатые должны иметь уверенность, что у них жизнь вполне обеспечена принадлежащей им собственностью и что им за нее нечего бояться, в случае же опасности они обязаны отдавать ее отечеству на общее дело ради спасения; остальные должны общественное достояние считать общим и иметь в нем свою долю, а частную собственность каждого отдельного лица — достоянием владельца» (X, 45).

Таким образом, ясно заметно, что у Демосфена при всех попытках предстать перед слушателями в роли человека, стоящего равно далеко и от богатых, и от бедных, все же основной упор делается на защиту богатых⁴², проявляется своего рода «инстинкт собственника»⁴³. В защиту богатых приводится ряд аргументов: богатый лучше управляет своим имуществом, способствует его приумножению, а это выгодно и бедным, ибо в случае крайней опасности оно может быть обращено на общую пользу. Подобные идеи присутствуют в ряде речей Демосфена. В частности, в речи «О делах в Херсонесе» он решительно обрушивается на всех, посягающих на собственность: «Ведь если кто-нибудь, граждане афинские, не считаясь с тем, будет ли это полезно для государства, привлекает граждан к суду, отбирает имущество их в казну, предлагает раздачи или выступает с обвинениями, то в этом нет с его стороны никакого мужества, но такой человек обеспечивает себе безопасность тем, что угождает вам своими речами и политическую деятельность, и таким образом, он смел, ничего не опасаясь» (VIII, 69). Далее Демосфен подчеркивает, что сам он никогда к подобным мерам не прибегал, хотя это и ставило его в глазах афинян ниже других ораторов (VIII 71)⁴⁴. Еще один конкретный пример: выступая в экклесии с предложением увеличить число граждан, привлекаемых к триерархии, Демосфен уверяет их, что в государстве много богатств, но пока не началась война, владельцы даже не признаются, что имеют средства. Однако Демосфен уверен, что в случае крайности они добровольно отдадут свои деньги, а «в настоящее время надо оставить их на руках у владельцев, так как нигде в другом месте не будут они в лучшей сохранности» (XIV, 24—26, 28).

Такая позиция Демосфена поразительно перекликается с советами Аристотеля [Глускина, 1983, с. 27—28], отнюдь не поборника демократии: «В государствах демократических следует щадить состоятельных людей и не подвергать разделу не только их имущество, но и доходы» (Aristot. Polit. V, 7, 11, 1309a 14—17).

Подобные взгляды были направлены своим острием против

ораторов радикально-демократического направления. Вместе с тем не исключено, что здесь можно увидеть и определенные различия с Ликургом, в деятельности которого борьба с финансовыми злоупотреблениями богачей (по крайней мере некоторых групп их) занимала заметное место, хотя, конечно, их не следует преувеличивать (это скорее разные социопсихологические установки).

Еще более отчетливы различия между группами Демосфена и Ликурга в оценке роли судов. Демосфен активно выступает против судебных преследований сограждан, против сикофантов. Если для Ликурга суды — чуть ли не главная опора демократии, то у Демосфена заметно явное неприятие судов: «И к тому же, клянусь Зевсом, граждане афинские, к вам нахлынули еще и другие речи — лживые и весьма вредные для государственного порядка, вроде того, что в „судах для нас спасение!“ и что „голосованием вы должны охранять государственный строй!“» (XIII, 16).

Еще более враждебно настроен Демосфен против сикофантов: «Сикофант, по выражению некоторых, это — собака демоса, которая тех, кого выдает за волков, не кусает, а, наоборот, овец, которых будто бы защищает, сама пожирает. Его ум не направлен ни на одно доброе государственное дело. Сикофант не занимается ни искусством, ни земледелием, ни ремеслом, ни с кем не вступает в дружественное общение. Он ходит по площади, как схида или скорпион, подняв жало, устремляясь то туда, то сюда, высматривая, кому бы причинить беду, поношение, зло и, нагнав на него страх, взять с него денег... Непримиримый, блуждающий, необщительный, он не знает ни расположения, ни дружбы, ничего такого, что испытывает порядочный человек. Он ходит, окруженный тем, чем окружены нечестивые в Аиде, как их рисуют живописцы, — проклятием, руганью, завистью, раздором, враждой» (Dem. XXV, 40, 51—52) ⁴⁵. Позицию Демосфена в отношении судов в государственном устройстве Афин подтверждает и свидетельство Плутарха (Plut. Dem. 14), основанное на Феопомпе: «Однажды афиняне назначили его обвинителем, Демосфен отказывался, а в ответ на недовольный шум выступил и заявил так: „Афиняне, советником вашим я буду и впредь, хотите вы этого или не хотите, но клеветником и доносчиком — никогда, как бы этого ни хотели!“» ⁴⁶.

Как отмечается в современной литературе, в такого рода инвективах в адрес сикофантов (и слушающих их членов суда) проглядывает определенная социальная позиция. В частности, по мнению Э. Леви, противоречие между бедными и богатыми «имело тенденцию маскироваться под противоречие между сикофантами и благодетелями города» [Levy, 1976, с. 255] ⁴⁷.

Борьба с Македонией, ведущая тема политических речей Демосфена, побуждает его так определить истинную основу демок-

ратического режима: «Но я лично знаю, что, хотя эти суды действительно определяют у вас правовые взаимоотношения между людьми, однако врагов надо побеждать оружием, и именно им обеспечивается спасение государства. Ведь вовсе не голосование обеспечивает победу воинам, стоящим под оружием, а, наоборот, воины, которые с оружием в руках будут побеждать врагов, доставят вам возможность и безопасность подавать голоса и вообще все делать, что вам будет угодно» (XIII, 16—17). Противопоставление ясно: не суд, а воины-граждане составляют основу демократии, ее защиту и опору. Отметим, что, судя по контексту, здесь имеются в виду воины-гоплиты. К этой идее Демосфен возвращается неоднократно. Обращаясь к прошлому, в качестве идеала подлинного демократического деятеля он называет Солона, а законы Солона считает наилучшими (XVIII, 6). В конце V—IV вв. до н. э. между различными политическими группировками развернулась острая борьба вокруг фигуры Солона и созданного им государственного строя⁴⁸; для Демосфена это — режим «гоплитской демократии».

Нападки на суд имеют в речах Демосфена далеко не случайный характер. Гелиея благодаря ряду прерогатив (γραφῆ λαρχόντων, νόμων μὴ ἐπιτήδεον εἶναι) оказывалась последней инстанцией в решении законодательных вопросов полиса, тем самым выступая как оплот демократического строя⁴⁹. Во всяком случае, Аристотель связывал установление демократии в Афинах с введением суда, к которому имели доступ все граждане, а современную ему демократию — с господством суда (Aristot. Polit. III, 1273b 41—1274a 5; Athen. Polit. IX, 1).

В этом же контексте следует рассматривать и противопоставление Демосфеном решения народного собрания закону⁵⁰. Обращаясь в речи «Против Тимократа» к судьям, оратор отмечает, что Афины управляются законами и псефисмами (XXIV, 152).

Сила законов — в их соблюдении, они — оплот демократии: «закон силен вами, а вы сильны законами» (XXI, 224). Однако если раньше удовлетворялись теми законами, какие есть, не создавали новых, то иное положение теперь, когда декреты противоречат им (ψηφισμάτων δ' οὐδ' ὅπου διαφέρουσιν οἱ νόμοι — XX, 92). Более того, псефисмы заняли место законов, тогда как они не должны иметь большей власти, чем законы (νόμων κυριώτερον εἶναι — XXIV, 30). Со страстной защитой законов Демосфен выступает в речах «Против Лептина» (XX) и «Против Мидия» (XXI) (подробнее см. [Romilly, 1975, с. 101 и сл.]; ср. [Jones, 1956, с. 126—127]).

Уже в V в. до н. э. в общественно-политической мысли сложилось определенное представление о «номосе»⁵¹. «Номос» — это не какой-то определенный, конкретный закон, это суверенный принцип порядка и справедливости, который пронизывает все

стороны жизни общества и индивида и управляет всей жизнью полиса. Идея «номоса» как некоего божественного принципа всегда имела аристократический оттенок, хотя уже в V в. до н.э. оспаривалась сторонниками демократии, смотревшими на «немос» как на результат своего рода «общественного договора». Акцент на устоявшиеся, традиционные формы общественного бытия, содержащийся в концепции «номоса», явился определенной теоретической базой для противостояния идее суверенитета народного собрания [Will, 1972, с. 427—429].

У Демосфена наблюдается традиционное, восходящее к V в. до н.э. представление о «номосе». Для него νόμος и νόμοι — первооснова бытия полиса; если их устранить, то не только исчезнет полития, но и жизнь людей не будет отличаться от жизни зверей (XXV, 20). «Номос» — это дар богов, но и общее соглашение людей (συμβῆκη κοινῇ — XXV, 16) (подробнее см. [Бергер, 1966, с. 334—340]). Напротив, например, в Третьей Олинфской речи Демосфен без всякого уважения говорит о «многочисленных псефисмах» афинян, которые те не выполняют, и ядовито замечает, что если бы псефисмы могли «сами осуществить означенное в них», то Филипп «давно бы понес кару уже от одних ваших псефисм» (III, 14).

Таким образом, при всем демократическом характере представлений Демосфена о законе и праве, есть все же основания предполагать в его общественно-политических взглядах определенный аристократический оттенок, известное противостояние концепции суверенитета экклесии. Подтверждение высказанного предположения мы находим у Аристотеля. Описывая пятый вид демократии, Стагирит указывает, что в ней власть в полном объеме сосредоточена в руках демоса, решающее значение имеют псефисмы, а не законы (Aristot. Polit. IV, 4, 1292a, 5—7). Аристотель столь отрицательно относится к такому строю, что не считает даже возможным причислять его к демократии [Romilly, 1975, с. 122—125]. Сближение в этом отношении позиций Аристотеля и Демосфена позволяет, как нам кажется, лучше понять идеи последнего.

Показательно и отношение Демосфена к тому или иному происхождению афинского гражданина. Наиболее ярко это проявляется в речи «За Ктесифонта», где Демосфен защищает себя — идеального государственного деятеля — и обличает своего противника Эсхина, выступающего в речи как воплощение зла. Демосфен подчеркивает в своей биографии ряд моментов: он сам и его родственники происходили из лучших людей (XVIII, 10), он ходил в детстве в подходящие школы и имел «в своем распоряжении все, что необходимо человеку, которому не приходится из-за нужды делать ничего унижительного» (XVIII, 257). Но еще более показательно, как Демосфен описывает начало своей взрослой жизни: «А по выходе из детского возраста я мог

вести соответствующий образ жизни — исполнять хорегии, триерархии, делать взносы» (там же). Следовательно, с точки зрения Демосфена, подлинный политический деятель должен обладать хорошим происхождением, получить настоящее образование и воспитание и, наконец, быть богатым, принадлежать к имущественной верхушке полиса.

Соответственно его антипод Эсхин (для нас сейчас не важно, насколько Демосфен верен истине) объявляется лишенным всего этого: у него рабское происхождение, исполненная гнусности юность, он невежда, не получивший в силу своей бедности образования, а свое богатство он нажил нечестивым и недостойным образом.

Социальные симпатии Демосфена здесь выступают довольно отчетливо. Для него настоящий общественный деятель, т. е. человек, участвующий в формировании политики Афин, — это только богатый гражданин, сама бедность — это нечто позорное, то, что накладывает отпечаток на всю жизнь человека.

Заметим, что в древности сознавали эту антидемократическую тенденцию в мыслях Демосфена. Приведем два анекдота из Плутарха. В рассказе о первых неудачах на поприще оратора сам Демосфен жалуется на то, что народное собрание слушает не его, а «пьяниц, мореходов и полных невежд» (Plut. Dem. VII). Другой эпизод: «Передают, что, покидая Афины, он простер руки к акрополю и воскликнул: „Зачем, о Владычня хранительница града сего, ты благосклонна к трем самым злым на свете тварям — сове, змею и народу?“» (Plut. Dem. 26) ²². В применении к делу Антифонта Плутарх прямо называет Демосфена «крайним сторонником аристократии»: не взирая на то, что экклесией Антифонт был оправдан, Демосфен задержал его и передал суду ареопага, «ни во что не ставя оскорбления, которые наносит этим народу» (Plut. Dem. 14) ²³.

Наконец, укажем еще на один момент: в ряде речей Демосфена прерывается буквально тоска по «сильной власти», огромное сожаление, что в Афинах слишком много говорят, тогда как Филипп действует (VI, 3—4; VIII, 12; XVIII, 235).

Во всяком случае, политические противники Демосфена, среди других обвинений, не оставили без внимания его антидемократические настроения (видя причину именно в его имущественном положении). Так, Динарх, обращаясь к позиции Демосфена в период выступления Агиса, когда Афины сохранили нейтралитет не без участия Демосфена, следующим образом живописует ее: «Демосфен болтался без всякого дела, подговаривая разных болтунов. У себя дома он подписывал письма и, позоря честь нашего города, прогуливался, небрежно помахивая своею писаниной. Он роскошествовал среди несчастья города. Он на носилках проделывал путь от Пирея и при этом еще поносил злоключения бедняков» [Dinarch. C. Dem. 35—36]. Со злой иронией Динарх

[Dinarch. C. Dem. 44] восклицает: «этот народолобец» (οὗτος ὁ δηροπόκος). Эсхин прямо называет Демосфена сторонником олигархии, правда, обосновывая это определение весьма длинными рассуждениями, полными злобных нападок на него (III, 168 и сл.).

Выступая против Демосфена по делу Гарпала, Гиперид указывает, что он наживается на морских операциях и дает ссуды под залог кораблей или грузов (Hyperid. C. Dem. XVII). Это же утверждает и Плутарх (Plut. Comp. Dem et Cic. 52(3); см. также [Schaefer, 1885, с. 452, Anm. 2]; ср. [Davies, 1971, с. 133]). Динарх (C. Dem. 111) называет Демосфена «богатейшим человеком в городе», Гиперид (Hyperid. C. Dem. XXII) ссылается на его «большое богатство». Вообще современники много говорят как о богатстве Демосфена, так и об его корыстолюбии (с. g. Aeschin. I, 171—172; II, 165—166; III, 173, 239; Dinarch. C. Dem. 15, 18, 42—43; Hyperid. C. Dem. XXV и др.). Именно по предложению Демосфена были предоставлены гражданские права торговцам Хэрифилу, Фидону, Памфилу и Фидиппу, трапезитам Эпигену и Конону (Dinarch. C. Dem. 43). По предложению Демосфена ставятся на агоре статуи Перисада, Сатира и Горгиппа (там же). Видимо, можно считать, что и по происхождению, и по богатству, и по связям Демосфен принадлежал к определенному кругу имущественной верхушки полиса, а именно к тому кругу, который занимался торгово-ростовщическими операциями. Отсюда и личная заинтересованность Демосфена в такого рода операциях, в этой сфере деятельности (заметим, что у него был дом в Пирее) (Hyperid. C. Dem. XVII).

Остановимся еще на одном вопросе, который весьма занимал историков: брал ли Демосфен деньги от персидского царя (βασιλῆδων Χρυσίον), был ли он причастен к исчезновению части тех сокровищ, которые привез в Афины Гарпал (свидетельства источников о δωροδοκία см. [Davies, 1971, с. 133—134]; там же, на с. 113, дана библиография работ о «политических деньгах» Демосфена). Их интерес, в общем, понятен, так как вопрос связан с более общим и существенным вопросом об основах политики Демосфена, о том, насколько она была принципиальной. Часть исследователей (меньшая) совершенно отрицает весьма прочную историческую традицию и отмечает как недостойную Демосфена даже возможность мысли о какой-либо причастности его к персидским и македонским деньгам (пожалуй, наиболее решительно — [Радциг, 1954, с. 422, 446—448]). Другая крайность — видеть в Демосфене продажного политика, платного агента Персии [Дрегир, 1916, с. 147]. Большинство историков (и даже те, кто полон восхищения Демосфеном), рассматривая этот вопрос в более спокойном тоне, склонны верить древним, но при этом делают разъяснения, имеющие целью оправдать афинского оратора. Прежде всего указывается, что персидские деньги Демосфен

потратил (все или в значительной части) на пользу Фивам, чтобы помешать пелопоннесцам прийти на помощь Александру. Деньги Гарпала Демосфену нужны были для подготовки войны с Александром — для набора наемников на мысе Тенар (см. особенно [Badian, 1961a, с. 38]; ср. [Davies, 1971, с. 134]), для организации обороны Аттики или для дипломатических целей — переговоров с Никанором относительно афинских клерухов на Самосе. И если Демосфена и можно в чем-либо упрекнуть, то только в том, что он не поставил в известность о своих действиях ни экклесию, ни буле [Cloché, 1957]. Не отрицая, что оратор, служа родине, старался извлечь из своего красноречия и политического влияния вполне материальные выгоды, ряд историков упрекают его лишь в неосторожности [Mathieu, 1948]. Взяв часть денег из казны Александра, привезенной Гарпалом в Афины (т. е. украденной им), Демосфен совершил не совсем корректный поступок, который не согласуется с нашими представлениями о безупречном государственном деятеле. Однако не следует судить о Демосфене, исходя из критериев иных эпох. Общественное мнение IV в. до н. э. вполне допускало получение денег и иных даров от иностранных правителей и других полисов. Если Демосфен брал подарки, то не из корыстолюбия; нельзя говорить на этом основании о его предательстве, продажности, взятках и подкупе. Его политика, даже в самой малой мере, не определялась соображениями корыстолюбия или благодарности. Человек высоких моральных качеств, искренний патриот, он не может быть поставлен в один ряд с Демадом (хотя и был осужден вместе с ним). Что касается осуждения Демосфена по делу Гарпала, то здесь, как чаще всего считают, он пал жертвой политической борьбы.

В источниках сохранилось одно свидетельство в пользу непричастности Демосфена к деньгам Гарпала — рассказ Павсания (Paus. II, 33, 4—5) о том, как уже после смерти Гарпала в руки казначея Александра Филоксена попал раб Гарпала, который сообщил имена всех, получивших от Гарпала деньги, и Демосфена среди них не оказалось. Но есть основания сомневаться в достоверности этого сообщения, и мнения ученых неоднозначны. Недавно Уэртингтон, вновь подвергнув анализу текст Павсания, склонился к мысли о недостоверности рассказа, вероятно придуманного, чтобы обелить Демосфена [Worthington, 1985, с. 123—125] (см. там же библиографию вопроса).

Мне более всего импонирует трезвый взгляд М. Финли (сказанное им в равной мере относится и к Демосфену, и к Эсхину, о котором речь впереди). В своей книге «Политика в античном мире» знаменитый исследователь обращается к теме коррупции как одному из аспектов политической жизни, который постоянно привлекал внимание античных писателей. Достаточно (продолжает М. Финли) прочитать речи Демосфена и Эсхина, произне-

сенные ими друг против друга. «Такие обвинения находятся полностью вне нашего контроля. Единственное, что мы можем сказать,— они не могут быть или все верными, или все необоснованными». Вместе с тем несомненно, что цари Персии и Македонии были готовы щедро тратить золото ради своих интересов в Греции, равно несомненно, что некоторые политические лидеры принимали предложенные им дары, но М. Финли не видит другого пути определить истинность или ложность такого обвинения, например Демосфена, чем неприемлемое суждение о его «морали» (в современном смысле) [Finley, 1983, с. 83]⁵⁴.

Подводя итоги, очевидно, можно сказать, что Демосфен и его группа по своим позициям отличались не только от радикальных демократов, но и от более умеренной группы Ликурга⁵⁵. Основные черты политической концепции этой группы: глубокая неудовлетворенность существующим в Афинах положением, определенная ориентация на прошлое, возможно, даже стремление к более ограниченному демократическому режиму, резкая вражда к радикально-демократическим деятелям. Недовольство Демосфена вызывают суды и меры, направленные против богатства. Видимо, часть состояния Демосфену и его ближним друзьям принесли торгово-ростовщические операции, которые давали богатство, относящееся к категории так называемого «невидимого имущества»⁵⁶, менее связанного с традиционной структурой полиса.

Вместе с тем эта группа решительно настроена против Македонии и готова бороться с ней до конца. Демосфен, во всяком случае, заплатил за свои убеждения жизнью. Естественен вопрос: почему Демосфен и его сторонники так активны были на первом этапе борьбы и почему их активность так резко пошла на убыль после начала похода Александра? Не подлежит сомнению, что значительную часть царствования Александра Демосфен придерживался выжидательной политики⁵⁷, даже во время выступления Агиса не проявив настоящей активности (Aeschin. III, 165 sqq.; Dinarch. I, 35; Plut. Dem. XXIV, 1) и согласившись признать Александра богом [Atkinson, 1973, с. 310—355]. Объясняется ли эта позиция теми же соображениями, что и политика Ликурга, или причины были иными?

Вполне возможно следующее объяснение. Агрессия Филиппа была первоначально направлена на Фракийский Херсонес, Византий, Перинф, т. е. она непосредственно угрожала важнейшим торговым путям Аттики, связывающим Афины с Черным морем, что было опасно не только для полиса в целом, но и для деловых интересов круга Демосфена. Узкогрупповые и личные интересы совпадали тогда с интересами основных масс афинского гражданства. Однако после 336 г. до н. э. ситуация изменилась (ср. [Burke, 1985, с. 259—262]). Александр ушел на Восток, македонское владычество не представлялось смертельно опасным. Более того, именно на время Александра приходится последний эконо-

мический подъем Афин (см., например, [Bosworth, 1988a, с. 204]). Нам кажется, что выжидательная политика Демосфена, объективно совпадавшая с политикой Ликурга, все же диктовалась несколько иными, менее принципиальными мотивами (во всяком случае, отчасти)⁵⁸. Отсутствие непосредственной опасности полису, возможность получать прибыль благодаря оживлению экономической активности заставляли людей группы Демосфена более терпимо относиться к македонской гегемонии. Не отсюда ли прежде всего колебания, компромиссы, уступчивость?

Выявление позиции Гиперида и его сторонников — задача сложная. Помимо того, что свидетельств о его политической деятельности и взглядах много меньше, чем о Ликурге и Демосфене, есть еще одна трудность: и в источниках, и в современной литературе Гиперид обычно находится в тени Демосфена и наиболее отчетливо, как самостоятельная политическая фигура, выступает только в деле Гарпала, когда борется со своим прежним соратником⁵⁹.

Еще одно вводное замечание: мы считаем возможным использовать для характеристики взглядов Гиперида XVII речь «Корпуса речей» Демосфена. Современные исследователи колеблются относительно ее авторства. Следуя за древними, некоторые считают ее принадлежащей Гипериду, другие — Гегесиппу, обычно же этот вопрос остается открытым. Либаний, например, во введении к XVII речи, основываясь на ее стиле, безоговорочно говорит об авторстве Гиперида. Но главное — в этой речи есть достаточно специфические идеи, встречающиеся только в бесспорно принадлежащих Гипериду речах (о чем см. ниже).

Гиперид, по всей видимости, принадлежал к верхнему слою афинского гражданства (о происхождении и состоянии Гиперида кроме названной литературы см. [Davies, 1971, с. 517—519]). Во всяком случае, в 340 г. до н. э. он занял две триеры (Ps.-Plut. Vit. X Or. 348 F), а в 339 г. до н. э. исполнял триерархию (Ps.-Plut. Vit. X Or. 348 E; IG, II², 808с, 1. 103 sqq.), одну из самых тяжелых литургий. Если учесть, что в этом же году он исполнял и *корогию* (тогда как обычно афинский гражданин, выполнявший какую-либо литургию, освобождался на два года от других), следует признать, что состояние Гиперида не было ординарным. Имеются свидетельства о том, что он владел поместьем в Элевсине и домами в Афинах и Лирае (Ps.-Plut. Vit. X Or. 349 D; Athen. XIII 590 c—d = Idomen. F Gr Hist, 338 F 14). Косвенно подтверждают богатство Гиперида сообщения его биографа о том, что Гиперид ввел в дом Миррину, одну из самых дорогих афинских гетер, и выкупил за 20 мин Филу, которую содержал в элевсинском поместье (Ps.-Plut. Vit. X Or. 349 D; Athen. XIII 590 c—d = Idomen., F Gr Hist, 338 F 14)⁶⁰.

В речах Гиперида мы находим мысли, обусловленные, как кажется, его происхождением и имущественным положением.

Особенно показательно в этом отношении одно место из его речи «Против Демосфена». Демосфен обвинялся во взяточничестве, и естественно, что Гиперид подчеркивает необходимость бескорыстия для государственного деятеля. Но вместе с тем он утверждает, что не всегда ужасно, когда кто-либо берет деньги, плохо, если их взяли там, где не следовало брать (Hyperid. C. Dem. XXIV; анализ см. [Harvey, 1985, с. 76 и сл.]). Это, казалось бы, весьма банальное утверждение приобретает особую значимость в данном контексте.

С подобным подходом к денежным делам хорошо согласуются и другие утверждения, встречающиеся в его речах. Так, в речи в защиту Евксениппа разворачивается буквально целая программа защиты богатейших афинских граждан, занятых разработкой Лаврийских рудников. Гиперид с восторгом рассказывает о защите судом имущества Евфикрата (оно составляло более шестидесяти талантов), Филиппа, Навсикла и особенно «Эпикрата из дема Паллсны в компании с едва ли не богатейшими в Афинах людьми», которые получили с рудника за три года триста талантов (Hyperid. C. Euxenip. 33—35; см. также [Глускина, 1967, с. 52, 54—55; Глускина, 1975, с. 148—149, 151; Mossé, 1973с, с. 93]). Он указывает, что судьи «обеспечили безопасность имущества этих людей и утвердили дальнейшую разработку ими рудника». Итак, заключает Гиперид, гарантия безопасности разработок («которыми раньше пренебрегали из страха») — новые разработки («вновь возрастут доходы города»). Одновременно Гиперид поносит «некоторых ораторов», которые, обманув демос, обложили незаконными налогами разрабатывающих рудники (36). Эти соображения имеют выход и в социальную сферу: обеспечение наиболее благоприятных условий для деятельности отдельных предпринимателей, защита их (особенно от конфискации) должны не только увеличить доходы полиса, но и способствовать единодушию граждан. Мысли Гиперида, в сущности, оказываются близкими той системе взглядов, которую несколькими десятилетиями ранее развивал Ксенофонт в сочинении «О доходах».

Сказанное Гиперидом в защиту богачей, занятых в Лаврии, становится особенно понятным, если считать Гиперида, фигурирующего в одной из надписей третьей четверти IV в. до н. э. в качестве арендатора серебряного рудника в Бессе, идентичным нашему оратору (IG, II—III², 2(1), 1585, 11.12); ср. [Crosby, 1950, с. 223—224, № 10; Davies, 1971, с. 518]⁶¹. В этом контексте несколько иначе звучат инвективы Гиперида в адрес Демосфена, когда, обвиняя его в присвоении персидского золота и денег Гарпала, Гиперид ставит ему в упрек и то обстоятельство, что Демосфен наживается на морской торговле и дает ссуды под залог кораблей или грузов (C. Dem. XVII). Возникает вопрос: нельзя ли все это интерпретировать как свидетельство определенных противоречий между теми представителями имущей вер-

хушки полиса, деловые интересы которых в первую очередь были связаны с эксплуатацией Лаврионских рудников, и теми, кто ориентировался в своей деловой активности прежде всего на заморскую торговлю?

Возможно, что позиция и тех и других была достаточно обоснована экономически. Как уже отмечалось, в годы царствования Александра экономика Афин переживала недолгий подъем; это было время роста морской торговли, роста значения Пирейского порта. Не исключено, что такая ситуация могла в известной мере примирить с властью Александра определенные группы афинской верхушки, благосостояние которой было связано с внешней торговлей. Вместе с тем политика Александра (как и ранее Филиппа) совсем по-иному отразилась на других кругах состоятельных афинян. Как показал в своем интересном исследовании З. Лауффер, ряд богатых граждан, активно участвовавших в разработке Лаврийских рудников, были решительными противниками Македонии. З. Лауффер объясняет это активной разработкой Филиппом золотых рудников в Пангее (что приводило к постепенному падению стоимости серебра)⁶² и трудностями в доставке хлеба из-за политики Филиппа (поскольку сокращение ввоза хлеба создавало затруднения с содержанием многочисленных рабов, используемых в Лаврионе) [Lauffer, 1955, с. 924—927; Lauffer, 1957, с. 287—305].

Эта ситуация должна была стать более тяжелой для лаврийских дельцов при Александре⁶³, особенно после захвата им сокровищ персидских царей, когда в оборот начали поступать новые массы серебра и золота, что вызвало падение их стоимости⁶⁴.

Таким образом, можно предполагать, что политика македонских царей самым непосредственным образом угрожала подорвать основы благосостояния тех представителей афинской имущественной верхушки, которые активно участвовали в разработке рудников Лаврия⁶⁵.

Точка зрения З. Лауффера была подвергнута критике со стороны Л. М. Глускиной, которая писала: «Наблюдения Лауффера, безусловно, должны быть учтены при анализе политической позиции тех или иных групп населения Аттики, хотя действительная расстановка сил в борьбе по вопросам как внутренней, так и внешней политики определялась более сложной комбинацией интересов, чем только борьба вокруг сбыта серебра и закупок хлеба. Многие рудничные предприниматели были одновременно и землевладельцами, могли вкладывать средства в другие отрасли ремесла и торговли. Их интересы поэтому не всегда определялись тем, что было связано с лаврийскими разработками» [Глускина, 1975, с. 167] (ср., однако, [Глускина, 1984, с. 188]).

Конечно, в общей форме замечание Л. М. Глускиной справедливо — расстановка сил была, несомненно, более сложной. Но если рассматривать этот вопрос с точки зрения только одной

группы — лаврионских предпринимателей, то здесь ситуация представляется несколько иной и логика критика непонятна: если даже у арендатора рудника есть еще и участок земли, то почему это должно было примирить его с тем, что в результате политики Филиппа и Александра его доходы в Лаврии начали падать? Подтверждает справедливость вывода З. Лауффера, как нам кажется, и последующая судьба Лаврийских рудников — к концу IV в. до н. э. их разработки сокращаются [Crosby, 1950, с. 190; Nopper, 1953, с. 250, 252; Lauffer, 1957, с. 926—927].

Таким образом, будет, пожалуй, не елишком рискованным предполагать, что на позицию группы Гиперида влияли ее непосредственные экономические интересы. Если политика группы Ликурга сводилась к выжиданию, что практически означало уступки Александру, если позиция Демосфена изменилась в сторону некоторого соглашения, то позиция Гиперида оставалась неизменно враждебной.

Гиперид заявил о себе как враге Македонии еще при Филиппе. После Херонеи он вместе с Ликургом и Демосфеном принимает решительные меры по защите Афин: тогда чинились городские стены, углублялись рвы (Dem. XVIII, 248). В эти тревожные дни, когда со дня на день ожидали появления войск Филиппа и «город трепетал перед грозящими бедами» (Lycurg. C. Leocr. 39), Гиперид предложил те крайние меры по защите города: предоставление гражданских прав метекам, возвращение изгнанников, освобождение рабов (Hyperid. C. Aristogit. 18. 1—3 [27—29]; Lycurg. C. Leocr. 41; Ps.-Plut. Vit. X Or. 849 A; Suid. s. v. Ἰππύριος. Οὗτις ἐστὶ. [Colin, 1946, с. 28—29; Jones, 1957, с. 92; Gehrke, 1976, с. 61 и примеч. 50 p, за которые Аристогитон позднее обвинил его в противозаконии. Сохранился отрывок из его речи против Аристогитона, в котором говорится как раз об этом предложении: «Зачем ты часто спрашиваешь о моем пребывании в должности следующими словами: „Внес ты предложение о предоставлении свободы рабам?“ Да, я внес такое предложение. Ради того, чтобы свободным не пришлось испытать рабства. „Внес ты предложение о восстановлении в правах изгнанников?“ Внес, ради того, чтобы никто [более] не подвергался изгнанию. — „Разве ты не читал законов, запрещающих это?“... Я не мог [это] сделать; оружие македонян закрывало от меня буквы этих законов» (Hyperid. C. Aristogit. 18 [27] — из Ruff. Lat. I, 19). Как бы то ни было, Гиперид был оправдан (Ps.-Plut. Vit. X Or. 849 A).

В 337 г. до н. э. Гиперид выступил с речью против Демада, предложившего дать проксению олинфянину Евфикрату, хотя тот в 348 г. до н. э. помог Филиппу захватить Олимп, в решающий момент перейдя во главе конницы на сторону македонян, и далее действовал в интересах македонского царя. Как говорит Гиперид, «он и делом и словом действует в пользу того, что выгодно Филиппу» (фр. 19). Гиперид произнес также речь против Фи-

липпида, предложившего наградить венками членов Совета, председательствовавших во время дарования почестей некоторым македонянам⁶⁶.

Не совсем ясно, был ли Гиперид включен в число тех политических деятелей, выдачи которых потребовал от Афин Александр после расправы с Фивами в 335 г. до н. э. Арриан (Anab. I, 10, 4) упоминает Гиперида, как и «Суда» (Suid. s. v. Ἰπέριδος). Диодор пишет о десяти ораторах, но по имени называет только «самых знаменитых» — Демосфена и Ликурга (Diod. XVII, 15, 1), тогда как мнение Плутарха противоречиво, и если в биографии Фокиона (XVII, 2) он называет Гиперида (наряду с Демосфеном, Ликургом и Харидемом), то в жизнеописании Демосфена (XXIII, 4) имени Гиперида нет. Правда, Плутарх сам ссылается на Идоменея и Дурида, по словам которых Александр потребовал выдать десять народных вождей, тогда как «большинство писателей, и к тому же самые надежные», называют только восьмерых (Plut. Dem. XXIII)⁶⁷. Не был ли Гиперид одним из тех двух, которых имели в виду Идоменея и Дурида? Наконец, Псевдо-Плутарх (Vit. X Or. 848 D) указывает, что Гиперид воспротивился выдаче афинян Александру.

И в дальнейшем Гиперид оставался самым решительным врагом Македонии. Он возражал против отправки триер Александру (Ps.-Plut. Vit. X Or. 848 D; Plut. Phoc. XXI). Во время антимакедонского выступления Агиса, в день, когда в экклесии шли жаркие дебаты о позиции Афин, Гиперид в речи «О договоре с Александром»⁶⁸ изложил настоящую программу действий, вплоть до борьбы с оружием в руках. Гиперид критиковал Демосфена за половинчатость его позиции (C. Dem. VIII—X). Он, видимо, не оставлял без внимания любое вмешательство Македонии (в частности, Олимпиады) в дела Греции (Pro Euxenip. XIV—XV, XVIII—XX). В дальнейшем, когда разрыв между Демосфеном и Гиперидом стал явным, он обвиняет Демосфена в том, что тот противозаконно взял 40 талантов из денег, которые привез Фарнак, что Демосфен получал взятки и присвоил себе деньги из Азии; он «явно выступал за Александра», помещал сатрапам отложиться от македонского царя и т. д. (Hypereid. C. Dem. II, XIII, XIV, XVII, XIX, XXI, XXV). Гиперид решительно воспротивился предоставлению Александру божественных почестей, резко порицая Демосфена на это согласие признать македонского царя богом (Hypereid. C. Dem. XXXI; Eristarh. VIII (21). См. также [Wickham], 1963, с. 70—85). Именно Гиперид, согласно свидетельству Псевдо-Плутарха (Vit. X Or. 849 F), провел решение о почестях Иону, «который, как полагают, дал яд Александру».

После смерти Александра Гиперид с новыми силами продолжает борьбу с македонским владычеством. Он становится фактическим руководителем подготовки к войне и, вместе с Леосфеном, — ведущей фигурой в Ламийской войне (Plut. Dem. XXVII; Phoc.

XXIII; Diod. XVIII, 13; Justin. XIII, 5, 10; Ps.-Plut. Vit. X Or. 849 F). Ему было поручено произнести надгробную речь в память павших в этой войне афинян («Эпитафий»), тогда как над павшими при Херонее произносил речь Демосфен.

Надгробная речь Гиперида стоит того, чтобы сказать о ней несколько слов. Эпитафий представляет самостоятельный вид политического красноречия, когда в лице воинов, героически павших за родину, прославлялась сама родина, Афины. Эпитафии способствовали созданию в сознании современников и потомков определенного образа Афин, их политического строя, это была своего рода идеологизированная история (тем самым мы вновь встречаемся с темой прошлого в политическом красноречии), и здесь излюбленными были примеры из истории греко-персидских войн, особенно Марафонское сражение (топос национальной истории, по выражению Н. Лоро). В IV в. до н. э. появляется новый мотив — утверждение о том, что афиняне воювали ради всех греков, т. е. панэллинские идеи, столь популярные тогда [Lorauх, 1981, с. 157—163].

Гиперид, правда, о Марафоне не упоминает, но, следуя сложившейся традиции, тоже не обходится без греко-персидских войн, называя Мильтиада и Фемистокла, «которые освободили Элладу, сделав свою родину почитаемой» (Hyperid. Epit. 37). Отчетливо звучит и панэллинская тема, оратор неоднократно возвращается к мысли об Афинах как благодетеле всей Эллады, какими они были в прежние времена (§ 3): «город наш, постоянно наказывая дурных» и «поддерживая у всех справедливость в противовес беззаконию, обеспечивал общую безопасность Эллады, сам подвергая себя опасности и неся расходы» (§ 5), предоставил себя «эллинам для борьбы за свободу» (§ 10) и т. д.

Вместе с тем «Эпитафий» Гиперида отличает одна несвойственная такого рода речам черта — реализм, самый яркий пример которого — картина осады Ламии (§ 12)⁶⁹. Видимо, это своеобразие объясняется особой причастностью Гиперида к войне, о которой он мечтал, очевидно, со дня поражения при Херонее и организатором которой был вместе с Леосфеном. Тон речи взволнованный, эмоциональный, исход войны еще не решен, греки выиграли уже три сражения, и у Гиперида есть все основания надеяться на победу. Читая надгробное слово, даже во фрагментах, понимаешь, почему неизвестный нам автор назвал его «поражительным» (Ps.-Plut. Vit. X Or. 849 F).

Необычно и то большое место, которое занимает в речи фигура Леосфена, что отчасти обусловлено высказанными соображениями — Гиперид прославляет своего соратника в борьбе с ненавистной Македонией. Но, как отмечалось, такое внимание к Леосфену было бы невозможно без тех изменений, которые произошли в мировоззрении греков, без того интереса к личности, который

развивается в течение IV в. до н. э. в литературе, искусстве (подробнее см. [Colin, 1938, с. 209—266, 305—394]).

После поражения афинян в Ламийской войне Антипатр потребовал выдачи Гиперида, который вынужден был бежать из Афин. Свидетельства о его смерти противоречивы (Plut. Dem. XXVIII; Phoc. XXIX; Ps.-Plut. Vit. X Or. 849 B—D), но бесспорно одно: и жизнью, и смертью Гиперид доказал силу своей ненависти к македонской власти.

Во взглядах Гиперида есть один аспект, который совершенно отсутствует в воззрениях других противников Македонии. Важно то, что эту мысль мы находим как в собственных речах Гиперида, так и в XVII речи «Корпуса» Демосфена (что и служит основанием для признания авторства Гиперида).

В речи в защиту Евксениппа, говоря о вмешательстве Александра и Олимпиады в греческие дела, Гиперид так обращается к обвинителю Евксениппа: «Но когда они предъявляют афинскому народу несправедливые и неподобающие требования, вот тогда тебе следовало бы выступить в защиту города и возражать, и спорить с их посланцами, и отправиться на общий совет эллинов (εἰς τὸ κοινὸν τῶν Ἑλλήνων συνέδριον), чтобы помочь своему отечеству» (Hyperid. Pro Euxenip. XX). Общий совет эллинов как основа возможного сопротивления Македонии, как основа для организации сил сопротивления — вот та оригинальная мысль Гиперида, которой нет ни у кого из афинских ораторов его времени. В сущности, та же мысль выражена и в речи «О договоре с Александром». Вся речь выдержана в одном ключе: основой нормального существования является договор об общем мире (κοινὴ εἰρήνη), эллинов призывают к борьбе с Александром как нарушителем этого мира, этого договора. Здесь та же мысль: договор как легальная основа для сопротивления Македонии.

Черты своеобразия обнаруживают и взгляды Гиперида на внутриполитические проблемы. Мы уже отмечали, что после Херонеи именно Гиперид предложил такие меры, как освобождение рабов, дарование гражданских прав метекам и возвращение изгнанников во имя продолжения борьбы с Македонией. Эти меры, хотя они и были порождены крайними обстоятельствами, выражали радикально-демократические позиции Гиперида⁷⁰. Подчеркнем, что эта позиция не была случайным эпизодом в его деятельности, но лишь наиболее ярким выражением его принципов, обусловленным остротой ситуации.

Принципиальное значение в этой связи имеет одно место в речи «В защиту Евксениппа», где Гиперид проводит четкое различие между ораторами и гелиастами, т. е. рядовыми афинянами. В самом таком противопоставлении нет ничего необычного, оно встречается и в других речах Гиперида, да и у иных ораторов, отражая, видимо, реальное положение. Гораздо важнее высказанный из этого вывод: рядовые афиняне не могут вредить городу

(Pro Euxenipr. XXI). Признавая, таким образом, несовершенство политической структуры афинской демократии своего времени, Гиперид противопоставляет рядовых граждан как своего рода носителей позитивного начала ораторам, которые могут быть как положительными деятелями, так и негативными. Согласно Гипериду, ораторы, так сказать, положительного плана могут уничтожить отрицательных ораторов: «Ораторы подобны змеям: ведь и змеи все вызывают ненависть, но из самих змей одни приносят вред людям, а другие (неядовитые) предают этих» (Hyperid. C. Demad. 19, 5 — из Нагросг. s. v. *μαρεια* *βίαιος*).

Подобные мысли противоположны, например, взглядам Эскина, который и в добрую природу людей (включая, естественно, и афинских граждан) не верит, и ораторов в целом склонен оценивать негативно (см. ниже). Вместе с тем Гиперид разделяет, в сущности, почти всеобщее недовольство существующим в Афинах строем, но это недовольство определяется иными исходными позициями, нежели у Эскина или Демосфена.

Гиперид дважды развивает одну мысль (учитывая, как мало сохранилось от его речей, допустимо полагать, что этот тезис занимает определенное положение в системе его взглядов). В первой речи в защиту Ликофрона он пишет: «Или разве есть в нашем государстве более демократическое установление, чем то, что умеющие выступать с речами решаются помогать гражданам, не способным говорить, когда те подвергаются опасности?» (фр. IV, стб. VII, 10). Та же мысль звучит в речи «В защиту Евксениппа» (§ VII). Здесь мы видим, в сущности, те же идеи — союз и взаимопомощь рядовых афинян и определенной группы риторов, народных ораторов. Заметим, что именно эта возможность решительно оспаривается Ликургом как антидемократическая.

Далее, если мы вспомним основное положение, которым определялась внешнеполитическая программа Ликурга, — необходимость выжидания, поскольку полис, находящийся под властью врагов, сохраняет надежду на освобождение и возрождение и только разрушение города кладет конец всяким надеждам, — то в этом контексте особое внимание привлечет мысль Гиперида, высказанная им в речи «Против Филиппида»: «Многие города после полного разрушения вновь обретали силу» (фр. XXI, стб. V).

Не следует ли подобные мысли Гиперида рассматривать как дилемму внутри антимакедонского лагеря: подчиниться ли македонской власти в надежде на будущее возрождение полиса, или можно и нужно в этой борьбе с Македонией идти до конца, поскольку даже после полного разрушения полис вновь может обрести силы? Ликург не хотел расклевывать городам, Гиперид готов идти до конца. Автор жизнеописания Гиперида отмечает, что Гиперид находился в дружеских отношениях с Демосфеном, Ликургом и их сторонниками (*φίλος δ' ὦν τοῖς περὶ Δημοσθένη, καὶ Λικουργόν*), но не остался

таковым до конца, имея в виду выступления Гиперида обвинителем Демосфена по делу Гарпала (Ps.-Plut. Vit. X Or. 848 F; ср. 849 F — анекдот о речи Гиперида, втайне написанный против Демосфена; достоверность его, впрочем, подвергается сомнению [Colin, 1946, с. 37—38]). Однако этот суд лишь завершил то постепенное расхождение между ними, начало которого восходит к более раннему времени. Весьма знаменательно, что Плутарх называет Гиперида «неизменным обвинителем» Демосфена наряду не с кем иным, как Эсхином (Plut. Dem. XII). Вероятнее всего, пути Гиперида и Демосфена стали расходиться после Херонеи ⁷¹. Причина крылась в различии позиций по ряду вопросов, а основной формой борьбы были политические процессы. Как известно, Гиперид защищал Ликофрона, которого обвинил Ликург; та же самая расстановка сил наблюдается и в деле Евксениппа ⁷².

Наконец, еще один нюанс политической мысли Гиперида отличает его и от Ликурга, и от Демосфена. Оба оратора придают большое значение происхождению подзащитных, т. е. в более общей, теоретической форме вопрос о происхождении занимает определенное место в их системе мировоззрения (при всех различиях между ними в других отношениях), у Гиперида же мы встречаемся с мыслью, в корне противоположной этим представлениям. В «Эпитафии» он со страстью говорит о том, что афинянам не нужны отдельные родословные. Мысль оратора здесь предельно обнажена: происхождение афинских граждан в целом столь благородно, что какие-либо различия между ними на основании этого признака не могут иметь никакого значения. Тем самым вырисовывается новая черта в традиционной системе ценностей, где, несмотря на весь демократизм политической структуры, благородство происхождения в какой-то мере еще сохраняло значение, хотя и меньшее по сравнению с веком предшествующим [Sinclair, 1989, с. 44].

Во внешнеполитической сфере группа Гиперида всегда сохраняла резко антимакедонские позиции ⁷³, что приводило к борьбе не только с явными сторонниками Македонии, но и с более умеренными, чем Гиперид, противниками ее ⁷⁴. Пропасть между Гиперидом и Демосфеном, очевидно, расширялась постепенно, пока Гиперид открыто не выступил его обвинителем на судебном процессе по поводу денег Гарпала.

Хотя Гиперида называли в числе тех афинян, которым Эфиальт передал персидские деньги (Ps.-Plut. Vit. X Or. 848 E), а комедиограф Тимокл в комедии «Делос», поставленной на Великих Панафинейх 324 г. до н. э., обвинял его в причастности к деньгам Гарпала (Athen. VIII, 341e — 342a; fr. 4, II, 452 K), а в другой комедии, Ἰχαρίου (Athen. VIII, 342a; fr. 15, II, 458 K), назвал μισῶτός, хотя, очевидно, и несправедливо (ср. Ps.-Plut. Vit. X Or. 848 F.: «он единственный из всех остальных остался неподкупленным»): в отличие от Демада и даже Демосфена Гиперид

избегал репутации взяточника (см. [Davies, 1971, с. 518—519]). Соответственно в литературе нового времени обычно указывается, что Гиперид (или его партия) — единственный, кто остался вне подозрений в причастности к деньгам Гарпала, поскольку последнему не было нужды подкупать тех, кто хотел и был готов воевать с Александром.

Однако позиция Гиперида в этом процессе, ввиду его прежних дружеских отношений с Демосфеном, не получила однозначной оценки историков. Одни, излагая события в более спокойном тоне, отмечают, что Гиперид, горячий и неподкупный патриот, не простил Демосфену его оппортунистического поведения; в деле Гарпала против него выступила коалиция крайних партий — радикалов во главе с Гиперидом и сторонников Македонии (например, [Glritz, Cohen, 1945, с. 215]); другой вариант — радикал Гиперид поднял народ против Демосфена [Ferguson, 1913, с. 13]. У ряда исследователей Гиперид вызывает сочувствие и одобрение, так как, обвинив Демосфена, он поставил общественные интересы выше личных, родину выше дружбы [Tarn, 1927, с. 452—453; Burt, 1973, с. 365]. Напротив, третья группа историков порицает Гиперида. Следуя за Лукианом в его «Похвале Демосфену» (гл. 31), они возмущаются «самым аморальным союзом», на который пошел Гиперид со своими злейшими врагами — македонской партией ради борьбы со своим прежним союзником, но и не без честолюбивых целей, стремясь сокрушить Демосфена и занять его место (весьма эмоционально — [Colin, 1926, с. 84—87; Colin, 1946, с. 44—45, 230]).

Свидетельства относительно взглядов и деятельности Гиперида (насколько о них вообще можно судить на основании источников) показывают, что традиционная точка зрения, согласно которой самыми последовательными противниками Македонии выступали наиболее демократические слои греческих государств, в том числе и в Афинах, верна. Но с другой стороны, именно позиция Гиперида заставляет усомниться в правомерности отождествления радикальной демократии с беднейшими гражданами. Вождь наиболее радикального крыла демократии Афин того времени — богатый человек, деловые интересы связывают его с одним из имущих слоев Афин, а именно с теми гражданами, которые извлекали свои доходы прежде всего из эксплуатации Лаврийских рудников. Можно предполагать, что причины последовательно антимакедонской позиции этой группы имеют (во всяком случае, частично) и экономическую подоплеку — снижение эффективности разработки рудников Лаврии в связи с экономической политикой Александра (а еще ранее Филиппа, разрабатывавшего рудники в Пангее).

Итак, рассмотренный материал показывает, что нет оснований говорить о какой-то единой антимакедонской партии в Афинах при Александре. Источники свидетельствуют по крайней мере о

трех различных политических группах, отличающихся одна от другой настолько, чтобы их выделить. Эти стилизации охватывают широкий круг проблем как внешней, так и внутренней политики. Они касаются, прежде всего, оценки состояния Афин, перспектив дальнейшего развития полиса. Но за этими различиями, находящимися, так сказать, на поверхности, проглядывают более глубокие расхождения, связанные с их отношением к некоторым сторонам политической и социальной структуры полиса. Кроме того, можно предполагать связи руководителей этих групп с определенными имущественными слоями Афин, которые неизбежно накладывали какой-то отпечаток на их позиции. На этом фоне становятся более ясными различные нюансы в антимакедонской политике каждой из групп, готовность одних идти до конца в борьбе с Македонией или склонность других к определенным уступкам и компромиссам.

Столь же неоднородными были и ряды тех, кого обычно в литературе называют македонской партией. Уже а priori можно предполагать, что помимо прямых наймитов македонских царей в Афинах действовали политические группы, которые были готовы пойти на соглашение с Македонией и даже выражали согласие на определенную степень подчинения ей, исходя из принципиальных соображений.

К числу самых решительных сторонников Македонии историки безоговорочно относят Эсхина, которого, бесспорно, нельзя рассматривать как платного агента Македонии. Во всяком случае, его постоянный противник Демосфен тоже получал деньги из-за рубежа, что, однако, не дает оснований видеть в нем агента Персии, хотя такое мнение высказывалось.

Оценка Эсхина в общем дается по принципу противоположности суждениям историков о Демосфене; хотя личность Эсхина и его деятельность и не вызвали такой обширной литературы, такой страстности во мнениях и полярности. Ни в общих трудах по истории Греции, ни в специальных исследованиях о Демосфене и Эскине мы не найдем ничего, подобного тому восхищению, которое вызывала и продолжает вызывать фигура прославленного оратора и борца за свободу греков. Естественно, у поклонников Филиппа, считающих, что македонский царь смог победить партикуляризм эллинов и объединить полисы, деятельность Эсхина находит полное одобрение. Так, К. Белох [Beloch, 1884] относит его к числу тех деятелей, патриотизм которых не кончался на границах Аттики. Хотя так называемая «патриотическая» партия поносила Эсхина как предателя, грязь, которой забросали Эсхина его политические противники, не смогла, по мнению К. Белоха, запятнать его чистой натуры. Указывая, что надо отличать пустую хулу и клевету от юридически обоснованных обвинений, Л. Белох видит самый веский аргумент в пользу Эсхина в том, что тот, имея много личных врагов и живя в

городе, наполненном сикофантами, лишь один раз был привлечен к суду и при этом оправдан, хотя обвинял его первый оратор и самый популярный человек в Афинах — Демосфен. Признавая, что Эсхин не принадлежит к числу великих государственных деятелей, К. Белох отмечает у него отсутствие страстности, которая одна способна увлечь народ; но вульгарный демагогизм был чужд этому благородному характеру.

Сторонники греческой свободы и демократии судили об Эскине более сурово, при этом если одни писали об искренней убежденности Эскина, то другие не верили в нее, полагая, что Эсхин предал родину. Слова «предатель», «наймит», «взяточник» и т. п. неоднократно прилагались к нему. Так, безоговорочно называют Эскина агентом Македонии, например, С. И. Радциг [Радциг, 1954, с. 422, 480 и др.] и К. Моссе [Mossé, 1962a, с. 296, 446]. Его желание любой ценой сохранить мирные отношения с Филиппом Моссе объясняет заинтересованностью Эскина в тех землях, которые он получил от македонского царя. Очень резко отзывается об Эскине А. Боннар [Боннар, 1962, с. 94, 98, 101]. Проводя аналогии между Грецией IV в. до н. э. и Европой 1940 г., между Филиппом и Гитлером, он пишет о борьбе Демосфена против маневров «пятой колонны» в Афинах, против в первую очередь Эскина — явного изменника, хвастуна, ослепленного тщеславием и ведущего линию на соглашение с врагом. Сомневаясь в искренности Эскина, Ж. Люччиони отказывает ему в праве называться настоящим политиком и видит в нем недалекого человека, в котором тщеславие, зависть и корысть одерживали верх над любовью к родине [Luccioni, 1961, с. 160—163]. Ж. Матье [Mathieu, 1948, с. 171], допуская, что Эсхин не был явным предателем, считает, что ослепленный тщеславием, афинский оратор со смиренным, почти радостным, отношением к тому, что казалось неизбежным. Говоря о тех, кто служил Македонии, Ж. Колен противопоставляет Филократу Эскина, который, как кажется, верил, что действует на благо Афинам [Colin, 1925, с. 336].

Однако многие исследователи придерживаются более умеренных взглядов, полагая, что Эсхин был искренне убежден в необходимости для Афин дружеских отношений с Македонией, более сильной в военном отношении. Такова основная мысль, которую историки варьируют, приводя различные дополнительные соображения. Так, не сомневался в искренности убеждений Эскина Ф. Кастет, еще в 1872 г. выпустивший книгу «Оратор Эсхин». Эсхин, как он писал, являет нам пример того, как человек с честными намерениями и высокой нравственностью может оказаться плохим политиком. Эскином руководила ошибочная и вредная идея о благотворности для Афин дружбы с Македонией. Храбрый и энергичный, он во всех своих поступках стремился к благу родины и в этом напоминает Фокиона, преданность

которого Македонии не поколебало жестокое обращение ее с защитниками греческой свободы. Правда, Эсхин не всегда был справедлив по отношению к Демосфену, исходя при суждении о каком-либо предложении из своих представлений о личных качествах предложившего, а не из характера самого предложения. Отсюда его некоторые ошибки [Castets, 1872].

По мнению Перера, не следует говорить о предательстве Эсхина [Julien, Péréga, 1902, с. XXIX—XXXI]. Согласно тогдашним представлениям, он мог брать подарки от Филиппа при условии искренности своей политики. Эсхин не был человеком высокого ума, но у него не было иллюзий Исократ или Фокиона: он не верил ни в моральное величие Филиппа, ни в «коренное бессилие». В общем, он был достаточно умен, чтобы правильно оценивать факты, причину же ошибок Эсхина Перера находит в его характере, личных качествах — чрезмерном честолюбии и наивном тщеславии выскочки, который завидовал Демосфену (но не ненавидел, как часто повторяют), и эти чувства сделали его беззащитным «перед хмелем комплиментов и пустых обещаний Филиппа».

Как считает Адамс, поведение Эсхина объяснимо для человека средних политических способностей, преувеличивавшего свои успехи оратора и дипломата, что и было хитро использовано Филиппом — проницательным человеком, хорошим психологом и мастером интриг [Adams, 1988, с. XII—XVI]. Нет никаких оснований верить Демосфену в том, что Эсхин был нанят Филиппом, чтобы вызвать в Греции войну и дать македонскому царю возможность вмешаться в дела Эллады. Единственный упрек, который можно сделать Эсхину, — это упрек в том, что он отчасти руководствовался желанием самому одержать верх над Демосфеном и обеспечить превосходство своей партии.

Специально рассматривая вопрос о том, был ли Эсхин предателем, М. Орбан [Orban, 1976, с. 337—348] присоединяется к тем ученым (к ним можно добавить и Перлмана [Perlman, 1976, с. 223—233]; ср. [Harvey, 1985, с. 113]), которые оправдывают его. Повторяя доводы, которые приводились и в отношении Демосфена, М. Орбан (ссылаясь на мнения некоторых других ученых — А. Круазе, Д. Бьюри, У. Виламовица) указывает, что сами по себе подарки не доказывают факта предательства. Получение денег не было таким преступлением, как это может нам казаться. Нравы того времени допускали, чтобы политик брал деньги или другие дары; общественное мнение Греции IV в. до н. э. не видело ничего дурного, если политик получал несколько талантов от иностранца, которому нравилась проводимая им политика. И если другие (М. Орбан имеет в виду Демосфена) брали деньги от персидского царя, почему искренний сторонник союза с Македонией не мог взять подарок от Филиппа? Объективное рассмотрение фактов, по мнению М. Орбана, не подтверждает ги-

потезы о союзе Эсхина с Филиппом во вред Афинам. Эсхин был искренен в своих убеждениях, а у Филиппа не было нужды подкупать его — он привязал Эсхина к себе большей силой, чем деньги, ложь и предательство, поддерживая в нем его наивную веру в то, что Афины с помощью Филиппа восстановят свое величие. У Эсхина не хватило проницательности: тщеславный, самонадеянный и ограниченный, он создал в своем сердце иллюзорный образ македонского царя — человека, разделяющего его убеждения в том, что при благоприятных обстоятельствах афинянин Эсхин проявит себя таким, каков он есть, — гениальным политическим деятелем.

По мнению Садурни, автора последней (известной нам) обстоятельной статьи об Эсхине [Sadourny, 1979, с. 10—36], считать Эсхина просто предателем и продажным политиком — значит упрощать проблему. Эсхин вошел в политическую жизнь Афин в то время, когда усилились противоречия между умеренными и олигархами, с одной стороны, и демократами — с другой, т. е. между сторонниками мира и империалистической войны. Эсхин видел в Филиппе полезного союзника Афин, в дружбе с которым они были заинтересованы, чтобы жить в мире (тогда как войны боялись имущие — здесь Садурни разделяет взгляды Моссе, высказанные в ее книге «Конец афинской демократии» [Mosse, 1962a, с. 301—302 и сл.]). Отношения Эсхина с Филиппом никогда не предполагали изменений политического режима Афин, напротив, Садурни считает Эсхина глубоким и искренним приверженцем демократии⁷⁵. Тем самым между 346 и 338 гг. до н. э. Эсхин был демократом среди олигархов в македонской партии, что делает его личность достаточно сложной. В общем, Садурни считает Эсхина оппортунистом, т. е. политиком, который приспособливается к политической обстановке. В основе его поведения не лежала какая-то глобальная идея (в отличие от Исократ), и его политическое мышление было достаточно бедным. Объективно его деятельность служила интересам Македонии, усиливая позиции промакедонской партии, Филипп же умело использовал Эсхина, льстя его тщеславию и самолюбию.

Противоборство Демосфена и Эсхина, естественно, побуждает историков к сравнению их. Справедливо отмечается, что эти фигуры в определенной мере несопоставимы как по своим способностям, так и по той роли, которую они играли в политической жизни. Если Демосфен был ведущей фигурой в своей партии, то Эсхин, по мнению одних историков, не был великим партийным вождем, его активность в политических делах сменялась периодами бездеятельности, а в своей партии он всегда держался во втором ряду, позади Евбула, затем Фокиона или Демада, и только в отдельных случаях выступал вперед, занимая заметное место. Напротив, другие считают его политиком «первого плана», истинным вождем промакедонской партии (особенно Садурни).

Из сказанного уже ясно, что историки весьма низко оценивают Эсхина как политического деятеля (иногда даже отказывая ему в этом). В нем видят человека посредственного ума, недалекого и ограниченного, неспособного встать над спорами лиц и непосредственными проблемами и создать политическую доктрину⁷⁶. Находя известные точки соприкосновения в его взглядах с Исократом, Ж. Люччиони, например, считает, что низкий уровень интеллекта и культуры Эсхина объясняет, почему он легко поддавался влиянию Исократа, но вместе с тем влияние касалось только отдельных деталей; Эсхин не поднялся до панэллинских идей Исократа или Демосфена [Luccioni, 1961, с. 160—163].

Фигура Эсхина, действительно, не вызывает у нас симпатий, но историк должен стремиться к объективности. Эсхин не заслуживает таких определений, как предатель или агент. Как заметил Кастет еще более ста лет назад, нашу строгость к Эсхину справедливо не уравнивать с нашим восхищением Демосфеном [Castets, 1872, с. 161]. Это был, очевидно, убежденный в своей правоте и искренний в своей убежденности человек (что не исключает и влияния определенных личных моментов, симпатий и антипатий, которых, кстати, не чужд был и Демосфен, как, впрочем, и всякий другой человек)⁷⁷. Кроме того, в литературе, по-моему, в общем недооценивают и интеллект Эсхина. Конечно, он не принадлежал к числу глубоких умов времени, давшего блестящих мыслителей, но вряд ли правомерно всю деятельность Эсхина объяснять только его тщеславием и ограниченностью, и, хотя его взгляды не отличаются большой оригинальностью и он не создал цельной политической доктрины, сказанное, во всяком случае, не значит, что они вовсе не заслуживают рассмотрения⁷⁸. Будем помнить также, что Эсхин был одаренным оратором и как один из наиболее выдающихся представителей аттического красноречия вошел в так называемый канон десяти ораторов⁷⁹.

Деятельность Эсхина и его сторонников, бесспорно, вдохновлялась достаточно отчетливой системой воззрений, определенные сведения о которой можно найти в его речах, хотя в них она отражена не в самой ясной форме, а собственные взгляды Эсхина на основные политические проблемы проскальзывают только попутно, в системе аргументации, в нападках на политических противников и т. п.

Наиболее кратко и определенно об Эсхине сказал один из его биографов: καὶ πολιτευόμενος οὐκ ἀφανὴς ἐκ τῆς ἐναντίας μερίδος τοῦ περὶ Δημοσθένε' νῃ (Ps.-Plut. Vit. X Or. 840 B), подчеркнув тем самым сразу три важных момента: известность Эсхина (как и Демосфена), их противостояние в политике как главное в деятельности, связь обоих с определенными группами граждан.

Свидетельства о происхождении и имущественном положении Эсхина⁸⁰ не совсем ясны, однако у нас нет оснований верить Демосфену и полагать, что Эсхин был низкого, чуть ли не

рабского происхождения. По словам Демосфена, Эсхин воспитывался в большой нужде, исполняя обязанности домашнего раба; отец его был рабом и носил колодки и деревянный ошейник, а мать занималась «среди бела дня развратом» (Dem. XVIII, 129—131, 258—263). Эти и подобные им утверждения содержатся в речи «За Ктесифонта о венке», произнесенной Демосфеном в защиту Ктесифонта, внесшего предложение об увенчании Демосфена и обвиненного Эхином в незаконности действий. Обе речи — и Демосфена, и Эскина — полны злобных и грубых личных выпадов⁸¹. Но Демосфен выступал в то время, когда отец Эскина уже умер, мало кто из слушателей помнил о семье Эскина, а, главное, говоря последним, он не боялся возражений со стороны Эскина и поэтому дал волю своему злобному воображению. Во всяком случае, весьма показательно, что за 13 лет до этого процесса, когда он выступил обвинителем против самого Эскина и говорил раньше него в речи «О преступном посольстве», упоминая о бедности Эскина (Dem. XIX, 249) и с иронией отзываясь об его матери (Dem. XIX, 199, 249, 281), Демосфен ограничивается теми фактами, которые, очевидно, и соответствуют действительности.

Отец Эскина был школьным учителем, и мальчиком сын помогал ему, мать — жрицей какого-то мистического культа (Dem. XIX, 199—200, 249, 281). Что касается самого Эскина, то он, естественно, и в речи «О преступном посольстве», и в речи «О венке» всячески восхваляет своего отца и других родственников. Отец его Атромет, по его словам, умер в возрасте девяности пяти лет, «разделив с нашим государством все его испытания» (Aeschin. III, 191). Эсхин был коренным гражданином Афин, хотя и не столь высокого происхождения, как, например, Ликург. Однако, учитывая характер государственных постов, которые занимали его ближайшие родственники, нет оснований считать, что оно было совсем низким. По словам самого Эскина, отец его происходил из фратрии, которая имеет общие алтари с Этеобутадами (Aeschin. II, 147), т. е. одним из самых знатных родов Аттики. Его старший брат Филохар был учителем гимнастики и три года занимал должность стратега, а младший брат Афобет исполнял обязанности посла у персидского царя и был избран для управления государственной казной (Aeschin. II, 148—149). Его родственники по линии матери, по утверждению Эскина, все — свободные люди, дядя по матери, Клеобул, сын Главка из дема Ахарны, вместе с Деменетом из рода Бузигов (одного из древнейших жреческих родов) во время Коринфской войны победил наварха лакедемонян Хилона (Aeschin. II, 78).

Что касается имущественного положения (см. [Davies, 1971, с. 547]; там же библиография вопроса), то родители Эскина не были богаты и отец потерял все состояние при «тирании тридцати» (Aeschin. II, 147). В общем, как замечает Псевдо-Плутарх, «ни

по происхождению, ни по богатству он не принадлежал к знати» (Vit. X Or. 840 A).

Вероятнее всего, Эсхин не получил специального образования. Античная традиция называет его учителями Исократа и Платона, но обычно современные ученые отвергают ее, считая, что некоторое стилистическое сходство свидетельствует только о поверхностном знакомстве Эскина с их произведениями (во всяком случае, Платона) (кроме указанных выше работ см. [Weil, 1955, с. XII]).

Первоначально Эсхин выступает как противник Македонии, только со временем меняя свою позицию⁸². В его речах немного прямых восхвалений Филиппа и Александра, однако много всякого рода высказываний, в которых он стремится как-то оправдать действия македонских царей. Так, показательно его отношение к разрушению Фив Александром. Красочно описывая несчастья города, Эсхин вместе с тем проводит отчетливо одну мысль: в несчастьях Фив виноват не Александр, которого вынудили так поступать, а Демосфен, спровоцировавший его. Подобный прием характерен для Эскина.

Если обратиться к политическим взглядам Эскина, то прежде всего бросается в глаза, что он постоянно подчеркивает свою приверженность демократии. Так, говоря о своем происхождении и родственниках, он перечисляет их заслуги перед демосом. В частности, его отец пострадал при «тирании тридцати»: он потерял тогда все свое имущество и был изгнан, но «содействовал восстановлению демократии», а мать, вместе с мужем бежав в Коринф, «пережила с ним все государственные бедствия» (Aeschin. II, 78, 147—148).

Однако в рассуждениях Эскина о демократии можно заметить определенные нюансы, показывающие, что его понимание демократии сильно отличалось от понимания ее, например, Ликургом или Гиперидом. Отличие от Ликурга (и сходство с Демосфеном) заключается в том, что Эсхин резко выражает свое недовольство нынешним состоянием демократии в Афинах, подчеркивая, что она очень сильно отличается от того, что было раньше, и ссылаясь при этом на своего отца, который «на досуге часто рассказывал» сыну о прошлом (Aeschin. III, с. 191—192; ср. [Romilly, 1954, с. 348—352; Mathieu, 1966, с. 190—193; Nouhaud, 1982, с. 149 и др.]). Подобное противопоставление худого настоящего славному прошлому достаточно обычно в афинской политической мысли IV в. до н. э., но у Ликурга, например, этого нет, у Эскина же весьма сильно выражено: «Если бы кто-нибудь спросил вас, когда, по-вашему, наш город пользовался большей славой — в нынешние времена или при наших предках, то вы все единодушно согласились бы, что при предках. А люди когда были лучше, тогда или теперь? Тогда были выдающиеся люди, а теперь много хуже» (III, 178). «Теперь уничтожено все то, что прежде единодушно

признавали прекрасным» (III, 3) — в те времена, «когда государство управлялось лучше и имело лучших руководителей» (III, 154).

Еще один нюанс в отношении к прошлому, отличающий Эскина от современных ему политических деятелей, — он критикует прошлое, и эта критика весьма показательна. Так, Эскин обрушивается на вождя радикальной демократии конца Пелопоннесской войны Клеофонта, который, «как говорят, погубил наш город» и которого Эскин (подчеркнем, несправедливо) обвиняет в рабском происхождении (его многие «помнят с оковами на ногах») и в том, что он противозаконно попал в число граждан (Aeschin. II, 76; III, 150; о Клеофонте см. [Vanderpool, 1952, с. 114—115; перевод — [Колобова, 1963, с. 264, примеч. 41]). Это уже весьма знаменательно, но еще важнее — как представляет себе Эскин демократию, в чем, по его мнению, заключается отличие современного ему строя в Афинах от настоящей демократии, в чем Эскин видит причину произошедших изменений.

Мысли Эскина выражены, однако, в такой форме, которая затрудняет понимание данного вопроса, поскольку здесь он противопоставляет истинного приверженца демократии Демосфену (III, 168). Но и сквозь шелуху инвектив пробивается достаточно отчетливо образ настоящего демократа, как его понимает Эскин. Его характеризуют следующие качества: «Во-первых, он должен быть человеком хорошего происхождения и со стороны отца, и со стороны матери. Это для того, чтобы он из-за неприятностей, связанных с происхождением, не относился враждебно к законам, охраняющим демократический строй. Во-вторых, у него должны быть предки, совершавшие что-либо хорошее для народа или уж во всяком случае не питавшие к народу вражды. Это для того, чтобы он, мстя за неудачи своих предков, не стремился причинить вред нашему государству» (III, 169). Подтекст этих положений довольно прозрачен: хорошее происхождение, отличие на службе полису — все это указывает на верхний слой афинского гражданства, конечно, достаточно широкий, но все же верхний.

Далее Эскин отмечает еще одну черту приверженца демократии: «В-третьих, он должен быть рассудительным и скромным в своей повседневной жизни, для того, чтобы из-за безудержной расточительности не брать взятки и не действовать вопреки интересам народа» (III, 170). В этом утверждении проглядывает мысль о необходимости определенного состояния, что (в сочетании с рассудительностью и скромностью) предохраняет человека от поисков незаконных путей приобретения средств. Идеал хозяина, разумно ведущего свое хозяйство, не допускающего расточительности, находится в полном соответствии со старыми полисными традициями.

«В-четвертых, — продолжает Эскин, — он должен быть разумным человеком и искусным оратором. Ибо хорошо, когда

рассудительность оратора помогает ему выбирать наилучшие решения, а его образованность и красноречие убеждают слушателей. Если же оба качества не соединены в одном человеке, то благоразумие всегда следует предпочесть красноречию» (III, 170). Здесь вырисовывается облик демократического политического деятеля как представителя верхушки афинского общества, ибо ораторы, как правило, не принадлежали к низам и образование, необходимое для этих занятий, не было доступно широким кругам демоса. Подтверждение мы находим в дальнейшем, когда Эсхин сравнивает эту «идеальную модель» с Демосфеном. У Эсхина возмущение вызывает отнюдь не богатство Демосфена, а то, как бессмысленно он его тратит: растратив отцовское наследство, он хотя затем и «извлек из своей политической деятельности огромные деньги», но «сделал лишь ничтожные сбережения», так как по природе расточителен и ему не хватит никаких богатств (III, 173).

Рассмотрим теперь представления Эсхина о демократии вообще. Свое понимание демократии он излагает подробно дважды во вводных частях речей «Против Тимарха» и «О венке», и уже одно это показывает (особенно если учесть, что сохранились только три речи Эсхина), какое место в его взглядах занимают развиваемые здесь положения. Эсхин отмечает наличие трех видов государственного устройства: тирании, олигархии, демократии. В чем же видит он основное различие между двумя первыми и демократией? «Тирания и олигархия управляются личной волею правителей, а государства с демократическим строем — установленными законами»; «...безопасность граждан демократического государства и его политический строй охраняют законы». Именно законы — подлинная основа демократии (Aeschin. I, 4—5; III, 6; ср. [Jones, 1957, с. 53, 146; Hansen, 1974, с. 48; Romilly, 1975, с. 109]). К этой мысли Эсхин обращается неоднократно (III, 2, 36, 233 и др.). Он не верит в добрую природу людей; напротив, она такова, что человека надо постоянно держать в узде посредством законов: «Ведь именно потому, что люди совершают неподобающие поступки, древние и установили, в конце концов, свои законы» (I, 13). Однако в целом раньше люди были лучше, чем теперь, и государственный строй более полно отвечал демократическим принципам. Сейчас же, во время Эсхина, демократия находится под угрозой. Какова причина этого? «Страсть к чувственным наслаждениям и постоянная неудовлетворенность». Сила этих стремлений столь велика, что она «пополняет шайки разбойников и поставляет экипажи для пиратских кораблей... побуждает людей резать глотки своим согражданам, прислуживать тиранам и принимать участие в ниспровержении демократии». Настало такое время, что «люди не считаются ни с позором, ни с наказанием, которому они подвергнутся. Нет,

вот что их прельщает» (I, 191).

В результате изменяются не только люди, через посредство их меняется и сам демократический строй: «демократия уже ускользает от вас» (III, 249), «народное собрание в пренебрежении», «народ же в отчаянии от случившегося, как будто одряхлел или утратив разум, только по имени представляет демократию» (III, 250—251). Это происходит потому, что законы оказываются в пренебрежении. И здесь мы подходим к важнейшему в системе взглядов Эсхина вопросу: в чем опасность такого положения? Опасность заключается в том, что в афинском государстве решения народного собрания стали играть более важную роль, чем традиционные законы. Эта проблема представляется ключевой для Эсхина, и он к ней обращается неоднократно. «Однако от вас одних зависит теперь, чтобы эти законы были полезными или бесполезными. Ведь если вы будете наказывать преступников, то законы у вас будут хорошими и имеющими силу, а если будете прощать, то хорошими они, конечно, останутся, но силу свою потеряют» (I, 36). Та же мысль в I, 177: «если вы будете наказывать преступников, то законы у вас будут прекрасными и действенными, а если вы будете оправдывать, то прекрасными ваши законы останутся, но действенными они больше не будут». Вновь и вновь возвращаясь к проблеме исполнения или неисполнения законов, Эсхин утверждает, что афинские законы — самые лучшие, но на народных собраниях и в заседаниях судов «вы дасте увлечь себя в сторону хитростями и похвальбой и позволите совершаться во время судебных процессов самым страшным злоупотреблениям». В результате «упраздняются законы, рушится демократия» (I, 178—179). Так Эсхин говорит в речи против Тимарха.

Еще более яркая картина разрушения демократического строя нарисована в начале речи против Ктесифонта, где указывается, что все это происходит потому, что судят не по законам (т. е. не в суде), а на основании псефисм, т. е. решений народного собрания. Более всего виновны в этом ораторы типа Демосфена. Оратор в народном собрании — одна из главных мишеней в речах Эсхина. Ораторы хитросплетениями своей мысли и интригами уводят граждан Афин от прямого пути следования законам, заставляют их уступать свою власть немногим и, «подчиняя себе простых людей и добиваясь для себя самовластия», «считают, что государство является уже не общим, но их личным достоянием»; они-то и «уничтожили судебные разбирательства по законам, а судят с пристрастием, на основании псефисм» (III, 3—4).

Эти воззрения Эсхина носят если не прямо олигархический, то близкий к нему характер. Здесь мы сталкиваемся со старой дилеммой политической мысли древних Афин — противопостав-

лением закона псефисме. Как уже указывалось выше, это была, в сущности, проблема суверенитета народного собрания. И Эсхин ясно и отчетливо стоит на позициях отрицания суверенитета экклесии, т. е. оказывается решительным противником наиболее последовательных сторонников демократии.

Но Эсхин не ограничивается этими более теоретическими рассуждениями, которые в его речах находят выход непосредственно в сферу политики: в афинском государстве есть определенная категория людей, наживающихся на войне и вообще на всякого рода обострении обстановки, утверждает Эсхин (II, 161), имея в виду демократических лидеров. Говоря о поборниках мира, Эсхин в данном случае имеет в виду Филократа и вспоминает процесс против него, когда по обвинению во взяточничестве против Филократа выступал не кто иной, как Гиперид. Война — явная угроза демократии (ср. [Romilly, 1954, с. 342—344, 348—352; Luccioni, 1961, с. 160]). Эта мысль доказывается обширным историческим экскурсом (II, 172—176), который оратор начинает с греко-персидских войн, причем в результате его рассуждения оказывается, что постоянно в истории Афин наблюдается прямое соотношение: война приводила к гибели демократии, мир — к ее укреплению. Мысль доводится до современности: «...демократия расцвела и опять усилилась, но явились самозванные граждане, которые постоянно привлекали к себе нездоровые элементы государства. Своей политикой они вызывали войну за войной; во время мира они предсказывали в своих речах страшные опасности, волновали честолюбивые и слишком впечатлительные умы, а на войне не касались оружия. Становясь контролерами в армии и уполномоченными по снаряжению флота, усыновляя детей от гетер, позоря себя доносами, они подвергали наше государство крайним опасностям. Идею демократии они уважали только в своих льстивых речах, а своими поступками старались нарушить мир, благодаря которому сохраняется демократия, и вызывали войны, вследствие чего демократия ниспровергается» (II, 177).

Сказанное позволяет видеть в Эсхине выразителя определенных тенденций, определенного направления в политической жизни Афин того времени. Политическая мысль Эсхина определялась, видимо, интересами какой-то группы имущественной верхушки афинского полиса. Эта группа в силу неясных нам причин не была заинтересована во внешней экспансии, связанной всегда с демократическим направлением, отсюда ее ставка на мир, что в условиях того времени вело к союзу с Македонией и даже к подчинению ей в рамках этого союза. Во внутривполитической сфере она резко настроена против тех крайних форм, которые демократия приняла в это время, хотя Эсхин свою нелюбовь к демократии обряжает в демократические одежды [Mossé, 1962a, с. 296—297], выступая защитником «истинной» демократии против

существующей. В конкретной ситуации, сложившейся после Херонси, объективно политика этой группы отчасти совпадала с политикой группы Ликурга; обе они стояли за мир, против активной внешней политики, хотя, очевидно, и по разным причинам.

К сожалению, очень немного можно сказать о Фокионе и его группе. К тому же самые яркие факты, характеризующие позицию Фокиона, относятся к несколько более позднему времени — к годам после окончания Ламийской войны. Однако представляется возможным использовать и их как практическое выражение тех умонастроений, которые сложились уже давно.

Библиография Фокиона не богата именами. Помимо общих трудов и нескольких статей, из которых назовем статью Леншау в энциклопедии Паули — Виссова [Lenschau, 1941, с. 458—473] и П. Клоше — о последних годах жизни Фокиона [Cloché, 1923, с. 161—186; Cloché, 1924, с. 1—41], нам известны только два специальных исследования о нем — книга Бернайса [Bernays, 1881] «Фокион и его новый критик», во многом устаревшая, и труд Герке «Фокион» [Gehrke, 1976], а также диссертация Уильямса «Афины без демократии: олигархия Фокиона и тирания Деметрия Фалерского. 322—307 гг. до н. э.» [Williams, 1982—83]. Историографический очерк дан Герке (с. 198—216, там же названа предшествующая литература; см. также [Seibert, 1983, с. 42, 100]. К сожалению, нам осталась недоступной диссертация о Фокионе — [Trittle, 1978], о которой см. [Williams, 1982, с. 2, примеч. 2]).

Для Бернайса Фокион — прежде всего философ академической школы, примыкавшей к «партии мира» («консерваторам»), основу которой составляли философы Академии и перипатоса. Подобно тем философам, которые симпатизировали сильным личностям и монархическим идеям, Фокион с одобрением относился к присоединению Афин к Македонии и созданию великого греческого государства, что сулило еще и освобождение от неограниченной демократии [Bernays, 1881, с. 56, 59 и др.].

Отвергая конвергенцию философов и консерваторов и справедливо критикуя трактовку Бернайсом Фокиона как философа, в частности указывая, что члены Академии и перипатетики не стояли во главе промакедонской партии в Афинах (какую бы большую симпатию к Филиппу они, может быть, и ни проявляли), Герке рисует другой образ Фокиона — человека, трезво оценивающего соотношение сил, политического реалиста, основу поведения которого составляли осмотрительность, выжидание, сдержанность, пассивность, невмешательство [Gehrke, 1976, с. 216—217]. Абсолютно лишенный честолюбия, Фокион не принадлежал к руководству, он был «человеком второй шеренги» (с. 219). Политику, которую он разделял, представляли другие — Каллистрат, Эвбул, Эсхин, Демад. Поэтому он никогда не стоял на

«линии огня», меньше подвергался критике, но поэтому же никогда не исчезал с политической арены. Но когда наступал критический момент — пробивал его час, Фокион становился определяющей фигурой. Политически независимый, он был неизменно консервативен, и Герке считает, что наиболее точно было бы назвать Фокиона радикальным олигархом. Такая позиция определялась «интеллектуальным суверенитетом» Фокиона, который, как показывает анализ его апофтегм, обладал замечательной духовной силой (с. 220—221).

Представляется, однако, что Герке преувеличивает политическую независимость Фокиона и его изолированность, вытекающую, по его мнению, из духовной силы и исключительной аналитической способности Фокиона. Вместе с тем, как видим, он традиционно пишет о промакедонской и антимакедонской партиях как основных силах в политической борьбе Афин того времени.

Диссертация Уильямса, как ясно из заголовка, посвящена более позднему времени, чем интересующее нас, но содержит вступительную главу о Ликурговых Афинах, где говорится и о деятельности Фокиона в эти годы [Williams, 1982, с. 25—33]. Автор называет его «промакедонским» генералом, который, если можно так сказать, соединял в себе черты Аристиды Справедливого и Сократа.

Уильямс согласен с Митчелом, который отвергал наличие в Ликурговых Афинах олигархической партии во главе с Фокионом, выступавшим за подчинение Македонии, чтобы получить поддержку в своей борьбе против демократов. Нет свидетельств, что в своей политике мира Фокион руководствовался иными соображениями, кроме искренней убежденности в том, что Афины не могут победить Македонию. Но после Ламийской войны он, как кажется, изменился и видел в македонском гарнизоне опору, гарантию сохранения нового режима.

Ставя вопрос о том, принадлежал ли Фокион к олигархам (точнее, к олигархической клике — *faction*), Уильямс присоединяется к тем ученым (Белох, Фергюсон), которые дают положительный ответ: Фокион пренебрегал мнением народа, считая, что демократы не способны проводить хорошую политику и выставлять хороших воинов. Уильямс справедливо полагает, что, даже если источники не дают достаточно оснований говорить об олигархических симпатиях Фокиона, его позиция после установления в Афинах нового строя подтверждает такую оценку. Фокион был умеренным олигархом, столь убежденным в превосходстве этой политической формы, что, пытаясь предотвратить ее свержение, предал безопасность родного города и лишился жизни.

В подтверждение олигархических симпатий Фокиона Уильямс ссылается на Плутархову биографию Фокиона (Plut. Phoc. 8—10, 16, 20, 27, 29—32) и «Историческую библиотеку» Диодора (Diod.

XVIII, 55—56, 64—66). Были и другие олигархи — вместе с Фокионом оказались осужденными Гегемон, Никокл, Фудипп, Пифокл. О Пифокле Демосфен говорит как о своем противнике и стороннике Эсхина, с которым тот совещался (Dem. XIX, 225, 314), Гегемона, Пифокла в чести с Демадом Демосфен противопоставляет себе (Dem. XVIII, 285; [Williams, 1982, с. 18 и сл., 25—32, 102 и сл.]).

Что касается более общих трудов, то у авторов их личность Фокиона, в общем, не вызывает споров и разница заключается скорее в нюансах и тональности отдельных характеристик. Все единодушны в том, что это был человек лично честный и неподкупный, суровый и искренний (благородный — добавляют некоторые). Фокион принадлежал к промакедонской партии и был одним из ее вождей. Он видел долг свой в служении родине, но, реально оценивая обстановку и соотношение сил, считал борьбу с Македонией невозможной и примирился с ее властью (Plut. Rhos. XXI: «либо побеждайте, либо храните дружбу с победителями»). Так, по мнению Ж. Матье, Фокион видел нравственный упадок сограждан, но ничего не сделал для его преодоления [Mathieu, 1948, с. 171]. Его брюзгливость способствовала бездельности и вела к рабству, что и завершилось принятием власти оккупантов. Гомм считает Фокиона пацифистом и реалистом, который, по крайней мере позднее, готов был сотрудничать с Македонией [Gomme, 1937, с. 228].

Для Боннара Фокион — «стратег, честный человек и капитулянт», который, удовлетворяясь брюзгливыми протестами лишь для успокоения своей совести, «так хорошо себя успокоил, что в конце концов примирился с тем, что власть перешла в руки завоевателей» [Боннар, 1962, с. 101—102].

В социальных позициях Фокиона считают консерватором, противником демократии. Так, Белох рассматривает его как лидера консервативного направления македонской партии [Beloch, 1884, с. 180, 250]. В установленной Антипатром конституции Фокион, по мнению Белоха, увидел осуществление своих политических идеалов. Фергюсон характеризует Фокиона как аристократического лидера имущих классов [Ferguson, 1974, с. 7, 14], Тарн — как главу олигархической партии [Tarn, 1927, с. 440].

Этот список можно было бы продолжить, назвав имена Керста, Глотца, Момильяно, Люччиони, Моссе (на работы которых мы уже неоднократно ссылались), но ничего принципиально нового мы бы не узнали. Поэтому сошлемся на одну из самых новых книг: Босворт [Bosworth, 1988a, с. 212], характеризуя обстановку в Афинах в Ликургов период, отмечает, что по одну сторону спектра был ветеран Фокион, который отличался реалистической оценкой македонской военной силы и постоянно выступал за бездействие, предостерегая от провокаций.

Единственным сколько-нибудь полным источником для понимания взглядов и характера деятельности Фокиона является его биография, написанная Плутархом. Из созданных им жизнеописаний Фокионово — одно из самых сложных с точки зрения выяснения исторической достоверности. Именно Плутарху в значительной мере обязана идеализацией и морализирующей тенденцией старая литература о Фокионе. На вопрос о том, в какой мере Плутарх искажал факты, чтобы создать желаемый образ Фокиона, ответить трудно. Ф. Робер подчеркивает элемент трагизма в рассказе Плутарха в ущерб реалистичности политической жизни. Ему отчасти следует Герке, но Уильямс проявляет значительно больше доверия к Плутарху, кроме рассказа о суде над Фокионом и его смерти. Здесь Уильямс находит много общего с сообщением источников о процессе над стратегами после сражения при Аргинусских островах и процессе над Сократом, считая вслед за Триттлом, что Фокион, испытав сильное влияние школы Академии, стремился подражать Сократу. Вместе с тем Уильямс склонен пользоваться свидетельствами Плутарха, пока не будет доказана их ошибочность [Williams, 1982, с. 25, примеч. 74]. Основным источником Плутарха одни ученые называли Гиеронима, другие — Дурида, писали, что традиция восходит к произведениям круга перипатетиков (о Плутарховой биографии Фокиона см. [Robert, 1945, с. 526—535; Wardman, 1971, с. 255; Flacelière, 1976, с. 9—15; Gehrke, 1976, с. 232—236 — там же указаны более ранние работы; Williams, 1982, с. 222—223; об античной традиции см. [Gehrke, 1976, с. 180—189]).

Насколько можно представить себе политические воззрения Фокиона, они определялись несколькими моментами. Во внешней политике его позиция заключалась в стремлении не обострять отношений с Македонией, но было бы совершенно неправильным считать, что Фокион исходил из интересов Македонии, а не по-своему понятых интересов афинского полиса. Древние достаточно отчетливо сознавали разницу между Фокионом как государственным деятелем, руководителем определенной политической группы, имеющей свое собственное лицо, и прямыми наемниками Македонии (Plut. Phoc. I). Плутарх называет Фокиона «порядочным человеком и государственным мужем» и, объединяя его с Катонем, характеризует таким образом: «Но высокие качества Катона и Фокиона до последних, самых мелких особенностей несут один и тот же чекан и образ, свидетельствуют об одних и тех же оттенках характера: в равных пропорциях смешаны в обоих строгость и милосердие, осторожность и мужество, забота о других и личное бесстрашие, одинаково сочетаются отвращение ко всему грязному и горячая преданность справедливости...» (гл. III).

Фокион, насколько мы знаем, всегда старался сохранить мир. В самой общей форме об этом свидетельствует Плутарх: «Он

постоянно, если стоял у власти, стремился направить государств к миру и покою» (гл. VIII). Так, как-то он высмеял некоего Полиевкта, когда тот убеждал афинян начать войну против Филиппа. Вполне понятна поэтому враждебность его отношений Демосфеном, которого Плутарх называет «одним из его противников на государственном поприще» (гл. IX). Когда афиняне уже начали «открытую борьбу» с Филиппом, он пытался убедить народ принять предложенное македонским царем перемирие, решительно противился военным действиям перед Херонеей и «считал нужным подчиниться всем требованиям Филиппа». Показательно и отношение Фокиона к вступлению Афин в Коринфский союз, когда, вопреки предложению Демада, он советовал выждать «пока не станет известно, какие условия предложит Филипп грекам» (гл. XVI).

После смерти Филиппа Фокион возражал Демосфену, организовавшему силы сопротивления Македонии, и соглашался на выдачу десяти руководителей антимакедонского лагеря по требованию Александра после разрушения им Фив в 335 г. до н. э., за что Ликург осыпал его в экклесии «хулой и упреками» (Plut. Phoc. IX, XVII; подробнее см. [Gehrke, 1976, с. 70—74]; ср. [Seibert, 1979, B. 1, с. 148—149; B. 2, с. 501, Anm. 1173; Bosworth, 1980, с. 93—96]). Фокион советовал афинянам выполнить волю Александра, когда македонский царь потребовал прислать ему триеры (Plut. Phoc., I), а после смерти Александра, «видя, что народ склонен к мятежу и перевороту, пытался утихомирить сограждан», «до крайности» был недоволен Леосфеном, готовившим силы для войны с Македонией, и всячески противился этой войне (гл. XXIX).

Приведенные факты показывают, что это была вполне сознательная политика, последовательно проводимая Фокионом. Стремясь любой ценой не обострять отношений ни с кем, и прежде всего с Македонией, Фокион, очевидно, исходил из соотношения сил, как он их оценивал. Доказательства этому мы находим все в той же биографии Фокиона, которой обязаны Плутарху. Рассказывая о том, как афиняне желали решить пограничный вопрос с беотийцами не судом, а войной, Плутарх пишет, что «Фокион советовал им состязаться словами, в которых они сильнее, а не оружием, в котором сила не на их стороне» (гл. IX). И второй факт, быть может, еще более показательный: после смерти Александра, когда в Афинах шли активные приготовления к войне и многие восхищались силой набранного войска, Фокион выступил против войны на том основании, что больше у города «нет ни денег, ни кораблей, ни гоплитов» (гл. XXIII). Поддержку своей политике он находил в прошлом, когда предки «то начальствуя, то подчиняясь, но одинаково хорошо исполняя и то и другое, спасли и свой город, и всю Грецию» (гл. XVI). Именно с этим (во всяком случае, отчасти), видимо, связана и мягкая политика,

проводившаяся Фокионом в отношении союзников, контрастирующая с обычным поведением афинских стратегов (гл. VII, IX, XIV).

Страх, что борьба с Македонией приведет к гибели родной город, очень четко прослеживается в политической деятельности Фокиона. Это отчетливо проявилось во время Фиванских событий. Когда македонское войско еще подходило к Фивам, Фокион, по словам Плутарха, сказал Демосфену, осыпавшему бранью Александра: «Или, может, ты хочешь, раз уж поблизости пылает такой громадный пожар, поджечь заодно и наш город? Но я ради этого и принял должность стратега, чтобы не дать этим людям погибнуть, хотя бы даже они и рвались навстречу гибели». В разгар споров в эkkлeсии, вызванных требованием Александра выдать своих противников, Фокион «поднялся с места, поставил рядом с собой одного из друзей, с которым был связан теснее всего, доверял ему больше всех и сильнее всех любил, и сказал, указывая на него: „До такой степени крайности довели глупцы и негодяи наш город, что если кто потребует выдать даже его, Никокла, я посоветую выдать, ибо и сам я счел бы для себя счастьем, если бы мог умереть ради вас всех“» (Plut. Phoc. XVII).

Вместе с тем, когда Афины оказались втянутыми в войну с Македонией и Фокиону как стратегу приходилось командовать войсками полиса, он вел военные действия энергично и часто весьма успешно. Фокион, в частности, отличился на Эвбее, именно его руководству приписывали успех в 340 г. до н. э. в Византии и Перинфе (Plut. Phoc. XII—XIV; см. также [Gehrke, 1976, с. 5—17, 46—52; Williams, 1982, с. 28—29]). Источники Плутарха (Phoc. VIII) согласно сообщают, что он занимал должность стратега 45 раз⁸³. Все это характеризует Фокиона как патриота.

Еще один аспект внешнеполитической программы Фокиона — стремление перенести македонскую агрессию на Восток. Возможно, не без влияния идей Исократa (ср. [Gehrke, 1976, с. 26, 222]) Фокион чисто прагматически подходил к проблеме. Во всяком случае, характер сообщения Плутарха склоняет к такому толкованию его мыслей. Говоря о переговорах Фокиона с Александром, Плутарх передает такой совет Фокиона: «Советовал же он положить войне конец, если Александр жаждет мира, или же увести ее из греческих пределов и взвалить на плечи варварам, если он стремится к славе» (гл. XVII).

Во внутривполитической жизни позиция Фокиона тоже достаточно определена. Бесспорно, он был весьма далек от настоящего демократизма. То большое внимание, которое уделяет Плутарх противоречиям между Фокионом и афинским демосом (хотя иногда и описывает их в утрированной форме), ясно свидетельствует об антидемократизме Фокиона (ср. [Perlman, 1967, с. 1723]): «Фокион беспрерывно перечил афинянам, никогда ни в чем не угождал им ни словом, ни делом» (Plut. Phoc. VIII). Отметим, что не

кто иной, как Гиперид⁸⁴, обвинил Фокиона во взяточничестве, написав против него речь, и хотя иск, очевидно, был несправедлив и суд оправдал Фокиона (Ps.-Plut. Vit. X Or. 850 B; Plut. Phoc. IV), для нас в данном случае важно одно — кто именно поставил под сомнение честность Фокиона, возбудив против него судебный процесс.

Логическое завершение эта антидемократическая позиция нашла в правлении Фокиона после поражения греков в Ламийской войне, когда проводится важнейшая реформа, в результате которой беднейшая часть афинских граждан лишилась своих прав⁸⁵. Хотя изменение государственного устройства было проведено по настоянию Антипатра, потребовавшего восстановления «строга предков», что понималось как введение имущественного ценза (Plut. Phoc. XXVII)⁸⁶, реформа отвечала настроениям Фокиона. Во всяком случае, и он, и его политические сторонники, участвовавшие в переговорах о мире (за исключением философа Ксенократа), нашли условия Антипатра «мягкими и остались довольными» (Plut. Phoc. XXVII). Фокион, настаивавший на некотором изменении условий мирного договора (он просил не вводить гарнизона в Афины), относительно данного требования протестов не заявлял. Может быть, изменение конституции, с точки зрения Фокиона, и было чересчур радикальным, но, несомненно, оно шло в одном русле с его взглядами.

Более сложен вопрос о том, интересы каких социальных слоев гражданства выражал Фокион. Рассказывая о том, что происходило в Афинах после Херонеи, Плутарх противопоставляет смутьянов и бунтовщиков (τῶν θυροβλοῦν καὶ νεωτεριστῶν) лучшим гражданам (οἱ βέλτεστοι), которые испугались, что стратегом станет Харидем, но так как их поддерживал Совет Арсипага, то с большим трудом им «удалось убедить афинян верить судьбу государства Фокиону» (Phoc. XVI). Во время суда над Фокионом лучшие из граждан (οἱ μὲν βέλτεστοι τῶν πολιτῶν) «закрыли лица, поникли головами и заплакали», а когда один из них выступил в защиту Фокиона и его друзей, «толпа» (τῶν πολλῶν) заревела от возмущения, раздались крики, что надо побить камнями «сочувствующих олигархам и ненавидящих народ» (τοὺς ὀλιγαρχικοὺς καὶ μισοὺς ἥμους — Plut. Phoc. XXXIV)⁸⁷. О казни Фокиона скорбели «афинские всадники» (там же, XXXVII).

Итак, согласно Плутарху, сторонники Фокиона — οἱ βέλτεστοι, а сам Фокион и его друзья характеризуются их врагами как олигархи и противники демоса. Вряд ли можно сказать, насколько точна социальная терминология Плутарха. В конечном итоге она зависит от его источников для соответствующих отрывков биографии Фокиона, но они не всегда даже указаны. В самой общей форме ясно, что Фокиона поддерживала какая-то часть собственников (ср. [Bosworth, 1985, с. 435—436]: Фокион — политический представитель собственников —

«property owners»), причем отнюдь не демократического толка. Однако приведенные данные Плутарха столь общи, что на основе их одних сделать более определенные выводы нельзя. Но есть еще одна возможность попытаться выявить более точно тот круг граждан, на который ориентировался в своей деятельности Фокион и интересы которого он выражал. С нашей точки зрения, это возможность социально-психологического анализа, выяснение того идеала государственного деятеля, которому хотел следовать Фокион.

Он стремился подражать древним в образе жизни, одежде, соблюдении традиционных норм поведения. Проявлялось это и в подчеркнутой скромности домашней обстановки⁸⁸, нападках на роскошь (Plut. Phoc. IV, XVIII, XX, XXX). Фокион многократно отказывался от подарков Александра, Антипатра, Менилла⁸⁹. Показательно также его стремление воспитывать сына в соответствии со спартанскими принципами, в которых, судя по Плутарху, его привлекала прежде всего строгость (гл. XX).

И в своей государственной деятельности Фокион стремился следовать примерам прошлого. Это было время, когда «вершители общественных дел» (τοῖς τὰ κοινὰ πράσσουσας), говоря словами Плутарха, «словно по жребию разделили между собой поприща военное и гражданское», время четкого отделения стратегов как военных руководителей от ораторов как руководителей политических, и деятельность Фокиона была, видимо, и в этом отношении тогда уже настолько необычна, что Плутарх (а вернее, его современный источник) (Plut. Phoc. VII) специально отметил, что «Фокион желал усвоить сам и возродить к жизни обычаи и правила Перикла, Аристиды, Солона, считая их совершенными, поскольку этими правилами охватывались обе стороны государственной жизни» (ср., однако, [Perlman, 1963, с. 352; Perlman, 1967, с. 170]).

Таким образом, можно говорить о цельности натуры Фокиона — человека и государственного деятеля, ориентировавшегося на традиционную, но уже частично отжившую или, вернее, отживавшую систему ценностей.

У Плутарха есть еще два замечания, позволяющие уточнить картину. Отказываясь от подарков Александра, Фокион ссылается, в частности, на то, что он не сумеет воспользоваться царскими деньгами и они будут лежать у него «без всякого проку» (гл. XVIII). В условиях Афин того времени, с их высоким уровнем развития товарно-денежных отношений, широкими возможностями использовать деньги для торговли, ростовщичества, разработок Лаврийских рудников, такой ответ свидетельствует о социально-психологическом стереотипе, ориентированном не только на прошлое, но и на определенные ценности — ценности сельского хозяина, крестьянина, менее, чем какие-либо другие слои афинского общества, связанного с рынком. Упомянем также в этой связи о

совете Фокиона (уже после окончания Ламийской войны и установления нового государственного строя): он «беспокойным, бунтарям, которым уже само отстранение от власти, от шумной деятельности сильно поубавило пыла, советовал побольше сидеть в деревне и целиком отдаться сельским работам» (Plut. Phoc. XXIX). Этот совет также весьма красноречив — он выражает традиционные представления античного мира о земледелии как той физической и моральной школе, которая способствует выработке единственно правильного взгляда на мир и жизнь.

Подводя итоги, выскажем, в самой гипотетической форме, предположение, что в своей деятельности Фокион ориентировался прежде всего на средних земельных собственников Аттики (ср. [Mossé, 1962a, с. 290]). Возможно, это отчасти объясняется и «средним» происхождением Фокиона (Plut. Phoc. IV; см. также [Lenschau, 1941, с. 458; Davies, 1971, с. 559; Gehrke, 1976, с. 1; Williams, 1982, с. 26]). Это предположение можно подкрепить еще одним соображением. В последнее время в литературе все больше укрепляется мысль о том, что в IV в. до н. э. (вопреки тому, что писали ранее) не происходило массового обезземеливания крестьянства (см. выше, гл. I). Хотя при этом, как обычно бывает при опровержении устоявшегося мнения, несколько, по-видимому, и преувеличивают стабильность земельных отношений в Аттике, в целом новая картина, несомненно, более верно отражает действительность, чем господствовавшие ранее взгляды. Кроме того, следует учесть еще одно обстоятельство: в 30-е годы IV в. до н. э. аттическое земледелие переживало кратковременный подъем (οἱ γεωργοὶντες εὐτορεῖτε μᾶλλον ἢ προσῆχεν — Dem. XLII, 21), вызванный в значительной мере трудностями с доставкой зерновых в Грецию (о чем см. выше). Этот подъем должен был благоприятно сказаться на состоянии крестьян, увеличить их благосостояние (во всяком случае, более богатой их части)⁹⁰, а вместе с этим и их чувство уверенности в себе, уважения к своим традиционным ценностям. Не исключено, что Фокион ориентировался именно на этот слой афинского гражданства и его взгляды отвечали их интересам и настроениям: ограниченность права гражданства, т. е. цензовая конституция, неприязнь к богачам, особенно городским богатым — носителям совершенно иных социально-психологических настроений, желание ограничить заморскую политическую активность, которая мало что могла дать крестьянину, стремление к миру, который способствует развитию сельского хозяйства. Вместе с тем неприязнь к низам городского гражданства, тем, кого обычно называют «морской сброд» (ναυπηγὸς ὄχλος), могла привлекать к группе Фокиона симпатии и богатых землевладельцев типа Фениппа (из XLII речи Демосфенова корпуса речей), которые в трудные годы наживались на спекуляции хлебом и зерном.

Рассмотрение взглядов и позиций промакедонских группировок

в Афинах приводит нас, в сущности, к тем же самым выводам, что и анализ антимакедонских группировок: нет никаких оснований считать, что в Афинах этого времени действовала единая македонская партия. Существовал блок различных сил, включавший как прямых наймитов Филиппа и Александра, так и политические группы, которые в силу тех или иных причин считали, что борьба с Македонией пагубна для их полиса, что настоятельная жизненная необходимость требует, чтобы Афины прекратили активную внешнюю политику и следовали в фарватере политики македонской. Однако в некоторых вопросах позиции промакедонских и антимакедонских группировок оказывались близкими.

Итак, мы попытались выделить политические группировки в Афинах, выяснить их взгляды на обстановку в государстве и его внешнюю политику. Вместе с тем мы не можем выявить у этих соперничавших группировок программ, которые были бы разработаны на теоретическом уровне. Их лидеры не поднимались до теоретического осмысления и обоснования своих взглядов, поступков и планов. Выдвигая предложения и даже практические программы, они обращались к одним и тем же политическим понятиям, но, действуя в рамках единой полисной идеологии, по-разному трактовали их, в общем оставаясь в стороне от исканий и учений своих великих современников — философов.

Выводы, к которым мы пришли, помогают, как кажется, лучше понять характер политического развития Афин в период от Херонеи до Ламийской войны. Если мы освободимся от миража противостояния двух партий и будем рассматривать ход политического развития как в известной мере результат взаимодействия различных сил в каждом конкретном случае, то такой подход, видимо, отразит реальность более адекватно, чем упрощенная схема борьбы антимакедонской и промакедонской партий. Выявление этих группировок с их взглядами, интересами, связями, ориентацией на определенные слои общества также позволит, как мы надеемся, лучше понять сам феномен кризиса греческого классического полиса.

Попытаемся сопоставить сделанные конкретные наблюдения и выводы с результатами, которые были достигнуты учеными, изучавшими политическую борьбу в Афинах.

В подходе к этой проблеме определенное время сказывалось сильное влияние модернизма. Например, политическую борьбу в Аттике времени Солона анализировали с точки зрения борьбы трех партий: педисеев, паралиев и диакриев. Классы (и соответствующие им партии) рассматривались в контексте социального развития, удивительно напоминавшего социальное развитие Европы на переходе от средневековья к новому времени: подъем торговли и «индустрии», возрастание роли городских элементов в противоположность сельским, увеличение значения «класса про-

мысленников» и т. д. [Зельин, 1964, с. 7—16]. В применении к истории поздней Римской республики подобный подход проявлялся в исследовании всего хода политического развития как противоборства двух партий (оптиматов и популяров), имеющих чуть ли не современный характер [Утченко, 1976, с. 48—50].

Интересующий нас период также не избежал общей участи. Политическая борьба в Афинах того времени рассматривалась главным образом под углом зрения противоборства двух партий: промакедонской и антимакедонской, причем, как уточнил Белох, под антагонизмом этих партий скрывался антагонизм между собственниками и неимущими. Правда, Белох сам вынужден был признать, что реальная картина более сложна, чем предложенная им схема. В результате у него появляется группа консерваторов, некоторые из которых не могут примириться с потерей Афинами положения великой державы и поэтому идут вместе с радикалами, тогда как многие радикалы ориентируются на Македонию. В целом, в некотором противоречии с тем, что утверждается на этой же странице, говорится о четырех «партийных оттенках» (*Parteischattierungen*): македонско-консервативном (во главе с Фокионом), македонско-радикальном (Демад), антимакедонско-консервативном (Ликург), антимакедонско-радикальном (Демосфен). К. Белох создает концепцию «компромиссного правительства», которое управляет Афинами в результате соглашения между партиями [Beloch, 1884, с. 248—250; Beloch, 1923, с. 52—54].

Идею Белоха о компромиссном правительстве, которое находилось в Афинах у власти до процесса Гарпала, принял Фергюсон. Для него это коалиционное правительство, в котором объединились аристократы и демократы. Аристократы заботились о внешней политике, демократы — о внутренней. Но затем у Фергюсона появляется еще одна группа — радикалы, которые подняли народ против Демосфена в ходе дела Гарпала, в результате чего коалиционное правительство пало. Стало ясно, что только прямое вмешательство Александра сможет предохранить от полного захвата власти наиболее яростными членами антимакедонской партии [Ferguson, 1974, с. 7—14].

В. Тарн предполагает наличие четырех партий: олигархов (под руководством Фокиона), партии умеренных собственников, во главе которых стоял Демад; радикалов (с вождем Гиперидом) и самой важной из них — демократической партии, объединявшей и богатых и бедных. После Херонси руководство ею осуществлял Ликург, которому этот пост счел за лучшее уступить Демосфен. В. Тарн также стоит на позиции признания коалиционного правительства, которое (правда, с перерывами) управляло Афинами с 338 по 324 г. до н. э. и в котором объединились все партии, кроме радикалов [Tarn, 1927, с. 440, 445—450].

Г. Глотц и Р. Коэн признают четыре партии, рисуя картину расстановки сил, сходную со схемой Ю. Белоха. Большинство

аристократов и буржуазии было связано с Македонией, защитницей установленного порядка; большинство демократов и пролетариев было враждебно им. Но оба класса разрывала антагонистическая проблема, которая перевешивала все. Те из консерваторов, которые вспоминали о славном прошлом, не обратились к своим естественным друзьям (очевидно, имеется в виду Македония), чтобы не предать этого прошлого. Те из пролетариев, которые требовали от государства только удовлетворения своих желаний, не хотели и слышать разговоров о внешней опасности, являясь горячими противниками патриотов. Таким образом, в Афинах действовали четыре партии: промакедонские и антимакедонские консерваторы, промакедонские и антимакедонские демократы. Кроме того, антимакедонские демократы делились на два крыла: «осторожных» (которые часто договаривались с антимакедонскими консерваторами) и крайних. В общем, если (как оговариваются Г. Глотц и Р. Козн) не отступать перед грубым анахронизмом, ситуацию можно обобщить в таких терминах: подчинение было принято правыми и крайними левыми, выдержка или борьба — правым центром, левыми оппортунистами и левыми радикалами. На базе известного соглашения всех сил создано переходное правительство, которое свою задачу видело не столько в том, чтобы осознать великие дела, сколько в осуществлении мелких дел, которые готовили будущее. Это правительство вышло усиленным из дела «О венке», пало же оно в результате дела Гарпала [Glötz, Cohen, 1945, с. 196—198, 206—209, 217].

К мнению о коалиционном правительстве присоединяется и Герке ([Gehrke, 1976, с. 75—76], со ссылками на Белоха, Фергюсона и Глотца), тогда как П. Клоше [Cloché, 1957, с. 264] пишет об относительном союзе двух партий, а Барт [Burrt, 1973, с. 4] — о некотором соглашении между различными партиями⁹¹.

Во всех перечисленных трудах, явно отмеченных печатью модернизма, не учитывается все-таки в должной мере специфика политической организации афинского демократического полиса; политическая борьба и система управления рассматриваются по образу и подобию буржуазной парламентарной республики, откуда и идет идея компромиссного, коалиционного, переходного правительства. Политические партии считаются прямыми выразителями интересов определенных классов, при этом классы лишены всякой специфической характеристики и определяются как «богатые» и «бедные», а поскольку источники не позволяют сводить все к борьбе двух партий, то внутри партий появляются различные крылья и оттенки. Показательно, что при характеристике этих внутренних делений в партиях обычно отбрасываются всякие попытки определить социальную природу этих направлений. В результате причины антимакедонской направленности части «буржуазии и аристократии» объясняются такими мотивами, как тоска по былому могуществу Афин и т. п. Отметим и противоречия в

обрисовке отдельных партий и направлений. Так, у Белоба немущие — основная сила антимакедонской партии, тогда как у Г. Глотца и Р. Коэна часть пролетариев — наиболее ярые противники патриотов.

Такой подход, уподобление в той или иной степени Афинской рабовладельческой республики буржуазным парламентарным республикам, классов античного общества — классам общества капиталистического, форм политической борьбы, характерных для полиса, — формам политической борьбы, свойственным буржуазному обществу, вызвали естественную реакцию, выразившуюся в появлении ряда работ, авторы которых стоят на подчеркнуто «демодернизаторских» позициях (пользуясь термином С. Л. Утченко [Утченко, 1976, с. 50]). Характерно, что подобная реакция наблюдается при исследовании политической борьбы и политических «партий» в различные периоды античности. Так, в изучении политической борьбы в Аттике времени Солона реакцией на модернизаторские построения стала статья Р. Сили «Регионализм в архаических Афинах» [Sealey, 1960a, с. 155—180]. По мнению Р. Сили (говоря словами К. К. Зельина [Зельин, 1964, с. 29]), «в истории политической борьбы в архаических Афинах ничего нельзя объяснить классовыми интересами и классовой борьбой — желанным ключом является понятие регионализма, т. е. борьба местных интересов. Регионализм — доминирующая черта истории этого времени... Партии были не протагонистами противоположных экономических интересов, но небольшими группами, связанными с вождем крепкими личными узами». По своему характеру политическая борьба в VI в. до н. э., как считает Р. Сили, схожа с положением в V—IV вв. до н. э. Аналогичный подход к политической борьбе и политическим «партиям» наблюдается в изучении эпохи конца Римской республики. Наиболее типична в этом отношении книга Х. Мейера [Meier, 1966], посвященная анализу политического устройства поздней республики. Центральный тезис всего исследования, как его сформулировал С. Л. Утченко, сводится к тому, «что так называемые обязательственные связи (*necessitudines*), т. е. связи родственные, дружеские, клиентские интересы своей трибы, региона и т. п., не только превалировали над интересами классовыми и сословными, не только были одним из характерных явлений римской политической жизни, но и полностью определяли ее» [Утченко, 1976, с. 50].

В том же самом направлении шел пересмотр проблемы политической борьбы и политических «партий» в Афинах IV в. до н. э. Наиболее показательны и важны в этом отношении работы уже упомянутого Р. Сили [Sealey, 1955b, с. 74—81; Sealey, 1956, с. 178—203]⁹² и Ш. Перлмана [Perlman, 1963, с. 327—355; Perlman, 1964a, с. 64—81; Perlman, 1967, с. 161—176]. Суть их взглядов заключается в следующем. Опираясь на выводы ряда ученых, прежде всего Сундвалля [Sundwall, 1906] и Джоунза

[Jones, 1957], они считают, что основу демократического режима Афин, стабильного по своему характеру, составляло большинство граждан — класс средних собственников. В Афинах имелось небольшое число очень богатых людей и небольшое число бедных, но они играли незначительную роль, подавляемые массой «среднего класса». Но и богатые собственники — промышленники, торговцы, денежные люди — были заинтересованы в демократии, так как одной из основ ее внешней политики было сохранение влияния Афин на греческий мир, которое открывало им рынки. Конституционно крайняя, по своей социальной структуре афинская демократия была умеренной. Умеренность составляла и основу, руководящий принцип политики ее вождей. Политические группы (*factions*) в Афинах IV в. до н. э. не являлись политическими партиями с противоположными социально-экономическими программами (в современном смысле этого слова). Лидеры этих групп не принадлежали к различным социальным классам, но были все выходцами из «среднего» или «высшего среднего класса», и борьба между ними не вызывалась какими-либо глубокими, принципиальными расхождениями относительно основных социальных и экономических проблем, они не придерживались на этот счет различных мнений, и их речи свидетельствуют, что они не старались осуществить широкие социальные и экономические изменения. Взаимные конфликты между лидерами и возглавляемыми ими группами порождались различным отношением к частным вопросам внутренней и внешней политики. Политическая борьба не была проявлением глубоких идеологических расхождений, и принадлежность к той или иной группе объяснялась не социальными принципами, а лишь личными связями.

Еще несколько слов о взглядах Ш. Перлмэна. В двух статьях о политиках и политическом руководстве в Афинах IV в. до н. э. Ш. Перлмэн рассматривает широкий круг вопросов: выделение самого явления — политиков из массы граждан (экклесии), интересы которых эти политики выражали; термины, обозначающие политиков; вопрос о логографах; изменение характера политических лидеров; деятельность политиков в народном собрании, суде, посольствах; увеличение значения магистратур экономического характера, прежде всего должностей, связанных с управлением финансами, и др. Однако, к сожалению, Ш. Перлмэн почти ничего не пишет конкретно о политических группах. Говоря об изменениях в официальном статусе руководителей государства, он в качестве примера ссылается на Евбула и Фокиона, преуменьшая роль последнего как политика и видя в нем преимущественно стратега, зависевшего от других лиц — Евбула, Демосфена. Единственная политическая группа, о которой очень бегло, в качестве примера, говорит Ш. Перлмэн [Perlman, 1963, с. 35—36], — это группа Мидия.

Таким образом, в работах Р. Сили и Ш. Перлмэна перед

нами достаточно определенная концепция, разительно напоминающая те концепции, которые выдвигаются для объяснения политической борьбы в Атике при Солоне или в Риме в период поздней республики. Отечественные историки уже указывали на методологическую несостоятельность подобных взглядов: С. Л. Утченко [Утченко, 1976, с. 50] — критикуя взгляды Х. Мейера на характер политической борьбы в позднереспубликанском Риме, К. К. Зельин [Зельин, 1964, с. 29—32] — по поводу взглядов Р. Сили на политическую борьбу в Атике VI в. до н. э., причем К. К. Зельин отмечал, что Р. Сили в равной мере не прав в отношении и VI в. до н. э., и V—IV вв. до н. э., которые он характеризует как, по существу, однотипные.

Взгляды Р. Сили и Ш. Перлмэна принял Я. Печирка [Pecirka, 1976], считающий, что только благодаря их работам был наконец выявлен подлинный характер политических групп в Афинах эпохи кризиса. Однако далее Я. Печирка пишет о социальной дифференциации, о том, что каждый социальный слой имел свои социально-экономические и идеологические взгляды и позиции. Но отношения между ними не выливались в классическую форму, которую они приняли в новое время — форму партий с их классовыми пристрастиями. Соглашаясь, таким образом, с личностным характером политических группировок в Афинах IV в. до н. э. и отрицая в них какое-либо социальное содержание, Я. Печирка считает, что формы борьбы, вызванные социальной дифференциацией, нужно еще исследовать, и справедливо замечает, что вооруженных выступлений Афины в IV в. до н. э. не знали.

Бесспорно, в статьях Р. Сили и Ш. Перлмэна есть определенные позитивные стороны (как и отдельные интересные наблюдения): отрицание модернизаторского подхода к проблеме политических группировок, отказ от рассмотрения их по аналогии с современными политическими партиями, внимание к специфике общественной структуры Афин IV в. до н. э., выявление значения личных связей. Однако их концепция не может удовлетворить нас своей основной установкой — отказом видеть связь политических группировок с определенными слоями афинского гражданства, а в их борьбе — проявление переживаемого полисом кризиса, вызванного глубокими изменениями в социально-экономических отношениях. Как совершенно справедливо заметил К. К. Зельин, «личное или локальное соперничество могло играть известную роль в этой борьбе, но сводить целиком к этому моменту сложную историю политического развития Афин невозможно» [Зельин, 1964, с. 31] (ср. [Mosse, 1974, с. 220—221]). И Ш. Перлмэн, и особенно Р. Сили, как кажется, несколько упрощают представление о взаимозависимости между классом и политической партией, выражающей его интересы, тогда как даже в современном капиталистическом обществе с его ясной (по сравнению с более ранними формациями) классовой структурой

наблюдается многообразие партий или группировок-фракций внутри партии, выражающих не только чисто классовые позиции, но и позиции определенных слоев внутри отдельных классов.

В современной литературе, как русской [Утченко, Дьяконов, 1970], так и зарубежной [Finley, 1979], все большее признание получает мысль о сложности социальной структуры рабовладельческого общества, наличии в каждом конкретном обществе ряда социальных слоев. Не является в этом отношении исключением и афинское общество. Позиция Р. Сили и Ш. Перлмэна представляется неверной в своих исходных посылах, поскольку они, по существу, рассматривают афинских граждан как нечто единое в социальном отношении, тогда как гражданство Афин не составляло единого класса.

Кажется неоправданным и мнение Ш. Перлмэна относительно того, что именно разделяло отдельные политические группы. Он считает, что расхождения касались мелких вопросов, что в этих конфликтах не чувствуется больших принципиальных проблем. Однако эти «мелкие» расхождения имели под собой неизмеримо более важную основу — отношение к Македонии, т. е. вопрос о жизни или смерти афинского полиса как самостоятельного государства. Можно ли это расхождение считать мелким? Ш. Перлмэн утверждает, что конфликты во внутренней политике также носили второстепенный характер. Но разве предложение Гиперида о массовом освобождении рабов в самом крупном и мощном полисе Эллады не касалось социальных отношений? Конечно, предложение Гиперида носило столь же исключительный характер, как исключительны были и обстоятельства, их породившие. Правда, можно возразить и сказать то, что говорит и Перлмэн, повторяя слова, которые вынужден был произнести Гиперид в свое оправдание: «Не я предложил эту псефисму, а Херонейская битва» (Ps.-Plut. Vit. X Or. 849 A). Но мы, в свою очередь, можем возразить своим потенциальным оппонентам, что, во-первых, это предложение все-таки было сделано и, во-вторых, внес его не кто иной, как именно Гиперид. Мы вовсе не склонны приписывать вождям политических группировок стремление к осуществлению широких социальных и экономических преобразований, имеющих далеко идущие последствия (и в этом отношении Ш. Перлмэн прав). Однако мы не можем согласиться с тем, что эта борьба носила личный характер, как считают Ш. Перлмэн и Р. Сили, по словам которого «афинская общественная жизнь была сценой личной и семейной вражды» (ср. [Sealey, 1955b, с. 81]).

Следует назвать еще три работы — книгу К. Пекорелла-Лонго о гетериях и политических группировках в Афинах в IV в. до н. э. [Pecorella Longo, 1971], статью К. Моссе о политических процессах в связи с проблемой кризиса афинской демократии [Mossé, 1974] и книгу М. Хансена «Афинское народное собрание» [Hansen, 1987a].

К. Пекорелла-Лонго указывает, что в V в. до н. э. активную роль в политической борьбе играли гетерии. Под гетериями в это время понималась ассоциация некоторого числа людей, часто ровесников, принадлежащих к одному классу или социальному слою и связанных общей идеологией и интересами. Ассоциация создавалась для достижения определенных целей (политических, общественных или юридических) и носила постоянный характер. Если ставилась особо важная цель, то члены гетерии связывали себя взаимными клятвами и гетерия превращалась в синомизию. Гетерия, как правило, была тайной, так как ее цели часто противоречили законам.

В IV в. до н. э. гетерии прекратили политическую борьбу, трансформировавшись в общества по совместным действиям в судебных процессах. Политики IV в. до н. э. продолжали объединяться в ассоциации для достижения определенных целей, но эти ассоциации теперь уже не именуются гетериями, так как они перестают быть организациями людей одного поколения, одинакового воспитания и общественного положения. Кроме того, эти группы от старых гетерий отличает отсутствие секретности.

Несомненно, что всякий политик, пользовавшийся известным влиянием, был окружен группой лиц, поддерживавших его и разделявших его взгляды. Состав этих групп весьма различен. В ближайшем окружении вождя находились люди, связанные с ним общностью происхождения, воспитания и (что особенно важно) общностью интересов (возрастное соответствие является здесь второстепенным условием). Эта категория может быть определена как «гетеры-друзья». Другой слой людей, входивших в такую политическую группу,— это люди, которые окружали лидеров политических групп в расчете на определенные материальные выгоды. Эту категорию К. Пекорелла-Лонго называет «гетерами-клиентами». Часто этот слой граждан включал в себя продажных политических поденщиков.

Обязанностью «гетеров-друзей» и «гетеров-клиентов» было по мере необходимости помогать своему патрону, защищая его во всевозможных процессах и выступая вместо него с обвинениями политических противников или предложениями, которые в случае неудачи могли повредить патрону. Заметна достаточно отчетливая тенденция к расширению состава политических групп. Обстановка в Афинах была такова, что любой гражданин в самый неожиданный для себя момент мог стать жертвой обвинения. Гражданин, отказавшийся присоединиться к той или иной «партии», рисковал остаться в одиночестве, таившем в себе губительные последствия. Чтобы обеспечить себе относительную безопасность, следовало примкнуть к какой-либо из группировок демократического или олигархического толка. Существование такого рода политических групп, их всепроникающий, оказывающий повседневное влияние на общественную и частную жизнь граждан характер, по мнению

К. Пекорелла-Лонго, является одной из характерных особенностей самого существования афинского полиса.

Мы согласны с выводами К. Пекорелла-Лонго в том, что касается внутренней организации политических групп, их состава и различных категорий людей, объединявшихся в эти группы. (Отчасти поэтому в данной работе опущены эти вопросы.) Уделяя большое внимание рассмотрению отдельных политических групп, она посвящает отдельные главы группам македонofilьской партии (Мидий, Эвбул, Эсхин), Демосфену (его отношениям с Тимархом, сотрудничеству с радикалами в 346—343 гг. до н. э., друзьям Демосфена — Аристиону и Аристарху, взаимоотношениям Демосфена с лицами, замешанными в деле Гарпала) и Фокиону и его «гетерам». Расхождения с Пекорелла-Лонго касаются главным образом природы и характера этих политических групп.

Цель К. Моссе, если сформулировать ее самым кратким образом, — показать в политических процессах развитие противоречий в гражданском коллективе и рост политической индифферентности демоса. До определенного предела К. Моссе согласна с Р. Сили (о статьях Ш. Перлмана она не упоминает). Она считает несомненным, что политическая жизнь в IV в. все более превращается в дело профессионалов, которые часто личные раздоры ставят выше интересов полиса, ловко определяя решения народного собрания, тогда как демос все больше отходит от политической игры и не озабочен ничем, кроме обеспечения своего существования. В этом смысле, по мнению К. Моссе, Р. Сили имел основания поставить на первый план конфликты политических группировок (но региональные связи, как замечает К. Моссе, в IV в. до н. э. становятся почти иллюзорными). К. Моссе с одобрением отзываясь о труде К. Пекорелла-Лонго, которая в результате тщательного анализа источников показала, что каждый влиятельный политический деятель был окружен клиентелой друзей и наемников. Эта личная клиентела и состояние определяли в основном ту роль, которую тот или иной политик играл в народном собрании и суде. Но, как подчеркивает К. Моссе, политическую борьбу во второй половине IV в. до н. э. нельзя сводить главным образом к борьбе группировок. Политические процессы последнего периода истории независимых Афин свидетельствуют о новой исторической ситуации. Антагонизм между сторонниками и противниками Македонии только частично перекрывал антагонизм между «пацифистами» и «империалистами», между умеренными и демократами, между богатыми и бедными, который господствовал в первой половине IV в. до н. э.

В этом утверждении К. Моссе привлекает стремление подчеркнуть сложность политической борьбы, выйти за рамки личных отношений, указать на несовпадение делений граждан с точки зрения классовой, сословной, «партийной» (хотя К. Моссе и не

пользуется этими понятиями). Однако из анализа политических процессов, результатом которого является приведенное заключение, все-таки остается неясным, что именно имеет в виду автор конкретно.

М. Хансен обращается к вопросу о политических партиях в рамках изучения афинского народного собрания [Hansen, 1987a, с. 72—86]⁹³. Концепцию «политических партий» применительно античных обществ он сразу же отвергает⁹⁴, рассматривая вопрос о политических группах. Исследование лексики показало, что в греческом языке классического времени нет слов, соответствующих нашему слову «партия», но сам терминологический анализ М. Хансен не считает решающим доказательством. В общем, он приходит к выводу, что в IV в. до н. э. политические лидеры образовывали небольшие политические группы, но трудно составить ясное представление об их характере и организации. Каких-либо соответствующих групп сторонников лидера, по мнению М. Хансена, не было, но лидера, проявлявшего в политике инициативу, поддерживали группы граждан в экклесии (voters), постоянно менявшиеся. Экклесия функционировала в соответствии с идеалами демократии, и решения действительно принимались в народном собрании.

М. Хансен подчеркивает разницу между античной и современной демократией. Образование политических партий и заинтересованных групп сделали, по мнению специалистов, нынешнюю демократию более олигархической, власть сосредоточилась в руках элиты, поэтому изучение политической системы должно быть направлено прежде всего на неформальные структуры влиятельных лидеров и заинтересованных групп. Стало модным, продолжает М. Хансен, подвергать подобным обвинениям и афинскую демократию, считать, что понять ее можно, исследуя не буле, экклесию и дикастерии, а реальную власть ведущих политиков, влиятельных семей и политических групп. Такой подход М. Хансен считает анахронизмом. Все источники указывают, что ораторы проводили свою политику путем скорее дебатов в экклесии, чем посредством неформальных переговоров в политических группах. Нет никаких следов деятельности неформальных организаций, которые бы соответствовали политическим партиям и заинтересованным группам современных демократий. Источники свидетельствуют только о сотрудничестве ораторов и стратегов и о небольших группах политических лидеров.

Вместе с тем М. Хансен пишет о постоянной и важной оппозиции между социальными группами, о значительной роли, которую играли в конституционных дебатах разногласия между богатыми и бедными. Но строя свой анализ на источниках IV в. до н. э., т. е. преимущественно речах аттических ораторов, говоря о противоречиях между богатыми и бедными и отмечая приверженность одних к олигархии, а других — к демократии, наш

автор оперирует материалом V в. до н. э. и конкретно ссылается только на события 413—403 гг. до н. э.

Исследователи в общем согласны с тем, что экономический фактор в Афинах IV в. до н. э. начинает играть большую по сравнению с предыдущим временем роль (о проблеме в целом см. [Perlman, 1967, с. 176; MacKendrick, 1969, с. 3—4; Mossé, 1974, с. 221; Pecirka, 1976, с. 21; Levy, 1976, с. 256]). Источники, как мы пытались показать, свидетельствуют о связи по крайней мере некоторых из политических групп с определенными кругами граждан: для группы Ликурга — связь со старой, «традиционалистской» аристократией Афин, основу богатства и влияния которой составляла земля, для группы Демосфена — с торгово-ростовщическими кругами, для группы Гиперида — с предпринимателями, наживавшимися на эксплуатации Лаврийских рудников, для Фокиона, видимо, с какими-то кругами землевладельцев. Экономические факторы выступают в качестве определенной подоплеки политической борьбы. Каждая политическая группа стремится проводить свою линию, ориентируясь на то, какие выгоды именно ей может и должна она принести или чем грозит политика противников ее интересам. Жестокая борьба с Македонией, когда ее агрессия угрожает торговым связям Афин с севером, и готовность к компромиссам с ней, когда македонская агрессия перемещается на Восток, а Пирей возрождается, — такова политика группы Демосфена. Непримируемость группы Гиперида объясняется угрозой ее благосостоянию экономической политики как Филиппа, так и Александра. Нескольким сложнее выявить позиции различных категорий землевладельцев в условиях последнего краткого подъема аттического сельского хозяйства — здесь проявляется и стремление одних к прекращению всякой внешнеполитической активности, в конечном счете пагубной для сельского хозяйства, и мечты других о возрождении былой мощи Афин и их гегемонии, но в будущем, когда обстановка окажется более благоприятной. Напомним об обвинениях Эсхина в адрес владельцев оружейных мастерских и торговцев оружием — они разжигают войну, потому что это им выгодно. Такого рода аргументы, при всей их заостренности, должны были производить впечатление, поскольку аудитория, граждане, сами отчетливо сознавали связь политики и непосредственных экономических интересов.

Конечно, сказанное выглядит слишком схематично, и эту систему связей нельзя понимать как простую готовность пожертвовать интересами государства ради своих корыстных интересов. А именно так упрощенно иногда объясняли позицию «промакедонской партии» — богачи предали и продали родину Македонии, защищая свои классовые интересы. Но вместе с тем, как писал Диодор (Diod. XVIII, 10, 1), узнав о смерти Александра, собственники (οἱ χρηματικοί) советовали сохранять спокойствие, де-

магоги же возбуждали народ и призывали его к войне (τῶν δὲ δημοκράτων ἀνασειόντων τὰ πλήθη καὶ παρακαλούντων ἑρρωμένως ἔχειν τοῦ πολέμου)⁹⁵.

Суть, однако, в ином — в видении политики полиса сквозь призму своих экономических интересов, возможно, не всегда осознанное стремление направить общую политику гражданской общины так, чтобы она лучше отвечала интересам определенной группы граждан. В конечном счете эта система воззрений знаменует разложение полисного мировоззрения. Интересы полиса как целого отступают на второй план перед интересами определенной группы граждан (ср., однако, [Глускина, 1983, с. 31]).

Вместе с тем можно указать и на некоторые особенности политических групп Афин в целом и их роль в политической борьбе.

Первая черта — большая дробность политических сил. Мы выявили пять политических групп, очевидно, были и более мелкие группы. Ушло в прошлое классическое противостояние олигархов и демократов, политическая ситуация определяется теперь сложным процессом борьбы, соглашений и равновесия политических групп⁹⁶. В такой ситуации разгром одних политических сил другими достаточно редок и изменение направления политики полиса действительно не означает разгрома какой-то из этих группировок, противницы нового направления политики. На протяжении исследуемого периода мы, во всяком случае, видим только один пример — устранение группы Эсхина. Уже одно это свидетельствует против крайностей тезиса Р. Сили о невозможности разгрома одних политических сил другими. Подобные явления, конечно, были редки, но редкость их определялась совершенно иными причинами, чем полагает Сили. По-видимому, за каждой из политических групп, как мы пытались показать, стояли определенные круги граждан полиса, а разгром той или иной политической группы немислим без уничтожения ее основы — соответствующей части гражданства, что в условиях Афин того времени вряд ли было возможным. Показательно, что в эти годы исчезает с политической сцены именно группа Эсхина, относительно социально-экономической основы которой мы не нашли никаких указаний в источниках (в отличие от всех остальных групп). Это наводит на предположение, что она, возможно, действительно была лишена какой-либо прочной основы в соответствующем слое гражданства, в силу чего представляла более эфемерное образование, скорее выражающее настроения отдельных представителей различных групп гражданства.

Вторая черта этих политических групп, обусловленная тем, что они возникли и действовали в рамках гражданской общины, заключается в том, что они не могли выражать «твердую классовую позицию». Включая представителей двух классов — рабовладельцев и мелких производителей, они противостояли классу рабов,

их объединяла также общая принадлежность к гражданской общине, что противопоставляло их не только рабам, но и метекам.

Далее, и собственно классовые различия между крупными землевладельцами и рабовладельцами, с одной стороны, и мелкими крестьянами и ремесленниками, являвшимися мелкими собственниками и одновременно непосредственными производителями — с другой, разбивали единство гражданского коллектива. Эти общие для всех античных государств отношения, перекрещивание классовой и сословной структур общества еще более усложняли характер политических групп.

Наконец, следует помнить о своеобразии экономической жизни в Афинах — наличии определенных противоречий внутри самой имущественной верхушки полиса, обусловленных разными источниками богатства тех или иных кругов.

Таким образом, та социально-экономическая основа, которая определяла структуру и характер политических групп в Афинах, характеризуется большой сложностью. Действуют факторы, способствующие объединению различных политических групп, и факторы, разъединяющие их, силы центробежные и центростремительные. Результат, к которому приводит анализ характера политических групп, находится в полном согласии с этой картиной: в позиции каждой политической группы есть определенные элементы, сближающие ее с другими группами, и есть элементы, отделяющие ее от них. Нет твердо очерченных границ, до конца отсекающих одну группу от другой, поскольку в позиции каждой из них есть что-то, что роднит ее с другой, однако с точки зрения другого вопроса группировка сил оказывается совсем иной. Например, как мы уже отмечали, с точки зрения отношения к существующей политической системе группировка сил следующая: положительно к ней относится группа Ликурга; в сущности, отрицательно — все остальные. Но с точки зрения взаимоотношений с Македонией картина иная — за выжидательную политику стоят группы Ликурга и Демосфена, за решительную борьбу — группа Гиперида, следовать в фарватере македонской политики готова группа Эсхина, поддерживавшая Филиппа, а затем Александра; еще одно направление представляет группа Фокиона.

Подобные примеры сложных взаимоотношений можно умножить, но и этого достаточно, чтобы считать, что именно в этом и заключается особенность политических групп, существовавших в греческом полисе поры его кризиса: на место олигархов и демократов приходят политические группы, выражающие очень дробные интересы различных кругов внутри гражданского коллектива. Изучение этих групп показывает, что нарушается ранее обычная расстановка сил, когда демократия, как правило, была связана с более бедными слоями гражданства, олигархия — с более состоятельными (ср. [Mossé, 1962a, с. 288—289]; см. также [Hansen, 1974, с. 57—58])⁹⁷. В период кризиса полиса картина

усложняется: группа Ликурга, представителя старой землевладельческой аристократии, стоит за сохранение традиционных демократических установлений Афин, представители богатейших предпринимателей Лаврия (группа Гиперида) в минуту крайней опасности становятся на позиции радикальной демократии, в то время как лично бедный Фокион проводит олигархическую реорганизацию полиса.

В заключение одна оговорка: экономическая позиция оказывала определяющее влияние на политику отдельных групп и их лидеров, но нельзя все сводить к ней; это было бы упрощением и вело к вульгаризации. На их воззрения, как и на политическую практику, несомненно, влияли и иные факторы: традиции, происхождение, личные связи и др. Бесспорно, что позиция, например, Ликурга во многом определялась не только чисто экономическими соображениями, но и традиционными воззрениями той части афинской аристократии, которая привыкла занимать важнейшее место в полисе, в той или иной степени повторяя курс Перикла или, во всяком случае, стремясь к этому.

Как соотносятся те результаты, к которым мы пришли на основании изучения одной из сторон жизни Афин в короткий промежуток времени, с 338 по 323 г. до н. э., с общей картиной кризиса полиса, насколько она вырисовывается теперь? В какой мере эти выводы могут способствовать разработке самой проблемы кризиса полиса?

Прежде всего, как мы видели, практически во всех политических группах (за исключением, пожалуй, группы Ликурга) заметно недовольство существующим в Афинах положением. В современной литературе явственно тенденция представить политическую обстановку в Афинах IV в. до н. э. как стабильную, как ситуацию, при которой отсутствовали резкие внутренние конфликты (обычные в других греческих государствах) или, во всяком случае, утверждается, что демократическая система в Афинах была достаточно сильной, чтобы сглаживать противоречия внутри гражданского коллектива. Однако источники показывают, что недовольство существующими политическими отношениями охватило если не все гражданство, то определенные круги активной части его. При этом группа Гиперида вела критику, так сказать, «слева», с позиций радикальной демократии, тогда как другие критиковали демократию «справа», с позиций или олигархических, или более умеренно-демократических⁹⁸, нежели та система, которая в это время господствовала. Крайне отрицательно относится к этой системе Фокион, причем его негативное отношение, насколько можно судить, откровенно декларируется; отрицательное отношение мы видим у Эсхина; в общем, достаточно сдержанная (если не сказать больше) оценка Демосфена. Более того, именно у представителей тех же групп наблюдается и отрицательное отношение к псефисме, и всяческое восхваление закона. Эта

типичная для IV в. до н. э. дихотомия означала тогда, в сущности, проблему отношения к народному суверенитету, получившему свое практическое выражение в решениях экклесии. Тот или иной акцент в дискуссиях о соотношении псефисмы и закона означал либо признание роли народного собрания как полновластного суверена полиса, либо стремление как-то ограничить этот суверенитет с помощью более традиционных установлений.

Критика демократии, причем не как формы государственно-политического устройства, а конкретной, в том виде, который она приобрела в IV в. до н. э., достаточно отчетливо выражает тенденции развития умонастроений в Афинах. В силу этого, как кажется, установление олигархического режима в Афинах после Ламийской войны нельзя рассматривать только как следствие внешнего нажима, давления Македонии, опирающейся на силу оружия. Для установления олигархического режима созрели и внутренние предпосылки. Другое дело, что их одних было недостаточно, нужен был еще и внешний толчок. Во всяком случае, видимо, более правильным будет считать, что ниспровержение демократического строя в Афинах явилось результатом действия и внутренних, и внешних сил.

Теперь вопрос о существовании олигархической партии. Вопрос этот обсуждался Перлманом [Perlman, 1964a, с. 80] (ср. [Mossé, 1962a, с. 287—297]), который пришел к негативному заключению. Следует согласиться с ним в том, что «олигархической партии» как таковой в Афинах не было, как, кстати, не было и партии демократической. Но это, однако, не означает, что в Афинах того времени не наблюдаются антидемократические настроения. Носителями их, как видим, выступали в той или иной мере различные политические группы. Именно в этом, как нам кажется, и заключается корень проблемы — широкое, но неоформленное, не закрепленное никакими программными документами или организационной структурой недовольство демократической системой. Разобщенность антидемократических сил, противоречия между ними по другим вопросам политики, сама неоформленность антидемократических взглядов делали маловероятным выступление этих сил против демократического режима в обычных условиях. Но недовольство демократией, достаточно широкое и достаточно активное, было той основой, которая сделала возможным само существование олигархического режима после ниспровержения демократического строя с помощью Македонии.

Наконец, самый факт существования антидемократических настроений, широкого их распространения является одним из ярких симптомов кризиса полиса, во всяком случае афинского. В современной литературе отмечается, что сущность полиса с точки зрения его политической организации наиболее полное выражение находит в демократической форме организации его политической системы. Отмечается, и совершенно справедливо,

что общая тенденция развития полиса — это тенденция к демократии. В условиях афинского полиса, где демократический режим отлился в наиболее законченные формы, кризис демократии выступал как одно из проявлений кризиса полиса.

Одним из признаков прогрессирующего кризиса полиса в общественной сфере является размывание и деградация самого понятия «демократия». В более раннее время существовало достаточно отчетливое понятие демократии и достаточно четкие границы отделяли демократию от олигархии. В теоретической области это сохранилось и в IV в. до н. э. (достаточно вспомнить Платона и особенно Аристотеля), но в области практической политики теперь все политические группы — как стоящие на позициях сохранения существующей политической системы, так и группы, стремящиеся к изменению ее либо в сторону большего радикализма (Гиперид), либо в сторону ограничения (Эсхин, Фокион, может быть, отчасти Демосфен), — все они клянутся в своей приверженности демократии (ср. [Mossé, 1962a, с. 294—297]). Нет сомнения в том, что это — не сознательная дезинформация, не умышленное утаивание своей позиции. Более вероятным представляется, что различным было само понимание сущности демократии этими политическими деятелями, и в этом можно видеть один из симптомов кризиса древнегреческой демократии.

Итак, характер политической борьбы внутри гражданства в рассматриваемые десятилетия позволяет выявить еще один аспект кризиса полиса (в данном случае — афинского). В связи с общим ростом экономики, усложнением экономической структуры, увеличением роли чисто экономических факторов в жизни общества происходит известное обособление отдельных групп гражданства, имеющих свои особые экономические интересы. Создание ряда политических групп во главе с руководителями, отражающими в своих взглядах и концепциях интересы отдельных экономических слоев граждан, — закономерный результат усложнения экономической структуры Афин. Интересы этих групп вступают в противоречия друг с другом, результатом чего явилась достаточно острая борьба между ними. Эти группы остаются еще на позициях полиса, но каждая из них стремится направить его политику в соответствии со своими интересами. Борьба этих групп начинает разрывать полис, выступая как фактор, ослабляющий его способность к выживанию, что было особенно опасно в конкретных условиях третьей четверти IV в. до н. э. Еще одним результатом этой борьбы стала постепенная девальвация концепции демократии, растущая готовность части состоятельной верхушки афинского общества к принятию не только олигархического режима, но и чужеземной власти.

НЕЗАВИСИМЫЙ ПОЛИС И МАКЕДОНСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Самое важное событие в жизни Спарты времени Александра — ее война во главе с царем Агисом против Македонии. Нельзя сказать, что ученые обошли вниманием эту войну, которая рассматривается в рамках истории Греции, Александра и Спарты. Об Агисе, естественно, пишут с той или иной степенью подробности в трудах общего характера (из более новой литературы см., например, [Bengtson, 1969, с. 356; Goukowsky, 1975, с. 262—264, 268, 275]; см. также [Hofstetter, 1978, с. 5—6]).

В литературе об Александре война Антипатра с Агисом никогда не занимала большого места, отступая на задний план перед яркой личностью и блестящими успехами македонского царя. Даже в ряде последних работ, в которых явно наметился поворот к более объективному исследованию тех процессов, которые происходили в годы правления Александра, и вследствие этого большее внимание уделяется изучению сопротивления ему, война Спарты с Македонией, как правило, излагается кратко, без каких-либо попыток анализа происходящих событий. Сошлемся в качестве примера на П. Бриана [Briant, 1974; 1987] (ср. [Маринович, 1977, с. 237—241]), который в главе «Сопротивление завоеванию» две страницы уделяет описанию того, что происходило в Греции в годы греко-македонского похода на Восток. Кроме «прагматического» изложения событий здесь сделан один вывод: «восстание Агиса... несомненно, на много месяцев затормозило движение армии в Азии» [Briant, 1974, с. 55].

Но, как это ни странно, выступление Агиса не заняло должного места и в работах о Спарте. В некоторых из них, согласно замыслу автора, трактуются другие сюжеты, и, например К. Чраймс [Chrimes, 1952], как и Х. Мичелл [Michell, 1952], вообще ничего не говорит о периоде Александра Македонского. В книге А. Джоунза, представляющей последовательную историю Спарты от времени Мессенской войны, Агису уделено 12 строк [Jones, 1967, с. 150], у У. Форреста [Forrest, 1968, с. 140] и Е. Кавеньяка [Cavaignac, 1948, с. 181] — и того меньше. Даже в фундамен-

тальном труде П. Оливы всему этому периоду отведена половина страницы [Oliva, 1971, с. 197].

Единственная (известная нам) специальная работа, посвященная Агису III, принадлежит Э. Бэдиану. Статья обращена к личности Агиса, образ которого претерпел определенную идеализацию (своего рода современная реакция на характерную для историографии прошлого идеализацию Александра). В противовес спартанскому царю очерняется Демосфен; его Э. Бэдиан считает, в сущности, ответственным за поражение спартанцев, очевидно, полагая, что одного слова оратора оказалось бы достаточно, чтобы поднять Афины на борьбу с Македонией [Badian, 1967a, с. 170—192]. Не учитывая всей сложности политической обстановки в Афинах, игнорируя прямые указания источников на утрату Демосфеном в эти годы былого ведущего положения в политической жизни города (Plut. Dem. XXIV), Э. Бэдиан не анализирует состав союзников Лакедемона и причины их участия в этом движении.

Остальные работы носят более узкий характер. В статье А. Босворта [Bosworth, 1975, с. 27—43] рассматривается период подготовки к войне, в статье Борзы [Borza, 1971, с. 230—235] — ее конец, но в центре внимания обоих — хронология, т. е. один из самых запутанных и, пожалуй, более всего дискутируемых вопросов. Выяснению хронологии посвящены также статья Лока [Lock, 1972, с. 10—27] и небольшое приложение Аткинсона в его комментариях к «Истории Александра Великого» Курция Руфа [Atkinson, 1980, с. 482—485]. Свои соображения по поводу хронологии высказал, тоже в приложении — к своему известному исследованию об истоках Пелопоннесской войны, и Сен-Круа [Ste. Croix, 1972, с. 376—378]. Особый интерес представляет статья Маккуина, которая содержит анализ позиции полисов Пелопоннеса, т. е. их отношения к Македонии и Спарте, и мотивов, определивших их выбор в войне; во второй части статьи автор обращается к вопросу об участии побежденных греков, т. е. рассматривает позицию Антипатра, Коринфского союза и Александра и его санкции [McQueen, 1978, с. 40—64].

В нашей литературе этой проблемы, по существу, касались двое исследователей, но в разной связи — А. С. Шофман и М. А. Кондратюк. В большой работе А. С. Шофмана о восточной политике Александра [Шофман, 1976, с. 404—444] (ср. [Шофман, 1973, с. 117—136]) привлекает подход к интересующей нас проблеме: выступление под руководством Агиса рассматривается как часть широкого антимакедонского движения в ареале Средиземноморья. Но в борьбе, которая развертывалась в Элладе, он видит только противостояние свободолюбивых греков с деспотической властью Македонии. В результате акценты несколько смещаются, отсюда и утверждения вроде: «Пламя восстания² вспыхнуло уже и в Средней Греции, и за Фермопилами»; Мегалополь «один из

всех пелопоннесских городов не принимал участия в антимакедонском восстании» [Шофман, 1976, с. 436]. А. С. Шофман отвергает свидетельства источников о численности войск, участвовавших в битве при Мегалополе, на том основании, что «вряд ли можно было рискнуть выступить против вольнолюбивых греков силами самих греков-союзников» [Шофман, 1976, с. 439].

В статье М. А. Кондратюк о Коринфской лиге [Кондратюк, 1977а] помимо тех выводов, к которым она приходит, рассматривая роль этой общегреческой организации в политической истории Эллады 30—20-х годов, заслуживает внимания анализ позиции греческих государств во время выступления Спарты, который автор дает для выяснения взаимоотношений греков и Македонии и межполисных отношений в рамках Коринфского союза.

При изучении движения Агиса, как представляется, следует учитывать два пересекающихся плана. Один из них — хронологический (своего рода вертикаль): выступление Агиса как определенный этап в истории Спарты, неразрывно связанный с ее предшествующей и последующей историей. Второй — территориальный (своего рода горизонталь): состояние Эллады в целом в данный конкретный период. Пересечение их и образует тот комплекс фактов, который мы называем движением Агиса, и без анализа тенденций этих двух линий невозможно, очевидно, правильное истолкование изучаемого исторического явления.

Спарта — хотя и не уникальный, но достаточно специфический тип полиса [Андреев, 1973, с. 48 и сл.; Андреев, 1983, с. 194—216; Cartledge, 1980, с. 91—108] (ср. [MacDowell, 1986]). Специфику его общественной, политической и военной структуры определяет сочетание нескольких признаков, каждый из которых в отдельности встречается в ряде полисов (зависимость типа илотии, строго соблюдавшаяся система перехода из одного возрастного «класса» в другой, практика сисситий и др.). Оригинальность Спарты заключается, очевидно, в соединении всех этих элементов в единую жесткую систему. Элементом, определяющим весь характер этой системы, является власть над илотами. В современной литературе наибольшее признание находит концепция, согласно которой основные особенности спартанского строя были порождены борьбой за окончательное покорение Мессении и необходимостью сохранения господства над илотами, в первую очередь мессенскими. Даже создание Пелопоннесского союза объясняют прежде всего необходимостью — обеспечением гарантий со стороны союзников на случай восстания илотов (см. [Oliva, 1971; Ste. Croix, 1972, с. 96—98; Finley, 1975, с. 161—177; Cartledge, 1987]). Поэтому утрата Мессении в результате битвы при Левктрах знаменовала важнейший рубеж в спартанской истории. Финли даже полагал, что Спарта после этого стала совершенно иным государством [Finley, 1975, с. 161]. Такое суждение, очевидно,

все-таки преувеличенно, но не подлежит сомнению, что это событие потрясло всю структуру спартанского государства.

П. Олива³ [Oliva, 1971, с. 196], как кажется, справедливо критикует тех исследователей (Эренберг, Джоунз), которые в утрате лакедемонянами власти над Мессенией видят позитивный для Спарты факт, считая, что Спарта теперь избавилась от постоянной угрозы со стороны илотов Мессении. Он подчеркивает, что основу спартанского государства составляла собственность на землю, обрабатываемую илотами, и потеря значительной части этого фундамента привела к тому, что Спарта утрачивает свое значение. Отмечалось, что в течение первой половины IV в. до н. э. Спарта лишилась примерно половины своей территории и более половины илотов [Cartledge, 1987, с. 399]. Действительно, тем самым был нанесен сильнейший удар по основам ее социальной структуры, что должно было сказаться на ходе основных процессов, протекавших в обществе. Представляется только необходимым поставить это явление в общие рамки проблемы кризиса полиса. Кризис этот имел локальные варианты, обусловленные особенностями отдельных полисов, в Спарте⁴ он проявился, в частности, и в утрате Мессении. Естественной реакцией Спарты, всего гражданского коллектива, стало стремление к восстановлению status quo. Именно поэтому Спарта очень долго не признавала независимости Мессении и вообще всех изменений, происшедших в Пелопоннесе [Oliva, 1971, с. 196; Aymard, 1976, с. 12].

Таким образом, с точки зрения диахронического подхода рассматриваемые события приходятся на тот период истории Спарты, начальный пункт которого отмечен битвой при Левктрах; тень этого сражения падает на все последующее, определяя основные цели спартанской политики, вытекающие из самой структуры ее общества, — необходимость восстановления господства над Мессенией и необходимость обеспечить преобладающее положение Спарты в Пелопоннесе. Внешнее выражение эта направленность нашла в практически никогда не прекращавшихся военных столкновениях на границах Спарты с Мессенией.

Второй путь изучения — обращение к Спарте в рамках истории времени Александра. Политическая обстановка в Элладе в те годы определялась прежде всего тем, что значительная часть полисов оказалась включенной в Коринфский союз, самым фактом существования этого объединения. В рамках данной работы нет необходимости касаться огромной литературы, которая посвящена Коринфскому союзу. Многие вопросы, связанные с его составом, структурой и деятельностью, получили весьма различную интерпретацию в новое время, однако в интересующих нас аспектах можно опираться на позитивные результаты, достигнутые в итоге многолетних усилий ученых (из работ последнего времени ср. [Фролов, 1974, с. 45—63; Кондратюк, 1977а, с. 25—42; Фролов,

1983а, с. 183—200, примеч. 44 — полемика с Кондратьев; Исаева, 1983, с. 111—113)).

Коринфский союз, как известно, возник в результате победы Филиппа над греками при Херонее. Однако прежде чем собрать заседание конгресса, Филипп сумел определенным образом урегулировать отношения в Греции. Спарта, оставшаяся вне рамок Коринфского союза, тем самым противостояла (по крайней мере формально) подавляющему большинству греческих государств Балканского полуострова. Ее ближайшие соседи в результате вмешательства Филиппа получили земли, захваченные Спартой, что было утверждено Коринфским союзом (ср. [Roebuck, 1941, с. 53—57; Roebuck, 1948, с. 74, 89, 91—92; Treves, 1944, с. 105—106; Ryder, 1965, с. 104; Griffith, 1979, с. 616—617]). Спарта тем самым лишилась большей части перизекских территорий и была сведена до собственно Лаконии [Aymard, 1976, с. 182]. Следовательно, для Спарты в ее стремлении восстановить свои позиции неизбежным было столкновение не только с Македонией как гарантом договора, но и с рядом полисов, в силу тех или иных причин заинтересованных в сохранении союза.

Приведем в этой связи любопытное рассуждение Полибия. Возражая Демосфену, историк оправдывает тех политических деятелей Пелопоннеса, которые призвали Филиппа: Демосфен не прав, обвиняя их в предательстве, так как они соблюдали выгоды родины, «добыли обратно поля и города, отнятые лакедемонянами в счастливые для них дни у мессенян, мегалопольцев, тегеев, аргивян», а причиной их поведения послужила опасность со стороны Спарты. Демосфен же «все измеряет пользами родного города, полагая, что взоры всех эллинов должны быть обращены к афинянам, и называя предателем всякого, кто этого не делает» [Polyb. XVIII, 14]⁵.

Обратимся более конкретно к истории Спарты. То было время правления царя Агиса III, который пришел к власти после смерти своего отца Архидама, погибшего в битве с луканами, — он был нанят тарентинцами для войны с этим итальянским племенем [Lazenby, 1985, с. 169; Cartledge, 1987, с. 314—330]. Битва произошла в тот же день, что и сражение при Херонее (Diod. XVI, 63, 1—2; 88, 3—4). В самой Херонейской битве спартанское войско не участвовало. Некоторые современные исследователи — например, В. Тарн, — преклоняющиеся перед Александром, обвиняют спартанцев в предательстве «общего эллинского дела» [Tarn, 1948а, с. 52]. Э. Бэдиан решительно возражает В. Тарну, приводя следующие аргументы: во-первых, присутствие нескольких сот спартанцев ничего не изменило бы в ходе сражения; ведь не смог выдержать удара македонских воинов даже «священный лох» фиванцев. Далее, Агис не был вправе вмешиваться в борьбу, поскольку не был царем, а только регентом в отсутствие царя и принять такое ответственное решение, естественно, не

мог. Наконец, глупо упрекать и Агиса и Архидаму за то, что они предвидели, чем кончится сражение. Надеяться на победу над македонянами мог «политик» Демосфен, но не «солдаты» Архидам и Агис [Badian, 1967a, с. 171—172]. К этим аргументам, видимо, можно добавить еще один: постоянные антифиванские тенденции политики Спарты, которые столь явственны в годы после Левктры и Мантиней.

Тем не менее даже это неучастие не спасло Спарту от потери части территории. Современные историки, в общем, единодушны относительно того, почему Филипп допустил сохранение Спартой полной независимости и ее неучастие в Коринфском договоре [Badian, 1967a, с. 172]⁶. Спарта должна была играть роль внешней угрозы для членов союза, заставляющей их держаться вместе (ср. [Ellis, 1976, с. 298]). Определенные резоны для такого объяснения, несомненно, есть. Сокращение спартанской территории в пользу ее непосредственных соседей было санкционировано Филиппом и Коринфским конгрессом. Единый фронт этих государств, заинтересованных в противостоянии попыткам Спарты вернуть утраченные земли, цементировался именно Коринфским союзом. Кроме того, Спарта по-прежнему отказывалась признать независимость Мессении, для которой участие в союзе также служило определенной гарантией против поползновений Спарты.

Но на отношение Филиппа к Спарте оказали влияние, по-видимому, и иные соображения. Применить крайние формы принуждения, сокрушить Спарту представляло для Филиппа определенную опасность в момент создания Коринфского союза, когда македонский царь играл роль выразителя интересов эллинов, организатора «всеобщего мира». Сочетать эту позицию с беспощадными мерами по отношению к полису, не принявшему даже участия в войне с Македонией и сохранившему в ней нейтралитет, было бы весьма трудно. Правда, судя по всему, Филиппа вряд ли это смутило бы и остановило, но тогда это для него было и невыгодно: Спарта никакой серьезной реальной угрозы еще не представляла.

В начале царствования Александра Спарта не проявляла никакой внешнеполитической активности. Однако вряд ли верно считать (как Э. Бэдиан [Badian, 1967, с. 172]), что эти годы были настолько глухими в ее истории, что Спарта вообще не упоминается в источниках. Арриан (Агг. Анаб. I, 1,2), рассказывая о первых шагах Александра после воцарения, сообщает, что македонский царь отправился в Пелопоннес, где «созвал на собрание эллинов, живших в Пелопоннесе, и обратился к ним с просьбой вручить ему командование (τὴν ἡγεμονίαν) походом против персов, которое они уже предоставили Филиппу. Просьбу его удовлетворили все, кроме лакедемонян, которые ответили, что им от отцов завещано не идти следом за другими, а быть предводителями».

Вопрос о том, какую роль сыграл этот конгресс, возобновляли ли он договор Филиппа с греками или нет, провозгласил ли Александра только гегемоном или одновременно и стратегом-автократом, для нас не важен (изложение основных точек зрения см. [Seibert, 1981, с. 74—77]; см. также [Bosworth, 1980, с. 46—49 — ad Arr. Anab. I, 1, 2]); важно другое: созывая конгресс, Александр обращается и к Лакедемону, собственно говоря, приглашая его вступить в Коринфский союз. Ответ спартанцев весьма показателен: они следуют политике, которую выработали ранее. Отказ от вступления в союз означал тем самым отказ формально признать независимость Мессении и утрату пограничных земель. Более того, открыто провозглашается традиционная политика — стремление к гегемонии. Как уже отмечалось, это были, в сущности, два аспекта единой политики.

Подобно Филиппу, Александр также не пошел на открытую войну, очевидно, имея в виду роль Спарты как внешнего фактора, способствовавшего укреплению союза, и формальную безупречность поведения Спарты, не дававшей никаких поводов для применения к ней санкций. Александр был вынужден сохранить в Пелопоннесе сложившееся положение, хотя (по свидетельству Арриана — Anab. I, 7, 4) считал спартанцев «давно уже отпавшими в мыслях». Его политика отчасти напоминала политику в отношении к Афинам после разгрома Фив: Александр хотел мира в тылу, готовясь к походу на Восток (Arr. Anab. I, 10, 6), и именно поэтому не наказал Афины, хотя они и были явно виновны (Arr. Anab. I, 10, 5), Спарту же и винить было не в чем.

Спарта не принимала участия в дальнейших событиях, связанных с походом Александра на север, восстанием Фив и их разрушением по решению синедриона. Здесь, по-видимому, не последнюю роль сыграли старые антифиванские настроения спартанцев.

Неизвестно, когда именно Агис начал готовиться к войне с Македонией, это время можно определить весьма широко: от высадки Александра в Малой Азии до битвы при Иссе (весна 334 — осень 333 г. до н. э.). Возможно, подготовка была связана с успешным контрнаступлением персов после Граника, когда их морские силы (сначала под командованием Мемнона, затем Фарнабаза и Автофрадата) захватили ряд островных и прибрежных городов. Положение Александра усугубилось также роспуском союзного флота (мы не касаемся причин этого действия македонского царя, вызвавшего различные объяснения как у древних авторов, так и ученых нового времени).

О некоторых моментах подготовки дает представление сообщение Арриана (Anab. II, 13, 4, 6) о том, что незадолго до битвы при Иссе царь Агис отправился на о-в Сифнос к Фарнабазу и Автофрадату «с просьбой дать ему для войны денег и как можно больше морской и сухопутной силы для отправки с ним

в Пелопоннесе»⁷. Это — первая известная нам⁸ антимакедонская акция Спарты: Агис открыто выступает как союзник персов (о позиции Агиса ср. [Parke, 1933, с. 200—201; Badian, 1967a, с. 178; Bosworth, 1975, с. 27 и сл.; Ruzicka, 1988, с. 145]). Но свидетельство Арриана важно и в другом отношении, так как показывает сферу интересов Спарты. Речь идет не о войне спартанцев в союзе с Персией против Александра в Эгеиде, а о действиях в Пелопоннесе, т. е. там, где лежат непосредственные интересы Спарты.

Несмотря на поражение персов при Иссе, Агис получил от них 30 талантов и 10 триер (Arr. Anab. II, 13, 6; cf. Diod. XVII, 48, 1; Arr. Anab. II, 14, 6), которые были посланы под командованием Гиппия к Тенару, где находился брат царя Агесилай. Гиппий получил приказ передать Агесилаю, «чтобы он полностью выплатил жалование матросам и как можно скорее отплыл на Крит, чтобы уладить тамошние дела» (Arr. Anab. II, 13, 6). Неясно, какие именно матросы имеются в виду: те ли, которые были на полученных судах, или матросы других судов, которые уже, очевидно, находились у Тенара — главной морской базы Лакедемона, ожидая денег и подкрепления, возможно, для похода на Крит (ср. [Parke, 1933, с. 200]).

Поражение при Иссе, как это ни странно, в какой-то мере даже способствовало усилению позиций Агиса, так как часть наемников, находившихся на службе у персов и уцелевших после битвы, оказались у Агиса — числом восемь тысяч (Diod. XVII, 48, 1; Gurt. IV, 1, 39).

Установлено, что во время осады Александром Тира (зимой 333/332 г. до н. э.) развернулось опасное для Македонии контрнаступление в Малой Азии [Burn, 1952, с. 81—84; Briant, 1973, с. 53—54]. Не входя в детали, отметим только, что момент для высадки на Крит Агис выбрал весьма удачно.

Закономерен вопрос, почему Спарта первоначально направила свою активность в сторону Крита? В литературе давали разные объяснения (ср. [Hamilton, 1969, с. 70; Parke, 1933, с. 200—201; Ehrenberg, 1929, с. 1418; Niese, 1893, с. 103—105; Potter, 1984, с. 233; Шофман, 1976, с. 425—426]⁹). Э. Бэдиан, в частности, считает, что Крит мог стать серьезным источником пополнения армии Агиса наемниками [Badian, 1967a, с. 177]¹⁰. Действительно, в армии Александра критяне не были многочисленны [Parke, 1933, с. 186 и сл.; Griffith, 1935, с. 15; Launey, 1949, с. 248], рынок наемной военной силы был здесь еще далеко не исчерпан, в то время как в других районах Греции наблюдалось иное положение благодаря деятельности как македонских, так и персидских вербовщиков. Следовательно, целью (или одной из задач) похода Агиса на Крит можно считать стремление приобрести наемников для дальнейшей войны. Э. Бэдиан, видимо, отчасти прав, хотя, казалось бы, проще было и Агису послать сюда

вербовщиков. Возможно, однако, что спартанский царь преследовал и другую цель, испытывая нужду в деньгах, так как содержание наемников требовало значительных средств и персидской помощи было недостаточно. В течение IV в. до н. э. греческий мир осознал, что одно из правил финансирования войн заключается в том, что война должна кормить себя сама, особенно когда используют наемников (см. [Маринович, 1975, с. 162] и литературу, приведенную в примеч. 128).

Наконец, следует иметь в виду еще одно соображение — может быть, основное. Диодор, очень кратко сообщая о деятельности Агиса на Крите, обрисовывает ее так, как если бы спартанский царь воевал ради персов: Агис, «захватив большинство городов, принудил принять персидскую сторону» (Diod. XVII, 48, 2). Не была ли критская кампания условием той помощи, которую оказали Спарте персы, — условием, к тому же совпадавшим с интересами самого Агиса? (ср. [Bosworth, 1975, с. 32—33]). Во всяком случае, Диодор как будто ставит в прямую связь получение Агисом денег и судов от персов, его отплытие на Крит и принуждение большинства тамошних городов «принять персидскую сторону»¹¹. Подтверждает это предположение и приведенное уже сообщение Арриана о просьбе Агиса к персам дать ему денег и военную силу «для отправки с ним в Пелопоннес» (Anab. II, 13, 4). Возможный вывод: первоначально, до поездки на Сифнос и переговоров с персами, Агис не думал о Крите.

Ход военных действий на Крите освещен источниками весьма слабо. Курций Руф указывает, что «критяне, примыкавшие то к одной, то к другой стороне, захватывались то спартанскими войсками, то македонскими» (Curt. IV, 1, 40). Он же сообщает, что «во многих местах остров подвергался осаде персидских и спартанских войск» (Curt. IV, 8, 15); следовательно, на Крите одновременно воевали и какие-то персидские силы. Александр, в свою очередь, посылает эскадру под командованием Амфотера для освобождения Крита. Об этом сообщает Курций (Curt. IV, 8, 15), согласно же Арриану, когда пришло известие о волнениях в Пелопоннесе, Александр отправил туда Амфотера «помочь тем пелопоннесцам, которые во время войны с персами оставались верны ему и не послушались лакедемонян» (Arr. Anab. III, 6, 3). Видимо, речь здесь идет о двух событиях [Badian, 1967a, с. 181] (ср. [Taen, 1948a, с. 42; Hauben, 1972, с. 57—58; Hamilton, 1969, с. 78; Шофман, 1976, с. 428, 435]¹², причем сначала флот был послан на Крит. Определенным образом подводит итоги критской кампании Диодор, который, ничего не сообщая о ходе военных действий, отмечает, что Агис взял «большинство городов» (см. выше).

Военные успехи, очевидно, дали добычу, которая помогла Агису в дальнейшем содержать значительную силу наемников, а также, видимо, способствовала увеличению сил за счет критских

наемников (cf. Diod. XVII, 48, 1; Curt. IV, 1, 39; Dinarch. I, 34) и, возможно, контингентов из некоторых городов, которые он захватил.

Готовясь к войне, Агис обратился «к эллинам с призывом единодушно отстаивать свободу» (συνφρονῆσαι περὶ τῆς ἐλευθερίας — Diod. XVII, 62, 6). Итак, в самой Элладе движение разворачивалось под лозунгом борьбы за свободу греков. Какой же отклик нашел у них призыв спартанцев? Диодор (XVII, 62, 7—8) так описывает состав союзников Спарты: «Большинство пелопоннесцев и еще кое-кто согласились воевать и внесли имена своих городов в списки союзников. В зависимости от своих возможностей каждый город выставил в качестве солдат цвет своей молодежи; всей пехоты было не меньше 20 тыс., а конницы около 2 тыс. Во главе стояли лакедемоняне; они выступили всем народом (πανόμει) на войну за всех». У Помпея Трога выступление приобретает чуть ли не всеэллинский характер: «Дело в том, что после отбытия Александра почти вся Греция взялась за оружие, чтобы вернуть себе свободу по примеру лакедемонян» (Just. XII, 1, 6).

Однако более внимательное отношение к источникам заставляет усомниться в столь широком участии греков. Прежде всего, определенную помощь в выяснении подлинной картины оказывают цифры. Еще до критской кампании у Агиса было 8 тыс. наемников, а в ходе военных действий число их, видимо, увеличилось (см. выше). Сказанное хорошо согласуется со свидетельством Динарха, утверждавшего, что в армии Агиса было 10 тыс. наемников (I, 34). Следовательно, из общего числа 22 тыс. воинов не менее 10 тыс. составляли наемники Агиса. Кроме того, в состав армии входило ополчение Спарты (Λακεδαιμόνιοι ... ἄλαντες; πανόμει — Dinarch. I, 34; Diod. XVII, 62, 8). Численность его, правда, неизвестна, но, во всяком случае, не меньше нескольких тысяч человек¹³. Таким образом, на долю союзников приходится не более 10 тыс., и уже одна эта цифра заставляет усомниться в утверждениях поздних авторов о поддержке Агиса значительным числом греческих государств.

Современники описываемых событий дают возможность уточнить состав союзников Агиса. Они называют элейцев (о них сообщают и Эсхин, и Динарх — Aeschin. III, 165; Dinarch. I, 34), ахейцев (тоже оба автора, но с одной оговоркой: Динарх говорит об ахейцах вообще, а Эсхин уточняет, что все ахейцы, кроме пелленцев), всю Аркадию, кроме Мегалополя (только Эсхин)¹⁴. О волнениях у фессалийцев и перребов упоминает Эсхин (Aeschin. III, 167), хотя, по всей видимости, они не оказали какого-либо влияния на развитие событий.

Как видим, сведения Эскина и Динарха не расходятся, но, Эсхин более точен. Считают, и не без оснований, что Динарх в речи против Демосфена аргументацию для своих обвинений зна-

менитого оратора широко черпал из речи Эсхина против Ктесифонта, по существу также направленной против Демосфена. Однако у Динарха, очевидно, были и другие источники сведений о том, что произошло лишь несколько лет тому назад. Во всяком случае, не у Эсхина он почерпнул данные о численности наемников Агиса, и у нас нет оснований их отвергать, как ни риторичен контекст (Dinarch. I, 34).

В одном из поздних источников мы также находим более конкретные сведения о спартанских союзниках. Курций, рассказывая о последствиях разгрома армии Агиса, говорит о мерах, которые были приняты по отношению к побежденным: Тегее, ахейцам, элейцам; Мегалополь же был на стороне Македонии (Curt. VI, 1, 20).

Сопоставим свидетельства современников и поздних авторов. Полное совпадение наблюдается в отношении ахейцев. Некоторых пояснений требует вопрос об элейцах. Дело в том, что соответствующее место рукописи Курция испорчено, обычное чтение: *Achaei et Elei* в изданиях Бардона и Рольфа [Bardon, 1947; Rolfe, 1946]. Несколько сложнее с Аркадией, о которой упоминает только Эсхин, тогда как Курций называет лишь Тегею. Но Тегея составляла часть Аркадии, и вполне возможно, что такая абберрация произошла потому, что из полисов Аркадии она была самой активной в выступлении Агиса.

Таким образом, можно с определенной долей уверенности утверждать, что выступление не было общегреческим и носило более локальный, пелопоннесский характер. Хотя и есть свидетельство о каких-то волнениях фессалийцев и перребов, однако никаких сведений об участии их в военных действиях и в связях с Агисом нет. В движении Агиса участвовали далеко не все области и Пелопоннеса. Об этом прямо пишет Арриан (Anab. III, 6, 3), сообщая, что Амфотера Александр послал на помощь «тем пелопоннесцам, которые... остались верны ему и не послушались лакедемонян» (ср. [Borza, 1971, с. 230; Wirth, 1971, с. 627; Bosworth, 1975, с. 28]).

Военные действия в собственно Греции начались, вероятнее всего, весной 331 г. до н. э.¹⁵ Антипатр¹⁶ в это время оказался в очень затруднительном положении: к северу от Македонии вновь возродилась фракийская угроза, на этот раз она предстала в лице Мемнона, бывшего правителя Александра во Фракии. Располагая собственными силами и сумев поднять местное население, он «открыто готовился к войне» с Антипатром (Diod. XVII, 62, 5). В литературе обсуждался вопрос о том, координировались ли действия Агиса и Мемнона. Состояние источников не позволяет дать положительный ответ на этот вопрос (ср. [Badian, 1967a, с. 180; Hamilton, 1969, с. 78; Lock, 1972, с. 27; Briant, 1973, с. 54; Bosworth, 1980, с. 274—275; Шофман, 1976, с. 428, 435]), но, во всяком случае, несомненно одно: выступление Мемнона оказалось весьма кстати для Агиса.

Видимо, к весне 331 г. до н. э. относится вторая экспедиция Амфотера, которого Александр, узнав о событиях в Пелопоннесе, отправил туда (Агг. Anab. III, 6, 3. О дискуссионности вопроса см. выше, а также [Lock, 1972, с. 27]).

Обратимся к самому ходу событий. Агис с ополчением спартанцев и наемниками (Λακεδαιμόνιοι μὲν καὶ τὸ ξεινόν) нанес поражение македонскому военачальнику Коррагу (Aeschin. III, 165). Этот успех привел к тому, что на сторону Спарты перешли некоторые (названные выше) области Пелопоннеса. Свидетельство современника Эскина недвусмысленно: греки «перешли на их (лакедемонян.— Л. М.) сторону» только после победы над Коррагом (подчеркнем это).

Хотя источники по рассматриваемому периоду истории Греции скудны (в какой-то мере за исключением Афин), попытаемся понять причины, которые толкнули полисы на выступление против Македонии.

В Ахайе постоянно были сильны антимакедонские настроения. Ахейцы принимали участие в битве при Херонее, после чего должны были сдаться на милость победителя. Дальнейшее развитие событий определялось стремлением Филиппа привязать к себе этих новоприобретенных союзников¹⁷, для чего он передает ахейцам Навпакт, ранее обещанный Этолии. В ответ этолийцы решают силой овладеть городом, считая его законной наградой за союз с Филиппом, что вызывает резкую реакцию со стороны македонского царя. Навпакт был возвращен ахейцам, а Этолийский союз в наказание распушен.

Далее, однако, как представляется, Э. Босворт склонен преувеличивать верность ахейцев Македонии. Он подчеркивает, что ахейцы не принимали участия в «агитации» 336—335 гг. до н. э. и сохранили нейтралитет в Ламийской войне. С некоторым недоумением Э. Босворт пишет о «единственной aberrации» — участии в войне Агиса, предполагая, что причиной такой позиции Ахайи послужила возможность территориальных приобретений за счет Аркадии. Подобное решение проблемы вряд ли верно. Прежде всего, Аркадия (за исключением Мегалополя) также была на стороне Спарты, поэтому мысль о территориальных приобретениях за счет ее кажется маловероятной. Кроме того, Э. Босворт не учитывает внутреннего состояния Ахейского союза, в то время как ключ к решению вопроса лежит, видимо, именно здесь. Согласно свидетельству Полибия (Polyb. II, 41, 6), ахейцы «старались постоянно удерживать власть в руках народа» (τὸ γὰρ μὴν τοῖσιν πολίταις ... ἐν δημοκρατίᾳ συνέχειν ἐτεῖρωντο). Обращает на себя внимание глагол ἐτεῖρωντο — «старались»: следовательно, имелись определенные силы, которые противостояли этому. Более ясно ситуацию обрисовывают иные источники, которые показывают, что в одном из важнейших городов Ахейского союза — Пеллене при поддержке Александра была свергнута де-

мократия и установлена тирания. Автор речи XVII Демосфенова корпуса видит в этом один из самых значительных примеров нарушения принципов «общего мира» (Ps.-Dem. XVII, 10). Большинство граждан Пеллены, по его словам, были изгнаны, их имущество отдано рабам, а борец Херон поставлен тираном. Свидетельство оратора подтверждается Павсанием, согласно которому Херон «разрушил государственный строй» в Пеллене, став «тираном своей родины» благодаря Александру, сыну Филиппа (Paus. VII, 27, 7; cf. Athen. XI, 509b; см. также [Walbank, 1967, с. 230]).

Очевидно, Македония и после Херонеи, после передачи Навпакта ахейцам и Коринфского конгресса, санкционировавшего территориальные изменения, все же не была уверена в лояльности этого союзника. Александр предпринял определенные меры для нейтрализации ахейцев, поставив у власти в одном из значительных полисов союза своего ставленника — тирана (подражая и в этом отношении своему отцу). Эта мера отчасти оправдалась, поскольку в момент выступления Агиса Пеллена осталась верной Македонии, но, с другой стороны, возможно, именно вмешательство царя толкнуло ахейцев к Агису.

Сложной была обстановка и в Аркадии. Как известно, в 371 г. до н. э. создается Аркадский союз, но уже в первой половине 370 г. до н. э. внутри союза разворачивается антифедералистское движение, в котором активное участие принимает Тегея. Создание Мегалополя как центра союза обострило внутренние противоречия. Под влиянием Эпаминонда принимаются решения, которые обеспечивали Мегалополю такое же преобладание в Аркадском союзе, каким пользовались Фивы в Беотийском [Dušanić, 1970, с. 294]. В частности, в общеаркадском совете мегалопольцы имели десять голосов из пятидесяти, в то время как большинство городов — по пяти голосов [Larsen, 1966, с. 73]. Уже в первой половине 362 г. до н. э. Аркадский союз распался, причем северная часть Аркадии (с центром в Мантинее) сохранила федеративное устройство, на юге же (Мегалополь, Тегея и др.) каждый из полисов пользовался полной независимостью. Связи между Македонией и Мегалополем устанавливаются по крайней мере с 356 г. до н. э., и город становится главным средоточием промакедонских сил в Аркадии. В значительной мере его стремление опереться на Македонию (как ранее на Фивы) объясняется боязнью соседней Спарты [Dusanic, 1970, с. 307—310]. В Херонейской битве аркадяне не участвовали. Во время урегулирования отношений в Пелопоннесе, предпринятого Филиппом после Херонеи, Мегалополь и Тегея получили приращение территорий за счет Спарты (см. выше). Видимо, в это время с помощью Филиппа Аркадский союз возрождается [Dusanic, 1970, с. 311]. При выступлении Фив против Александра аркадяне откликнулись на призыв фиванцев, но войско аркадян дошло только до Истма.

То, что произошло далее, Динарх описывает следующим образом: стратег аркадского войска Астил, будучи человеком продажным, потребовал десять талантов за помощь Фивам. Фиванские послы, зная, что Демосфен получил деньги от персидского царя, умоляли его дать им десять талантов для спасения их города. Однако Демосфен, в силу своего корыстолюбия, послам отказал и тем самым предопределил гибель Фив, поскольку «другие» (ἑτέροις) дали эти деньги, чтобы аркадяне вернулись домой (Dinarch. I, 20—21). Конечно, в обвинительной речи возможны определенные искажения фактов (особенно тех, о которых не было широко известно, таких, например, как тайная передача денег). Представляется не очень убедительным и обвинение Астила в продажности. Довольно трудно допустить, чтобы стратег Аркадского союза мог совершенно бесконтрольно, целиком на свой страх и риск, принимать решение столь большой важности. Кроме того, как справедливо заметил С. Душанич, обращение за деньгами могло не иметь ничего общего с подкупом, а быть обычной просьбой о помощи [Dušanić, 1970, с. 313]. По-видимому, события, связанные с колебаниями в позиции аркадян,— выступление, остановка у Истма, требование денег, возвращение, казнь тех, «кто поднял» аркадян на помощь Фивам (Агг. Анаб. I, 10, 1),— возможно истолковать с точки зрения внутренней борьбы в союзе (ср. [Кондратьев, 1977а, с. 32]). Как и раньше, в Аркадском союзе основная борьба шла между северными полисами (во главе с Мантинеей) и Мегалополем. Во всяком случае, в момент выступления Агиса деление очевидно: основная масса аркадян — на стороне Спарты, Мегалополь — на стороне Македонии. И позднее, в годы Хремонидовой войны, силы распределялись аналогично: на стороне Спарты выступают Элида, ахейские города и Аркадия (за исключением Мегалополя). Уже отмечалось, что этот город с самого основания союза стремился занять господствующее положение в нем (Paus. VIII, 27, 5—7). Видимо, в период возрождения союза по инициативе Македонии Мегалополь усилил свои притязания, опираясь на связи с македонским царем, Филиппу же было выгодно иметь такого союзника внутри союза. С другой стороны, остальные полисы стремились противостоять чрезмерно усилившемуся с македонской помощью Мегалополю. Таким образом, можно полагать, что вовлечение в борьбу Аркадии было вызвано в значительной мере внутренними конфликтами в союзе (ср. [McQueen, 1978, с. 49—51]).

Столкновение Тегей с Мегалополем было, по-видимому, обусловлено и спорами из-за раздела тех земель, которые выделил им Филипп из отторгнутых у Спарты пограничных районов. Поскольку больше всего от этой акции выиграл Мегалополь, то понятна его ориентация на Македонию и столь же естественно, что внутренние раздоры в союзе в условиях спартанского вы-

ступления приобрели форму междоусобной войны, причем Спарта смогла в своих интересах использовать часть полисов союза.

Менее ясна ситуация с Элидой. Во время восстания Фив в Элиде происходили какие-то события, которые могут быть поняты также как свидетельство острой внутренней борьбы. Арриан сообщает, что после разрушения Фив «элейцы вернули обратно своих изгнанников, так как они были друзьями Александру» (Anab. I, 10, 1). По-видимому, и здесь на решение вступить в войну на стороне Спарты повлияли внутренние противоречия (ср., однако, [McQueen, 1978, с. 47—49]).

Итак, как видим, в выступлении Агиса приняло участие весьма ограниченное количество полисов, и притом только Пелопоннеса, но далеко не всего. Среди них не оказалось таких значительных, как Коринф, Аргос, Мессения¹⁸. Участие их в антимакедонском движении было вызвано, как представляется, в значительной степени внутренней борьбой, корни которой отчасти лежали в прошлом, но усугублялись политикой Македонии. Сколько-нибудь серьезно за пределы Пелопоннеса¹⁹ это движение не вышло. В Афинах хотя и наблюдались некоторые волнения (возможный отклик их — появление XVII речи Демосфенова корпуса²⁰), однако Агис не получил помощи²¹. Э. Бэдиан считает, что все объяснялось прежде всего личной позицией Демосфена, который не забыл нежелания Спарты сражаться на стороне афинско-фиванских сил при Херонее и поэтому отказался поддержать ее сейчас [Badian, 1967]. Подобное объяснение вряд ли справедливо. Как уже отмечалось, Демосфен в политической жизни Афин не играл столь большой роли, как полагает Э. Бэдиан, и обстановка была гораздо сложнее²².

После разгрома Коррага и присоединения ряда пелопоннесских полисов к Агису положение Антипатра осложнилось. На севере ему по-прежнему приходилось вести военные действия с Мемноном, на юге вырастала другая опасность. К счастью для Антипатра, Агис занялся осадой Мегалополя, что дало Антипатру время для подготовки контрудара. Но, с другой стороны, необходимость для Агиса осады Мегалополя также самоочевидна: дело заключалось не столько в военных соображениях, сколько в политических. Мегалополь — это в большой мере та причина, которая толкнула к Агису аркадские полисы, и, по-видимому, та цена, которую они требовали за свое участие. Политика диктовала стратегию, и в самом способе ведения войны отразились некоторые особенности той политической ситуации, которая эту войну породила.

Прежде всего Антипатр постарался как можно скорее закончить дела на севере. Видимо, условия соглашения с Мемноном были неблагоприятны для македонян: Антипатр «окончил войну во Фракии, как смог» (Diod. XVII, 63, 1), но спартанская угроза представлялась более серьезной, и поэтому Антипатр оказался

вынужден уступить. Двинувшись в Пелопоннес «со всей своей силой», он обратился к членам Коринфского союза за помощью, согласно договору (Syll.³, 260). К сожалению, источники ничего не говорят ни о составе, ни о численности тех сил, которые выделили греки, определяя их суммарно как «союзников» (συνδᾶμοι). Однако известно, что после присоединения их у Антипатра оказалось не менее 40 тыс. человек (Diod. XVII, 63, 1). Весьма примечательно замечание Эсхина (Aeschin. III, 165), что собирал их Антипатр «долгое время» — по-видимому, полисы не торопились выполнить свой «союзнический долг» (возможно, слова Эсхина подразумевают также трудности с набором наемников).

Известно, что, отправляясь в Азию, Александр оставил в Греции под командой Антипатра 12 тыс. пехоты и 1,5 тыс. конницы (Diod. XVII, 17, 5). Вряд ли войско Антипатра возросло за прошедшие годы, в обстановке, когда он должен был постоянно заботиться о пополнениях для Александра²³. Все это позволяет считать, что союзники численно превышали собственно македонские силы. Несомненно, как и у Агиса, у Антипатра были и наемники, без которых в то время уже не мыслилась никакая война, однако об их численности нет никаких сведений. Высказывалось мнение [Parke, 1933, с. 201—202; Jaschinski, 1981, с. 89] (ср. [Кондратюк, 1977а, с. 36]), что наемники составляли значительную часть армии Антипатра, причем на том основании, что он получил от Александра большие средства для борьбы с Агисом²⁴. Однако тут мы вступаем в область чистых предположений, так как не знаем, как эти деньги были реализованы (не знаем даже, строго говоря, были ли они отосланы Антипатру и получил ли он их, хотя для сомнений нет оснований). В источниках вообще не упоминается ни о каких наемниках у Антипатра: Диодор (XVII, 63, 1) говорит только об эллинах-союзниках, Эсхин (III, 165) — о сборе войска, употребляя нейтральное слово συναγεῖν. Далее, деньги нужны были Антипатру для оплаты не только наемников (в том числе и давно у него служивших), но и союзников. Наконец, трудно допустить, что наместнику удалось собрать значительное число наемников, учитывая общее состояние рынка в те годы²⁵.

Решительная битва произошла у Мегалополя. Неполное, но красочное описание ее сохранилось у Курция, в других источниках о ней либо только упоминается, либо говорится очень кратко²⁶. Диодор, в частности, сообщает, что первыми не выдержали натиска врагов союзники Спарты, и только после этого было сломлено сопротивление лакедемонян (Diod. XVII, 63, 2). Курций описывает, в сущности, только заключительную фазу боя, подчеркивая его ожесточенность: «На памяти людей не было более отчаянного сражения» (Curt. VI, 1, 1—16). Источники отмечают отважное поведение Агиса и его героическую гибель (Diod. XVII, 63, 4;

Curt. VI, 1, 3—4, 13—15; Justin. XII, 1, 9—11). Обе стороны понесли значительные потери, у спартанцев и их союзников пало 5 300 человек (Curt. VI, 1, 16; cf. Diod. XVII, 63, 6 — больше 5 300 человек), у Антипатра, по одним сведениям, — 3 500 (Diod. XVII, 63, 3), по другим — «не больше тысячи, но почти никто не вернулся в лагерь без ран» (Curt. VI, 1, 16)²⁷.

Поражение спартанцев и их союзников означало полное прекращение сопротивления. О судьбе побежденных сообщают Диодор (XVII, 73, 5) и Курций (VI, 1, 19—20), в сведениях которых при некоторой общности есть и существенные различия²⁸. Оба историка согласны, что вопрос о Спарте обсуждался на общем собрании эллинов — членов Коринфского союза и что постановили предоставить решение его Александру, однако если Диодор пишет, что разбитые в сражении лакедемоняне были вынуждены отправить посольство к Антипатру, а тот велел обратиться к общему собранию эллинов (ἐπὶ τὸ κοινὸν τῶν Ἑλλήνων συνέδριον), заседавшему в Коринфе, то, по словам Курция, Антипатр сам собрал совет греков, от которого спартанцы не добились ничего, кроме разрешения отправить послов к царю. У Диодора есть еще весьма важная деталь: при обсуждении судьбы Спарты «много речей было сказано за и против». А это заставляет думать, что среди делегатов синедриона были и сторонники спартанцев, представители полисов, не решившихся выступить открыто с оружием в руках. Антипатр взял заложниками 50 виднейших спартанцев (также сведения Диодора). Из сообщения Курция известно, кроме того, что жители Тегеи получили прощение (кроме зачинщиков), а ахейцы и элейцы (ср. [Bosworth, 1976b, с. 179, примеч. 62] — об испорченности текста Курция Руфа) должны были заплатить Мегалополю штраф в 120 талантов.

В источниках нет прямых указаний на решение Александра относительно Спарты, но, по-видимому, верна мысль П. Оливы [Oliva, 1971, с. 197] о том, что в результате поражения Спарта оказалась вынуждена признать независимость Мессении. Вопрос о вхождении Спарты в Коринфский союз не ясен, на основании косвенных данных решается по-разному, многими учеными — положительно (например, [Roebuck, 1948, с. 91; Hamilton, 1969, с. 87; Seibert, 1985, с. 110]), другие включение Спарты в число членов этого союза считают наиболее вероятным [Tarn, 1948a, с. 53; McQueen, 1978, с. 57], третьи — сомнительным [Bosworth, 1988a, с. 204], наконец, некоторые оставляют вопрос открытым [Ehrenberg, 1929, с. 1419].

Таким образом, из союзников Спарты детально были урегулированы отношения только с Элидой и Ахейсй. Хотя в научной литературе часто пишут о том, что синедрион отказался решать судьбу мятежников, передав вопрос на волю Александра, как справедливо подчеркнул Маккуин, сказанное верно только относительно Спарты, которая не входила в Коринфский союз и

наказание которой лежало вне его юрисдикции [McQueen, 1978, с. 52, примеч. 491]. Свидетельство Курция совершенно определенно — синедрион принял три решения, а именно: вопрос о Спарте передать Александру; простить Тегею; наложить штраф на Элиду и Ахайю. Что касается Диодора, то он не сообщает сведений для обсуждения вопроса в целом, поскольку говорит только о Спарте (анализ источников о санкциях дан в статье Маккуина [McQueen, 1978, с. 52—58]).

Обращает на себя внимание сравнительно легкое наказание, которому подверглись полисы, с оружием в руках выступившие против Македонии, особенно если вспомнить, как Филипп и Александр изменяли государственный строй в полисах и расправлялись со строптивыми. Объяснение этому, как представляется, следует искать в том обстоятельстве, что судьбу побежденных решали сами греки, т. е. синедрион Коринфского союза. Следовательно, Александр в то время в отношениях с греками сохранял те принципы, которые унаследовал от отца, возобновив договор о Коринфском союзе. Несомненно, известие о выступлении Агиса вызвало у него большое беспокойство, заставило предпринять некоторые меры, но после поражения греков Александр, занятый восточным походом, смог вновь отодвинуть греческие дела на задний план. В то время, очевидно, его вполне устраивала система, которую он оставил в Греции, и если даже и зарождались какие-то новые планы (о чем, впрочем, нет никаких сведений), то до осуществления их было еще далеко. Что касается Антипатра, то в принципе он обязан был сохранять и охранять эту систему. В этом отношении любопытно объяснение мотивов поведения Антипатра Курцием Руфом. По его словам, мысль о победе доставляла Антипатру удовольствие, но он опасался завистников, ибо своей деятельностью превысил обязанности префекта. «Ведь Александр, хотя и желал победы над врагом, был недоволен успехом Антипатра и громко говорил об этом, считая, что слава другого наносит ущерб его собственной» (Curt. VI, 1, 17—18). Дело заключалось, разумеется, не в зависти Александра (слишком несопоставимы фигуры), но в той подозрительности, которую он испытывал к своему наместнику, в определенной напряженности их отношений, которую подогревали приближенные и мать Александра Олимпиада и которая побудила Антипатра позднее пойти на сближение с полисами, настроенными явно антимакедонски, а Александра по окончании похода задуматься о необходимости сменить своего наместника. Видимо, весь этот комплекс отношений и нашел отражение в приведенных словах Курция, писавшего намного позже. В общем, в то время у Антипатра не было причин игнорировать Коринфский союз, открыто выступив против Александра и вызвав недовольство греков.

К каким выводам приводят рассмотренные события? Для Спарты разгром выступления Агиса означал конец определенного

исторического периода. Вся ее политика после Левктр и Мантиней определялась стремлением восстановить господство над Мессенией и контроль над Пелопоннесом; это были две взаимозависимые цели. Кризис полиса в IV в. до н. э. в применении к Спарте нашел свое выражение, в частности, в утрате власти над мессенскими илотами, что подрывало базис существования спартанского государства в его традиционной форме. В невозможности достигнуть этой цели, в новых условиях ставшей утопической, спартанцы убедились самым жестким образом.

Однако признание независимости Мессении означало для Спарты не отказ от старых целей, но только невозможность достижения их прежними, традиционными, чисто военно-политическими средствами. Попытка Агиса стала столкновением старых методов с новой действительностью. Уже к началу IV в. до н. э. выявилась невозможность отдельному полису достигнуть сколько-нибудь серьезного преобладания в Элладе, тем более это стало нереально ко времени создания державы Александра. Об эту новую историческую реальность разбились мечты Агиса и спартанцев о былом величии. Источники подчеркивают, что спартанцы вышли в поход «всем народом», и это знаменательно. Спартанское общество, несмотря на те противоречия, которые уже тогда раздирали «общину равных», еще имело надежду на возвращение старых счастливых времен, времен господства над Мессенией, над ее илотами. Поражение Агиса стало своего рода поворотным моментом в истории Спарты, оно усугубило кризис спартанского полиса и в некоторых отношениях явилось предпосылкой той внутренней борьбы, которая потрясала эллинистическую Спарту.

Выступление греков под руководством спартанца Агиса предстает перед нами как сложное явление, в котором переплетались различные цели и задачи. Несомненно, это было антимакедонское движение, война, которая началась и проходила под лозунгами борьбы греков за свою свободу и независимость. Именно так запечатлелось оно в исторической традиции (Diod. XVII, 62, 7; Just. XII, 1, 6)²⁹. Однако свободолюбивые призывы Агиса не нашли отклика в Северной и Средней Греции, во всяком случае, никакой военной поддержки спартанцы не получили, и это антимакедонское выступление ограничилось рамками Пелопоннеса. Причины участия в нем ряда пелопоннесских городов были локальными, кроющимися в особенностях их развития и в особенностях сложившейся обстановки. Движение Агиса давало им возможность решить свои проблемы. Каждая из борющихся сил пользовалась лозунгами «свободы и автономии», но каждый участник этой борьбы (помимо общего для всех) вкладывал в него и свое содержание. Для Спарты в те годы свобода означала свободу стремления к гегемонии в Пелопоннесе³⁰, для аркадских городов — возможность сохранить свое существование, отстояв его от поползновений Мегалополя, поддерживаемого Македонией,

для Ахайи — сохранить демократический строй и избавиться от навязываемых ей силой тиранов.

Ограниченность целей, обусловленность выступления локальными причинами, отсутствие программы, которая объединяла бы все или большинство греческих государств (и невозможность таковой в условиях мира полисов), — все это привело к тому, что выступление не вышло за пределы Пелопоннеса. Да и в самом Пелопоннесе значительная часть полисов не поддержала Спарту. Слишком сильны были межполисные противоречия, чтобы можно было создать общий фронт греческих государств против Македонии. Многие полисы и Греции в целом и Пелопоннеса в частности были заинтересованы в сохранении Коринфского союза и поддерживавшей его македонской мощи³¹. Коринфский союз на этот раз доказал свою жизнеспособность. Бесспорно, силы полисов, активно выступивших против Лакедемона, были большими, чем силы его союзников.

В целом же движение Агиса представляет одно из наиболее ярких и типичных явлений переходного периода, когда полис, сохраняя еще свою жизнеспособность, должен был учиться приспособляться к новой обстановке. Полисам пришлось выдержать еще много ударов, прежде чем они смогли занять отведенное им историческим процессом место. Выступление Агиса — один из примеров конфликта сходящего с исторической арены мира независимых полисов с новым, нарождающимся миром больших, «территориальных» эллинистических монархий.

ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА МАЛОЙ АЗИИ
И АЛЕКСАНДР

Начнем с истории вопроса ¹. До середины 30-х годов в научной литературе преобладало мнение, согласно которому полисы малоазийского побережья, получив от Александра свободу, пользовались тем же статусом, что и греческие города собственно Эллады (например, [Niese, 1893, с. 163; Beloch, 1923, с. 14—15; Kaerst, 1927, с. 344]). Эта точка зрения отчасти восходит к И. Дройзену и связана с преклонением перед личностью Александра. И. Дройзен писал о бескорыстии и щедрости македонского царя по отношению к городам Малой Азии, которым снова были «возвращены свет и воздух», о «высокой благодати их нового положения» — «быть в царстве своего освободителя свободными политиями». Следует, однако, отметить, что в отличие от целого ряда последующих историков, отождествляющих положение полисов собственно Греции и Малой Азии, И. Дройзен предполагал, что Александру было наиболее выгодно создать из освобожденных греческих городов Малой Азии противовес «весьма ненадежным союзникам» в Греции, принужденным присоединиться к Македонии «силою оружия» [Дройзен, 1890, с. 131].

Особого упоминания заслуживает имя А. Баумбаха. Написанная еще в 1911 г., его книга о Малой Азии стоит несколько особняком в тогдашней литературе и, как представляется, незаслуженно забыта современными историками ². В ней привлекает внимание уже постановка вопроса: А. Баумбах изучает взаимоотношения царя и городов. Он останавливается на позиции полисов Малой Азии по отношению к македонянам, говорит о внутренней борьбе в городах, указывает на роль гарнизонов, анализирует понятия свободы и автономии. По мнению А. Баумбаха, Александр был волен как предоставить полисам привилегии, так и отнять их, в любое время он мог вносить изменения в их положение. Он вернул малоазийским грекам как муниципальную, так и политическую самостоятельность, но освобожденные полисы не были с ним в свободных союзнических отношениях, а находились в зависимости от своего освободителя. С отдельными городами Александр заключал договоры и, формально признавая их свободу

и автономии, требовал над ними контроля [Baumbach, 1911, с. 83—93].

Известный перелом в изучении занимающей нас проблемы знаменовала статья Э. Бикермана «Александр Великий и города Азии» [Bickermann, 1934, с. 346—374] (см. также [Bickermann, 1950, с. 41]) — первая работа, специально посвященная данной теме.

Традиция, по мнению Э. Бикермана, сохранила достаточно свидетельств об отношении Александра к городам, однако эта проблема была неверно поставлена, так как от Грота до нынешних историков источники рассматривались с точки зрения политической, тогда как к проблеме следует подойти с точки зрения общественного права. Для этого достаточно признать два простых постулата: Александр вел войну против Персидского государства; он руководствовался законами войны своего времени [Bickermann, 1934, с. 353].

К 338 г. до н. э., когда Филипп организовал Коринфский союз, международные отношения в Греции регулировались миром: 386 г. до н. э., согласно которому полисы Малой Азии принадлежали персидскому царю, а остальные греческие города были свободными и автономными. Готовясь к войне с Персией, Александр думал не об освобождении греков Азии (к чему стремились эллины в 479 или 396 г. до н. э.), но хотел завосвать ее. В отличие от современных ученых он прекрасно понимал разницу между свободными греками собственно Эллады и островов Эгейского моря и малоазийскими греками — подданными «великого царя». Для древних лучшим способом приобретения собственности считался ее захват. Города, взятые силой, как правило, подвергались разграблению; города, приобретенные путем капитуляции, щадили. Именно такими нормами права IV в. до н. э. и руководствовался Александр. Он не делал различия между эллинами и варварами, но различал тех, кто подчинился ему, и тех, кто оказал сопротивление. «Его принцип — не расовый, но империалистический: *parcere subjectis et debellare superbos*» [Bickermann, 1934, с. 360]. Он не заключал с побежденными никаких договоров, в источниках нет упоминаний о союзе (*συνμαχία*) и договоре (*συνθήκαι*), а лишь иногда говорится об условиях, на которых происходила капитуляция.

В общем, способ подчинения определял статус побежденного. Александр требовал безусловной капитуляции, которая, по греческим обычаям, гарантировала сохранение прежнего статуса, но отдельные города получали определенные привилегии. Свидетельства источников о даровании свободы и автономии Э. Бикерман рассматривает скорее как частные случаи. Обращаясь к сведениям о свободе, которую Александр даровал полисам Малой Азии, Э. Бикерман подчеркивает пропагандистский характер обещаний и действий македонского царя. Теория современных ученых об

освобождении азиатских греков, по мнению Э. Бикермана, основывается на двойном недоразумении. Первое: «свобода» воспринимается как синоним демократии, в чем не оставляют сомнений свидетельства источников (Diod. XVII, 24, 1; Arr. Anab. I, 18, 2) и надписи Приены времени Александра (IVP, 2—4). Второе недоразумение проистекает из смешения юридического и фактического положения. Многие полисы Малой Азии были «свободными» при Александре. Это понятие свободы включало автономию, освобождение от юрисдикции сатрапов, от выплаты каких-либо налогов, освобождение от царского гарнизона, наконец, демократический строй, т. е. полис обладал правами, которые были признаны за членами Коринфского союза. Однако это положение *de facto* скрывает коренное различие в положении *de jure*. Свобода греков Эллады была исконной, первичной, Александр не мог ни дать ее, ни отобрать; «свобода» греков Азии была вторичной, она ведет свое происхождение из права завоевания и не имеет никакой другой причины, кроме воли и желания Александра. Она покоится на произволе царя и имеет основанием только односторонний акт. Эта свобода могла быть и очень широкой, но всегда оставалась прекарной и тем самым отменяемой. Александр мог отобрать у полиса часть его территории или даровать ему новые земли, мог вообще подарить город, как он предложил на выбор Фокиону один из четырех городов — Киос, Гергит, Элею или Миласы (Plut. Phoc. XVIII; cf. Ael. Var. hist. I, 25). По отношению к ним македонский царь — победитель и полноправный хозяин [Bickermann, 1934, с. 349, 370] (ср. [Tarn, 1948 b, с. 222—227; Bosworth, 1988a, с. 257]).

Отмечая, что завоевание Азии было делом не только македонских сил, но и контингентов греков — членов Коринфского союза, Э. Бикерман подчеркивает, что ни сам союз, ни входившие в него государства ничего не получили в результате завоеваний — ни завоеванных городов, ни добычи, однако это обстоятельство не вызвало у них никакого недовольства. Объяснение Э. Бикерман находит в том, что не жажда завоеваний побудила Коринфский союз начать войну, а стремление наказать персов. Выступая гегемоном союза, Александр руководствовался по отношению к Персии принципом талиона: персы грабили Грецию — Александр грабил Персию, восстановив на вражеские деньги Платеи; персы жгли города и храмы греков — Александр сжег Персеполь; персы вторглись в Элладу — Александр вел греческие контингенты до Экбатан и положил конец «войне репрессалий», отослав союзные войска домой. Но персы не захватили ни пяди греческой земли — Эллинский союз тоже не получил ничего; Александр удержал эти земли для себя в силу другого права — права победителя.

Основной вывод Э. Бикермана: Александр завоевал Персидское государство, подчинив и греческие города, некоторым из которых по своему усмотрению он даровал свободу. Утверждая, что все

определялось произволом царя, Э. Бикерман преувеличивает, как кажется, субъективный момент в действиях Александра, который должен был учитывать и официальные лозунги войны, и конкретную обстановку: расстановку сил, позицию того или иного города. Тем самым Э. Бикерман в конечном счете вообще отрицает какую-либо политику по отношению к полисам Малой Азии. У него мы не найдем ни слова об изменении положения полисов. Более того, Э. Бикерман вообще отрицает какое-либо развитие городов, считая, что в течение ряда веков в их положении не произошло никаких изменений. Политика Александра не представляла ничего нового: так же действовали ассирийцы, затем Ахемениды, после Александра — диадохи и римляне. Юридическая связь между городами и государством оставалась одинаковой от Кира до Цезаря, это была *praesentia libertas* завоеванных, когда законы диктуются победителями и принимаются побежденными³.

Через четыре года после статьи Э. Бикермана появилась книга В. Эрэнберга, один из очерков которой называется «Александр и освобожденные греческие города» [Ehrenberg, 1938, с. 1—51]; (ср. [Тагг, 1938, с. 234—235]). Соглашаясь с основными выводами Э. Бикермана, В. Эрэнберг развивает и уточняет некоторые его положения. Но не это прежде всего определяет интерес его статьи — вопрос об отношении македонского царя и городов Малой Азии рассматривается им как часть более широкой проблемы: полис и эллинистическое государство. Полемизируя с П. Цанкан [Zaccan, 1934]⁴, по мнению которой положение полисов в эллинистическом государстве определялось симмахией, заключенной между полисом и царем, В. Эрэнберг считает, что основы подчиненного положения полисов в эллинистическую эпоху были заложены при Александре. Александр постепенно усиливал свои позиции по отношению к ним как к подчиненным, так что к концу его царствования даже над государствами Греции нависла угроза подчинения.

Выяснение позиции греческих городов в империи Александра В. Эрэнберг начинает с вопроса о Коринфском союзе, считая, что именно от решения вопроса, были ли города, находившиеся под властью Персии, допущены в Коринфский союз, зависит наше понимание их положения. Решая этот вопрос отрицательно, В. Эрэнберг в основном разделяет взгляды Э. Бикермана на природу и характер свободы малоазийских полисов: автономию и свободу, которыми, несомненно, пользовалось большинство полисов Малой Азии, как и освобождение их от гарнизонов и налогов, следует рассматривать как односторонний дар и проявление благосклонности со стороны македонского царя, как лично им дарованные привилегии. Эти привилегии не исключали права Александра вмешиваться в политическую и экономическую жизнь полисов, когда бы и каким бы образом он ни захотел.

Не соглашаясь с Э. Бикерманом в том, что линия раздела

между греками и персами ко времени похода определялась Анталкидовым миром, В. Эренберг, по существу, развивает дальше взгляды Э. Бикермана, распространяя его понимание характера свободы полисов Малой Азии на ряд островов Восточной Эгейды. Некоторые из них, как предполагает В. Эренберг, возможно в 334 г. до н. э. добровольно приняв сторону Александра, вошли в Коринфский союз, но после завоевания их Гегелом положение изменилось, и Александр теперь уже мог требовать права, которые принадлежали ему как победоносному завоевателю. Если эта зависимость и имела, как в случае с Митиленой, внешнюю форму соглашения (συμμαχία), она не означала договора между равными сторонами, как в Коринфском союзе; это было состояние, «которое колебалось между автономией и подчинением, между союзом и вассальной зависимостью» [Ehrenberg, 1938, с. 32]. Греческие города и Малой Азии, и островов оказались в зависимости от Александра не как гегемона и стратега Коринфского союза, а как царя Азии. Завоевав эти города и подтвердив их автономию, т. е. сохранив таким образом их полисный характер, Александр по праву завоевателя подчинил их себе.

В то же время именно к Александру восходит очевидное для эллинистической эпохи сочетание автономии и демократии. Демократия стала в сознании греков адекватна свободе. Для городов, лишенных со времен Александра самостоятельности во внешней политике, внутренняя свобода становится все более необходимой.

Подводя итоги, В. Эренберг подчеркивает, что свобода, которую Александр дал грекам Малой Азии, — это результат определенной политики, продиктованной обстоятельствами; не ради нее был предпринят поход, панэллинские идеи нужны были как лозунг, Коринфский союз — как прикрытие (Александр нуждался, кроме того, в греческом флоте). Говоря об освобождении греческих городов, В. Эренберг, по его словам, имел в виду освобождение от Персии (ср. [Tibiletti, 1954, с. 3—22]). Но с почти равным основанием мы можем называть их завоеванными городами [Ehrenberg, 1938, с. 39].

В первые годы похода Александр порывает с панэллинизмом и, отослав греческие контингенты домой, окончательно освобождается от него; греки и их проблемы отходят на задний план. Только по возвращении из Индии, желая быть обожествленным, Александр увидел новый объект в своих отношениях с греками, но к этому времени Коринфский союз потерял для него всякое значение, и царь мог теперь с ним не считаться, что и подтверждается известным декретом 324 г. до н. э. о возвращении изгнанников. Эдикт противоречил принципу невмешательства во внутренние дела греческих государств. Принуждая греков действовать согласно своей воле, Александр нарушил их автономию. Тем самым он уничтожает различия между полисами — членами Коринфского союза и греческими городами Малой Азии — своими

подданными и стремится сделать зависимость эллинов всеобщей, но смерть помешала ему.

В. Эрэнберг, уточняя и развивая взгляды Э. Бикермана, рассматривает проблему более широко в двух планах: хронологически — он отмечает усиление зависимости городов от Александра, его стремление распространить эту зависимость на полисы Греции — членов Коринфского союза, и второе — в политике Александра В. Эрэнберг видит создание основ того положения, которое полисы занимали в эллинистических государствах.

В 1948 г. вышла двухтомная работа В. Тарна «Александр Великий». В первом томе, представляющем переработанный и дополненный вариант соответствующей части т. VI «Cambridge Ancient History», автор, излагая поход Александра, несколько страниц уделяет полисам Малой Азии [Tarn, 1948a, с. 31—36]. Том второй содержит отдельные очерки, в числе которых очерк «Александр и греческие города Малой Азии» [Tarn, 1948b, с. 199—232]. В трактовке В. Тарном этого вопроса следует отметить две черты. Во-первых, ярко выраженная идеализация Александра. Его работа принадлежит к апологетическому направлению, основы которого были заложены Э. Мейером и У. Вилькеном и наиболее последовательным представителем которого является, наряду с Ч. А. Робинсом, В. Тарн (критику см. [Ботвинник, 1952, с. 173 и сл.; Кошеленко, 1975, с. 21—22; Шофман, 1976, с. 33—34; Bickerman, 1950, с. 41—45]). История завоеваний Александра — это прежде всего история «его изумительной личности». Александр — первый интернационалист, поборник братства и единства народов, намного опередивший свое время. Походы его вовсе не имели завоевательного характера, но несли на Восток эллинскую культуру, «этический и интеллектуальный прогресс». С точки зрения этих «великих принципов» деятельности Александра трактуется и отношение его к городам Малой Азии. Вторая черта — четко выраженная антибикермановская направленность очерка, значительная часть которого представляет собой опровержение системы аргументации Э. Бикермана. Указав, что историки нового времени, в общем, единодушны в том, что Александр восстановил свободу малоазийских греков, В. Тарн отмечает, что после появления статьи Э. Бикермана вопрос формулируется следующим образом: восстановил ли Александр городам их исконную свободу, или он обращался с ними точно так же, как и с покоренными азиатами, сделав частью своей империи, а автономия, которую он дал некоторым из полисов, — это проявление милости с его стороны и личный дар?

В. Тарн справедливо отмечает, что наша информация о городах относится к 334 и 333 гг. до н. э., когда все действия Александра диктовались войной с превосходящими силами персов. Александр, не знавший (в отличие от нас) результатов похода, тогда еще

не думал о завоевании всей Персидской империи и действовал прежде всего как гегемон панэллинского союза.

Обращаясь к греческой концепции свободы, В. Тарн стремится доказать, что Э. Бикерман не прав, говоря о различиях в положении малоазийских полисов и городов собственно Греции. Полисы Малой Азии, находясь под властью Персии, никогда не отказывались от своей свободы — единственный путь, каким, по мнению В. Тарна, они юридически могли потерять эту свободу. Согласно греческой концепции свободы, свободный полис — это суверенное государство, которое само решает свои как внутренние, так и внешние дела; понятия *ἐλευθερία* и *αὐτονομία* идентичны. Персидское правление препятствовало осуществлению этих прав, но не уменьшило их *de jure*. Когда Александр устранил это препятствие (акт изгнания персидского гарнизона), восстановил свободу, все права стали снова осуществляться полисом. Но восстановление Александром полной свободы полисов с точки зрения юридической не означало тем самым, что полис получал возможность пользоваться всеми правами, например воевать с соседями, что для греческих городов слишком часто означало внешнюю политику. Ряд городов Греции, несомненно свободных, являясь, например, членами Пелопоннесского или Беотийского союза, на практике были лишены возможности проводить собственную внешнюю политику. Входя в Коринфский союз, греческие города подчиняли свою внешнюю политику номинально союзу, а в действительности — македонскому царю. Так и для полисов Малой Азии, хотя Александр и восстановил (наряду с другими старыми правами) их право внешней политики, его огромная власть на практике делала невозможной ее осуществление. В эпоху эллинизма это было своего рода «дремлющее», но не умершее право; практически же (но не юридически) свобода означала отсутствие гарнизона и освобождение от фороса. Само по себе правление персов не было тяжелым для греков, но оно неразрывно связано с олигархическим строем, поэтому освобождение от персов не мыслилось без установления демократии.

Полемизируя с Э. Бикерманом, В. Тарн отмечает, что Александр в эти годы не думал о юридическом оформлении своих отношений с городами Малой Азии, его занимали военные проблемы: скорейшая встреча с Дарием и действия персидского флота, и обе эти проблемы могли быть успешно решены при условии, что греческие города станут свободными, т. е. если друзья-демократы придут к власти. Провозгласив свободу и демократию, Александр тем самым немедленно привлек греков Малой Азии на свою сторону. Каждый полис получил независимость и стал свободным союзником Александра [Тарн, 1948а, с. 31—32]. Говоря о том, что Александр обращался с полисами как «властитель Азии», Э. Бикерман, по мнению В. Тарна, не

прав, так как в 334—333 г. до н. э. Александр еще не был таковым [Тагп, 1948b, с. 208].

Политику Александра по отношению к полисам Малой Азии специально рассматривал А. Б. Ранович [Ранович, 1950, с. 49—58; Ранович, 1947, с. 57—63], который в своей работе об эллинизме обратился к этому вопросу, отметив его важность для суждения о характере нового типа государственного строя, возникшего уже в начале завоевательных походов Александра. Приводя свидетельства Арриана (Анаб. I, 18, 2) и Диодора (XVII, 24, 1) об освобождении македонским царем греческих городов, А. Б. Ранович подчеркивает, что при малых военных и денежных средствах, какими первоначально располагал Александр, ему было необходимо обеспечить тыл, заручившись симпатиями и реальной поддержкой освобожденных городов. Восстановление демократии в завоеванных греческих городах также диктовалось прежде всего военными соображениями, так как тираны, цари и олигархи держали сторону персов. «Освобождение эллинских городов способствовало тому, что война становилась популярной» [Ранович, 1950, с. 49]. В этом отношении Александр следовал примеру Филиппа, лозунгом политики которого стал панэллинизм и который, направив Аттала и Пармениона в Азию, поручил им «освободить эллинские города» (Diod. XVI, 91, 2).

В начальный период войны панэллинская идея еще задавала тон в политике Александра, но уже первый акт, засвидетельствованный в приенской надписи 334 г. до н. э., отражает позицию македонского царя по отношению к малоазийским городам. Автономия и свобода Приены не означает ее независимости, хотя бы в форме включения в Коринфский союз: «не только свобода, но и автономия Приены довольно сомнительна» [Ранович, 1950, с. 54]. Судя по надписи из Хиоса, освобождение его не означало даже автономии. В процессе завоевания у Александра все более укреплялась идея мирового господства, и старые эллинские лозунги утрачивали свою актуальность.

Уделяя большое внимание выяснению понятия свободы, которую провозглашал Александр, А. Б. Ранович подчеркивает, что «именно политика Александра, направленная к созданию единой мировой монархии, должна была изменить содержание понятия *ἐλευθερία*, которая в своем прежнем значении несовместима с суверенитетом монарха... „Свобода“ была не свободой классического полиса с его автаркией и ограниченностью, а свободой в смысле противопоставления восточной деспотии, в смысле включения в качестве автономной единицы в систему нового типа государства, до тех пор неизвестного» [Ранович, 1950, с. 53]. В своем отношении к малоазийским полисам Александр мог руководствоваться в каждом конкретном случае множеством разнообразных мотивов, «но вся его политика в целом велась в направлении, объективно диктуемом условиями экономической и

общественной жизни того времени. Политика по отношению к Элладе и Ἑλληνιστοίς была одним из элементов, из которых создавался новый период в истории человечества — эллинизм» [Ранович, 1950, с. 58].

Помимо анализа понятия свободы на основе прежде всего эпиграфического материала (что делалось и ранее) работа А. Б. Рановича интересна самой постановкой вопроса: политика Александра в отношении малоазийских городов рассматривается в широких исторических рамках, с точки зрения характера нового типа государственного строя, возникавшего, по мнению А. Б. Рановича, уже в начале завоевательных походов македонского царя, как один из элементов сложения эллинизма. А. Б. Ранович указывает также на определенную преемственность в политике Филиппа и Александра, который следовал здесь примеру отца. Что касается нового положения городов Малой Азии, характера их «свободы» (но не природы ее), то следует отметить, что по существу выводы А. Б. Рановича близки выводам Э. Бикермана (которого он справедливо критикует за формально-юридический подход к проблеме): оба исследователя приходят к мысли о полной зависимости малоазийских полисов от власти Александра (ср. [Кошеленко, 1972, с. 75]).

Вместе с тем А. Б. Ранович в своей трактовке политики Александра, как кажется, несколько преувеличивает роль македонского царя (на что уже обратил внимание К. К. Зельин [Зельин, 1951б, с. 148]), считая, что «завоевания Александра означали такой переворот во взаимоотношениях между победителями и побежденными, какого мир до того не знал» [Ранович, 1950, с. 51]. По-видимому, не будет несправедливым упрекнуть А. Б. Рановича и в том, что его Александру присущи черты определенного «провиденциализма». Как уже отмечалось, вряд ли Александр ясно сознавал, что создает государство нового типа [Кошеленко, 1972, с. 75].

Книга А. Б. Рановича осталась неизвестной Э. Бэдиану, автору большой статьи «Александр Великий и греки Азии» [Badian, 1967b, с. 37—69] (см. также [Badian, 1965, с. 166—182]). Кратко останавливаясь на работах Э. Бикермана и В. Тарна, он отмечает, что статья Э. Бикермана явилась реакцией на культ Александра в историографии нового времени. Э. Бикерман первым показал слабость традиционно-наивного взгляда на отношения Александра к полисам Малой Азии. Напротив, В. Тарн в полном соответствии со своим мифом об Александре как гуманисте и царе-философе, по существу, восстанавливает традиционный взгляд на свободу греков при Александре. Опровергая теорию Э. Бикермана, получившую, по мнению Э. Бэдиана, всеобщее признание, В. Тарн приходит в противоречие с фактами. Трудно понять, замечает Э. Бэдиан, как ученый, столь хорошо знакомый с источниками, мог убедить себя в свободе полисов Азии при Александре. Его

рассуждения о присущей городам нерушимой свободе *de jure* являются схоластическими.

Э. Бэдиан отмечает бесцельность дебатов о различиях между легальным статусом полисов и их фактическим положением: бессмысленно выявлять тонкие различия в положении *de jure* и *de facto* там, где все управлялось волей одного человека. Это в большей мере верно даже применительно к отношениям, прикрываемым великолепным фасадом Коринфского союза, но с царскими наблюдателями и возможностью вмешательства царя в дела полисов почти по любому поводу. Поэтому Э. Бэдиан считает, что начинать надо с Филиппа, который основал Коринфский союз, запланировал азиатский поход и начал его; ученые слишком часто игнорируют, сколь многим Александр был обязан своему отцу.

Обращаясь к деятельности Пармениона и Аттала, посланных Филиппом в Азию с приказом «освобождать эллинские города» (Diod. XVI, 91, 2), Э. Бэдиан особо выделяет захват Парменионом Гриниона, жителей которого он продал в рабство. Это один из аспектов политики Филиппа. Другой аспект выявился в отношениях с Эфесом, демос которого сверг проперсидского тирана и оказал почести македонскому царю, сделав его *σύνναος* Артемиды. Под властью Македонии оказался ряд крупных малоазийских городов, но вопрос об их организации Филиппом решен не был.

Унаследовав от Филиппа роль главы «крестового похода» греков, Александр еще более, чем отец, подчеркивал панэллинский и почти священный характер войны с Персией. Эта роль неизбежно вела к освобождению городов, с которым Александр, однако, не спешил. Его политика сначала была колеблющейся и нерешительной, осторожной и двусмысленной; Александр не сделал никакой попытки отделить греков от варваров, свободу одних от свободы других. Только в Эфесе, когда к нему пришли послы из Магнезии и Тралл, Александр понял, чего требует обстановка: демократия и автономия были подняты до уровня общих принципов политики. Однако мы не знаем, коснулась ли новая политика уже занятых городов. Как и в других случаях, в отношениях с городами Александр проявил себя осторожным прагматиком, нигде не принимая никаких связывающих его обязательств, пока в этом не было необходимости, но, используя благоприятные обстоятельства, он не медлил с решением, а приняв его, полностью отдавался осуществлению, видя путь, который должен был привести его к успеху. В этом Э. Бэдиан видит решающую черту характера Александра и главный секрет его успехов. Поэтому следует, по его мнению, с подозрением смотреть на все современные теории, создатели которых, опираясь «на накипь легенд», приписывают Александру дальновидную политику, с самого начала определившую его отношение к городам.

Истинный характер свободы греческих городов, освобожденных

Александром, ясен из его вмешательства в дела Хиоса и Присны, но лучший пример дает Аспенд. Меры, принятые Александром для наказания города, свидетельствуют (как справедливо указал В. Тарн, полемизируя с Э. Бикерманом) о том, что обычно полисы освобождались от гарнизона, налогов и контроля со стороны сатрапа. Они платили сюнтаксис и получали гарнизон, только пока Александр считал это необходимым, в остальном же были свободными при условии полного повиновения Александру. Свобода их была ничтожной, независимо от того, входили ли полисы в Эллинскую лигу (европейская часть которой была под совершенно произвольным контролем Антипатра) или иным путем (с договорами или без них) находились под совершенно произвольной властью Александра или кого-нибудь из его приближенных.

В общем, заключает Э. Бэдиан, мнение Э. Бикермана, хотя и неточное во многих деталях (как это показал В. Тарн), в сущности, верно, а «словесная дымовая завеса» [Badian, 1967b, с. 49] не может скрыть факты, противоречащие взглядам В. Тарна.

Таким образом, Э. Бэдиан, в общем, разделяет взгляды Э. Бикермана на характер свободы полисов, хотя и критикует его по ряду вопросов. Следует только отметить то большое внимание, которое он (как и А. Б. Ранович) уделяет преемственности в политике Филиппа и Александра, подробно рассматривая действия Аттала и Пармениона, посланных Филиппом на Восток в 336 г. до н. э.

А. С. Шофман в книге о восточной политике Александра Македонского [Шофман, 1976] несколько раз обращается к вопросу об отношениях македонского царя с полисами Малой Азии: излагая фактическую историю похода, рассматривая организацию управления нового, созданного Александром государства и его градостроительную деятельность.

Как и А. Б. Ранович (на которого он ссылается), А. С. Шофман подчеркивает политические (или, точнее, военно-политические) соображения, которыми руководствовался Александр: «Широко рекламируя демагогический лозунг освобождения малоазийских греков от гнета и унижения, которым полвека назад они подверглись из-за диктата персидского правительства, Александр использовал его в политических целях для завоевания симпатий у населения городов Малой Азии» [Шофман, 1976, с. 52]; он «был вынужден, чтобы придать своему походу антиперсидский характер (? — Л. М.), всюду восстанавливать демократию и выступать как враг тиранов» (с. 189—190).

Высоко оценивая работу А. Б. Рановича, А. С. Шофман, однако, как кажется, не совсем точно излагает понимание им этой проблемы. По словам А. С. Шофмана, А. Б. Ранович показал, что «слово *ἐλευθερία* во времена Александра означало только свободу от долгов и не включало в себя государственный суве-

ренитет» (с. 55). А. Б. Ранович, продолжает А. С. Шофман, «выдвигает интересную мысль о том, что Александр рассматривал „свободу“ греческих городов с точки зрения нового мировоззрения своего времени, а именно: в эту эпоху задачей „эллинистических монархий было положить конец партикуляризму, ограниченности, раздробленности греческих полисов“» (с. 56). Как видим, элемент «провиденциализма» Александра у А. Б. Рановича в изложении его взглядов А. С. Шофманом еще более усилен.

Обращаясь далее к вопросу об организации управления, А. С. Шофман отмечает, что «Александр, широко рекламируя свободу малоазиатским грекам, на деле ограничивал эллинскую власть в Малой Азии» (с. 167). Его отношение к малоазиатским городам определялось общими принципами македонской политики в Малой Азии. Александр пытался всюду оказывать знаки внимания эллинским традициям, но «трудность заключалась в том, чтобы примирить автономию этих маленьких государств с суверенной властью царя» (с. 189). Александр «дал им своеобразную независимость, но под верховным надзором своего ставленника» (с. 184). У Александра не было единого отношения ко всем полисам, «существование многих так называемых автономных и свободных городов доказывало, что все остальные не были таковыми. Имела место различная степень независимости и подчинения» (с. 190). Уплата сюнтаксиса свидетельствует, что «и свободные города подчинялись воле царя и власти его сатрапов. В ежедневную жизнь городов царь старался не вмешиваться, позволяя им решать ряд своих внутренних задач... Видимо, царь осуществлял высший надзор за законодательством и руководством каждого города» (с. 191).

В последние два десятилетия, насколько нам известно, более не появилось специальных работ по проблеме «Александр и полисы Малой Азии». Разумеется, тема не исчерпала себя, но исследование несколько изменило направление: ученые обратились к уточнению отдельных аспектов, вопросов, и наиболее плодотворной стала интерпретация надписей, особенно в связи с уточнением их текстов⁵. Особого упоминания заслуживает работа Хейсерера «Александр Великий и греки. Эпиграфические свидетельства» [Heisserer, 1980], которая содержит републикацию на основании аутопсии текстов надписей, содержащих разного рода документы — договоры, письма, эдикты, декреты. Комментарий выходит далеко за рамки такого рода изданий, автор не только подробно рассматривает вопрос о датировке каждой надписи, но и помещает ее в определенный исторический контекст, что приводит его к некоторым новым выводам, правда, не всегда обоснованным и подчас слишком смелым⁶.

Сведения по интересующей нас проблеме, которые можно извлечь из источников, в общем делятся на две группы: замечания

общего характера и указания на взаимоотношения с Александром отдельных городов.

Диодор, Арриан, Плутарх дают характеристики политики царя по отношению к городам, о которых речь пойдет несколько ниже, сейчас же отметим только сам этот факт. Все историки говорят о городах лишь в связи с военными действиями, что понятно, так как цель их произведений или соответствующих глав — прежде всего описание похода. Это определяет незначительность самих свидетельств, их односторонность, а также то обстоятельство (и это особенно существенно), что об отношении Александра с городами можно судить только в начальный период похода, в 334—333 гг. до н. э.; затем греко-македонские войска уходят на Восток, и города побережья совершенно выпадают из поля зрения наших авторов. Немногочисленность и односторонность данных источников приводит, в частности, к тому, что далеко не все стороны взаимоотношений Александра и городов могут быть прослежены и не во всей полноте. Источники говорят об отношении городов к царю (очень мало), свободе, автономии, демократии и олигархии, о гарнизонах, форосе, но применительно лишь к немногим городам. Часто это отдельные замечания, мимоходом брошенные фразы, которые приходится выбирать из подробных описаний военных действий. Большое значение имеет выяснение внутреннего положения в городах, борьбы между олигархами и демократами, но о ней известно мало. Обычно об этом можно судить только по результатам — смене форм государственной власти.

Характер произведения, цели автора, его источники, манера изложения, сохранность произведения — все это определяет различную ценность источников для разрешения поставленных в работе задач.

Наиболее важный источник — «Анабасис Александра» Арриана. Арриан подробно излагает военную историю и в связи с этим говорит о многих городах, и не только таких крупных, как Сарды, Эфес, Милет, но и более мелких — Зелея, Приап, Ксанф и др. Он называет множество городов, взятых Александром, иногда, правда, ограничиваясь замечаниями общего характера вроде: на пути из Милета в Галикарнасс Александр овладел городами, между ними расположенными (Arr. Anab. I, 20, 2).

Изложение у Курция Руфа тоже подробное, но не сохранились две первые книги его труда, о чем приходится сожалеть, особенно учитывая в общем отрицательное отношение историка к царю. Сохранившиеся сведения начинаются с 332 г. до н. э., поэтому у Курция мы находим подробный рассказ только о событиях на Хиосе, Лесбосе и Тенедосе.

Другие историки кратко излагают историю похода, отсюда и скудость сведений по рассматриваемой теме. Диодор упоминает только о самых крупных городах (Сарды, Милет, Хиос, города Лесбоса), о которых он не сообщает, по существу, ничего нового.

Плутарх называет еще меньшее число полисов. История Помпея Трога, сохранившаяся лишь в конспективном изложении Юстина не дает нам почти ничего.

Есть, кроме того, ряд надписей времени Александра: Хиоса Приены, два декрета (Тегеи и Митилены), вызванные указом о возвращении изгнанников, серия надписей из Эреса и др. Все эти надписи в той или иной мере связаны с походом Александра и почти во всех названо его имя. По своему характеру они весьма разнообразны: письма царя, постановления полисов, посвящения и др. Кроме того, об Александре упоминается в нескольких надписях времени диадохов (Колофона, Эритр, Эреса).

Значение эпиграфического материала очень велико (см. особенно [Heisserer, 1980, с. XI—XII, 234—237]). Он позволяет глубже изучить некоторые вопросы, лишь поставленные на основании литературных источников. Так, только совместное рассмотрение литературного и эпиграфического материала дает возможность судить о характере свободы полисов. Указы Митилены и Тегеи являются важнейшим дополнением к краткому сообщению Диодора. На основании этих постановлений можно конкретно представить трудности, с которыми было связано возвращение изгнанников и урегулирование всякого рода имущественных споров. Для выяснения вопроса о социальной опоре Александра к полисам, о внутривосточной борьбе важен декрет из Эреса.

В общем, авторы и надписи дают весьма разнообразный, относящийся к различным городам, но хронологически узко очерченный двумя отрезками времени (334—332 и 324 гг. до н. э.) материал, комплексное изучение которого позволит обратиться к вопросу об отношении Александра к малоазийским грекам.

По крайней мере четыре фактора определили позицию Александра.

Во-первых, политическое устройство полисов Малой Азии персы опирались на олигархов, нередко поддерживая их властью своими гарнизонами.

Далее, малочисленность армии Александра (cf. Arr. Anab. I 11, 3; Diod. XVII, 17, 3—4; Plut. Alex. XV; Plut. De fort. Alex. 327 D—E; Polyb. XII, 19, 1; Justin. XI, 6, 2) ⁷. Во время похода часть войска оставалась в качестве гарнизонов (Arr. Anab. I, 26 5; II, 1, 4 е.а.; см. [Thomas, 1974, с. 11—20]), часть погибла так что царь постоянно заботился о пополнении своих сил и неоднократно получал подкрепления (Arr. Anab. I, 29, 4; II, 20 5; III, 5, 1; Curt. III, 1, 24; V, 1, 40—42; 7, 12; Diod. XVII, 65 1; 95, 4; Polyb. XII, 19, 2) ⁸. Вопрос о позиции городов был следовательно, вопросом если не о союзниках (ибо Александр не использовал военные силы малоазийских полисов), то, несомненно, о прочных тылах. Александр был заинтересован в том, чтобы привлечь города также и потому, что многие из них представляли собой великолепные укрепления. Можно думать, что ему удалось

успешно разрешить эту проблему: в отличие от Балканской Греции историческая традиция не сохранила ни одного упоминания об антимакедонском выступлении или хотя бы какой-нибудь оппозиции полисов Малой Азии после завоевания.

В-третьих, надо учесть, очевидно, следующее обстоятельство [Gréaux, 1954, с. 88]: захватив огромные земли, Александр нуждался в городах как своего рода цементирующем элементе; перед царем вставали задачи организации управления, налаживания фискальной системы.

Наконец, как бы мало Александра ни заботили интересы греков, он должен был считаться с официальными лозунгами войны, в которую он вступил как стратег-автократор Коринфского союза⁹: возмездие за разрушенные святилища греков во время греко-персидской войны. К панэллинским лозунгам он неоднократно обращался в первые годы похода, поддерживая у греков-союзников иллюзию: поход совершается прежде всего ради интересов всей Эллады. В древнем Илионе Александр принес жертву Афине и совершил возлияние греческим героям (Агг. Anab. I, 11, 7; Plut. Alex. XV). После первой победы при Гранике Александр отправил из захваченной добычи 300 комплектов персидского вооружения в дар Афине Палладе¹⁰ с посвящением: «Александр, сын Филиппа, и все эллины, кроме лакедемонян, взяли от варваров, обитающих в Азии» (Агг. Anab. I, 16, 7; Plut. Alex. XV). Тем самым Александр обращался ко всему греческому миру, явно желая подчеркнуть панэллинский характер похода и единодушие греков. Тема возмездия звучит в письме Александра Дарию и в ответе Александра Пармениону после взятия Персеполя (Агг. Anab. II, 14, 4; III, 18, 12).

Вопрос об отношении Александра к полисам Малой Азии нельзя рассматривать только как ряд мероприятий и указов царя: это вопрос о взаимоотношениях городов и Александра. Характер источников позволяет выделить только один аспект этой проблемы: отношение к македонско-греческим силам. Добровольно ли сдался город или был занят войсками, оказал ли сопротивление или нет — имело значение в определении позиции Александра к конкретному полису.

Невозможно сказать, сколько именно городов взял Александр при своем продвижении по Малой Азии, но по крайней мере не менее 60 [Bickermann, 1934, с. 358—359]. Об отношении большинства из них к Александру известно немного. Арриан, наш основной автор, говорит об отдельных городах буквально по несколько слов, но сообщения эти разного характера. Прежде всего, это известия о том, что ряд городов сдались Александру, причем иногда отмечается только сам факт: город Приап (Anab. I, 12, 7), Пинары, Ксанф, Патары (Anab. I, 24, 4). Граждане из Магнесии и Тралл пришли сдавать свои города (Anab. I, 18, 1). От фаселитов пришли послы увенчать Александра золотым

венком и просить дружбы, а когда многие из городов Нижней Ликии, узнав об этом, в свою очередь прислали посольства, то Александр велел им сдавать города тем лицам, кого он к ним направит, и все города, включая Фаселис, были сданы (Anab. I, 24, 5—6). Некоторые города сдались на особых условиях: Аспенд по его просьбе освобождался от гарнизона, за что Александр приказал дать лошадей, которых жители обязаны были растить для персидского царя, и внести 50 талантов для уплаты воинам (Anab. I, 26, 2) ¹¹.

Другую группу составляют известия о том, что Александр овладел городом: Даскилий (Anab. I, 17, 2), города между Милетом и Галикарнассом (Anab. I, 20, 2), городки Ликии числом до тридцати (Anab. I, 24, 4). Плутарх пишет, что после победы при Гранике Александр овладел Сардами и присоединил другие города (Plut. Alex. XVII).

Наконец, о некоторых сказано только, что Александр прошел через город, миновал его: на следующий день он был уже в Перкоте, на другой день миновал Лампсак, оттуда прибыл в Гермот, миновав Колоны (Anab. I, 12, 6).

Таким образом, ряд городов сдались сами, и Арриан в этих случаях употребляет глагол ἐνδίδωμι «сдавать» (реже — παραδίδωμι): Πριάπον πόλιν ἐνδοθεῖσάν; ο Τράλλαх и Магнесии — ἤκον ἐνδιδόντες; о Сардах — ἤκον ἐνδιδόντες (I, 17, 3); об Аспенде — ἐντυγχάνουσιν... πρέσβεις... ἐνδιδόντες (I, 26, 2). О некоторых городах говорится, что Александр овладел ими, и у Арриана везде один и тот же глагол — λαμβάνω «брать»: παραλαμβάνει Δασκύλιον; ὅσαι δὲ ἐν μέσῳ πόλεις Μιλήτου τε καὶ Ἀλικαρνασσού, ταύτας ἔξ ἐφ' ὁδοῦ λαβόν (I, 20, 2).

Конечно, эта группировка свидетельств источников (вернее, за одним исключением — Арриана) весьма условна: естественно, если древний автор писал, что город сдался Александру, то он мог добавить, что Александр овладел им; отсюда — объединение обоих глаголов, как в I, 24, 4. Но вместе с тем какая-то разница здесь, очевидно, была, коль скоро Арриан пользуется разными глаголами, а в указанном отрывке, говоря о Пинарах, Ксанфе, Патарах и меньших городах, которыми овладел Александр, в отношении трех названных указывает, что они сдались. Во всяком случае, общее в позиции всех этих городов — они не оказали военного сопротивления.

Иную группу составляют города, в той или иной форме выступавшие вместе с персами. Зелея (Агг. Anab. I, 17, 2) ¹² сражалась на стороне персов против своей воли; Солы ¹³ проявили большую приверженность персам, но в чем это выразилось конкретно — неизвестно. Только немногие оказали действительно военное сопротивление Александру.

Чем же это объясняется? Э. Бикерман [Bickermann, 1934, с. 358 и сл.], уделяя большое внимание вопросу о сопротивлении

городов, как кажется, несколько упрощает его и считает само собой разумеющимся, что сопротивлялись граждане городов, за что и понесли наказание, однако дело, очевидно, обстояло сложнее. В городах и при персах шла внутривосточная борьба, которая теперь еще более обострилась. Персы и греки, олигархи, тираны и демократы — таковы основные силы, выступающие в источниках. В полисах существовала персифильская группировка, прежде всего из олигархов, державшихся у власти благодаря помощи правительства: в большинстве городов находились персидские гарнизоны. Гарнизоны эти, как правило, состояли из греческих наемников, оказывавших серьезное сопротивление македонянам во время военных действий в Малой Азии [Parke, 1933, с. 179 и сл.]. Другое направление — промакедонское, основу которого составляли демократы. Термин этот, вероятно, охватывает довольно пеструю по своему составу группировку, включавшую не только средние слои городского населения, но и зажиточных¹⁴. Внешняя ориентация обуславливалась наличием или отсутствием персидского войска и соотношением борющихся внутри города сил. Это положение отчасти гипотетично, ибо нельзя всегда твердо сказать, кто именно сопротивлялся: источники обычно не разграничивают полис и гарнизон, очень глухо говорят и о борьбе в городах. Однако более детальное рассмотрение всего комплекса сведений позволяет внести некоторую ясность в этот вопрос.

Что сообщают источники о роли гарнизона? Парменион овладел Даскилием, покинутым гарнизоном (Arr. Anab. I, 17, 2). Гипарны, хотя это было неприступное место, Александр «взял с ходу», так как сдались наемники (Anab. I, 24, 4). Силлий взять сразу македонский царь не смог: это было неприступное место и там стоял гарнизон (Anab. I, 26, 5). В Келенах гарнизон намеревался сдаться, если не получит в условленный день подмоги (Anab. I, 29, 1—3). Серьезное сопротивление оказал Милет, который охраняли главным образом наемники, о чем совершенно определенно говорит Арриан, называя Милет городом «друзей и союзников персов» (Anab. I, 18, 3—5; 19, 1—6; cf. Diod. XVII, 22)¹⁵. В Галикарнассе, осада которого представляет один из самых драматических эпизодов похода Александра, «было оставлено много чужеземных наемников, много и персидских воинов» (Anab. I, 20, 3), причем в их числе было немало персов и наемников, бежавших из Милета (Diod. XVII, 23, 4). Что касается Тралл, то город сначала выслал делегатов, чтобы добровольно сдаться Александру, но затем, как мы узнаем, македонский царь сровнял его с землей. При полном молчании источников невозможно сказать что-либо о причинах такой расправы, ясно только одно — в положении Тралл произошли какие-то перемены. Учитывая общую обстановку, не исключено, что здесь появились персидские отряды, которые оказали сопротивление, что и заставило Алек-

сандра подвести к Траллам осадные машины (Арг. Анаб. I, 18, 1; 26, 6; см. [Badian, 1967b, с. 45—46]).

Итак, прежде всего оказывали сопротивление персидские войска и гарнизоны, но рассмотренный материал не говорит еще ничего решающего о позиции населения городов, кроме разве только того, что оно не принимало активного участия в этом сопротивлении. Исключение составляют лишь Соны, которые в силу каких-то причин проявили большую приверженность персам, за что и заплатились. Но этот случай неясный, о Зелее же прямо сказано, что она выступала на стороне персов против воли. Вполне понятно, что горожанам после бегства или сдачи гарнизона ничего не оставалось, как сдаться на милость победителя.

И все же можно, хотя бы в общих чертах, выяснить позицию городов по отношению к македонянам и персам.

Выше уже указывалось, что ряд городов выслали делегации с венками (о Фаселисе ср. [Bosworth, 1988a, с. 251]), добровольно сдались, но и это отнюдь не выясняет истинного отношения граждан к царю, ибо подобные действия могли быть вызваны лишь пониманием неизбежности подчинения большей силе.

Чтобы уяснить действительное отношение города, нужно постараться выяснить, что происходило при приближении войск Александра, какими событиями внутри города сопровождалось изгнание персов. Решение этого вопроса с неизбежностью ставит другой вопрос, неразрывно с ним связанный, — вопрос о внутриполитической борьбе в городах, которую, как уже отмечалось, можно определить только в самой общей форме как борьбу олигархов и демократов. В такой же общей форме эту борьбу возможно и проследить. События в Эфесе и на островах Эгейского моря — Хиосе, Лесбосе и Тенедосе — свидетельствуют об ожесточенной борьбе, которая сопровождала военные действия, об уничтожении или временном восстановлении здесь власти персов и позволяют судить о настроении граждан.

К началу похода Александра Эфесом управляли олигархи во главе с Сирфаксом, которые пришли к власти в 335 г. до н. э., свергнув демократию, установленную, вероятнее всего, во время похода Пармениона — полководца Филиппа, летом 336 г. до н. э. Они изгнали промакедонски настроенных демократов, ограбили храм Артемиды и сбросили установленную там статую Филиппа, пользуясь поддержкой персидских наемников. Но, узнав о поражении персов при Гранике, наемники бежали, и Александр, беспрепятственно войдя в город, вернул изгнанников, уничтожил олигархию и восстановил демократию. Демос жаждал теперь, освободившись от страха перед олигархами, расправиться с ними. Ненависть к олигархам была настолько велика, что Сирфакса, его сына Пелагонта и племянников не спасло даже святилище, и только вмешательство Александра положило конец расправе (Арг. Анаб. I, 17, 9—11)¹⁶.

Не менее отчетливо позицию горожан выявляют события на Тенедосе, Хиосе и Лесбосе с его полисами Митиленой, Мефимной, Антиссой и Эресом, история которых в эти годы очень неравномерно освещена источниками и во многом не ясна¹⁷.

Из сообщения автора XVII речи Демосфенова корпуса речей (Ps.-Dem. XVII, 7) ясно, что к началу восточных походов в Антиссе на Лесбосе власть находилась в руках тирана, изгнанного македонским царем из этого полиса, как и из Эреса. С Митиленой Александр заключил союз (συνδικία), строй объявлялся демократическим, сторонники олигархии изгонялись. На основании союза в городе помещался гарнизон из наемников, что в данном случае диктовалось военными соображениями и вряд ли вызвало недовольство митиленцев, скорее наоборот¹⁸ (о чем см. несколько ниже).

О Тенедосе известно, что существовали договоры его с Александром и эллинами (Агг. Анаб. II, 2, 2), в чем видят свидетельство вхождения острова в Коринфский союз¹⁹ (о чем речь пойдет ниже).

Свержение олигархов в 334 г. до н. э. не ослабило, а скорее, наоборот, усилило борьбу в городах; не было сломлено еще и сопротивление персов. К следующему, 333 г. до н. э. относится деятельность Мемнона в районе этих островов, которая привела к существенным переменам. К этому времени македоняне достигли значительных успехов: персы были дважды разбиты, при Гранике и Иссе, в руках македонян оказались Мисия, Лидия и Кария с крупнейшими городами Малой Азии — Эфесом, Милетом, Галикарнассом, но исход войны далеко еще не был ясен. Часть контраступления персов составляли действия Мемнона, который перенес войну на море, стремясь прервать связь Александра с Европой и рассчитывая использовать ненависть греков Балкан к македонянам. Прежде всего он овладевает Хиосом, причем достиг он этого с помощью олигархов, предавших город (Агг. Анаб. II, 1, 1; см. также Tod, № 192, l. 11). Этих самых олигархов во главе с Аполлонидом, Фесином и Мегареом персы и ставят у власти (о них см. [Berve, 1967, с. 338—339; Hofstetter, 1978, с. 20, № 26; с. 35, № 60a; с. 124, № 211; с. 149, № 254; Gehrke, 1985, с. 48—49]). Власть их в городе не имела никакой опоры, управляли они, по словам Арриана, насильственно (βίαιа — Анаб. III, 2, 5).

Затем Мемнон отправляется к Лесбосу, где занимает Мефимну (Polyaen. V, 44, 3)²⁰ и другие города, кроме Митилены. Нахождение здесь македонского гарнизона дало возможность городу оказать сопротивление персам (Агг. Анаб. II, 1, 1—2, 4; Diod. XVII, 29, 2; 31, 3).

Мемнон осадил Митилену, но вскоре умер, и его заменил Фарнабаз. Город, оказавшись отрезанным с суши и моря, сдался на следующих условиях: митиленцы расторгают все договоры с

Александром и становятся союзниками Дария, какими были ранее по Анталкидову миру ²¹; наемники Александра, находившиеся в Митилене в силу союза (*κατὰ συνμαχίαν*), покидают город; возвращаются изгнанные, вероятно в 334 г. до н. э., олигархи, которые получают половину своего имущества (Арг. Анаб. II, 1, 4).

Таким образом, условия капитуляции свидетельствуют о том, что персы вынуждены были пойти на ряд уступок: изгнанникам возвращается лишь половина имущества, македонский гарнизон получает право свободно уйти. Последнее условие заслуживает особого внимания для решения поставленного вопроса, так как, по-видимому, дает основание говорить о приверженности митиленцев греко-македонянам: вместе с ними митиленцы отстаивали свободу города, и когда перевес сил персов заставляет их сдать его, то предусматривается безопасность гарнизона (впрочем, возможно, македоняне настояли на этом).

Овладев городом, Фарнабаз ввел свой гарнизон и поставил у власти тирана Диогена — одного из вернувшихся после изгнания олигархов (Арг. Анаб. II, 1, 5) ²².

Такую же вражду к персам проявил Тенедос. Для выяснения позиции полисов Малой Азии весьма показательно объяснение Аррианом причины, побудившей тенедосцев сдаться. Арриан пишет, что Фарнабаз, появившись с флотом у острова, предложил разорвать все договоры с Александром и эллинами, а с Дарием жить в мире, согласно Анталкидову договору. «Тенедосцы были гораздо более расположены к Александру и эллинам», но сочли, что в данное время спасение заключается в покорности персам, поскольку на скорую помощь Гегелоха рассчитывать тогда не приходилось. Поэтому они и сдались, «скорее от страха, чем по доброй воле» (Анаб. II, 2, 2—3). Итак, лишь недостаток сил у македонян заставил тенедосцев подчиниться персам.

В города персы поставили гарнизоны, жителей в наказание обложили тяжелыми налогами (Арг. Анаб. II, 1, 5; Curt. IV, 1, 37), что еще раз свидетельствует о позиции населения этих островов. При поддержке персидских вооруженных сил здесь господствуют олигархи и тираны. О деятельности одного из них — Агониппа в Эресе известно благодаря надписи о суде над ним ²³. В надписи сообщается, что Агонипп окружил осадными машинами акрополь, где заперлась часть граждан. Он принудительно взыскал с граждан 20 000 статеров, «грабил эллинов». Начав войну с Александром и эллинами, он разоружил граждан и «массой» (*πανόμι*) изгнал их из города, а их жен и дочерей захватил, запер на акрополе и взыскал 3200 статеров. Вместе с пиратами (*μετὰ τῶν λαϊστῶν*), ограбив город и храм, Агонипп поджег их, причем в огне погибло много граждан. Грабеж, разорения, пожары, бесчинства — такой рисуется жизнь в Эресе под властью тирана.

К весне 332 г. до н. э. силы Гегелоха значительно увеличились, что позволило тенедосцам присоединиться к Александру. Арриан

еще раз подчеркивает, что под властью персов они находились против желания и, как только обстоятельства позволили, сами освободились от нее (Anab. III, 2, 3).

Отчетливо проявляется приверженность демоса Александру на Хиосе. Кажется возможным следующим образом восстановить события на острове на основании рассказа Курция Руфа: хотя Фарнабаз поместил здесь гарнизон, демократам, очевидно, на какое-то время удалось захватить власть в свои руки. По словам Курция, хиосцы призвали полководцев Александра Амфотера и Гегелоха, но Фарнабаз заключил под стражу лиц, державших македонскую сторону, и снова передал город Аполлонида и Афинагору — приверженцам персов (*suarum partium viris*), дав им для охраны военный отряд. Именно это выражение «снова... передал» (*gursus... tradit*) и позволяет считать, что олигархи на некоторое время лишились власти. Курций указывает, что все это произошло после занятия Амфотером и Гегелохом Тенедоса, действовал же на Хиосе Фарнабаз, поэтому возможно предположить, что речь идет не о смене демократии олигархией в 333 г. до н. э., а о более поздних событиях (IV, 1, 37; 5, 14, 15).

Если это так, то Арриан несколько иначе описывает события на Хиосе: Фарнабаз, узнав о поражении персов при Иссе, поспешил к Хиосу, где стоял персидский гарнизон, боясь, как бы хиосцы не восстали. Следует обратить внимание на самый глагол *νηστερίζειν*, который имеет значение «государственный переворот, смена государственной власти». Фарнабаз прибыл вовремя, так как успел предупредить отпадение города (Anab. II, 13, 4, 5).

Не исключено и другое понимание текста Курция (ср. [Bardon, 1947, с. 66, примеч. 1]), но, как бы то ни было, несомненно одно: в городе шла ожесточенная внутренняя борьба, которая тесно переплеталась с военными действиями персов и греко-македонян и в которой ясно проявляется позиция горожан.

Решительные меры, принятые персидским полководцем, не сломили сопротивления сторонников македонян. По словам Курция, военачальники Александра надеялись не столько на свои силы, сколько на большую приверженность осажденных грекам, и эта надежда не обманула их (IV, 5, 16). Между Аполлонида и Фарнабазом произошли какие-то разногласия, чем тотчас же воспользовались демократы. Как только македоняне ворвались в город, их сторонники, перебив персидский гарнизон, схватили и передали Амфотеру и Гегелоху Фарнабаза, Аполлонида, Афинагора и других. Ночью в порт вошли пиратские суда, на одном из которых находился уже упоминавшийся тиран Мефимны Аристоник: он не знал о последних событиях на Хиосе. Стража впустила суда и, заперев вход в гавань, схватила тирана (Anab. III, 2, 3—5; Curt. IV, 5, 16—21). Может быть, хиосцы выступили одновременно или несколько раньше греко-македонских сил, что и дало основание Арриану так кратко истолковать эти события:

хиосцы ввели македонян в свой город, одолев владевших ими ставленников Автофрадата и Фарнабаза (Anab. III, 2, 3) (о хронологии событий на Хиосе см. [Bosworth, 1980, с. 266]).

В дальнейшем была освобождена Митилена, где персидское войско сопротивлялось недолго, и другие города Лесбоса (Arr. Anab. III, 2, 6; Curt. IV, 5, 22). Всех тиранов и олигархов с Хиоса привезли в Египет к Александру, который отослал каждого в свой город на суд народа, а хиосских олигархов отправил на Элефантину (Arr. Anab. III, 2, 5, 7; Curt. IV, 8, 11; о хиосцах ср. Tod, № 192, ll. 13—14. Подробнее см. ниже).

Вероятнее всего, именно с этими событиями и связана упоминавшаяся выше надпись из Эреса. После перечисления всех преступлений, совершенных Агониппом против города, надпись содержит следующее постановление: судить Агониппа путем тайной подачи голосов, подлежит ли он смерти. В случае осуждения на смерть должно быть произведено второе голосование о способе казни. Если кто-нибудь после осуждения Агониппа приведет его детей или вынесет предложение об их возвращении или возврате им имущества — пусть будет проклят он и его род и пусть будет к нему применен закон против того, кто разрушает надпись против тирана и его потомков. Жестокими мерами граждане стараются предотвратить возможность появления новой тирании; даже выступление с предложением о возвращении детей тирана строго преследуется. Показателен результат голосования: из 883 человек голосовали за осуждение 876, за оправдание только 7, т. е. менее 1% (Tod, № 191, стк. 15—32).

Рассмотренные события в Эфесе, на Тенедосе, Хиосе и Лесбосе позволяют, хотя и в самой общей форме, ответить на поставленный вопрос об отношении полисов к Александру и на органически связанный с ним другой вопрос — о борьбе в городах. В полисах шла ожесточенная борьба олигархов и демократов, которая переплеталась с военными действиями, и если олигархи были настроены промакедонски, участвуя вместе с персидским войском в борьбе с греками и демократами, то последние выступали на стороне Александра, видя в них освободителей и активно помогая им.

Все эти обстоятельства имели большое значение для политики Александра по отношению к городам, позиция же Александра и его мероприятия, проведенные в городах, в свою очередь, влияли на отношение малоазийских греков к нему. В то время, когда Александр шел по Малой Азии, занимая один город за другим, отношение полисов к македонянам не могло не учитываться. Галикарнасс и Траллы оказали сопротивление и были разрушены. Но это событие не имело такого огромного значения, какое придает ему Э. Бикерман²⁴.

Есть три характеристики отношения Александра к грекам Малой Азии²⁵.

Арриан пишет (Anab. I, 18, 2): «он приказал всюду уничтожать

олигархию, восстанавливать демократическое правление, возвращать всем их законы и снять подати, которые платили варварам» (καὶ τὰς μὲν ὀλιγαρχίας πανταχοῦ καταλύειν ἐκέλευσε, δημοκρατίας ἐγκαθιστάναι καὶ τοὺς νόμους τοὺς σφῶν ἐκάστοις ἀποδοῦναι, καὶ τοὺς φόρους ἀνεῖναι ὅσοις τοῖς βαρβάροις ἀπέφερον) ²⁶.

Согласно Диодору (XVII, 24, 1): «Греческие города он особенно облагодетельствовал: дал им автономию, освободил от податей и заявил, что он поднялся войной на персов ради освобождения эллинов» (μάλιστα δ'εὐεργέται τὰς Ἑλληνίδας πόλεις, ποῶν αὐτὰς αὐτονομίους καὶ ἀφορολογήτους, προσελιγῶν ὅτι τῆς τῶν Ἑλλήνων ἐλευθερώσεως ἔνεκα τὸν πρὸς Πέρσων πόλεμον ἐπαχρήρηται).

По словам Плутарха (Alex. XXXIV): «стремясь заслужить уважение греков, Александр написал им, чтобы власть тиранов повсюду была уничтожена и государства стали автономными» (φιλοτιμούμενος δὲ πρὸς τοὺς Ἕλληνας ἔγραψε τὰς τυραννίδας πάσας καταλύσθαι καὶ πολιτεῦν αὐτονομίους).

В каком контексте находятся приведенные пассажи? Арриан передает содержание приказа, с которым Александр послал из Эфеса Алкимаха «к эолийским городам и тем ионийцам, которые еще находились под властью варваров» (Απαб. I, 18, 1). Тем самым сфера деятельности Алкимаха в Эолиде — район между реками Каик и Герм и Иония с ее важнейшими городами — Фокеей, Клазоменами, Эритрами, Теосом, Лебедосом и Колофоном.

Обычно как-то выпускают из виду территориальную ограниченность приказа Александра и относят слова Арриана к грекам в целом. Так, например, Бэдиан видит в приказании Александра поворотный пункт в его деятельности: отныне свобода и автономия становятся общими принципами, налоги официально отменялись [Badian, 1967b, с. 46]. Но Босворт считает иначе, объясняя освобождение полисов от налогов чисто тактическими соображениями (иначе греки могли оказать сопротивление) и рассматривая миссию Алкимаха как ответ Александра на военную обстановку, сложившуюся в 334 г. до н. э. [Bosworth, 1980, с. 135].

Диодор в известной мере продолжает рассказ Арриана, так как говорит о городах, которые Александр привлек к себе добротой на пути из Галикарнасса в Карию.

Наконец, слова Плутарха действительно относятся ко всем грекам Малой Азии. Плутарх сообщает, что после победы при Гавгамелах, положившей конец владычеству персов, когда Александра провозгласили царем Азии, он «написал им» ²⁷.

Каков же вывод? Рассмотренные ранее факты рисуют довольно пеструю картину, и нет смысла вновь приводить примеры того, сколь по-разному поступал Александр с отдельными полисами в зависимости от обстоятельств. Прежде всего он был победителем, которому принадлежало все по праву завоевания. Он диктовал условия, и если и можно говорить о каких-либо соглашениях,

то они всегда были односторонними. Но вместе с тем шла война, и врага надо было победить, греческие города — получить в свои руки, нужны были союзники и прочные, спокойные тылы. В первое время, когда греко-македонское войско шло по землям, населенным греками, панэллинские лозунги и панэллинские жесты не только диктовались решением Коринфского союза, возобновленного с греками Александром как наследником Филиппа, они были ему полезны, а следовательно, нужны. Все это не могло не влиять на общий характер политики Александра, тем самым, очевидно, все-таки есть основания говорить о самой политике как определенном направлении, а не видеть в его действиях лишь сумму поступков, фактов, отличных друг от друга и связанных только тем, что они относятся к Александру и полисам. Это соображение представляется тем более правомерным, что, даже если строго следовать Арриану и Диодору, области, о которых они говорят, охватывают значительную часть греческого мира Малой Азии. Кроме того, характеристика Плутарха несомненно относится ко всем малоазийским грекам, а она, по существу, ничем не отличается от двух других. Эта характеристика — самая короткая: речь идет только об уничтожении тирании и даровании автономии. Но об автономии упоминают и Арриан²⁸, и Диодор; что касается тирании, то не имеем ли мы право не понимать здесь текст Плутарха буквально, терминологически точно, а толковать его слова более расширительно, подразумевая под уничтожением тирании не только тиранию как таковую, но и олигархию, т. е. установление демократической формы правления?²⁹ Возможно, текстологический анализ сочинений Плутарха, по крайней мере его биографий, показал бы, насколько оправдан такой образ мыслей, сейчас же ограничимся сказанным. Если это так, то текст Плутарха отличается только тем, что в нем не упоминается об отмене фороса, но, возможно, он написал лишь о самом главном. Плутарх хронологически смещает события, связывая обращение Александра со сражением при Гавгамелах, когда Малая Азия с ее греческими городами осталась уже позади. Поэтому логически понятно, что Александр у него еще действует как гегемон Коринфского союза, подчеркивая панэллинский характер похода и ставя свою победу в один ряд с другими некогда одержанными греками над персами — при Платеях и Саламине. Он обещает платейцам отстроить их город и часть добычи посылает жителям Кротона в Сицилии за помощь, которую их гражданин атлет Фаилл оказал грекам во время персидских войн при Саламине [Plut. Alex. XXXIV).

Итак, несмотря на некоторые различия приведенных отрывков, их общий смысл одинаков: в городах олигархия и тирания заменяются демократией; они получают автономию, освобождаются от фороса. Александр проявляет расположение к полисам (Плу-

тарх), выступаст их благодетелем (Арриан) и освободителем (Диодор).

Обратим внимание, однако, на одно обстоятельство: слова Арриана — единственное в письменной традиции упоминание о свободе малоазийских греков в связи с восточным походом Александра (о Филиппе — Diod. XVI, 91, 2). Видимо, тема свободы греков Азии как политический лозунг³⁰ не играла большой роли в македонской пропаганде ни при Филиппе, ни при Александре, отступая на задний план перед другим, панэллинским — поход как акт возмездия. Последняя тема звучит очень широко. Как пропагандистский лозунг, тема свободы греков Азии для Александра была весьма деликатной, поскольку именно под лозунгом свободы выступили Фивы, с которыми он так жестоко расправился.

Как же эти общие положения соотносятся с другими имеющимися в нашем распоряжении материалами?

Вопрос о политическом строе ясен: демократия, несомненно, стала преобладающей формой политического устройства полисов, но, как это ни звучит парадоксально, заставили Александра так действовать персы с их практикой поддержки олигархов.

Далее, городам даруется свобода и автономия. Известно, что милетянам (Агг. Аπαβ. I, 19, 6; ср. [Bosworth, 1980, с. 140; 1988а, с. 250—251])³¹ Александр дал свободу, приенцам — свободу и автономию (Tod, № 185—186), колофонцам — свободу [Meritt, 1935, с. 361], гражданам Эритр — автономию.

Что же скрывается за этими понятиями «свобода», «автономия»? Вряд ли их дарования были чисто пропагандистскими жестами, которые не заключали ничего реального. Ведь одни полисы получали свободу, другие — автономию, третьи — и то и другое, и среди этих полисов были не только крупные. Полисы хранили в своих архивах соответствующие документы и на дарения Александра позднее ссылались, как, например, граждане Эритр³².

Несколько слов о самих понятиях *ἐλευθερία* и *αὐτονομία*. Ученые проделали значительную работу по выяснению их генезиса и эволюции (более новые работы: [Pohlenz, 1966; Levy, 1981; Ostwald, 1982; Karavites, 1984, с. 167—191; Raaflaub, 1985; Исасва, 1983, с. 99 и сл.]). «Элевтерия» — понятие более однозначное, в противоположность «автономии», которое прошло сложную эволюцию и имело несколько значений, сформировавшись как категория права (тогда как *ἐλευθερία* — категория политики и этики). Раафлауб в своем исследовании о происхождении понятия «свобода» в политическом аспекте трактует термин «элевтерия» как свободу от внешнего господства, как отсутствие чужого диктата, тогда как в термине «автономия» превалирует значение «свобода для чего-нибудь», т. е. имеется в виду суверенность граждан в их жизни, в выработке политического строя и др. [Raaflaub, 1985, с. 200 и сл.]. Вместе с тем в источниках, литературных и эпиграфических, зачастую бывает трудно проследить специфику

этих понятий, которые могут взаимозаменяться или использоваться вместе. Македонский царь Филипп, создавая Коринфский союз, обратился к выработанным греками понятиям свободы и автономии, но в рамках новой политической системы они изменяют свое значение. Здесь наблюдается сочетание двух типов отношений — полисов друг с другом, когда автономия трактуется по-старому, т. е. как полная суверенность полисов, но в отношениях Филиппа и Эллады автономия, с утратой полисной свободы в ее прежнем, обычном значении, приобретает черты подчиненности и зависимости (см. [Фролов, 1974, с. 54; Исаева, 1983, с. 111—112, 120]).

На уровне политической практики свобода полиса в Греции классической поры подразумевала прежде всего автономию, а также свободу от гарнизона и выплаты каких-либо податей (*αὐτόνομος, ἀφροῦρητος, ἀφορολόγητος*)³³.

Освобождая города от персов, Александр часто оставлял в них гарнизоны, что диктовалось войной, и Арриан по отношению к целому ряду городов определенно указывает, что гарнизон оставался для их защиты³⁴. Но вместе с тем наличие военной силы, несомненно, свидетельствовало об определенной зависимости, нарушало свободу города, который, по крайней мере тогда, когда это не диктовалось обстановкой, рассматривал гарнизон как явление нежелательное и к тому же обременительное, поскольку содержались воины за счет самого города (Syll.³, 283). Аспенд специально прислал к Александру делегацию с просьбой не ставить гарнизона, и горожане предпочли тяжелые условия, на которых царь освободил их от постоя своих воинов (Arr. Anab. I, 26, 2). Итак, наличие гарнизона, хотя и вызванное часто военной обстановкой, в принципе, противоречило понятию греков о свободе.

Сложнее обстоит вопрос с денежными обязанностями. Под форосом, как это совершенно очевидно, понималась подать, которую города в денежной или иногда натуральной форме платили персидскому царю. Как Александр поступил с ним? По этому вопросу среди ученых нет единого мнения, и это понятно, так как источники допускают различное толкование. Известно, что Александр освободил от фороса, который платили персам, эолийские, ионийские города и города, расположенные на пути из Галикарнасса в Киликию (Arr. Anab. I, 18, 1—2; Diod. XVII, 24, 1)³⁵. Снова встает вопрос, в какой мере мы вправе толковать эти свидетельства расширительно. Конкретных упоминаний о деньгах в связи с полисами — шесть, собственно о форосе — пять.

Первое относится к Эфесу. Арриан (Anab. I, 17, 10) указывает, что форос, который полис выплачивал персам, Александр передал храму Артемиды. Стараясь найти объяснение такому распоряжению, ученые обычно привлекают свидетельство Страбона (XIV, 1, 22), согласно которому Александр обещал эфесянам уплатить все издержки по восстановлению храма Артемиды при условии,

что в посвянительной надписи будет стоять его имя³⁶, но эфесяне отклонили это предложение, и некоторые современные историки видят в поступке царя своего рода месть: так Александр все-таки заставил храм принять от себя дар (ср. из более новых работ [Badian, 1967b, с. 45; Bosworth, 1980, с. 132—133]). Правда, в анекдоте анахронизм: Артемидор с похвалой отозвался об эфесце, сказавшем, что не подобает богу воздвигать храм богам. Последнее замечание, однако, в принципе не исключает самого факта, вернее, его возможности, хотя остается неясным, какими соображениями руководствовались эфесяне, отказывая Александру.

Случай с Аспендом, который в наказание был обязан ежегодно платить форос (Агг. Анаб. I, 27, 4), как кажется, дает основание придавать сообщениям Арриана и Диодора всеобщий характер. Действительно, такое наказание было бы бессмысленным, если бы другие полисы платили форос. Но, с другой стороны, Александр отпустил маллотам подать, которую они вносили Дарию, потому что те происходили из Аргоса, а он вел свой род от тамошних Гераклидов (Агг. Анаб. II, 5, 9). Следовательно, Маллы как будто представляют исключение. Получил освобождение от фороса также Илион (Strab. XIII, 593с), к которому у Александра тоже было особое отношение (см. выше). Наконец, напомним о декрете III в. до н. э., согласно которому граждане Эритр при Александре и Антигоне были освобождены от подати ($\alpha\phi\omicron\rho\omicron\lambda\omicron\gamma\eta\tau\omicron\varsigma$ — OGIS, 223, I. 23). Как видим, трудно сказать, была ли отмена фороса всеобщей. Во всяком случае, она распространялась на значительную часть полисов.

Как бы ни решать этот вопрос, есть еще один. Обычно признается, что полисы должны были нести определенные денежные повинности. Насколько нам известно, имеется только одно реальное основание для этого³⁷: в письме Александра Приене полис освобождается от сунтаксиса, отсюда следует логичный вывод, что другие полисы сунтаксис платили. Правда, причина такой привилегии неясна, возможно, царь даровал ее по политическим соображениям или в благодарность за то, что приенцы (в отличие от эфесян) разрешили ему сделать посвящение храма Афине Полиаде (Tod, № 184; [Heisserer, 1980, с. 143—145]).

Э. Бикерман [Bickermann, 1934, с. 369] справедливо считал, что природа сунтаксиса темна и непонятна, но ученые делали попытки истолковать этот термин. А. Б. Ранович писал, что под сунтаксисом приенской надписи, «очевидно, разумеется подать, которую Приена платила персам» [Ранович, 1950, с. 54]. Т. Леншау считал неясным, «идет ли речь о твердом ежегодном взносе или о взносе только во время войны» [Lenschau, 1940, с. 223]. Наиболее распространено мнение, согласно которому сунтаксис — это временный взнос на нужды войны, экстраординарная мера, вызванная военным временем (см., например, [Ehrenberg, 1938, с. 13; Tarn, 1948a, с. 35; Préaux, 1954, с. 86])³⁸. Забегая несколько

вперед, отметим, что сторонники включения Александром малоазиатских полисов в Коринфский союз видят в сунтаксисе взнос, который эти города как члены союза должны были вносить, в отличие от полисов материковой Греции, выставляющих определенные воинские контингенты. Более того, в сунтаксисе приенской надписи, который рассматривается как своего рода аналог сунтаксиса Второго Афинского морского союза³⁹, находят одно из веских доказательств включения полисов Малой Азии в Коринфский союз [Badian, 1967b, с. 51 и сл.; Heisserer, 1980, с. 89, 158].

Но такое толкование вызвало справедливые возражения Босворта и Шервин-Уайт. Первый допускает правильность аналогии сунтаксиса в приенской надписи и во Втором Афинском морском союзе, поскольку в рамках этого союза города были должны делать нерегулярные взносы на нужды войны, а Александр мог обязать полисы помогать в оплате военных расходов, предвосхитив практику Селевкидов. По мнению Босворта, надпись предполагает универсальность сунтаксиса. Возможно, полисы, освобожденные от налогов, не избежали взносов на войну, тогда как Приена получила иммунитет [Bosworth, 1980, с. 280—281; Bosworth, 1988a, с. 253—254].

Шервин-Уайт, не соглашаясь с Босвортом, по существу, возвращается к старой точке зрения. На основе терминологического анализа надписей Птолемея и Селевкидов она приходит к выводу, что сунтаксис означал регулярные царские налоги, которые платили полисы (своего рода синоним фороса) [Sherwin-White, 1985, с. 84—86].

Так обстоит дело с гарнизонами и налогами в связи с вопросом о свободе городов. Что касается самого термина *ἐλευθερία*, то, насколько можно судить, он встречается в источниках шесть раз:

Александр начал войну, по его словам, ради свободы эллинов (Diod. XVII, 24);

жителей Сард и остальных лидийцев Александр сделал свободными (Arr. I, 17, 4);

о Милете — *ἐλευθεροῦς εἶναι ἔδωκεν* (Arr. Anab. I, 19, 6);

о Приене — *αὐτονόμους καὶ ἐλευθεροῦς εἶναι* (Tod, № 185);

о Колофоне — *παρέδωκεν... τὴν ἐλευθερίαν* [Meritt, 1935, с. 361];

об Илионе — *ἐλευθερίαν τε κρῖναι* (Strab. XIII, 593 C).

Для выяснения характера свободы первое упоминание не содержит ничего конкретного. Из второго ясно, что свобода лидийских городов включала право жить по своим древним законам. Отрывки о Милете и Илионе ничего не дают, как и надпись из Колофона. Несравненно больший интерес представляет приенская надпись, плохая сохранность которой весьма затрудняет ее понимание и толкование⁴⁰.

Обычная датировка — 334 г. до н. э., т. е. время, когда

Александр, двигаясь к Милету, должен был пройти через Приену. Но Бэдиан [Badian, 1967b, с. 47—49] на основании ряда аргументов (наличие царского титула; соображения о том, что храм еще не был построен, чтобы Александр мог сделать посвящение; что отмена сунтаксиса и упоминание о гарнизоне предполагают более раннее соглашение, 334 г. до н. э., по которому сунтаксис выплачивался и гарнизон устанавливался) считает, что письмо Александра, как и другая его надпись — посвящение храма Афине Полиаде, датируется двумя-тремя годами позднее, чем принято, может быть, весной 331 г. до н. э. Он предполагает, что действия персидского флота могли вызвать волнения в Приене, вероятно также нападение персов на этот беззащитный городок, подтверждение чему Бэдиан видит в том внимании, которое в надписи уделено Навлоху. Не исключает он и предательства, во всяком случае, сохранившиеся упоминания о гарнизоне и суде заставляют вспомнить о хиосском декрете (Syll.³, 283). Датировку Бэдиана поддержал Хейсерер [Heisserer, 1980, с. 158—166], по мнению которого надпись, несомненно, свидетельствует о более раннем соглашении Александра с Приеной — в 334 г. до н. э., и именно в открытии этого факта он видит заслугу Бэдиана. Пересмотр соглашения, т. е. данная запись, был вызван последующими событиями. Жители Навлоха, по всей вероятности, приняли сторону персов, что побудило Александра отдать его Приене. Распустив в 330 г. до н. э. греческие контингенты, Александр должен был освободить малоазийские полисы — членов Коринфского союза — от сунтаксиса. Наконец, список теародоков, датируемый примерно 330 г. до н. э., в котором назван Навлох, показывает, что город еще существовал как самостоятельная община. Все эти соображения побуждают Хейсерера отодвинуть дату приенской надписи до 330—329 гг. до н. э.

Однако наблюдения Э. Бэдиана и Хейсерера могут найти и другие объяснения. Освобождение от сунтаксиса вовсе не обязательно предполагает более раннее соглашение царя с полисом. Относительно гарнизона вообще нельзя делать какие-либо выводы, так как в испорченном тексте документа сохранилось лишь одно слово $\tau\eta\iota\ \phi\rho\omicron\upsilon\rho\acute{\alpha}\nu$. С царским титулом Александр назван уже в надписи, датируемой зимой 334/333 г. до н. э. Это посвящение Лето, найденное при раскопках Летоона в Ксанфе в 1976 г. [Lerox, 1977, с. XX—XXII] (ср., однако, [Goukowsky, 1978, с. 182]). Надпись теародоков ничего не дает для датировки. Наконец, есть очень веский аргумент против мнения о первом соглашении, а следовательно, и против передатировки надписи: как показала Шервин-Уайт [Sherwin-White, 1985, с. 82—83], надпись является не эдиктом Александра, но только извлечением из него, выбитым к тому же несколькими десятилетиями позднее, при Лисимахе. Храм Афины Полиады представлял своего рода городской «архив», на стенах его были начертаны многие важные документы, в том

числе и часть эдикта Александра, возникновение же его относится ко времени Лисимаха. Тем самым находят объяснение некоторые особенности надписи, явная неполнота урегулирования Александром дел с Приеной, необычное, «внезапное» начало. Тогда же было выбито посвящение Александром храма Афине.

Некоторые ученые приняли новую датировку (например, [Hamilton, 1974, с. 59]), другие придерживаются старой [Van Berchem, 1970, с. 201—202; Bosworth, 1988a, с. 253]⁴¹.

Надпись представляет часть эдикта (о характере документа см. [Welles, 1938, с. 258; Pearson, 1955, с. 443; Sherwin-White, 1985, с. 82—83]) Александра, в котором предписывается «тем из живущих в Навлохе, которые являются приенцами, быть автономными и свободными, владея землей, всеми домами в полисе и хорой [подобно самим приенцам]». Часть хоры Александр объявляет своей, и жители деревень на царской земле обязаны платить форос, в отличие от полиса приенцев, который освобождается от сьонтаксиса. В конце сохранилось лишь несколько отдельных слов; вероятно, как-то регулировался вопрос с гарнизоном (τῆς φρουράς, стк. 15), далее упоминается о суде (τὰς δίκας, δικαστήριον).

Итак, Александр определяет самое важное для Приены — ее статус как свободного и автономного полиса, право граждан на владение всей их собственностью в городе и хоре. Гражданам Приены, живущим в Навлохе, возможно, противопоставляется какая-то другая группа. Четко определяется, какая часть территории Приены должна быть царской землей. Вполне вероятно, что Александр имел в виду земли, которые представляли царское владение Ахеменидов и принадлежали теперь Александру как победителю Дария [Sherwin-White, 1985, с. 83] (ср. [Briant, 1979a, с. 1375 и сл.; Briant, 1982, с. 375 и сл.]).

Еще одну трудность порождает начало надписи, где речь идет о приенцах, живущих в Навлохе: какова же судьба самого Навлоха? Обычно считают (ср. Tod, с. 244; OGIS, 1; IvP, 1; [Bosworth, 1980, с. 254; Heisserer, 1980, с. 160—162; Rosen, 1982, с. 361]), что Александр фактически отдает Навлох приенцам, выселяя всех неприенцев, или предоставляет им привилегированное положение. Есть еще одно объяснение. Ван Берхем [Van Berchem, 1970, с. 198—199] на основании аргосской надписи, содержащей список теародоков многих городов, в числе которых — Навлох (но Приена не названа), считает, что к началу похода Александра собственно полис Приена был еще настолько разрушен, что граждане его жили в Навлохе. Именно ко времени Александра (а не к более раннему, как обычно полагали) Ван Берхем относит начало восстановления Приены (ср. [McKechie, 1989, с. 51]). Однако недавно было высказано мнение [Demand, 1986, с. 35—44], что Приена вообще никогда не меняла своего местоположения, и аргументация в пользу этой мысли представляется довольно убедительной⁴².

Толкование приенской надписи, в общем, однозначно: в ней видят свидетельство вмешательства Александра во внутренние дела города, который он объявляет свободным и автономным, а сами приенцы в датировке своих постановлений с этого времени начинают как бы новую эру: $\alpha\upsilon\tau\omicron\nu\theta\iota\mu\omega\nu\ \epsilon\beta\upsilon\tau\omega\nu\ \Pi\tau\iota\eta\nu\epsilon\omega\nu$ (IvP, 2, 1.3; 3, 1.4; 4, 1.4; 6, 1.4; 7, 1.3). Вместе с тем в исторической перспективе, по мнению Шервин-Уайт [Sherwin-White, 1985, с. 86—87], действия Александра представляются иными. Меняя акцент, она возражает против современных трактовок, поскольку они очень далеки от суждения самих приенцев. Через несколько десятилетий после смерти Александра граждане Приены смотрели на его эдикт как на авторитетный источник и гарантию статуса их полиса и его хоры. Более того, приенцы начертали это и другие царские распоряжения на стенах храма Афины Полиады, тем самым символически поставив их под защиту богини — покровительницы города. Приена не исключение, другие полисы Малой Азии начали таким образом «публиковать» распоряжения Александра и его наследников, Филиппа и Антигона, которые становились источниками «закона» по таким жизненно важным вопросам, как статус полиса и защита его от тирании.

Второй документ, который дает возможность выйти за границы скупых строк античных авторов, — известное письмо Александра хиосцам⁴³. Зимой 333/332 г. до н. э., как уже указывалось, македонские войска во главе с Гегелохом осаждали Хиос. Вероятнее всего, еще во время осады Александр направил Гегелоху рескрипт, которому затем придал характер письма хиосцам (о характере документа см. [Welles, 1938, с. 258; Bikerman, 1940, с. 25; Pearsen, 1955, с. 443]).

Датировка надписи представляет большую трудность, так как время притания Дейситея, в ней указанное, неизвестно. Обычно письмо относят ко времени после освобождения Хиоса Гегелохом в 332 г. до н. э., но несколько лет назад Хейсерер предпринял попытку его передатировки. Сопоставляя действия Александра в Эфесе в 334 г. до н. э. с тем, о чем говорится в хиосском письме, Хейсерер считает, что в нем речь идет также о событиях 334 г. до н. э.; изгнанники в стк. 3 — это те демократы — сторонники македонян, которые, как и в Эфесе, были поставлены у власти Парменионом в 336 г. до н. э. и изгнаны Мемноном в 335 г. до н. э. Другой аргумент — стремление Александра всячески обеспечить успехи демократов, столь явное в надписи. По мнению Хейсерера, такая забота со стороны царя едва ли объяснима в 332 г. до н. э., когда олигархи оказались в руках македонян; к тому же все побережье находилось уже под контролем Александра. Иной была обстановка в 334 г. до н. э., когда персидское влияние было еще сильно. Более того, упоминание о номографах в стк. 4, как считает Хейсерер, параллельно тому, что сообщает Арриан (Anab. I, 18, 2) о приказе Александра Алкимаху. Подтверждение

своей датировки Хейсерер находит и в строках о флоте. Он отвергает очевидную связь между предателями в надписи и у Арриана (Anab. II, 1, 1) (что служило основным аргументом в пользу датировки 332 г. до н. э.) и пускается в довольно умозрительные рассуждения о том, что город мог оказаться в руках персов путем предательства не только в 333 г. до н. э., но и в 335 г. до н. э. То место, которое отводится в рескрипте синедриону Коринфского союза, более соответствует, по его мнению, положению дел в 334 г. до н. э., когда Александр в своей панэллинской пропаганде привлекал греков, чем в 332 г. до н. э., когда, приобретя вскоре такие титулы, как фараон, бог, великий царь, Александр, очевидно, прекратил какие-либо отношения с греками в рамках Коринфского союза [Heisserer, 1973, с. 191 и сл.] (статья с небольшими изменениями вошла в книгу [Heisserer, 1980, с. 79 и сл.]).

Однако соображения Хейсерера о том, что стремления Александра обеспечить успехи демократам понятны только применительно к 334 г. до н. э., имели бы силу, если относить письмо ко времени после занятия македонянами Хиоса, но следует различать время составления рескрипта (при осаде Хиоса Гегеломом) и время самой надписи (при притане Дейситее; вероятно, конец лета 332 г. до н. э.). Далее, в 332 г. до н. э. у побережья было вовсе не так спокойно, как кажется Хейсереру. Но самое главное — мы ничего не знаем о деятельности Мемнона в 335 г. до н. э., неизвестно также, оказался ли тогда Хиос в руках персов, Мемнон же появляется только в 333 г. до н. э., когда Дарий поставил его во главе флота (Arr. Anab. I, 20, 3; II, 1, 1; Diod. XVII, 29, 1) ⁴⁴.

В письме определяется направление действий после занятия города македонянами. Все изгнанники, т. е. демократы, возвращаются на родину, и на Хиосе восстанавливается демократия. Выбранные номографы должны привести законы в соответствие с новым порядком, чтобы ничто не противоречило демократическому устройству и возвращению изгнанников. Вновь составленные и исправленные законы представляются на рассмотрение Александру. Хиосцы обязаны выставить 20 триер, снаряженных и укомплектованных за свой счет. Эти триеры должны находиться в распоряжении Александра, пока остальной флот плавает с ним. Те из предавших город варварам лиц, которые бежали, «пусть будут изгнанными из всех городов, участвующих в мире» (т. е. в Коринфском союзе) (φεύγειν αὐτοὺς ἐξ ἀπασῶν τῶν πόλεων τῶν τῆς εἰρήνης κοινωνουσῶν) и «подлежат выдаче, согласно решению эллинов» (εἶναι ἀγωγίμους κατὰ τὸ δόγμα τῶν Ἑλλήνων) ⁴⁵. Оставшиеся в городе предатели (ὅσοι δὲν ἐγκαταλείψωσιν) ⁴⁶ передаются на суд синедриона. Все споры между вернувшимися из изгнания и оставшимися в Хиосе разрешаются Александром. В городе помещается царский гарнизон, такой, какой будет достаточен;

находиться ему там, пока хиосцы не примирятся (μέχρι ἃν διαλλαγῶσι) ⁴⁷, а содержать его — хиосцам.

Ясно, какой призрачный характер имела свобода Хиоса. Для него она не означала даже полной автономии: новые законы пишутся по указанию царя, они поступают к нему на рассмотрение. Александр решает споры между изгнанниками и ставшимися в городе; только незначительную часть олигархов, которые сочли возможным остаться в городе, он предписывает направить на суд синедриона. Но Александр даже не выполнил даже то небольшое, что обещал. Когда после освобождения Хиоса Гегелох привез к нему Аполлониду и прочих, кто содействовал отпадению Хиоса, то Александр отослал их не на суд синедриона, а под сильным конвоем на о-в Элефантину (Arr. Anab. III, 2, 5 и 7; Curt. IV, 5, 17) ⁴⁸.

Хиосская надпись привлекала самое пристальное внимание ученых, которые по-разному интерпретировали ее. Подробный анализ надписи дал В. Эренберг [Ehrenberg, 1938, с. 23—30]. Меры, о которых говорится в первых восьми строках (о возвращении изгнанников, установлении демократии и исправлении законов), по мнению В. Эренберга, идут в общем русле **мероприятий Александра**, предпринятых им по отношению к полисам Малой Азии. Они свидетельствуют о неопределенности статуса автономного полиса, который в конечном итоге зависит от царя и составляет контраст с не вызывающей сомнения абсолютной автономией членов Коринфского союза. Следующая часть надписи — относительно лиц, предавших город варварам, — касается исключительно членов Коринфского союза. Возникает вопрос, чем вызваны эти статьи о союзе в эдикте о Хиосе, в этот союз не входившем, почему безжавшие предатели должны быть изгнаны со всей территории союза, согласно его решению, а оставшиеся в городе подлежат суду синедриона. В. Эренберг находит выход в довольно искусственном, как представляется, объяснении: эдикт составлялся в полной согласии с безжавшими от персов и олигархов демократами, но должен был подбодрить не только их, но и засевших в полисе олигархов, которым было бы легче сдаться, если бы они знали, что окажутся в руках не хиосских демократов и даже не Александра, а членов синедриона. Кроме того, Александр, хорошо осведомленный о положении дел в Греции, еще старался сохранять в отношениях с лигой «корректные формы». Отправка олигархов-хиосцев на Элефантину вопреки декрету подтверждает, насколько положение полиса было далеким от истинной автономии. В целом, заключает В. Эренберг, надпись показывает, как широко Александр вмешивался в дела Хиоса, ограничивая его автономию.

Напротив, по мнению В. Тарна, декрет не свидетельствует о нарушении автономии Хиоса. Александр вообще не вмешивался во внутренние дела малоазийских городов. Есть только два ис-

ключения — Хиос и Эфес, но здесь его действия не означали покушения на конституцию городов и диктовались совершенно иными соображениями. На Хиосе Александр вмешался в действия демократов, боясь гражданской войны. Помимо проявления «обычной человечности» это были чисто военные меры, продиктованные стремлением обеспечить прочность тыла [Taen, 1948a, с. 32—34].

Все распоряжения Александра в декрете Т. Леншау рассматривал с точки зрения выполнения им обязанностей гегемона Коринфского союза [Lenschau, 1940, с. 205—207]. Стремясь доказать, что Александр совершенно не стеснял автономию полисов Малой Азии, Т. Леншау пускается в следующие филологические рассуждения. Согласно декрету, хиосцы обязаны представить 20 триер, снарядив их на свои средства, и далее: «пусть они плавают до тех пор, пока остальной эллинский флот будет плавать с нами» (μεῦ' ἡμῶν, стк. 9—10). Обычно полагают, что μεῦ' ἡμῶν относится к Александру. Это, казалось бы, совершенно очевидное толкование не должно вызывать никаких сомнений, однако Т. Леншау считает, что такому пониманию противоречит одно обстоятельство, а именно что в трех документах того времени — письме Приене (IvP, 1), письме Дарию (Arr. Anab. II, 14) и втором письме Хиосу (см. ниже) — Александр говорит о себе в первом лице единственного числа, первый же пример так называемого *pluralis majestatis* появляется только в указе 324 г. до н. э. В таком случае μεῦ' ἡμῶν может быть понято только по отношению к хиосцам: эта закономерная трансформация μετ' αὐτῶν письма. Если это так, то λαρ' ἡμῶν можно считать заменой и поэтому в выражении «если возникнут какие-либо споры между вернувшимися и остающимися в городе, они должны разрешаться у нас» (стк. 15—17) нужно отнести к хиосцам; в оригинале могло стоять αὐτοῖς ἐν Χίῳ⁴⁹. Таким образом, как считает Т. Леншау, все конфликты, связанные с возвращением изгнанников, решают сами хиосцы, Александр совершенно не вмешивается в их дела. Так было и после указа 324 г. до н. э., как свидетельствуют надписи Тегеи, Митилены и Калимны.

Идеализируя политику Александра, Т. Леншау полагает, что не может быть и речи о произволе царя в отношении прав города. Даже наличие гарнизона не наносит никакого ущерба его свободе: это лишь «благотворное средство принуждения». Учинив суд над хиосскими олигархами, Александр не нарушил собственных распоряжений и не покусился на права синедриона; суд над ними лишь доказывает, что Аполлонид и его сообщники не принадлежали к указанной в надписи категории (ὅσοι δ' ἂν ἐρχαταλειφθῶσιν). Прямое свидетельство Курция Руфа (IV, 5, 17), противоречащее его толкованию, Т. Леншау просто отбрасывает, считая, что оно не относится к делу.

В известной мере взгляды Т. Леншау поддерживает и развивает Хейсерер. Ход его рассуждений следующий. Все попытки низ-

вергнуть государственный строй, существовавший в любом государстве к тому моменту, когда полисы принесли присягу соблюдать мир, как известно, объявлялись враждебными и данному государству, и всем «участникам мира» (Ps.-Dem. XVII, 10). Коль скоро Хиос входил в Коринфский союз (а это для Хейсера неоспоримо), Александр мог требовать от хиосцев, чтобы все исправленные и составленные заново законы представлялись на рассмотрение ему как гегемону (стк. 7). Как глава союза, он имел право определять, насколько законы полиса соответствуют нормам и принципам союза. Таким образом, соглашаясь с Леншау в том, что Александр не превышал своих полномочий гегемона, Хейсер, однако, считает, что такое положение давало царю возможность широко вмешиваться в дела членов союза, когда и где он находил это необходимым, избегая обвинений в недопустимости такого надзора. Т. Леншау, по мнению Хейсера, прав в том, что царь действовал законно, однако это вовсе не означало, что его отношение к грекам было благоприятным. Напротив, все это едва ли много говорит в пользу их автономии.

Не соглашаясь с тем толкованием слов $\mu\epsilon\tau'\eta\mu\acute{\iota}\nu$ и $\pi\alpha\rho'\eta\mu\acute{\iota}\nu$, которое дал Т. Леншау, Хейсер [Heisserer, 1973, с. 193 и сл.] полагает, что таким образом Алкимах (которого Александр сделал ответственным за проведение в жизнь своих инструкций, соответственно обстановке в каждом городе, и который выработал точные условия для хиосцев) обозначил все силы Александра. Выражение $\pi\alpha\rho'\eta\mu\acute{\iota}\nu$ следует понимать не в том смысле, что каждый спор должен разрешаться лично Александром, но что он разрешается не хиосцами. Однако все это, по мнению Хейсера, не должно было ущемлять хиосцев, поскольку Александр действовал в интересах своих сторонников-демократов, стоящих теперь у власти.

Помимо рассмотренного сохранилось еще одно письмо Александра хиосцам, но оно настолько фрагментарно, что и сейчас, несмотря на усилия ряда ученых, восстановление некоторых строк возможно только *exempli gratia*, как считает Форрест [Forrest, 1969, с. 203]⁵⁰.

В начале письма (первые строки не сохранились) властям предписывается тех лиц, которые не представили гарантов штрафов, наложенных на них демосом, содержать в тюрьме. Если же кто-то бежит, штраф в установленном размере платит гарант. Из других хиосцев в дальнейшем никто не подлежит преследованию за приверженность персам ($\epsilon\lambda\acute{\iota}\beta\alpha\rho\beta\alpha\rho\iota\sigma\mu\acute{\omega}\iota$).

Следующие 20 строк (из 29 частично сохранившихся) посвящены Алкимаху, которого также не следует подозревать в медизме, так как, по его словам, он был уведен силой. Александр называет его своим другом и сообщает, что он был благорасположен к «вашему народу», поскольку проявлял усилия по возвращению изгнанников и способствовал освобождению города от ранее ус-

тановленной олигархии, на словах и на деле приносил пользу народу, сам или действуя совместно с ним, т. е. с Александром, который просит теперь отменить все, решенное народом против его отца, возвратить Алкимаху первым из вернувшихся все, что народ отобрал, уважать Алкимаха и его друзей и верить как человеку, «постоянно дружественному к полису» (ὄντι φιλοπόλει αἰεῖ). Исполнение этого, по словам Александра, доставит ему удовольствие, и в случае просьбы хиосцев он к ним будет еще более расположен.

Естественная мысль, которая возникает при знакомстве с надписью, — не тот ли это Алкимах, которому Александр дал в Эфесе приказ относительно городов Эолиды и Ионии (Arr. Anab. I, 18, 2). Именно так считает Хейсерер [Heisserer, 1980, с. 109—111] (вслед за некоторыми учеными, среди которых Леншай [Lenschau, 1940, с. 201] и Тод — Tod, с. 237), по мнению которого Алкимах осуществлял общий надзор при улаживании споров, возникших в связи с возвращением изгнанников. Тем самым Хейсерер (как и другие ученые) связывает это письмо с первым письмом Александра (о котором только что шла речь) и видит в нем ответ Александра на то напряженное положение, в котором оказались перперсидски настроенные олигархи, оставшиеся в городе (вторая группа в первом письме Хиосу), когда вернулись изгнанные демократы. Желание смягчить обстановку в полисе (ср. вмешательство Александра в преследование олигархов в Эфесе — Arr. Anab. I, 17, 12) и побудило его обратиться к хиосцам с этим письмом. Датирует его Хейсерер тем же 334 г. до н. э., как и первое. Однако, скорее всего, это был другой Алкимах, вероятно, принадлежащий к известной хиосской фамилии [Forrest, 1969, с. 204; Piejko, 1985, с. 245].

Текст надписи все ученые, им занимавшиеся, безоговорочно считают подлинным письмом Александра и датируют обычно 332—331 гг. до н. э., относя его к событиям, последовавшим после восстановления демократии в 332 г. до н. э.

Но многое в надписи не ясно, прежде всего, как соотносятся указания о тех, кто на основании решения суда должен платить штраф, с тем, что сказано в первом письме⁵¹. Не ясно, при каких обстоятельствах Алкимах оказался на стороне персов. Трудно что-либо конкретное узнать об его участии в свержении олигархии и восстановлении демократии из общих фраз письма, напоминающего своей лексикой почтенные декреты.

Надпись интересна помимо прочего еще и тем, что является единственным в эпиграфике примером, где Александр обнаруживает личную заинтересованность в каком-то лице, вероятнее всего все-таки в Алкимахе (если прав Пейджко в своем чтении), и в первом лице обращается к хиосцам с просьбой о нем. Впрочем, содержание письма недвусмысленно, и мы не должны заблуждаться

относительно истинного характера отношений Александра с гражданами полиса.

Еще один пример вмешательства Александра в дела полисов дает надпись из Эреса о тиранах. Суд над экс-тираном Эврисилаем происходит «согласно письму (*κατὰ τὴν διαγραφάν*) царя Александра и законам» (Tod, № 191, стк. 59—61).

Но жизнь в греческих городах, вошедших в состав империи Александра, во многом шла по-прежнему, и не только в том, что касалось их внутренних дел. Судить об этом дает возможность серия из четырех декретов об исополитии Милета, дошедших от времени Александра: с Ольвией, Кизиком, Фигелами и Сардами. Самый подробный — декрет об исополитии Милета и Ольвии (Syll. ³, 286 (= Milet, 136; Schwyzer, 735; Tod, № 195; Schmitt, 408) ⁵² — регулирует государственно-правовые, религиозные и отчасти экономические отношения между гражданами этих городов. На основании декрета совершенно несомненно, что милетяне не лишены никаких гражданских прав и не ограничены ни в одном из них. Все свои права они даруют ольвиополитам и получают соответственно такие же права в Ольвии.

В более краткой надписи об исополитии с другой колонией Милета — Кизиком (Milet, 137; Schmitt, 409) говорится только о самом факте: «кизикинцу быть в Милете милетянином, милетянину в Кизике — кизикинцем», однако смысл и соответственно толкование в интересующем нас аспекте остаются теми же. Третья надпись фрагментарна, но очевиден ее характер как декрета об исополитии милетян и фигелейцев (Milet, 142; Schmitt, 453; с Сардами — Milet, 135; Schwyzer, 730; Syll. ³, 273; Schmitt, 407).

Об управлении полисами Малой Азии при Александре сведений почти нет. Такое молчание источников, по-видимому, не случайно и позволяет считать, что, занятый войной, Александр прошел через Малую Азию, не имея ни времени, ни намерений серьезно заняться этой проблемой. Состояние исторической традиции побуждает ученых нового времени, вновь и вновь обращаясь к этой проблеме, находить свидетельства, которые, по их мнению, могут служить доказательствами тех или иных теорий или предположений. Дискуссия ведется уже более ста лет, но проблему вряд ли можно считать решенной. Основными являются вопросы, включил ли Александр малоазийские полисы в Коринфский союз, и если нет, то как он ими управлял; какую роль играли упоминаемые в связи с городами некоторые лица, прежде всего Филоксен ⁵³.

Проблема эта чрезвычайно занимала историков. Действительно, она не только имеет сама по себе исторический интерес; в том или ином ее решении искали ответ на вопрос об отношении Александра к малоазийским городам. Были ли они свободными союзниками, отношения которых с царем регулировались двусторонними соглашениями, или как подданные, пусть и обладая определенной автономией, вошли в состав новой империи — ответ

на этот вопрос, по мнению многих ученых, зависит от решения другого: включил ли Александр эти города в Эллинский союз. Однако и положительный ответ на вопрос о членстве еще не может служить для нас основанием для определенного решения проблемы статуса малоазийских греков: все определяется тем, как тот или иной историк понимал характер Коринфского союза и положение полисов в нем.

Не касаясь обширной литературы по этой проблеме, укажем основное: изучение ее шло в русле разработки истории Александра и оценки его деятельности и личности, в самой общей форме — от идеализации к более трезвому и реалистическому подходу. Соответственно примерно такую же эволюцию прошло и изучение Коринфского союза, и если в более ранних работах включение малоазийских полисов в эту лигу рассматривалось как предоставление им тех же свобод, какими пользовались греки собственно Греции, и установление отношений с ними как с равноправными партнерами, то теперь, подчеркивая, что Коринфский союз явился результатом поражения греков при Херонее, ученые делают акцент на зависимости полисов от Александра и македонской супрематии.

Здесь не место подробно касаться истории разработки вопроса о членстве греков Малой Азии в Коринфском союзе (обзор см. [Seibert, 1981, с. 85—90]). Начиная с Дройзена, им занимались многие ученые, в числе которых Вилькен, Берве, Керст, Бикерман, Цанкан, Эренберг, Бенгтсон, Леншау, Тарн, Вирт, Хейсерер (не говоря уже об авторах многочисленных общих трудов об Александре).

Проблема имеет два аспекта: прибрежные острова Восточной Эгеиды и полисы собственно Малой Азии. Ряд ученых считают, что коль скоро по Анталкидову миру островам гарантировалась независимость от Персии, то Александр включил их как самостоятельные государства в Коринфский союз. Но и здесь в отношении отдельных островов наблюдается разнообразие мнений. Так, например, В. Эренберг сомневался в принадлежности к союзу Коса, Крита, Родоса и Хиоса в отличие от Тенедоса, тогда как Лемнос, Имброс и Самос принадлежали Афинам и входили в союз вместе с ними [Ehrenberg, 1938, с. 16 и сл.]. Тарн полагал, что в лигу входили несомненно Хиос, Митилена и Тенедос [Tarn, 1948a, с. 31]. Пожалуй, только членство Тенедоса и из городов Лесбоса Митилены, Эреса и Антиссы вызывало наименьшие сомнения, поскольку подтверждается Аррианом (Αναβ. II, 1, 4; 2, 2) и XVII речью Демосфенова корпуса (§ 7). Но и с этим согласны не все, и Э. Бэдиан, например, отрицает вхождение в Коринфский союз Митилены, считая свидетельство Арриана ошибочным [Badian, 1967b, с. 50]. Для Хиоса есть такой первоклассный источник, как рескрипт Александра, однако и о нем, как мы видели, высказывались диаметрально противоположные суждения в зависимости от интерпретации надписи⁵⁴.

Первая попытка обосновать включение полисов Малой Азии в Коринфский союз была сделана У. Вилькеном [Wilcken, 1922, с. 105 и сл.] на основании двух источников: письма Александра Хиосу (Syll.³, 283) и свидетельства Афиней о *πορτή* («торжественном шествии») Птолемея II (Athen. V, 201cd). Приняв тезу У. Вилькена, Г. Берве развил его аргументацию, приведя новые доводы [Berve, 1926a, с. 249—253]. С этого времени изучение интересующего нас вопроса в большой мере свелось к обсуждению выдвинутых Вилькеном и Берве доказательств. Одновременно ученые старались найти и новые аргументы, при этом не последнюю роль играли соображения общего характера, в значительной мере субъективные. Если, например, Хейсерер [Heisserer, 1972, с. 194] считал, что включение полисов Малой Азии в Коринфский союз должно было расширить власть македонян (еще более подчеркнув панэллинский характер похода), то, по мнению Вирта, Александр боялся, что включение малоазийских полисов усилит союз, в благонадежности которого он имел все основания сомневаться [Wirth, 1972, с. 95—96]. Вот два примера соображений общего характера, диаметрально противоположных.

Наиболее подробно аргументы У. Вилькена — Г. Берве рассмотрел В. Эренберг [Ehrenberg, 1938, с. 2—8]. Дав тщательный анализ описанного Калликсеном торжественного шествия Птолемея II (Athen. V, 201cd), В. Эренберг показал, что эта процессия не имеет никакого отношения к Коринфскому союзу⁵⁵.

Столь же бездоказателен, по мнению В. Эренберга, и второй аргумент Вилькена: хиосская надпись Syll.³, 283. Поскольку, согласно этому эдикту, бежавшие предатели подлежат изгнанию из всех городов — участников союза, У. Вилькен полагал, что прибрежные полисы Малой Азии также входили в союз, так как в противном случае изгнанники могли бы легко найти здесь спасение. Однако, как отметил (вслед за рядом ученых) В. Эренберг, Александру было важно предусмотреть изгнание предателей только с территории союза, ибо вне его, т. е. в Малой Азии, он сам, без санкции лиги, мог наказать их. Следовательно, и из этой надписи нельзя извлечь материал для суждения о юридическом положении азиатских греков.

Соглашаясь с Берве в том, что Филоксен осуществлял от имени Александра политический контроль над малоазийскими городами, Эренберг делает диаметрально противоположный вывод: этот факт свидетельствует не о членстве полисов (как полагает Берве), а об их ином положении по сравнению с входившими в Коринфский союз городами Греции, так как власть Антипатра имела совершенно другую основу; заключение по аналогии здесь неуместно.

Решающим соображением в пользу негативного ответа на вопрос о включении полисов Малой Азии в Коринфский союз является для В. Эренберга характер отношений между царем и

греками, которые, по его мнению, несовместимы с их принадлежностью к этому союзу.

В. Тарн, по существу, не прибавил ничего нового в разработку вопроса [Tarn, 1948b, с. 228—232]⁵⁶. Как и В. Эренберг, он считает, что хиосский декрет не доказывает вхождения полисов в Коринфскую лигу, но, будучи не согласен с концепцией Э. Бикермана (которую, в общем, разделяет В. Эренберг), В. Тарн приводит другой довод: бежавшие с Хиоса предатели могли укрыться или в любом городе, который не рискнул бы из-за них ссориться с Александром, или в сельской местности, где попали бы в руки сатрапа Лидии. Отвергает он и доводы Г. Берве: сходство в положении полисов — членов Коринфского союза и полисов Малой Азии (и те и другие свободны, автономны, освобождены от фороса) не может служить доказательством, так как по такой аналогии можно признать, что в союз входили все греческие города, от Сицилии до Понта Евксинского. Что касается положения Филоксена, то, по мнению В. Тарна, оно понимается неверно.

Таким образом, к концу 40-х годов все старые доказательства исчерпали себя, нужно было искать новые пути. Такой новый, оригинальный подход нашел Э. Бэдиан [Badian, 1967b].

Обратившись к вопросу о Коринфском союзе в связи с малоазиатскими городами⁵⁷, Э. Бэдиан решает его положительно, идя довольно далеко в развитии своего предположения и строя на нем целую теорию.

Соображение о традиционной границе между островами Восточной Эгеиды и азиатским побережьем, которые после Анталькидова мира находились в двух различных политических системах, как считает Э. Бэдиан, вообще не имеет реальной ценности, так как одним из главных пунктов политической программы Александра было уничтожение границ между греками Азии и Европы. Поэтому тяжесть доказательств, как заключает Бэдиан, лежит на тех, кто отрицает членство в союзе для полисов Малой Азии (см. также [Badian, 1965, с. 168]).

Э. Бэдиан согласен с В. Эренбергом в его критике основных аргументов У. Вилькена — Syll.³ 283 и Athen. V, 201cd, однако, по его мнению, есть веский аргумент в пользу вхождения малоазиатских греков в панэллинский союз — упоминание о сунтаксисе в приенском письме Александра (Tod, № 185). Ход рассуждений Бэдиана таков: моделью для Филиппа II при создании Коринфского союза послужил Второй Афинский морской союз; место афинского народа занял македонский царь. Александр использовал слово «сунтаксис» в письме к Приене, поэтому очень вероятно заключение, что действовал он в этом случае как гегемон лиги, обращающийся к государству — члену ее. Следовательно, Приена входила в союз. Но так как Приене было предписано выплачивать сунтаксис, очевидно, тогда, когда армия

Александра проходила через город, т. е. после приказа Алкимаху, отданного в Эфесе, политика, широко провозглашенная Александром, подразумевала тем самым и включение в Коринфский союз по крайней мере полисов Ионии и Эолиды, «свободные» греки Азии, естественно, должны были присоединиться к своим «свободным» братьям в Европе в общем крестовом походе против персов.

Э. Бэдиан много места отводит выяснению функций Филоксена, считая (вслед за О. Лейце), что первоначально он занимался сбором сюнтаксиса с греков Азии. Единственным основанием для этого служит свидетельство Арриана (Анаб. III, 6, 4), согласно которому Александр поручил Филоксену собирать форок «по сю сторону Тавра»⁵⁸. Узнав в 330 г. до н. э. о поражении Агиса и окончании войны в Греции, Александр решает покончить с крестовым походом и распускает контингенты лиги, теперь более не нужные как заложники и едва ли нужные как воины. Несомненно, тогда был отменен сюнтаксис: Александр (продолжает Э. Бэдиан) никогда не был скуп, и те немногие таланты, которые платили малоазиатские полисы, не были для него настолько важны, чтобы компенсировать возможную ненависть греков; кроме того, после захвата персидских сокровищ он мог позволить себе быть щедрым. Но Филоксен сохранил надзор над городами Азии, подобно Антипатру в Европе, бдительно предохраняя их от революционных выступлений и противодействуя врагам нового македонского порядка, причем власть его была сильнее, чем у Антипатра. Таким образом, лига была расщеплена на две части, за которыми наблюдали разные лица⁵⁹.

В общем, привлекающей своей стройностью системе Э. Бэдиана, которая хорошо укладывается в исторический контекст и согласуется с направлением эволюции Коринфского союза, недостает только одного — убедительности доказательств, что, впрочем, знает и сам Э. Бэдиан, неоднократно подчеркивая ее гипотетичность. Э. Бэдиан выстраивает известные факты в определенную систему, не останавливаясь при этом перед некоторыми натяжками в толковании отдельных свидетельств. Но, независимо от того, соглашались ли в понимании функций Филоксена с В. Эренбергом или В. Тарном (первый кажется ближе к истине), мнение Э. Бэдиана о параллельности постов Филоксена и Антипатра не представляется убедительным; его толкование данных источников об убийцах тирана Гегесия находит иное объяснение в научной литературе, а рассуждениями типа соображений о щедрости Александра можно доказать многое. Однако даже если согласиться с отдельными пунктами в построении Бэдиана (города платили сюнтаксис, что несомненно; Арриан неточен в словоупотреблении, и Филоксен собирал именно сюнтаксис, а не форок; он осуществлял общий надзор над прибрежными городами), все это еще не до-

казывает, что малоазийские полисы входили в Коринфский союз, как и свидетельство Арриана о приказе Александра Алкимаху.

И после исследования Э. Бэдиана, важного с точки зрения выяснения характера свободы полисов, положение не изменилось. Показательны в этом отношении две недавние работы — Г. Вирта и Хейсерера. Г. Вирт, изучая вопрос о сунтаксисе (а выплата сунтаксиса — главный аргумент Э. Бэдиана), высказывает свое несогласие с ним, утверждая, что основополагающей по этому вопросу остается работа В. Эренберга [Wirth, 1972, с. 95—96].

Хейсерер, напротив, защищает тезис о вхождении малоазийских полисов в эллинскую лигу, обнаруживая новый аспект в этой проблеме [Heisserer, 1980]. Вслед за Э. Бэдианом придавая большое значение действиям Пармениона в Малой Азии, он считает, что присоединение к лиге во время его кампании Эреса и Антиссы на о-ве Лесбос (как следует из интерпретации Хейсерером знаменитой эресской надписи, см. гл. 2 книги), а также по крайней мере Митилены, Хиоса и на материке Эфеса (по аналогии с другими эпиграфическими и литературными источниками) повлекло за собой включение в союз многих других полисов, свидетельства о чем потеряны (с. 230). Филиппов план «освобождения» греческих городов придал действиям Пармениона характер политической революции, повсюду он устанавливал промакедонские «демократии». В Коринфском союзе Филипп нашел верное средство для расширения македонской гегемонии, поскольку членство в нем гарантировало стабильность положения внутри полисов (см. Ps.-Dem. XVII, 15). Мемнон в 335 г. до н. э. ликвидировал эти достижения македонской политики, но Александр вновь включил малоазийские полисы в союз. Видя в даровании Присне, Колофону и Эритрам свободы и автономии доказательство их вхождения в союз (ср. Ps.-Dem. XVII, 8: «договор прямо в самом начале говорит, что греки должны быть свободными и автономными») и трактуя сунтаксис приенской надписи как взнос, уплачиваемый его членами, Хейсерер считает, что Александр вернул полисы Малой Азии в лоно этого союза. Под этим углом зрения интерпретируется и приказ Алкимаху (Agg. Anab. I, 18, 2): в процессе «освобождения» греков он «восстанавливал (ἀποδοῦναι) всем их собственные законы», т. е. те законы, которые полисы имели в 336 г. до н. э., когда при Парменионе вошли в Коринфский союз. Изменение государственного строя и законов, которое произошло при Мемноне, противоречило принципам этого союза, поэтому восстановление их означало тем самым новое включение городов в союз.

Но, при всей изощренности построения Хейсерера, ему не хватает доказательности (так же — [Rosen, 1982, с. 353—362]). И хотя Хейсерер пишет об империалистическом духе македонской политики, об эфемеризме выражения «участие в общем мире» для обозначения членства в Коринфском союзе, о хитрости и коварстве

пропаганды Александра, что нашло отражение в эпиграфических памятниках его времени, убедительных доводов в пользу своего построения он не приводит. И как ни тонок его эпиграфический анализ, как ни новы некоторые соображения и ни верны отдельные наблюдения, как ни интересно исследование в целом, его исторические выводы подчас слишком смелы. В общем, книга Хейсера не приблизила дискуссию к завершению.

Последнее по интересующему нас сейчас вопросу — соображения Босворта [Bosworth, 1988a, с. 255—256], которые кажутся весьма взвешенными и разумными. Босворт считает наиболее вероятным, что греки Азии не были включены в Коринфский союз. При отсутствии неоспоримых доказательств он придает определенное значение молчанию источников о каких-либо союзных обязательствах полисов, о союзе или формальном договоре. Упоминание о сунтаксисе, по его мнению, не может пробить брешь в этой стене молчания. В общем, Александр обращался с грсками как победоносный деспот, а не как исполнительный глава лиги. Вместе с тем у него не было причин для включения греков Малой Азии в Коринфский союз, главная цель которого в Европе — предотвратить восстания или конституционные изменения и обеспечить общую армию, для чего малоазиатские полисы не были нужны, даже в качестве квазиавтономного приложения. Единственный резон, который Босворт видит для Александра, — пропагандистский жест: объединение освобожденных с освободителем как союзников в войне возмездия, но традиция не сохранила никаких следов ничего подобного, тогда как эта тема должна была бы найти особое внимание у Каллисфена и ее не обошли бы Птолемей и Аристокл. Поэтому, заключает Босворт, пока не появятся новые источники, лучше видеть в полисах автономные общины на подчиненной Александром территории, зависимые от царской благосклонности и не подлежащие санкциям или гарантиям, предусмотренным для членов Коринфского союза (этого же мнения придерживается такой крупный исследователь, как Хэммонд [Hammond, 1988b, с. 75; Hammond, 1989c, с. 215—216]).

Прямых доказательств вхождения греков Малой Азии в Коринфский союз нет. Нет их не только в более поздних произведениях об Александре, но и в современных ему источниках (речах Демосфена, Гиперида, Эсхина и др.). Может ли, однако, *argumentum ex silentio* иметь силу? По словам Ф. Шахермайра, «сегодня мы знаем, что города Малой Азии не были членами Коринфской лиги» [Schachermeyr, 1949, с. 148, примеч. 90]. Такое утверждение, пожалуй, излишне смело⁶⁰. И если мнение Райдера [Ryder, 1965, с. 106—107], считавшего вопрос неразрешимым, звучит, пожалуй, слишком пессимистично, то во всяком случае остаются в силе сказанные еще 40 лет назад слова В. Тарна: тяжесть доказательства лежит на тех, кто допускает членство [Tarn, 1948b, с. 232]. Вряд ли ученые найдут эти

доказательства в известных источниках: кажется, все возможности уже исчерпаны, а новые пути, как показали работы Бэдиана и Хейсерера, тоже, по-видимому, не приведут к бесспорным результатам. Очевидно, только новые эпиграфические находки помогут внести ясность в этот «проклятый» вопрос.

Однако мы можем судить, в каком направлении развивались далее отношения Александра с городами, и основанием для этого служит не только все то, что известно применительно к 334—332 гг. до н. э., но и последний акт царя — его знаменитый указ 324 г. до н. э.

За эти годы многое изменилось в положении Александра — из царя Македонии и гегемона Коринфского союза он превратился в главу огромной империи, приняв титул персидского царя царей, став фараоном и сыном Амона. Война, о панэллинских лозунгах которой уже забыли, закончилась, вставали иные задачи, и в числе мероприятий, знаменующих новый этап в деятельности Александра, заметное место занимает рескрипт о возвращении изгнанников.

4 августа 324 г. до н. э. [Sealey, 1960, с. 185—186] на Олимпийских играх собравшиеся услышали следующее письмо Александра, привезенное Никанором: «Царь Александр изгнанникам из греческих городов. Причиной вашего изгнания оказались не мы, вашего же возвращения на родину — будем мы. Мы написали Антипатру об этом, чтобы полисы, не желающие возвращать, он заставил» (βασιλεὺς Ἀλέξανδρος τοῖς ἐκ τῶν Ἑλληνίδων πόλεων φυγάσι. τοῦ μὲν φεύγειν ὑμᾶς οὐχ ἡμεῖς αἱ ποὶ γέγοναμεν, τοῦ δὲ κατελθεῖν εἰς τὰς ἰδίας πατρίδας ἡμεῖς ἐσόμεθα πλὴν τῶν ἐναγῶν. γεγράφαμεν δὲ Ἀντιπάτρῳ περὶ τούτων, ὅπως τὰς μὴ βουλομένας τῶν πόλεων καταγεῖν ἀναγκάσῃ — Diod. XVIII, 8, 4) ¹.

Текст Диодора, восходящий, по всей видимости, к Гисеронию из Кардии, рассматривается как подлинное письмо Александра [Bikerman, 1940, с. 25—26; Pearson, 1955, с. 443—444; Badian, 1961a, с. 30; Rosen, 1967, с. 53—54; Hornblower, 1981, с. 87—88; Bosworth, 1988a, с. 220; Hammond, 1988b, с. 80, примеч. 1]. Оно состоит из двух частей: в одной объявляется воля царя относительно изгнанников ², в другой их уведомляют о том, что соответствующий приказ для осуществления решения Александра послан Антипатру. Однако Александр не сообщает изгнанникам всего содержания письма Антипатру, лишь ставя их в известность о самом факте отправки письма и теме его. Возвращение разрешалось всем изгнанным, кроме фиванцев (Plut. Moral. 221 A) и совершивших тяжкие преступления, под которыми подразумевались святотатство и убийство (Diod. XVII, 109, 1).

Помимо основного свидетельства Диодора, сохранившего текст письма, и некоторых других данных литературных источников о том, что произошло в Олимпии (Dinarch. C. Dem. 81—82; Hyper. C. Dem. XVIII; Diod. XVII, 109, 1; Curt. X, 2, 4—7; Justin. XIII, 5, 2—5; Plut. Moral. 221 A — Apophthegm. Laced. Eudamid. 9), с указом 324 г. до н. э. связано несколько надписей (о них см. ниже). Совместное рассмотрение всех этих источников дает возможность, видимо, следующим образом реконструировать ход событий и соотношение различных документов ³: свое решение о возвращении изгнанников на Самос Александр сначала прочитал

войску (Syll.³, 312); в Грецию с письмом был отправлен Никанор, чтобы, учитывая важность сообщения, объявить его на Олимпийских играх (на которых имели право присутствовать все изгнанники, кроме святотатцев и убийц). Одновременно соответствующие инструкции получил Антипатр, в канцелярии которого снимаются копии для рассылки в полисы. На основании надписей Тегей (Tod, № 202) и Калимны (Michel, 417), где говорится о диаграмме (διάγραμμα) царя Александра, считают, что Антипатр получил такую диаграмму, а исходя из характера диаграммы как типа документа эллинистической эпохи⁴, полагают, что именно эту диаграмму Александр прочитал в лагере, тогда как Никанор получил только краткое письмо. Александр действовал, следовательно, через голову Антипатра⁵ и не сообщил своего решения синедриону Коринфского союза. На основании диаграммы происходило урегулирование имущественных отношений в каждом полисе, применительно к обстановке; иными словами, диаграмма лежала в основе тех постановлений, которые приняли города и из которых сохранились, видимо, только два — Тегей и Митилены (о чем см. ниже).

Выслушать письмо собралось более 20 000 человек (Diod. XVIII, 8, 5), так как, судя по Гипериду (С. Dem. 18), еще раньше распространились слухи, что Александр возвращает изгнанников и Никанор прибыл в Олимпию. Изгнанники к этому времени представляли настоящую проблему (ср. [Seibert, 1979, с. 145—151; Jaschinski, 1981, с. 73—83]), и уже самое число собравшихся свидетельствует об этом. Неоднократные изменения в политическом строе городов, происходившие в связи с военными действиями второй половины 30-х годов IV в. до н. э. и вызванные внутренней борьбой, сопровождались изгнанием противников. Так, одно из условий перехода Митилены под власть персов в 333 г. до н. э., как уже отмечалось выше, предусматривало возвращение олигархов, изгнанных при установлении в городе демократии, и возврат им половины имущества (Arr. Anab. II, 1, 4). Александру еще во время похода приходилось сталкиваться с проблемой изгнанников. Освободив Эфес и восстановив демократию, он вернул тех, кого удалили из города «за расположение к нему» (Arr. Anab. I, 17, 10). Изгнанники-демократы возвращались по хиосскому рескрипту (Syll.³, 283). Однако в отличие от прошлых лет, когда речь шла о сторонниках Александра, в условиях Малой Азии — демократах, теперь возвращались преимущественно его противники (ср. [Hammond, 1988b, с. 81]).

Что именно побудило царя пойти на такую меру, точно сказать нельзя, возможно только высказывать предположения, что и делают историки нового времени: Александр, действуя уже не как царь Македонии и гегемон Коринфского союза, а как глава новой империи, руководствовался высшими соображениями — интересами всего своего государства. Он должен был проявить ми-

досердие к сотням и тысячам несчастных, которые скитались без крова и очага, так как теперь, после гибели Дария и приказа сатрапам распустить все наемные силы (Diod. XVII, 106, 3; 111, 1), они лишились и этой возможности найти занятие и пропитание. Масса опытных в военном деле людей, которым нечего было терять, представляла настоящую социальную проблему, требующую скорейшего разрешения [Badian, 1961a, с. 27—30]. Александр стремился к нецелесообразному: установить мир и согласие в своей империи, хотя, как совершенно очевидно, возвращение изгнанников оказалось сопряжено со многими трудностями. Вместе с тем вполне вероятно, что царь хотел тем самым превратить противников Македонии в своих сторонников [Glötz, Cohen, 1945, с. 218]. Как отметил Диодор (XVIII, 8, 2), Александр «решил вернуть всех изгнанников в греческие города отчасти ради славы, отчасти желая иметь в каждом полисе многих сторонников из-за склонности эллинов к государственным переворотам и восстаниям» (ἀμα δὲ βουλόμενος ἔχειν ἐν ἑκάστῃ πόλει πολλοὺς ἰδίους ταῖς εὐνοίαις πρὸς τοὺς νεωτερισμοῦς καὶ τὰς ἀποστάσεις τῶν Ἑλλήνων). Высказывалось предположение, что рескрипт связан также с его грандиозными планами похода на Запад [Bikerman, 1940, с. 35; Bengtson, 1969, с. 355—356]. П. Гуковский, возражая Бэдиану, который, по его мнению, преувеличил остроту проблемы, связанной с наемниками, дает еще одну мотивировку действиям Александра [Goukowsky, 1978, с. 187—188]. Его наместник в Греции Антипатр сурово расправился с Тегеей и другими союзниками Спарты в войне с Македонией. Александр же, еще в Сузах объявив войску о своем разрешении политическим изгнанникам вернуться домой, провозгласил более «либеральную» политику, с чем связано и его намерение заменить Антипатра Кратером — для новой политики нужен был и новый исполнитель.

Сравнительно недавно с оригинальным объяснением выступил З. Яшинский, посвятивший доказательству своей теории целое исследование [Jaschinski, 1981]. Он объединяет три из последних мероприятий Александра — приказ сатрапам о роспуске войска, декрет о возвращении изгнанников и обожествление, объясняя их одной причиной — бегством Гарпала. По мнению З. Яшинского, историки нового времени недооценивали политическое значение Гарпала, который, бежав с шестью тысячами воинов и весьма значительной суммой денег, представлял серьезнейшую опасность для Александра и на Балканах, где мог легко склонить греков к антимакедонскому выступлению, и в Малой Азии. Именно эти соображения обусловили быстроту и решительность ответных мер Александра. Позволив изгнанникам вернуться домой, где они получали половину имущества, царь нейтрализовал их политически, тем самым лишив Гарпала важной социальной опоры в Греции.

Труд З. Яшинского, несомненно, представляет интерес, при-

влекая широтой постановки вопроса, тонкостью анализа источников, особенно современных изучаемому времени, новизной выводов. В частности, отметим его соображения относительно изгнанников, которые, как он стремится показать, в большинстве своем покинули родину еще до образования Коринфской лиги и число которых обычно преувеличивают. Вместе с тем в основе его доказательств лежат хронологические выкладки; он составляет новую хронологию событий последних 18 месяцев жизни Александра (с марта 324 по сентябрь 323 г. до н. э.) и идет при этом на ряд допущений. Тем самым создается цепочка, слабость некоторых звеньев которой ставит под сомнение прочность всего построения.

Письмо Александра вызвало всеобщую радость и ликование, что и понятно, поскольку среди слушавших изгнанники если не преобладали, то составляли значительную часть (Huyg. C. Dem. 18). Лишь афиняне и этоляне, по словам Диодора (XVIII, 8, 5—6), были недовольны, одни — из-за Самоса, другие — из-за Эниад. Для Афин указ означал потерю Самоса, где более 40 лет назад утвердились афинские клерухи, этоляне же в 330 г. до н. э. захватили и разрушили акарнанский городок Эниады, чем вызвали недовольство Александра (Diod. XVIII, 8, 6—7; Plut. Alex. XLIX) ⁶. Однако надо учесть, что Диодор рассказывает об указе в связи с Ламийской войной, объясняя ее причины; возможно, именно этим вызвано такое выделение Афин и Этолии. Во всяком случае само письмо Александра Антипатру, в котором предусматривалась возможность применения силы, чтобы заставить строптивые города подчиниться, весьма красноречиво: очевидно, Александр имел все основания для такой предусмотрительности. Во всяком случае, среди посольств, которые в том же 324 г. до н. э. пришли к Александру «почти со всех концов ойкумены», были «протестующие против возвращения изгнанников» (τοῖς ἀντιλέγουσι περὶ τῆς καθύδου τῶν φυγάδων — Diod. XVII, 113, 3—4).

О том, что происходило в городах после обнародования письма, можно судить на основании трех надписей — декретов Митилены, Тегеи и Калимны.

Надпись из Митилены ⁷ сохранилась не полностью. Датировка 324 г. до н. э., которой обычно придерживаются ученые, небесспорна, альтернатива — 332 г. до н. э. — предложена Ч. Уэллсом [Welles, 1938, с. 258] и развита Хейссерером [Heisserer, 1980, с. 131—139] (см. также [Heisserer, Hodot, 1986, с. 119]; ср. [Rosen, 1982, с. 360; Harding, 1985, с. 140]). Теперь следует упомянуть также о декрете, найденном при раскопках в Митилене в 1973—1974 гг. и названном «декретом о согласии» [Heisserer, Hodot, 1986, с. 109—119]. Декрет провозглашает сам принцип примирения и, очевидно, несколько предшествует второму (т. с. IG,

XII, 2, 6), в котором этот принцип получил детальное развитие и конкретизацию⁸.

В псефисме Митилены выступают две категории граждан: «ранее бывшие в городе» (οἱ ἐν ταῖ πόλιν πρόσθε ὄντες) и «вернувшиеся из изгнания» (οἱ κατεληλυθότες). Цель декрета — урегулирование отношений между ними, всеобщее согласие и спокойствие в полисе, в основе которых — примирение (διαλύσις), предусмотренное царским приказом (διάγραφα) и записанное в псефисме. Магистратам вменяется в обязанность следить за наказанием тех, кто виновен в нарушении предписанного, чтобы в полисе не было никаких споров между вернувшимися и остававшимися, но все жили бы без взаимных подозрений и не питали дурных замыслов друг к другу, «придерживаясь письменно изложенного царского приказа и примирения, записанного в этой псефисме» (ἐμμένοντες ἐν ταῖ ἀναγράφονται διάγραφαί καὶ ἐν ταῖ διαλύσι ταῖ ἐν τούτοι τῷ ψαφίσματα γέγραπται — стк. 19—21).

Для улаживания споров народ выбирает двадцать посредников (διαλλαχταί)⁹, по десяти с каждой стороны, которые обязаны принимать все меры для предотвращения несогласия, в случае же возникновения разногласий по поводу имущества следить, чтобы вернувшиеся изгнанники улаживали их с остававшимися в городе гражданами и другими лицами. И вновь повторяется, что все должны «придерживаться примирения, которое царь предписал в диаграфе», и жить в полисе и хоре в согласии друг с другом (стк. 28—30).

Условия, на которых с помощью посредников будут решены споры о деньгах, коль скоро они возникнут, комиссия передает на обсуждение народу — ему принадлежит последнее слово. Все вопросы, не предусмотренные псефисмой, решает совет.

Народ, принеся жертвы, должен, собравшись, молить богов о безопасности и благополучии всех граждан; впредь жертвоприношения будут совершаться ежегодно в день рождения царя. Жертвоприношения, которые народ совершает, согласно декрету, ныне и в будущем (как и клятва в тегейской псефисме), подчеркивают важность постановления, касающегося всех граждан и полиса в целом.

Три черты следует отметить в митиленской надписи: ее общий дух — отчетливое (даже, как кажется, выраженное излишне многословно) стремление всеми силами примирить вернувшихся и остававшихся в городе; установление в довольно общей форме порядка решения имущественных споров при полном отсутствии каких-либо конкретных указаний на характер имущества и количественные нормы; решающая роль приказа (διάγραφα) Александра.

Надпись из Тегей¹⁰ сохранилась не полностью, поэтому ее перевод и интерпретация сопряжены с большими трудностями. Помимо 324 г. до н. э. предлагалась другая датировка, 319—317

гг. до н. э., так как вместо имени Александра восстанавливают [Κάσς] ἀνδρὸς и связывают надпись с его рескриптом, о котором сообщает Диодор (XVIII, 56) [Heisserer, 1980; с. 219—229] (ср., однако, [Frazer, 1982, с. 242—243; Harding, 1985, с. 150]), но исторический контекст кажется более соответствующим первой дате.

Диаграмма Александра, что совершенно очевидно из декрета Тегеи, является источником того права, на основании которого полис составил соответствующее постановление, изменяя все, противоречащее ей (τὰ ἐν τοῦ διαγράμματος ἀντιλεγόμενα). Как показывает тегейская надпись, царская диаграмма не имела в полисах силы закона, но сам город на основании этой диаграммы как источника права издает соответствующий декрет. В клятве гражданине Тегеи клянутся в своем расположении к лицам, которым позволили вернуться.

По сравнению с митиленским постановлением в тегейском выявляются иные черты: детальное рассмотрение возможных казусов; конкретные указания на различные виды спорного имущества и способы улаживания дела о каждом из них; определение количественных норм в разрешении вопросов об имуществе.

Всем вернувшимся мужчинам возвращается отцовское имущество. С имуществом со стороны матери дело обстоит сложнее: оно отдается незамужней дочери, если у нее нет братьев; она же получает его, если замужем, но братья умерли после ее замужества, не оставив детей. Вернувшиеся из изгнания получают только один дом и сад, если он находится в пределах плетра, если же сад отстоит на большее расстояние, то половину его. За другие дома бывшему владельцу выплачивается компенсация в размере двух мин¹. Вероятно, вернувшиеся получают половину всех других владений.

Устанавливается порядок разрешения имущественных споров: главная роль отводится третейскому суду, очевидно мантинейцев (это — одно из ранних свидетельств о третейских судах, которые будут иметь большое значение в эпоху эллинизма). Но этот «иностраннный суд» (διχαστήριον ξενικόν) решает дела только в течение шестидесяти дней, и тот, кто за это время не подаст прошения относительно собственности, должен будет обращаться в суд полиса (πολιτικὸν διχαστήριον). Предусматривается также порядок решения спорных дел, которые возникнут у вернувшихся из изгнания позднее.

Подробно рассмотрен случай задолженности храму Афины Алси (стк. 38—48). Тот из оставшихся в городе, кто имел долг богине и уплатил его, должен без задержки передать половину имущества вернувшемуся, но если окажется, что он еще не расплатился с храмом, то обязан сделать и то и другое, т. е. отдать половину имущества вернувшемуся и уплатить долг из другой половины, или если он не хочет сделать этого, то отдать

все имущество вернувшемуся, который сам полностью оплатит долг богине. В общем, при любых обстоятельствах храм получает весь долг. Видимо, специальное выделение этого случая свидетельствует если не о распространенности задолженности храму, то, во всяком случае, о том значении, которое придавали ему.

Псефисма учитывает изменения в семейном положении, которые произошли за годы изгнания. Все жены и дочери изгнанников, которые оставались в городе или вернулись в Тегею впоследствии и вышли замуж, не должны подвергаться расследованию (*ἀνδομαρξασθαι*) относительно отцовского и материнского имущества — ни они, ни их потомки. Другое дело — те, кто был изгнан и вернулся теперь, т. е. по декрету Александра: они сами и их дети подвергаются расследованию относительно отцовского и материнского имущества *κατὰ τὸ διαγραμμά*.

В клятве остававшиеся в городе клянутся не питать злобы к вернувшимся и не чинить никаких препятствий их безопасности (*σωτηρίαν* — то же слово, что и в митиленской псефисме, где все граждане возносят молитву за всеобщую безопасность и процветание).

Таким образом, в декрете Тегеи не так ясно выступает стремление примирить граждан, как в митиленском, хотя цель обеих одна и та же. Обе псефисмы уделяют большое внимание урегулированию споров в полисе, решая их несколько по-разному. В отличие от митиленского, более общего по своему характеру, в тегейском постановлении оговариваются количественные нормы при решении споров о разных частях имущества (дом, сад), подробно предусматриваются возможные казусы: наличие долга храму, изменение в семейном положении, время возвращения, вторичное возбуждение дела и др.

Надпись из Калимны совсем иная. Это декрет в честь граждан Иасоса, из которого ясно, что имущественные дела, связанные с возвращением изгнанников, вызвали в Калимне тоже неурядицы и раздоры. Для улаживания их по просьбе граждан Калимны была образована комиссия из пяти иасийцев¹², которые теперь получают в Калимне проксению, политию, ателию, проездрию и другие привилегии за успешное выполнение своей миссии. Урегулирование проводилось «согласно диаграмме царя и законам», т. е., очевидно, и здесь, чтобы привести законы в соответствие с рескриптом царя, в них внесли необходимые изменения.

Рассмотренные декреты позволяют представить общую картину: везде указ Александра вызвал множество споров, и главное стремление псефисм — улаживание их, установление мира в городе. При всех различиях в деталях основы везде общи: они предписаны полисам диаграммой Александра.

Ученые, особенно последних десятилетий, в общем довольно единодушны в оценке указа 324 г. до н. э. Начиная с Дройзена¹³, в нем видят нарушение Александром принципов Коринфского

союза, определенный шаг в эволюции его власти от гегемона лиги к царю новой державы. Это относится даже к тем немногим исследователям, которые считают, что Александр, издавая указ о возвращении изгнанников, не обошел синедриона ¹⁴, — мнение, которое не находит подтверждения в источниках. Александр настолько властно и единолично вмешивался во внутренние дела полисов, по своей воле внося изменения в их гражданские коллективы, что игнорировать это не могут даже искренние поклонники македонского царя, идеализирующие его личность и деятельность. Ограничимся несколькими весьма характерными в этом отношении примерами.

Так, по мнению В. Эренберга, к моменту возвращения из Индии Коринфский союз потерял для Александра всякое значение, и он удивительно быстро освободился от пут синедриона. Эдикт 324 г. до н. э. противоречит принципу невмешательства во внутренние дела полисов; принуждая греков действовать согласно своей воле, Александр нарушал их автономию. Более того, не на синедрион, а на Антипатра было возложено наблюдение за выполнением указа. Тем самым Александр ликвидировал различие между полисами — членами Коринфского союза и греческими городами Малой Азии — своими подданными, стремясь сделать зависимость полисов полной, и только смерть помешала ему [Ehrenberg, 1938, с. 39—41].

Как считает Е. Бэлог, указ 324 г. до н. э. — это революционная мера; издавая его, Александр не только попирает суверенитет греков, но пошел дальше, предписав Антипатру применить силу. Рескрипт об изгнанниках явился одной из причин восстания греков после смерти Александра: желание помешать окончательному проведению в жизнь диаграммы царя (чего греки не могли перенести, видя в ней покушение на свою автономию, гарантированную Коринфским договором) заставило их взяться за оружие [Balogh, 1943, с. 68—69, 81].

Подчеркивает эволюцию власти Александра и К. Прео: если в первые годы войны Александр, ловко используя фикцию свободы, сумел заставить побежденных оправдать свое право победителя, то позднее он становится настоящим владыкой, как о том свидетельствует указ об изгнанниках. Осознавая единство созданного им государства, Александр действовал как абсолютный монарх, предписывая в своей диаграмме детали восстановления изгнанников в правах собственности [Préaux, 1954, с. 86—88].

Райдер видит в указе 324 г. до н. э. сознательное расторжение Александром договора 338 г. до н. э. как основы его отношений с греками. Хотя Коринфская лига была создана победителем и многими способами закрепляла его супрематию, она давала полисам определенные гарантии, которые Александр нарушил, насильственно вернув изгнанников. Характер его власти на Востоке

побудил его не считаться с юридическими нормами и не обращать внимания на точное следование им [Ryder, 1965, с. 10 и сл.].

Э. Бэдиан [Badian, 1967b, с. 60] считает, что изменения, которые произошли со времени начала похода (завоевания, смерть Дария, посещение оракула Амона и др.), сделали Коринфскую лигу отжившей и ненужной. По мере завоеваний она все более отходила на задний план (на что проницательно указал еще У. Вилькен), и если раньше Александр интерпретировал ее принципы так, как ему было нужно, то в 324 г. до н. э. он просто ее игнорирует; лига ощущалась теперь как бесполезный пережиток и даже препятствие.

Особняком среди ученых стоит Э. Бикерман, который не уверен в справедливости оценки указа 324 г. до н. э. как незаконной меры, противоречащей установлениям Коринфского союза и открывающей эпоху деспотизма. По его мнению, Александр, выбирая для выражения своей воли относительно изгнанников форму диаграммы, стремился уважать некоторые юридические нормы. В доказательство законности и совместимости с автономией полисов этого указа Э. Бикерман ссылается на Полиперхонта, который, желая мира с греками, обещал им вести себя в соответствии с диаграммой Александра (Diod. XVIII, 56, 3). Обнародовав рескрипт в 324 г. до н. э., Александр не преступил, согласно своим представлениям и мнению его непосредственных преемников, те компетенции, которые имел как глава панэллинского союза. Предписывая Антипатру в случае необходимости даже прибегнуть к силе, Александр, как склонен думать Э. Бикерман, мог сослаться на одну из статей договора с греками, согласно которой он имел право и даже обязанность вмешаться, если изгнание совершалось вопреки законам данного города (Ps.-Dem. XVIII, 15). Именно на основании этой статьи он вернул хиосских изгнанников в 332 г. до н. э. и взял на себя решение споров между вернувшимися и оставшимися в городе (Syll. ³, 283), предоставил эресцам решать вопрос о возвращении тиранов (OGIS, 8) и предписал возвращение митиленцам (OGIS, 2). В 324 г. до н. э. он восстанавливал в правах лиц, изгнанных в нарушение статуса лиги [Bikerman, 1940, с. 25—35].

Как видим, Э. Бикерман рассматривает указ преимущественно с формально-юридической стороны. Однако, как справедливо заметил Э. Бэдиан, отношения Александра с греками гораздо более определялись обстоятельствами, чем законами [Badian, 1967b, с. 69, примеч. 101].

Ученые, которые в последнее время в той или иной связи писали об указе 324 г. до н. э., в общем придерживались той же его оценки. В качестве самого «свежего» примера сошлемся на уже упоминавшуюся книгу А. Босворта «Завоевание и империя» [Bosworth, 1988a, с. 222].

С изучением указа 324 г. до н. э. по воле некоторых ученых

странным на первый взгляд образом оказалась связанной одна из важных (особенно в исторической перспективе) и оживленно обсуждаемых проблем — обожествление Александра¹⁵. Сейчас эта связь — уже пройденный этап, но все-таки для полноты картины целесообразно кратко изложить суть вопроса.

Начнем с У. С. Фергюсона (последняя работа — [Ferguson, 1913, с. 146—147]), который видел одну из важнейших проблем, стоящих перед Александром на пути к миру и процветанию, — примирить свободу и автономию полисов со своей властью. Эту проблему Александр, по мнению У. С. Фергюсона, решил с подлинной смелостью, потребовав от греков включить себя в число богов. Тем самым он законно становился всемогущим в делах политических и обеспечил себе высшую и абсолютную власть в руководстве греками и право вмешиваться в дела каждого полиса. Обожествление означало его освобождение от всех обязательств, взятых перед греками в 335 г. до н. э., и первым актом Александра в этом новом качестве явилось требование к грекам принять изгнанников. Царь Македонии не имел прав в полисе, но бог Александр стал родным в каждом городе, и ему должны были безоговорочно подчиняться.

Еще более непосредственно связывает эти два акта В. Тарн, который рассматривает указ 324 г. до н. э. как нарушение Коринфского договора, но считает, что Александр нашел выход из положения, потребовав от греков обожествления, так как синедрион связывал Александра-царя, но не должен был связывать Александра-бога [Tarn, 1927, с. 399, 419; Tarn, 1948a, с. 111—114; Tarn, 1948b, с. 370—372]. То, что для нас является софизмом, не было, по мнению В. Тарна, таковым для Александра. Он имел всю власть, какую только хотел, но не имел прав, чтобы ею пользоваться. Обожествление давало ему эти необходимые права (для царя, но не бога, не было места в конституции полисов).

Требование обожествления В. Тарн рассматривает как ограниченную политическую меру, предпринятую с определенной политической целью, — дать Александру в автономных греческих городах юридические основания для возвращения изгнанников. Тем самым он хотел осуществить невозможное — положить конец партийной борьбе и обеспечить единство Греции (даже вопреки своим интересам, поскольку изгнанники были его противниками). Но ничто не показывает, что Александр намеревался лишить Грецию свободы. Декрет об изгнанниках представлял лишь исключительную меру, а Коринфский союз сохранялся.

Подобные взгляды (о них см. [Robinson, 1943, с. 297 и сл.]), особенно точка зрения В. Тарна, вызвали резкие возражения ряда ученых. Обращая основное внимание на мотивы, побудившие Александра приказать или позволить грекам признать его богом, Робинсон видит причину в стремлении Александра эффективно управлять Элладой [Robinson, 1943, с. 286—301]. Возражая

В. Тарну, Робинсон считает сомнительным, чтобы Александр чувствовал себя особенно связанным с синедрионом и чтобы указ об изгнанниках представлял исключительный случай вмешательства царя в дела греков. Доказательства Робинсон находит в других действиях Александра, причем даже не в конце похода, когда он стал всемогущим, а в самом начале, когда Александр был еще заинтересован в лиге. По возвращении с Востока он тем более не имел нужды в том, чтобы прибегать к столь экстраординарной мере, как обожествление¹⁶, ради возвращения изгнанников. Указ 324 г. до н. э.— это лишь первый шаг в осуществлении планов царя относительно Греции. Между декретами полисов об обожествлении Александра и его указом об изгнанниках нет никакой другой связи, кроме хронологической.

Критикуя В. Тарна, Бальдсон тоже отмечает, что у Александра не было никаких оснований беспокоиться о конституционных тонкостях в отношениях с Коринфским союзом. Для возвращения изгнанников достаточно было его декрета, обожествление же произошло по инициативе самих греков [Baldson, 1950, с. 386—387] (см. также [Badian, 1961a, с. 29, примеч. 93; Badian, 1978, с. 201—202]).

Э. Бикерман, указывая, что В. Тарн принимает странное объяснение, предложенное некоторыми немецкими историками, считает, что он смешивает два совершенно разных вопроса. Э. Бикерман справедливо отмечает, что в постулируемой В. Тарном связи двух декретов нет никакой логики, поскольку ни один греческий бог не имел в городах юридического положения, которое позволило бы Александру-богу нарушать договор или действовать вне законных норм [Bickerman, 1950, с. 43] (ср. [Atkinson, 1973, с. 310—311]).

Выступает против мнения о том, что признание греками Александра богом должно было превратить декрет о возвращении изгнанников из проявления деспотического произвола в законный акт, и Хабиخت [Habicht, 1956, с. 22 и сл., 228—229]. Подобно Э. Бикерману, он полагает, что обожествление не давало действиям Александра никакой юридической основы и признание его богом не делало диаграммы об изгнанниках законной. Но Хабиخت решительно отклоняет связь между этими актами еще на одном основании — хронологическом: Никанор прочитал письмо в Олимпии, вероятно, до того, как Александр выразил желание о божественных почестях и, во всяком случае, до того, как греческие города постановили воздать ему их, а в декретах Тегеи и Митилены ссылаются не на Александра-бога, а на Александра-царя (на что обратил внимание Бальдсон) [Baldson, 1950, с. 386]¹⁷.

Но даже если не принимать во внимание чисто логические возражения (вполне, впрочем, справедливые) и не соглашаться с хронологическими выкладками Хабихта, сами источники не дают никаких оснований для того, чтобы находить связь между

возвращением изгнанников и обожествлением Александра. Независимо от того, как решать сложный и запутанный благодаря стараниям историков нового времени вопрос о том, какую цель преследовал Александр, желая быть богом,— политическую или этическую, верил ли он сам в свое божественное происхождение или нет, главное заключалось в другом: Александр обладал достаточной властью, чтобы не считаться с Коринфским союзом, и не нуждался в какой-либо санкции и поддержке с его стороны. Он действовал как глава нового государства, подобного которому греки еще не знали и одну из составных частей которого, при всем своеобразии своего положения, греческие полисы теперь составляли.

В работе были поставлены три основные взаимосвязанные проблемы: специфика данного этапа кризиса полиса; специфика проявления кризиса в полисах различного типа; особенности взаимоотношений социально-экономических и политических аспектов кризиса полиса, специфика проявления социально-экономических основ кризиса в политической сфере.

Еще раз определим исходные позиции: мы имеем в виду не кризис полиса вообще, а кризис греческого классического полиса. И второе — в монографии исследовалась область политической истории. При таком подходе, подводя итоги, следует говорить о кризисе полиса в аспекте кризиса системы полисов.

Специфика рассматриваемого в данной работе этапа кризиса полиса, на наш взгляд, заключается прежде всего в том, что кризис, бывший ранее внутренним кризисом отдельных полисов (по-разному и в разной степени задевавшим их), становится теперь кризисом полисной системы. Впервые в своей истории практически все полисы и собственно Греции, и Малой Азии оказались в зависимости от одной чужеземной силы. В эллинистическую эпоху вследствие того, что на место единой державы Александра Македонского пришло несколько соперничавших государств, у отдельных полисов или союзов их появилась возможность, лавируя между этими силами, проводить хотя бы отчасти независимую политику. Но эта политика была всегда политикой, так сказать, «с оглядкой» на могущественного соседа.

С точки зрения судеб полиса эллинистический мир был переходным. Эллинистические государства так и не смогли найти органических форм включения полиса в свою структуру. Органически в них вошли только полисы, вновь основанные на Востоке, на завоеванных территориях, старые же греческие города на всем протяжении эллинизма оставались элементом, в значительной мере чуждым самой структуре эллинистических монархий. Наблюдается многообразие форм связей между полисом и монархией. Положение к тому же осложнялось постоянной борьбой «великих держав», в результате которой отдельные полисы переходят из сферы влияния одного государства в сферу влияния другого. Логическим завершением этого процесса стало включение полиса в состав Римской империи. Начало же данного процесса — изучаемый период, когда полисы Балканского полуострова оказались

под властью Александра через посредство Коринфского союза, а полисы Малой Азии — в результате завоевания им Персидского государства. К концу правления Александра, как показывает декрет 324 г. до н. э., различия в их положении фактически исчезают.

Итак, несмотря на все своеобразие судеб, развитие полисов обоих регионов идет в одном направлении. Суть его состоит в том, что полис перестает быть субъектом истории и превращается в ее объект. Эллада из системы политически независимых полисов, ход истории которых определялся, в первую очередь, взаимодействием отдельных полисов друг с другом или с внешними силами, превращается в поле борьбы различных внешних по отношению к миру полисов сил.

Мир полисов пытался отстоять свое существование. Все три самых значительных государства Греции IV в. до н. э. — Фивы, Спарта и Афины, при той или иной поддержке других государств, выступили против Македонии. В этих выступлениях можно отметить три особенности. Все они воевали под лозунгами борьбы за свободу греков, хотя отнюдь не вся Греция поддержала их. Полис достаточно отчетливо сознавал, что македонская власть угрожает свободе всей Эллады, а не только его собственной независимости. Вместе с тем вряд ли эта борьба воспринималась как борьба монархии с полисом как таковым. Далее, все эти полисы потерпели поражение, что достаточно отчетливо показывает конечную обреченность полисного мира. Наконец, все три полиса ни разу не выступили совместно. Полисный мир был миром партикуляристским, сколько-нибудь прочное и длительное объединение греков было невозможно, и вражда полисов, в течение IV в. до н. э. претендовавших на гегемонию, оказалась сильнее внешней угрозы.

Специфика кризиса в полисах различного типа лучше всего выявляется при сравнении Афин и Спарты. Мы согласны с теми исследователями, которые видят конечную причину кризиса в экономическом развитии, характер которого приходит в противоречие с традиционной структурой полиса. В ряде исследований были выявлены некоторые симптомы кризиса в политической сфере. Изучение афинского материала позволяет говорить о размывании ранее очень четких границ гражданского коллектива и, с другой стороны, об известном обособлении различных групп гражданства, имеющих свои экономические и политические интересы. В Афинах в это время действует несколько политических группировок, руководители которых в своих взглядах и социальном поведении отражают интересы отдельных слоев граждан. Интересы этих групп приходят в противоречие друг с другом, между ними идет борьба, принимающая временами острый характер. Все это приводит к разложению гражданского коллектива и ослаблению связей в нем. Вместе с тем в речах политических ораторов

очевидно почти всеобщее неприятие современного им демократического строя в Афинах. Хотя приверженность демократии постоянно декларируется, став одним из общих меев в речах Демосфена или Эсхина, в них достаточно отчетливо вырисовывается стремление к тому или иному ограничению этой демократии. Данный в работе анализ политической борьбы свидетельствует о кризисе демократии, который рассматривается как один из аспектов кризиса полиса в Афинах.

По-иному проявляется кризис в Спарте. По нашему мнению, начальной точкой выявления его признаков может служить битва при Левктрах. В чем сущность этого события? Весь строй Спарты, вся ее жизнь базировались на том, что ей принадлежала Мессения, земли которой были разделены на клеры, обеспечивавшие существование граждан. Теперь оказались подорваны основы этого строя, что может рассматриваться как своего рода «реперная точка» в развитии кризиса. Каким же образом проявляется кризис полиса начиная с этого времени? Мы знаем о социальных выступлениях в более раннее время (восстания илотов, заговор Кинадона), для последующего, раннеэллинистического времени Спарта дает яркие примеры острой социальной борьбы (реформы Агиса, Клеомена, тирания Набиса). Но рассматриваемый период — время относительного внутреннего спокойствия, во всяком случае, ничего похожего на события предшествующего и последующего времени не наблюдается.

С другой стороны, Спарта именно в это время ведет борьбу за восстановление своей гегемонии в Пелопоннесе, она стремится возродить свою власть над Мессенией. Полис отваживается на прямое военное столкновение с Македонией, т. е. стремится проводить традиционную политику традиционными методами в совершенно иных, коренным образом изменившихся условиях. Кризис находил здесь выражение в полном несоответствии политики полиса внешним условиям, той расстановке сил, которая сложилась в Элладе. Иными словами, мы вновь подходим к проблеме кризиса полиса как кризиса системы полисов.

Что касается Малой Азии, то следует отметить, что ни один из малоазийских полисов не принял участия в Ламийской войне. На это обстоятельство в литературе не было обращено того внимания, которого оно, безусловно, заслуживает. Представляется, что объяснение этому факту также следует искать в глубинных процессах кризиса полиса. В кризисе полиса, точнее, кризисе греческого классического полиса следует видеть процесс утраты и деформации его сущностных характеристик, т. е. тех черт и признаков, которые делают его таковым. К их числу относится политическая независимость. Говоря об этом, мы имеем в виду в данном случае не независимость отдельного полиса, а систему независимых полисов. Греческие города Малой Азии в результате Анталкидова мира оказались в составе Персидской

державы, т. е. утратили свою независимость. Возможно высказать предположение, что тот этап кризиса полиса, который на Балканском полуострове начался с поражения греков при Херонее и создания Коринфского союза, для полисов Малой Азии следует датировать временем Анталкидова мира. Если это предположение справедливо, то мы вправе выделить малоазийский вариант кризиса полиса — вариант, связанный с более ранним подчинением полиса внешней, чуждой ему по своей социальной природе силе. Формулирование этого предположения снова ставит нас перед лицом проблемы кризиса полиса как кризиса системы полисов. Мир греческих городов не раз подвергался нападению со стороны чуждых ему сил, однако в период подъема и расцвета полиса греки могли противостоять им. Показательно сравнение эпохи греко-персидских войн и IV в. до н. э. В греко-персидских войнах Эллада смогла отстоять свою свободу в борьбе с Персидской державой, которая тоже находилась на вершине своего могущества. В IV в. до н. э., когда государство Ахеменидов клонилось к упадку, ему тем не менее удалось подчинить себе греков Малой Азии. Не вправе ли мы видеть в этом подчинении результат развития кризиса системы полисов?

Для греков Балканского полуострова создание Коринфского союза было актом, ущемлявшим их политический суверенитет и в силу этого явлением негативным, особенно для крупных полисов; для греков Малой Азии завоевание Александра стало явлением несколько иного характера. В ряде отношений смена персидского контроля македонским означала смену господина, но в одном отношении это изменение было существенным: при Александре всюду восстанавливается демократия. Возрождение демократического строя, хотя и в условиях македонской власти, отвечало интересам массы гражданства и послужило, видимо, в конечном счете причиной того, что малоазийские греки оказались в стороне от Ламийской войны.

Заключительный этап кризиса полиса был временем гибели системы независимых полисов, временем перехода от мира городов-государств к эпохе эллинизма. Но кризис полиса не означал конца полиса, его гибели. Полис продолжал существовать еще в течение многих веков, основывались и новые полисы, однако в его характере произошли существенные изменения, которые дают основание отличать классический полис от эллинистического не только как явления, разные хронологически. Кроме того, коренным образом изменилась историческая обстановка, в которой теперь живут полисы, — или оказавшись в составе больших государств, или сохраняя (а временами и теряя) свою независимость, но испытывая воздействие со стороны более могущественных соседей.

Введение

¹ Дальнейшую разработку и уточнение ряда вопросов см. в работах Моссе — [1962b, с. 1—20; 1972, с. 135—144; 1973a, с. 23—28; 1973b, с. 179—186; 1974, с. 207—236].

² Как показал Д. Уайтхэд [Whitehead, 1977], увеличение экономической роли метеков отнюдь не сопровождалось ростом их самосознания. В полисе помимо полноправных граждан жили еще две большие группы — бесправные рабы и неполноправные метеки, но если в IV в. до н. э. теоретически уже отчетливо осознается наличие особого «рабского вопроса», то «метекский вопрос» никогда не ставился. Создается впечатление, что положение метеков и ими самими, и всеми остальными воспринималось как нечто нормальное. Даже Аристотель, сам бывший афинским метеком, никогда «метекской проблемы» не поднимал. Противоречие между ростом значения этого слоя в экономике и его политической бесправностью, очевидно, нуждается в объяснении. Может быть, богатые метеки Афин были удовлетворены теми привилегиями, которые им теперь нередко давал полис. Или объяснение заключается просто в том, что вовсе не всегда и не обязательно каждый общественный слой вырабатывал свою идеологию или, вернее сказать, осознавал себя настолько, чтобы выразить свои интересы в определенной идеологической форме.

Глава I

¹ Отсылая читателей к соответствующим страницам книги, где речь пойдет об отдельных ораторах, ограничимся здесь ссылками на более новые работы общего характера: [Delaunoy, 1959; Kennedy, 1963; Nouhaud, 1982].

² Об их специфике и отношении к так называемым первичным источникам и сохранившимся сочинениям об Александре см. особенно соображения Хейсерера [Heisserer, 1980, с. 235—237].

³ Текст: Tod, № 183; о разработке проблемы см. обзор [Seibert, 1981, с. 74—77]. Об источниках и библиографии см. также [Schmitt, III, с. 7—10]. К литературе, не вошедшей в обзор Зейберта, добавим [Heisserer, 1980, с. 3—24], где приведен также текст надписи; [Bosworth, 1980, с. 46—49] (ad Arr. Anab. I, 1, 2); [Bosworth, 1988a, с. 18]; ср. [Tronson, 1985, с. 15—19] — предлагается другая датировка надписи, а следовательно, и интерпретация.

⁴ F Gr Hist, 2 B — тексты; 2 BD — комментарий; перевод — [Robinson, 1953].

⁵ Издание фрагментов — F Gr Hist, 2 B, 124, с. 630—657. О нем см. [Brown, 1949b, с. 225—248; Atkinson, 1963, с. 125—137; Atkinson, 1973, с. 124—126; Pearson, 1960, с. 22—49; Bosworth, 1970, с. 407—413; Plezia, 1972, с. 263 и сл.; Pédech, 1977, с. 119 и сл.; Levi, 1977, с. 19—28; Шофман, 1974, с. 214—219; Шахермайр, 1984, с. 93—94].

⁶ Издание фрагментов: F Gr Hist, 2 B, 125, с. 657—665. Последняя известная нам работа о Харте — [Levi, 1977, с. 28—33].

⁷ Он был эйсангелем, т. е. распорядителем двора, церемониймейстером, или обер-гофмаршалом, по выражению Ф. Шахермайра [Шахермайр, 1984, с. 97], пост которого Александр ввел в подражание персидскому двору.

⁸ Издание фрагментов — F Gr Hist, 2 B, 134, с. 729—736. См. также [Levi, 1977, с. 38—40].

⁹ Издание фрагментов: F Gr Hist, 2 B, 133, с. 677—722. О Непархе в целом см. [Berge, Capelle, 1935, с. 2132—2154].

¹⁰ О Непархе как о флотоводце отсылаем к наиболее новой работе — [Wirth, 1985d, с. 51—75].

¹¹ Издание фрагментов: F Gr Hist, 2 B, 138, с. 752—769.

¹² Издание фрагментов: F Gr Hist, 2 B, 139, с. 769—779. Кроме литературы, указанной ниже, см. также [Brunt, 1974, с. 65 и сл.; Pédech, 1977, с. 119 и сл.; Levi, 1977, с. 65 и сл.; Bosworth, 1980, с. 27—32; Bosworth, 1988a, с. 298].

¹³ Издание фрагментов: F Gr Hist, 2 B, 137, с. 741—752. См. также [Jacoby, 1921, с. 622—654; Levi, 1977, с. 40—43; 83—92].

¹⁴ Есть хороший комментарий к Курцию, но, к сожалению, только к книгам 3 и 4 [Atkinson, 1980]. Собственно комментарию предпослано довольно большое введение, где рассматриваются основные спорные вопросы: личность Курция, время его жизни, источники сочинений об Александре (с. 19 и сл.). Кроме литературы, указанной ниже, см. также [Gunderson, 1982, с. 177—196].

¹⁵ Вопрос этот, естественно, весьма занимал историков и филологов, вызвав оживленную дискуссию, еще далекую от завершения. Поэтому назовем только некоторые более новые работы: [Instinsky, 1962, с. 379—383; Milns, 1966, с. 490—507; Verdier, 1966, с. 490—509; Scheda, 1969, с. 380—383; Therasse, 1973, с. 23—24; Grilli, 1976, с. 215—223; Levi, 1977, с. 176—178; Hamilton, 1988, с. 445—456]. За более полной информацией отсылаем к обзору Я. Зейберга [Seibert, 1981, с. 30—31] и к введению к упомянутому комментарию Д. Аткинсона [Atkinson, 1980, с. 19 и сл.]. См. также библиографию в обзорах: [Badian, 1978, с. 206; Маринович, 1982, с. 51—52]. Датировке «Истории Александра Македонского» Курция посвящена специальная работа Г. Бодефельда, с которой мы не смогли ознакомиться [Bodefeld, 1982].

¹⁶ К сожалению, нам осталась недоступной работа Р. Эгге об источниках труда Курция об Александре [Egge, 1978].

¹⁷ По мнению В. Тарна [Tarn, 1948b, с. 96—102], у Курция два портрета Александра. Основной восходит к перипатетикам, которые из мести Александру за смерть Каллисфена создали неблагоприятный образ: Аристотель воспитал прекрасного и доблестного ученика, но судьба испортила его. Для второго, подчиненного, целиком неблагоприятного портрета источником, как и Диодору, возможно, послужил Клитарх. Критику идеи о так называемом перипатетическом портрете Александра, созданном якобы Феофрастом, см. [Badian, 1958b, с. 144 и сл.; Mespeling, 1963, с. 274—282; Atkinson, 1963, с. 134—135]. Об образе Александра у Курция см. также [Bardon, 1947, с. VIII; Therasse, 1973, с. 44—45; Соколов, 1963, с. 10—11; Костюхин, 1972, с. 13—18; Штаерман, 1988б, с. 12—13].

¹⁸ Литература о Плутархе, его жизни и произведениях велика, сошлемся только на две работы общего характера — [Ziegler, 1951, с. 636—962; Bagrow, 1967]. Из работ на русском языке, весьма немногочисленных, см. [Аверинцев, 1973, с. 47 и сл.].

¹⁹ «Сравнительные жизнеописания» относят к последнему периоду жизни Плутарха. Об их относительной хронологии ср. [Ziegler, 1951, с. 899—903; Jones, 1966, с. 61—74; Hamilton, 1969, с. XXXIV—XXXVII; Wirth, 1976, с. 181—210]. Об истории изучения см. [Зельин, 1964, с. 75—77; Аверинцев, 1973, с. 19 и сл.].

²⁰ Другим произведением, из которого Плутарх заимствовал материал первоисточников, Х. Гомейер называет труд Эратосфена.

²¹ Тарн полагает, что в биографии Александра сказывается определенное влияние идей перипатетиков, их учения о судьбе и убеждения в изменении благородного характера Александра, каким его воспитал Аристотель. Еще дальше пошел А. Уэрдмэн, который стремится объяснить Плутархов характер Александра с точки зрения понятия перипатетиков о *δυναμῆς*. Критику его см. [Hamilton, 1969, с. LXIII—LXIV]. Автор одной из двух последних по времени известных нам статей акцентирует внимание на сложности и противоречивости образа Александра у Плутарха, одного из самых замечательных героев его биографий. Ни о ком более Плутарх не написал столь искусно и изощренно, более всего

интересуя характером своего героя и эволюцией его внутреннего мира [Мозман, 1988]. Е. М. Штаерман, подчеркивая положительные черты в созданном Плутархом образе Александра, мудрого правителя, который следовал учениям философов — Диогена, гимнософистов, стоиков, — допускает возможность влияния политического опыта Александра на ранних стоиков с их планами космополитического государства.

²² Усилия Д. Пауэлла доказать, что сочинение «Об удаче или доблести Александра Великого» написано после биографии Александра [Powell, 1939, с. 235—236], признаны безуспешными (ср. [Hamilton, 1969, с. XXIII]).

²³ Авторство Плутарха в отношении второй части признается не всеми учеными [Tagh, 1939, с. 56].

²⁴ К сожалению, нам оказалась недоступна книга П. Стедтера «Арриан из Никомедии» [Stadler, 1980].

²⁵ В последнее время более всего занимался Аррианом английский исследователь Босворт, выпустивший комментарии к книгам I—III «Анабасиса Александра» [Bosworth, 1980] и работу о нем «От Арриана до Александра. Исследования об исторической интерпретации» [Bosworth, 1988b]. Видя главной целью авторов произведений, которые служат нам историческими источниками, не собственно открытие новых фактов (они вторичны, и собранный в них материал уже знаком читателю), а литературную обработку известной традиции под определенным углом зрения, Босворт уделяет большое внимание стилистике Арриана, его литературным приемам и историческому методу. Вместе с тем изучение античной историографии, в частности Александра, слишком часто отделено от собственно исторического исследования. Ученые нового времени много трудов посвятили выяснению методов и пристрастий античных историков, но пренебрегают ими, когда доходят до установления факта. Слишком часто, по мнению Босворта, допускают, что Арриан просто переписывал Птолемея, Диодор же был эхом Клитарха, а это приводит к простому сопоставлению Арриана и традиции «вульгаты», когда принимают то, что подходит к одной схеме, и отбрасывают то, что ей не соответствует, исходя в большей мере из субъективных критериев. Сам Босворт выступает за более сложный, по его словам, метод, а именно: рассмотрев в первую очередь общий контекст традиции и оценив литературные и (там, где они есть) риторические приемы, отделить первоначальный материал от его препарирования — лишь после этого возможно сравнение традиций. Последние главы его книги содержат попытки применения этих принципов к конкретному изучению традиции о смерти Александра (т. е. прежде всего исследование «Эфемерид») и традиции относительно его последних планов.

Следует также сказать об издании «Анабасиса» Арриана (вместе с его «Индийской историей»), осуществленном Г. Виртом [Wirth, 1985]. Помимо оригинального текста и немецкого перевода, двухтомник содержит основательную вступительную статью (с. 719—777) и научный комментарий.

²⁶ См., например, характеристику С. И. Соболевского: «Арриан — в высшей степени правдивый и достоверный источник» [Соболевский, 1960б, с. 192].

²⁷ Относительно источников Арриана и традиции «вульгаты» к собранной нами ранее литературе добавим [Bosworth, 1976с, с. 1—33, 34—46 — дискуссия; Hammond, 1980а, с. 455 и сл.; Tonnet, 1987, с. 635—656].

²⁸ Круг этих вопросов, в общем, не нов для историографии Арриана, но, как представляется, теперь особого внимания заслуживают упомянутые исследования Босворта.

Глава 2

¹ О судебных процессах как форме политической борьбы см. [Calhoun, 1970, с. 98—107] (репринт издания 1913 г.).

² Ему вторит К. Моссе [Mossé, 1973с, с. 83]; ср., однако, [Bosworth, 1985, с. 434].

³ Ср. [Bosworth, 1985, с. 435]. Босворт упрекает В. Вилля [Will, 1983] за

наवेशивание ярлыков «промакедонский» и «антимакедонский» на ведущих политиков Афин, что может привести к свехупрощению.

⁴ Мне неизвестна ни одна специальная работа об этом процессе, но о нем говорится (с разной степенью подробности) в трудах общего характера, в исследованиях о Демосфене и Эскине и в предисловиях к изданиям соответствующих речей этих ораторов. Ссылки на эти работы будут даны *ad hoc*.

Дело Гарпала вызвало огромный интерес историков, и только один перечень литературы занял бы значительное место. Помимо специальных работ следует иметь в виду книги по истории Греции и Афин, а также труды о Демосфене. Состояние разработок см. [Seibert, 1981, с. 167—169]. Из вышедших после обзора Я. Зейберта работ отметим [Кондратьев, 1980, с. 158—180; Worthington, 1984, с. 161—169; Will, 1983, с. 113—127; Bosworth, 1988a, с. 215—220] и особенно [Jaschinski, 1981].

⁵ Рецензенты наряду с несомненными достоинствами работы В. Вилля отмечали, что автор избегает полемики, бывает догматичен в своих выводах, заметна тенденция объявлять свидетельства источников, которые противоречат его построениям, недостоверными. Наконец, В. Вилль преувеличивает роль Афин в деятельности Александра и придает афино-македонским отношениям значение, которого они не заслуживают. И с этим замечанием следует согласиться [Bosworth, 1985, с. 431—436; Hornblower, 1985, с. 409—410].

Хардинг, со ссылкой на работу Сундвалля [Sundwall, 1906], дополненную Дэвисом [Davies, 1971; 1981], пишет о фактической монополии немногих богатых семей — из них выходили стратеги, ораторы, финансисты и послы. Менее состоятельное большинство возмущалось их богатством и властью, проявляя свое негодование в судах, народном собрании и театре [Harding, 1987, с. 32]. О «политической элите» и народе ср. [Montgomery, 1983, с. 20—26].

⁶ См. [Hansen, 1983a, с. 33—55; Hansen, 1983b, с. 151—180; Hansen, 1987a, с. 34—48; Hansen, 1987b, с. 209—211] (Хансен приводит список ораторов и стратегов IV в. до н. э.). См. также [Robert, 1982, с. 354—362], где содержится критика ученых, по мнению которых в IV в. до н. э. правительством управляли неофициальные лица, «демагоги», в чем, например, В. Эренберг видит одну из причин упадка демократии. Роберт в подтверждение своей правоты ссылается на список политиков, составленный на основании книги Коннора [Connor, 1971] и статьи Клоше [Cloché, 1960, с. 80—95].

Правда, в отличие от древних, некоторые ученые нового времени высказывали сомнения в подлинности этой речи, однако с их доводами согласны далеко не все. Но даже если видеть в ней произведение более позднего ратора, несомненно, что он опирался на произведение Демосфена. В частности, в литературе уже отмечалось сходство между § 20 речи «О распределении средств» и § 29 Второй Олинфской речи. Обо всем этом круге вопросов написано немало, поэтому назовем только работы последних десятилетий, где приведена и более ранняя библиография, в том числе не утратившая своего значения книга Бласса [Blass, 1893, с. 398—403]; [Croiset, 1968, с. 70—73; Sealey, 1955a, с. 104 и сл.; 1967, с. 250—253; Cawkwell, 1963b, с. 48; Pearson, 1981, с. 135; Montgomery, 1983, с. 19, 42; Eucken, 1984, с. 193—208].

¹⁰ Помимо названных работ Хансена см. также [Маринович, 1975, с. 261] (и приведенную в примеч. 24 литературу); [Mossé, 1974, с. 221]. Для времени Ламийской войны пример такого союза оратора и стратега дают Гиперид и Леосфен. Ср., однако, [Perlman, 1963, с. 347—348].

¹¹ Таковым считали Демада, но нынешняя оценка его не столь однозначна. Ср., например, [Mitchel, 1962, с. 213—229; Mitchel, 1970, с. 14—18; Williams, 1982, с. 2 — более ранняя библиография собрана в примеч. 2; Will, 1983, особенно с. 137 и сл.; Колобова, 1963, с. 221—222].

¹² Основные источники о Ликурге (помимо его собственных речей) — его биография в «Жизнеописании десяти ораторов», ранее ошибочно приписывавшаяся Плутарху, и надписи, среди которых — декрет Стратокла (афинское постановление в честь Ликурга, принятое в 307—306 гг. до н. э.). Псевдо-Плутарх, вероятнее всего, восходит к Цецилию (I в. до н. э.), который почерпнул основные сведения из биографии Ликурга, написанной после его смерти учеником Исократом

Филиском и носившей, судя по Олимпиодору (Olympiod. Ad Gorgiam. 515 D), панегирический характер. Помимо надписи (Syll.³, 326; IG, II², 457) декрет Стратокла сохранился в рукописной копии, сделанной сыном Ликурга (Pav.—Plut. Vit. X Or. 851 F — 852 E). Их сопоставление см. [Oikonomides, 1986, с. 51—56]. От рассматриваемого времени до нас дошло довольно много надписей самого разного характера, часть которых издавала (после нового изучения оригиналов) С. Швенк, снабдив тексты филологическим и историческим комментарием и исчерпывающей библиографией [Schwenk, 1985].

¹³ Представляются неубедительными соображения В. Вилля [Will, 1983, с. 98—99] относительно характера декрета Стратокла, в котором он видит плод политической пропаганды, реакцию на режим Деметрия Полиоркета. Отсюда — его нигилистическое отношение к содержащимся в нем фактам. Ср. [Bosworth, 1985, с. 434—435].

¹⁴ Считают, что при Ликурге флот достиг наибольшей в истории Афин численности, но размер и состав флота определяют несколько по-разному. Появляются новые типы кораблей, в том числе тетеры, несколько потеснившие триеры, число которых сократилось с 392 в 330 г. до н. э. до 360 в 325 г. до н. э. [Ashton, 1979, с. 327—342; Cawkwell, 1984, с. 334—345; Bosworth, 1988a, с. 208 и сл.]. Более специальные работы о флоте: [Casson, 1971, с. 97; Schmitt, 1974, с. 80—83; Rougé, 1975, с. 101].

¹⁵ Вопрос об официальном статусе Ликурга, характере занимаемой им должности и природе столь продолжительного влияния решается неоднозначно. Из более новых работ см. [Markianos, 1989, с. 325—334; Rhodes, 1981, с. 515—517; Williams, 1982, с. 5 — в примеч. 12 приведена более старая литература; Bosworth, 1988a, с. 205—206; Develin, 1989, с. 7—8]. См. также [Маринович, 1983a, с. 214, примеч. 16].

Особого внимания заслуживают соображения С. Хамфрис о средствах, с помощью которых Ликург осуществлял свою программу, о механике его реформ, в частности об изменении в эти годы роли номофетов [Humphreys, 1985, с. 201 и сл.], а также наблюдения К. Моссе о новых чертах в занимаемой Ликургом магистратуре, ее исключительном характере [Mosse, 1989, с. 25 и сл.].

¹⁶ Кроме названных работ см. особенно [Burke, 1985, с. 251—264]. Сознвая относительность всякого рода подсчетов в греческой экономике, на чем настаивал Финли [Finley, 1978], Берк не ставит своей целью реконструкцию Ликургова бюджета, но все-таки подсчитывает примерные доходы и расходы полиса, рассматривая получаемые цифры скорее как иллюстрации, а не как цель.

¹⁷ Из-за состояния источников вопрос о характере реформы Ликурга решается неоднозначно. Опубликованная Мицосом в 1967 г. надпись фило Акамантиды в честь косметов эфебов [Rheinmuth, 1971a, с. 2—4, № 1] доказала, по мнению ряда ученых, существование самого института эфебии ранее 336 г. до н. э., однако с такой датировкой этой надписи согласны не все. Спорен и вопрос о том, касалась ли эфебова служба только сыновей гоплитов [Rheinmuth, 1971a; Rhodes, 1980, с. 191—201] или охватывала сыновей всех граждан [Pélékidis, 1962, с. 83—84; Ruschenbusch, 1979, с. 173—176; Ruschenbusch, 1981, с. 103—105; Williams, 1982, с. 10—11]. См. также [Lewis, 1973, с. 254—256; Pecirka, 1975b, с. 136—137; Vidal-Naquet, 1981, с. 151—153; Will, 1983, с. 94, примеч. 310 — о состоянии разработки проблемы].

¹⁸ Известно, что эфебы участвовали в празднике в честь Амфиарая в Оропе [Pouilloux, 1954, с. 106, № 1]. Об этом аспекте эфебии см. [Reinmuth, 1971a, с. 47—51; Humphreys, 1985, с. 207—209].

¹⁹ Речь идет, очевидно, о хищнической добыче руды за счет уничтожения опорных столбов, которые оставались в породе для крепления, так как район Лаврия был беден лесом. См. также [Глускина, 1967, с. 57—58; Глускина, 1975, с. 161—162; Шмидт, 1935, с. 250; Crosby, 1950, с. 258, 300].

²⁰ Первая из этих надписей содержит декрет, принятый в 330—329 гг. до н. э. в честь платейца Евдема, сына Филурга, который предоставил на строительство стадиона и театра для Панафиней упряжку волов на тысячу дней; кроме того, он еще раньше обещал народу пожертвовать на войну, в случае необходимости, четыре тысячи драхм. Народ венчает его масличным венком, дарует ему право

владения землей и домом и предоставляет ряд других прав и привилегий — по предложению Ликурга.

²¹ В последнем исследовании о финансах Ликурга среди источников доходов торговле отводится ведущая роль; доходы Афин зависели прежде всего от оборота Пирея. Именно в увеличении доходов Афин в связи с развитием торговли автор видит экономическую обусловленность внешней политики полиса в Ликургов период, ее нейтралитета по отношению к Македонии [Burke, 1985, с. 252—264].

²² Очевидно, Диотим успешно выполнил свою задачу, так как годом позднее, тоже по предложению Ликурга, народ вотировал ему почести (Ps.-Plut. Vit. X Or. 844 A; IG, II—III², 1(1), 414a); [Schweigert, 1940; с. 340—341; Schwenk, 1985, № 25, с. 134—136].

²³ В их числе: IG, II², 360 (Syll.³, 304); [Schweigert, 1939; с. 27—30, № 7; Schweigert, 1940, с. 335—339, № 42; Walbank, 1980, с. 251—255, № 1; McK. Camp II, 1974, с. 322—324] (в примеч. 45 на с. 323 перечислены декреты, появление которых связано с недостатком зерна). В целом по вопросу кроме комментариев в перечисленных публикациях см. [Isager, Hansen, 1975, с. 200—213; Garnsey, 1985, с. 62 и сл.; Garnsey, 1988, с. 154—162].

Мы не касаемся отношений Афин с Северным Причерноморьем в IV в. до н. э. — проблемы, плодотворно разрабатываемой нашими историками и археологами.

²⁴ К. Моссе даже назвала эту мысль «гимном сикофанству» [Mossé, 1973c, с. 82]; см. также [Mossé, 1962a, с. 270].

²⁵ О традиции использования ораторами исторических примеров, стремлении опираться на раннюю историю Афин как методе политической пропаганды и средстве объяснения современной политики и влияния на аудиторию в определенном направлении, об общем и специфическом у ораторов см. [Pearson, 1941, с. 209—229; Perlman, 1961, с. 151—166; Perlman, 1964, с. 155, 172; Исаева, 1974, с. 145—150]. Большое исследование «Использование истории аттическими ораторами» принадлежит М. Ню [Nouhaud, 1982]. Правда, основными объектами изучения являлись речи Исократ, Демосфена, Эскина и в очень незначительной мере — Ликурга, что, в общем, и понятно, учитывая объем материала.

²⁶ Хамфрис даже считает возможным говорить о пайдее Ликурга [Hamphreys, 1985, с. 216].

²⁷ См. наблюдения С. Хамфрис об идеологии Ликурга, о сознательном выражении его взглядов о хорошем обществе в символической форме, в текстах и изображениях [Hamphreys, 1985, с. 214—219].

²⁸ Анализ использования поэзии аттическими ораторами IV в. до н. э. показал, что Ликург по числу приведенных им отрывков уступает только Эскину, тогда как в выборе поэтов отразились не только личные пристрастия оратора, но и вкусы аудитории [Perlman, 1964b, с. 155—172]. Примеры из героического прошлого Афин, поэтические тексты должны были заменить Ликургу ссылки на законы в слабом с юридической точки зрения обвинении им Леократа: он полагался на патристические чувства афинян, уязвленные при Херонее.

²⁹ В 333—332 гг. до н. э. принимается решение о возведении статуи Демократии, культ которой был учрежден в Афинах после изгнания 30 тиранов, и устанавливаются жертвоприношения в ее честь. Известно, что такие общественные жертвоприношения стратеги совершали в 332—331 и 331—330 гг. до н. э. (IG, II—III², 1496, II. 131—132, 140—131). О культе см. [Raubitschek, 1962, с. 238—243]. Упомянем о любопытной попытке отождествить с культовым изображением Демократии колоссальную статую, найденную на агоре [Palagia, 1982, с. 99—113] (в статье читатель найдет обширную библиографию об этом культе и материал о других статуях Ликургова времени).

³⁰ Правда, по мнению Л. М. Глускиной, меры поощрения разработки Лаврия (освобождение средств, вкладываемых в серебряные рудники, от государственных обложений и литургий) относятся ко времени Ликурга [Глускина, 1975, с. 160]. Однако, как пишет сама Л. М. Глускина, это произошло между 345 и 330 гг. до н. э., т. е. не обязательно при Ликурге. Вместе с тем в источниках отмечается, что Ликург, сам кристально честный, безупречный и неподкупный (Ps.-Plut. Vit. X Or. 843 F; 852 D; Syll.³, I, 362), был непримиримым ко всякого рода финансовым

нарушениям и злоупотреблениям, но конкретно в данной связи упоминаются только меры против дельцов из Лаврия (Ps.-Plut. Vit. X Or. 843 D), что весьма показательно. Кроме того, можно привести еще одно, весьма веское, как представляется, соображение — возобновление доверия к разработкам Лаврия, судя по речи Гиперида против Евкениппа (см. ниже), произнесенной между 328 и 323 гг. до н. э. Подробнее см. [Hopper, 1953, с. 225, 252]. В подтверждение предложенного толкования см. также [Mossé, 1973c, с. 93, 116 (со ссылками на Ps.-Dem. XLII, 3, 21, 31); Gernet, 1957, с. 79, примеч. 3 (ad Ps.-Dem. XLII, 3, со ссылками на Hyperid. C. Euxenip. col. XLIII—XLIV; Ps.-Plut. Vit. X. Or. 843 D)].

³¹ О Демосфене в литературе нового времени см. [Жебелев, 1922, с. 157—164; Раддиг, 1954, с. 479—484; Luccioni, 1961, с. 177—180; Adams, 1963, с. 113—152; Demandt, 1972, с. 325—363; Will, 1983, с. 142—143; Harding, 1987, с. 25—26]. О Демосфене как ораторе см. [Ronnet, 1951; Kennedy, 1963, с. 206—236; Pearson, 1964, с. 95—105, 181]. О характере его речей см., кроме того, [Hansen, 1984, с. 57—70]. Об оценке Демосфена древними помимо названной статьи Хардинга сошлемся на обстоятельную книгу Э. Дрерупа [Drerup, 1923].

³² Это подчеркивается и в более поздних источниках — Plut. Dem. 12—13; ср., однако, Theop. fr. 326 (F Gr Hist 2 В, с. 603—604). См. также [Blass, 1893, с. 44—45; Luccioni, 1961, с. 68, 153].

³³ Подробнее об этих взглядах Демосфена, важных для понимания идеологических основ его политики, и роли идеологической аргументации в спорах о внешней политике см. [Leopold, 1981, с. 227—246]; ср. [Perlman, 1961, с. 165].

³⁴ Подлинность Четвертой Филиппики и речи «О деле в Херсонесе» была предметом многих ученых споров, начиная с поздней античности. Здесь нет возможности касаться всех теорий, которые были выдвинуты для объяснения стилистических и композиционных особенностей этих речей. Как бы ни решался вопрос об их аутентичности, времени создания и соотношении, ни у кого не вызывает сомнения принадлежность высказанных в обеих речах идей Демосфену, а для нас это главное. Ср. [Blass, 1893, с. 367—374, 382—392; Treves, 1936, с. 159—174; Adams, 1938, с. 129—144; Croiset, 1975, с. 112—119; Daitz, 1957, с. 145—162; Canfora, 1968, с. 7 и сл., 59 и сл.; MacDowell, 1970, с. 321—322].

³⁵ Все эти призывы к защите слабых и притесняемых следует рассматривать в аспекте борьбы с Филиппом. Вместе с тем Демосфен убежден в праве Афин владеть Потидеей, Херсонесом и рядом других городов и земель (ср. [Бергер, 1966, с. 303 и сл.] — о понятии *κτῆματα*).

³⁶ Вопрос о «панэллинизме» Демосфена решается неоднозначно. Наиболее подробно см. [Luccioni, 1961, с. 70 и сл.]; ср. [Dunkel, 1938, с. 291—305; Bockisch, 1975, с. 239—246; Perlman, 1976a, с. 23—25; Бергер, 1966, с. 299 и сл.].

³⁷ Известно, например, что из-за физических недостатков Исократ должен был отказаться от публичных выступлений, а Демосфен долгими упражнениями готовил себя к ораторской деятельности. См. [Harding, 1987, с. 36, примеч. 40], где даны примеры того, какой именно имидж предпочли некоторые афинские политические деятели.

³⁸ В речах Демосфена это существительное и соответствующий глагол встречаются более 50 раз, тогда как у Эсхина его нет, кроме одного исключения (он повторяет Демосфеново определение — Aeschin. III, 159) [Harding, 1987, с. 36, примеч. 41].

³⁹ Выше уже упоминалось о той многозначной роли, которую исполняли исторические примеры в речах аттических ораторов. Среди них греко-персидские войны занимали особое место — прежде всего к воспоминаниям о них восходит традиция прославления Афин как носителя свободы и независимости греков. Демосфен следовал этой традиции, важным звеном которой был Исократ, но (как и Ликург) в трактовку прошлого внес элементы, связанные с его восприятием настоящего. Как видим, Демосфен не преминул сказать о том, что особенно волновало его, а именно о нежелании граждан самим браться за оружие в борьбе с Филиппом, царем Македонии, тогда как предки, в отличие от сограждан Демосфена, сами выступали в походы, стяжав «недосягаемую для завистников» славу.

⁴⁰ Демосфен говорит и о других недостатках в современных ему Афинах, однако они не имеют принципиального значения, ибо продиктованы теми или иными сиюминутными политическими интересами, и в силу этого Демосфен иногда противоречит сам себе. Так, например, в одних речах он жалуется на отсутствие свободы слова в Афинах (например, III, 32), в других — на чрезмерную свободу слова (IX, 3). Заметим, кстати, что сеговония Демосфена на свободу речи, которую афиняне, считая ее общим достоянием всех живущих в государстве, распространили на иностранцев и на рабов, находят поразительную параллель в так называемой Псевдоксенофоновой «Афинской политике» (I, 12) — анонимном политическом памфлете антидемократического направления, написанном во второй половине IV в. до н. э. Но подобного рода мысли вряд ли все-таки можно считать элементами его общей системы воззрений, к каковым мы относим только то, что неоднократно повторяется в речах Демосфена разного времени.

⁴¹ Однако в конкретных условиях того времени практическое осуществление этой идеи означало, по расчетам самого Демосфена, что только четверть армии будет состоять из граждан, а большая часть — из наемников (см. [Маринович, 1975, с. 74—76]).

⁴² Иначе — [Cloché, 1957, с. 32—33]; ср. [Jones, 1957, с. 35—36, 59—60; Бергер, 1966, с. 293]. Отмечалось, что нападки Демосфена на богатых — это только обвинения политических противников [Perlman, 1963, с. 336; Perlman, 1967, с. 164], что «демократические деятели в Афинах считались с настроениями состоятельных граждан, не желая обострять отношений с ними и основной массой граждан» [Глускина, 1983, с. 28, примеч. 84]. Тема «богатые и бедные» в политических речах Демосфена рассмотрена в книге [Vannier, 1988, с. 147—166].

⁴³ Согласно Д. Дэвису, тщательно изучившему источники, Демосфен к концу жизни был одним из богатейших граждан Афин. Помимо прямых свидетельств источников (исчерпывающую сводку их см. [Davies, 1971, с. 126—135]; там же приведена библиография) за это говорят многочисленные литургии Демосфена (около полутора десятков [Davies, 1971, с. 135—138]) и другие траты на пользу государства. Так, избранный в мае 337 г. до н. э. от своей филы Пандиониды в комиссию по строительству стен, Демосфен вложил и свои деньги (Dem. XVIII, 112, 118; Aeschin. III, 17), и, судя по его речам, это не единственная сумма, которую Демосфен «по собственному почину дал из своих собственных средств» (XVIII, 112; см. также VIII, 70; XVIII, 99, 257, 267 и др. — о триерархиях и хорегиях).

⁴⁴ Ср. те же самые мысли в более общей форме: «С тех пор как появились эти ораторы, спрашивающие всех и каждого из вас: „чего вы хотите? какое мне написать предложение? чем бы вам угодить?“ — с тех пор во имя кратковременного успеха принесены в жертву дела государства» (Dem. III, 22).

⁴⁵ Перевод [Соболевский, 1935, с. 345].

⁴⁶ В свете сказанного представляется неубедительным мнение Ш. Перлмэна, что Демосфен считал ниже своего достоинства как политика выступать в судах. Впрочем, и объяснение Ш. Перлмэна, даже если согласиться с ним, скорее подтверждает нашу мысль об отрицательном отношении Демосфена к гелие [Perlman, 1963, с. 333].

⁴⁷ Леви ссылается как раз на Первую речь Демосфена против Аристогитона, известного сикофанта (о нем см. [Lofberg, 1976, с. 78—83]). В полемике о принадлежности этой речи Демосфену кажутся более убедительными доводы сторонников ее аутентичности, ср. [Treves, 1936, с. 153—174, 233—258; Sealey, 1967, с. 250—255; Mathieu, 1971, с. 138; Hansen, 1976, с. 144—152]; более полная библиография дана в статье М. Хансена, с. 144, примеч. 1.

⁴⁸ Солон (как и Клисфен) приобретает черты идеального государственного деятеля, воплощающего определенные идеи различных политических группировок. В течение IV в. до н. э. ссылки на Солона становятся частыми, прежде всего у ораторов — Эсхина, Гиперида, особенно Демосфена. Образ Солона «демократизируется», в нем видят основателя демократического государства, законодателя, которому народ обязан своей властью, хотя мыслители умеренного направления сохраняют к нему интерес и прослеживают следы олигархической тенденции в его интерпретации. Трактовка великих деятелей прошлого, мифических и

реальных (Тесея, Драконта, Клисфена, Солона), как один из аспектов изучения более общей проблемы — интерпретации исторического прошлого, ранней истории Афин в трудах политических мыслителей, идеологов полисного мировоззрения — вызвала довольно значительную литературу, из которой в связи с Солоном назовем: [Рожицын, 1914, с. 697—773; Доватур, 1961, с. 412—420; Fuks, 1954, с. 15 и сл.; Ruschenbusch, 1958, с. 398—424; Mossé, 1979, с. 425—437].

⁴⁹ Деятельность гелией, ее структура, прерогативы, история в последние два десятилетия интенсивно изучаются М. Г. Хансеном, изложившим результаты своего исследования в нескольких книгах и серии статей [Hansen, 1974; Hansen, 1978b, с. 127—146; Hansen, 1981—1982, с. 9—47]. Об их общем направлении см. [Глускина, 1983, с. 36].

⁵⁰ Современное состояние разработки сложной и запутанной проблемы номос — псефисма, процедура принятия новых законов см. [Quass, 1971; MacDowell, 1975, с. 62—74; Hansen, 1978a, с. 315—330; Hansen, 1985, с. 345—371; Sealey, 1982, с. 289—301; Rhodes, 1984, с. 55—60; Piérart, 1987, с. 21—37]. Применительно к Демосфену см. особенно [Montgomery, 1983].

⁵¹ Наиболее полное изложение взглядов греков, в том числе Демосфена, на закон (с соответствующей литературой) дано в интересной книге Ж. Ромилли «Закон в греческом мышлении от начала до Аристотеля» [Romilly, 1971]. В появившемся через четыре года исследовании «Проблемы греческой демократии» она вновь обращается к Демосфену, посвятив ему главу под красноречивым названием «Демосфен, или осмеянный закон» [Romilly, 1975, с. 101—105].

⁵² Возможно, в этой связи уместно сослаться на рассуждения Демосфена о том, что полезный гражданин — это тот, кто «часто идет наперекор» желаниям демоса ради высшего блага и ничего не говорит в угоду ему (Dem. VIII, 69—70; ср. Plut. Dem. XIV).

⁵³ Горечь Демосфена понятна, так как народ осудил его. Заметим, впрочем, что изменчивость настроений демоса испытали на себе многие простаты, а неблагодарность народа — один из лейтмотивов биографий Плутарха.

⁵⁴ Сошлемся еще на важную статью Гарви, которую отличает широта и обстоятельность. Автор рассматривает место и формы взяточничества в греческой политике, терминологию, степень распространения, мотивы [Harvey, 1985, с. 76—117]; см. также [Perlman, 1976b, с. 223—233].

⁵⁵ Обычно Демосфена считают демократом без каких-либо уточнений, но в связи с делом Гарпала отмечается враждебность к нему Гиперида как вождя радикалов (крайних).

⁵⁶ По словам Динарха, Демосфен не имел в городе «никакого видимого имущества» (τοὺς μὲν φατέρον κειτῆρας τὴν οὐσίαν) (Dinarch. C. Dem. 70).

⁵⁷ Историки весьма единодушно отмечают, что в годы правления Александра Демосфен воздерживался от враждебных действий по отношению к нему, сочтя за лучшее ради блага Афин отстраниться от активной политики. Такая позиция обычно объясняется осторожностью, продиктованной сложившейся обстановкой, которая не благоприятствовала открытой борьбе. См., например, [Бузескул, 1909, с. 459; Tarn, 1927, с. 440; Glotz, Cohen, 1945, с. 198, 209; Mathieu, 1948, с. 120—121; Cloché, 1957, с. 38—39, 217, 269; Reinmuth, 1971b, с. 48; Will, 1983, с. 143; Bosworth, 1988a, с. 212]; ср. [Carlier, 1989, с. XXV—XXVI].

⁵⁸ Противопоставляя Гиперида — богатого земельного собственника традиционного типа Демосфену, который деньги, полученные от персидского царя для помощи фиванцам и др., потратил на себя, давая их в виде займов под залог кораблей и обогащаясь таким образом, К. Моссе относит его ко всем тем богачам, которые, увеличивая свое состояние посредством эксплуатации рудников или финансирования морской торговли, не хотели войны и готовы были на многие уступки [Mossé, 1973c, с. 89—90, 94; Mossé, 1974, с. 228—230].

Уже давно отмечалось, что свою речь в защиту Ктесифонта Демосфен посвятил в основном защите своей политики 346—338 гг. до н. э., лишь очень бегло коснувшись времени после Херонеи (хотя самый характер процесса требовал как раз обратного). Ж. Матье объясняет это умолчание «доводами личного благоразумия и благоразумия национального» [Mathieu, 1971, с. 13]. Однако (возражает ему К. Моссе) не были ли обвинения Эсхина частично оправданны и был ли Демосфен

в те годы таким безупречным патриотом, каким хочет себя представить? Если верить обвинениям, которые несколькими годами позднее ему предъявил Гиперид, то можно думать, что Демосфен больше думал тогда об увеличении своего состояния, чем о подготовке к войне с Македонией. См. также взвешенные соображения об этой речи Босворта [Bosworth, 1988a, с. 214—215].

⁵⁹ Очевидно, именно этим и объясняется то обстоятельство, что о самом Гипериде написано мало. Кроме трудов общего характера нам известны: [Schaefer, 1886, с. 324 и сл.; Boehnecke, 1864; Blass, 1898; Colin, 1946, с. 5—51; Bult, 1973, с. 363—366; Will, 1983, *passim*]. Об ораторском искусстве Гиперида см. [Kennedy, 1963, с. 252—255]. У древних, как и в новое время, Гиперид вызывал довольно противоречивые суждения: восхищались его ораторскими способностями, уважение внушала борьба с Македонией и смерть за свои убеждения, но личная жизнь Гиперида, его любовь к роскоши, невоздержанность давали много оснований для критики.

⁶⁰ Свидетельства других источников указаны в примеч. к Athen., *ad hoc*. в издании [Gulick, 1959].

⁶¹ О местоположении Бесы в районе Лаврия — Xen. *De vect.* IV, 43—44. См. также [Milchhöfer, 1899, с. 323—324].

⁶² Мысль впервые была высказана Ардальоном [Ardaillon, 1897, с. 159—160]. См. также [Perlman, 1967, с. 165; Глускина, 1969, с. 296 и сл.; 1984, с. 188; Davies, 1971, с. 279]. Ср., однако, [Strauss, 1984, с. 418—427].

⁶³ В речи против Фениппа Демосфенова корпуса (Ps.-Dem. XLII, 3, 21), произнесенной, вероятнее всего, в 328/27 гг. до н. э., говорится о каком-то общем несчастье занятых на рудниках *τῆς κοινῆς αὐτοῦλας... τοῖς ἄλλοις τοῖς ἐργασμένοις ἐν τοῖς ἔργοις* (в то время как земледельцы процветают), и о том, что граждане сообща пришли им на помощь. Правда, по мнению, В. Н. Андреева, «общее несчастье» могло оказаться понятным эвфемизмом, означавшим массовое бегство рабов или их волнения [Андреев, 1977, с. 105].

О датировке речи ср. [Blass, 1893, с. 505—506; Ardaillon, 1897, с. 155—157; Norrger, 1953, с. 225; Gernet, 1957, с. 76—77].

⁶⁴ Это был постепенный и длительный процесс, результаты которого сказались в полной мере уже в III в. до н. э., но начало ему было положено завоеваниями Александра Македонского (детезаврация персидских сокровищ, новые разработки — возможно, серебра в Киликии и др.). Ограничимся тремя ссылками: [Caru, 1932, с. 140—141; Crosby, 1950, с. 190; Savagnola, 1973, с. 539].

⁶⁵ Поддержку своим соображениям мы недавно нашли в весьма любопытной статье «The Mining Lobby at Athens», автор которой показывает значительное влияние этого «лобби» на политическую жизнь Афин второй половины IV в. до н. э. [Rankin, 1988, с. 189—205].

⁶⁶ Точная дата неизвестна, но ясно, что речь была произнесена между 338—336 гг. до н. э. Суть дела заключается в следующем: после битвы при Херонее был внесен проект о даровании почестей некоторым македонянам, и, поскольку страх перед Филиппом был велик, проект приняли. Но когда Филиппид предложил наградить венками тех членов Совета, которые тогда председательствовали, за достойное выполнение обязанностей, противники Македонии привлекли его к ответу (по графе параномон). Одним из обвинителей выступил Гиперид, заключительная часть речи которого, вероятно, и сохранилась.

⁶⁷ Традиция относительно афинян, выдачи которых потребовал Александр, очень сложна, так как античные авторы не только приводят разные цифры (от 8 до 11), но и называют различные имена. Поисками истины занимались многие ученые, среди которых Белох, Шефер, Пикард-Кэмбридж, Колен и Клоше (на работы которых мы уже неоднократно ссылались). Последний, кто, насколько нам известно, изучал этот вопрос, — Босворт, который в комментарии к «Анабасису Александра» Арриана (*ad hoc*) пришел к заключению, что верный список дал Плутарх в биографии Демосфена. Источником ошибки Арриана он считает Птолемея (заключение, идущее в русле его стремления развенчать Птолемея как историка). К основному ядру, который включал 6 человек, Гиперид, по мнению, Босворта, был добавлен за его активную роль в Ламийской войне [Bosworth, 1980, с. 93—95]. Тем самым он возвращается к точке зрения, высказанной еще

А. Шефером [Schaefer, 1887, с. 137, примеч. 2]. Отбрасывает свидетельства о Гипериде Арриана, «Суды» и Плутарха (Phoc. XVII) и Браццези [Braccesi, 1967, с. 157—162]; см. также [Will, 1982, с. 44—45, примеч. 303; Scibert, 1979, Bd. 1, с. 148—149; Bd. 2, с. 501, примеч. 1173].

⁶⁸ Датировка речи представляет большие трудности, и единственно, в чем согласны специалисты, — определение промежутка времени, в пределах которого речь могла быть произнесена: между 336 (возобновление Александром договора с греками) и 331 гг. до н. э. (выступление Агиса). Основных мнений два: одни историки приводят доводы в пользу более ранней даты, т. е. 336—335 гг. до н. э. (Б. Низе, Ф. Бласс, Ж. Колен, С. И. Радциг, Э. Д. Фролов), но более обоснованным кажется мнение тех ученых, которые связывают речь с дебатами в народном собрании Афин, вызванными призывом Агиса к грекам подняться на борьбу с Македонией (А. Шефер, У. Вилькен, К. Белох, Г. Берве, В. Эренберг, В. Тарн). Мы не будем давать ссылки на работы ученых, принявших участие в этой продолжающейся уже более ста лет дискуссии (их можно найти: [Will, 1982, с. 202 и сл.; Will, 1983, с. 68]), и упомянем только последние статьи. Наиболее полно доводы в пользу 331 г. до н. э. привел Д. Коквелл [Cawkwell, 1961, с. 74—78]. Напротив, В. Вилль считает, что речь следует датировать 333 г. до н. э. [Will, 1982, с. 202—213; Will, 1983, с. 68], той же датировки придерживается Г. Вирт [Wirth, 1971, с. 618, примеч. 9]. Но доводы Д. Коквелла не убедили А. Босворта, который склоняется в пользу 331—330 гг. до н. э. [Bosworth, 1985, с. 432, примеч. 2].

⁶⁹ О надгробной речи Гиперида как источнике по истории Ламийской войны см. [Lepore, 1955, с. 161—185; Braccesi, 1970, с. 276—301].

⁷⁰ Гиперид единодушно характеризуется историками как радикал, вождь партии радикалов или глава наиболее радикального направления антимакедонской (национальной) партии, горячий патриот, ненавидевший Александра и готовый воевать в любое время [Beloch, 1884, с. 257; Ferguson, 1974, с. 13; Glotz, Cohen, 1945, с. 197, 215; Colin, 1946, с. 43, 45, 47, 228; Tarn, 1927, с. 440]. По мнению К. Моссе, за Гиперидом и его друзьями стояли те, кто рассчитывал на материальные выгоды от войны, и — о чем не следует забывать — масса демоса [Mossé, 1973a, с. 90].

⁷¹ Ученые придерживаются на этот счет разных мнений: одни считают, что начало разделения в патристической партии относится к 326 г. до н. э., когда Ликурга заменил Менесехм, другие историки пишут о более раннем времени (ср., например, [Tarn, 1927, с. 440 и др.; Glotz, Cohen, 1945, с. 198; Cloché, 1957, с. 275—276; Perlman, 1963, с. 352—353]).

⁷² Первая и Вторая речи Гиперида в защиту Ликофрона — Первая и Вторая речи Ликурга против Ликофрона (сохранилось только три небольших фрагмента у Стобея [Stob. Flor. XVIII, 35; [Burtt, 1973, 11—12, 1—3 ([61], [70], [99])]. Вопрос об авторстве Гиперида в отношении Второй речи не ясен [Burtt, 1973, с. 399], но в данном случае это не важно. Речь Гиперида в защиту Евксениппа — речь Ликурга не сохранились, но Гиперид (Pro Euxenip. IX) называет его в числе обвинителей Евксениппа.

⁷³ Антимакедонская полемика Гиперида по защите демократии прослеживается и на уровне его лексики, язык Гиперида отличается большим своеобразием, он менее стандартизован, как показали исследования политического языка IV в. до н. э. [Orélt, 1982, с. 7—13].

⁷⁴ Поэтому, очевидно, и создается впечатление об изолированности Гиперида в Ликургов период [Lewis, 1955, с. 35]. Вместе с тем представляется излишне категоричным суждение В. Вилля [Will, 1983], по мнению которого бескомпромиссная позиция Гиперида (твердый консерватизм, по выражению историка) фактически исключила оратора из политической жизни в 330—324 гг. до н. э.

⁷⁵ В речи против Тимарха Эсхин девять раз упоминает о демократии, столько же — в речи «О предательском посольстве», а в речи против Ктесифонта — 28 раз [Sadourny, 1979, с. 35, примеч. 128]).

⁷⁶ Однако по меньшей мере странно выглядят рассуждения В. Тарна [Tarn, 1927, с. 446—448], который, справедливо возражая против появившейся у некоторых историков, как он пишет, моды трактовать Эсхина как прозорливого и

дальновидного политика, а Демосфена — как демагога и давая сравнительную характеристику речей, произнесенных ими по делу Ктесифонта, пишет о том, что мог бы сказать Эсхин, имея он ум и смелость государственного деятеля, а именно что Коринфская лига представляет великую конструктивную концепцию, которую Афины должны были использовать для объединения Греции, оставив надежды на империю.

⁷⁷ К сожалению, нам осталась недоступной диссертация Г. Рамминга «Политические цели и путь Эсхина» [Ramming, 1965], о которой мы можем судить по рецензиям — [Lewis, 1966, с. 406; Oliver, 1966, с. 501; Paygau, 1968, с. 168—170; Croissant, 1969, с. 662—663]. Рецензенты останавливаются на трактовке преимущественно событий 348—346 гг. до н. э., по их мнению, наиболее интересно рассмотренных Раммингом и принципиально важных в деятельности Эсхина. Разуверившись в возможности объединения греков против Филиппа, Эсхин к зиме 347 г. до н. э. приходит к выводу о неизбежности подчинения Афин Македонии и спешит с заключением с ней союза в интересах Афин, чтобы обеспечить им хотя и подчиненное, но второе после Македонии место в Греции. Таким образом, как считает Рамминг, действия Эсхина были сознательны, продуманны и далеки как от прямого предательства, так и от легкомыслия или неосторожности, в которых его часто обвиняют. Именно реализм отличает Эсхина от Демосфена, который не допускал никакого компромисса, если подвергалась риску слава Афин. Реалист, трезво оценивающий обстановку и трезво смотрящий в будущее, Эсхин противопоставляется Раммингом Демосфену — ограниченному идеалисту.

Книга Рамминга получила в общем (насколько мы можем судить) положительную оценку в научной прессе. Выделяют стремление Рамминга преодолеть страстный подход к проблеме Эсхин — Демосфен, который еще до сих пор проявляется в ученых трудах. Отмечается, что Рамминг показал большую, по сравнению с Демосфеном, правдивость Эсхина в обрисовке многих фактов.

Однако трактовка основной, принципиальной проблемы — о характере политики Эсхина — не представляется рецензентам убедительной. Перо сомневается в большем по сравнению с Демосфеном реализме Эсхина, а Круассан и Льюис считают, что приведенные в книге источники не доказывают реалистичности политики Эсхина, якобы «открытого панэллинскому будущему», его трезвости и здравомыслия. Для Льюиса Эсхин остается мелкой фигурой, недалековидной и ограниченной.

⁷⁸ Сошлемся в поддержку на Ж. Ромилли, которая рассматривает взгляды Эсхина наряду с идеями Исократ и Ксенофонта, что дает ей основание отнести всех трех к «умеренным», т. е. тем, кто в середине IV в. до н. э. был противником крайней демократии, империализма и войны [Romilly, 1954, с. 327—354]; ср. [Paygau, 1971, с. 73—76].

⁷⁹ Кроме уже упомянутой книги Кеннеди [Kennedy, 1963, с. 236—245] и более старых работ об ораторском искусстве Эсхина см. [Wooten, 1988, с. 40—43]. Место Эсхина в античной традиции, суждения о нем как риторике Демосфена, эллинистических критиков, Цицерона, Дионисия Галикарнасского, Квинтилиана, Филострата и др. рассмотрены в [Kindstrand, 1982, с. 17—67].

⁸⁰ Они содержатся в анонимных жизнеописаниях Эсхина, которые приводятся в большинстве рукописей его речей, а также у Аполлония, в «Библиотеке» Фотия и у «Суды» (перевод Глускиной — ВДИ. 1962, № 4). Все они в конечном итоге восходят к двум источникам — XVIII речи Демосфена и III речи Эсхина, слова которого почти буквально повторяются, переходя из одной биографии в другую. Сведения о происхождении и жизни Эсхина см. во вступительных статьях к изданию его речей [Julien, Perèra, 1902; Martin, Budé, 1927; Adams, 1988]. См. также [Blass, 1898, с. 154—185; Davies, 1971, с. 545—547; Harris, 1988, с. 211—214].

⁸¹ Речи обоих ораторов неоднократно служили предметом всестороннего анализа, в том числе и нарисованные ими образы политических противников. Уже давно была отмечена слабая фактологическая основа портрета Эсхина в речи Демосфена, произнесенной в защиту Ктесифонта, тогда как Эсхин в речи «О венке», искусно используя слабость Демосфена, описал его тоже негативно, но

более правдиво. Автор одной из более новых работ [Rowe, 1966, с. 397—406] отталкиваясь от наблюдений Ф. Бласса [Blass, 1893, с. 92—93], показывая, как Демосфен, используя приемы комедии, ее язык (из 47 уничижительных эпитетов Эсхина 39 встречаются у Аристофана и других комедиографов), сравнения с животными, подчеркивая черты, присущие комическим героям, — жадность, обжорство и др., превращает Эсхина в алазона — одного из известных комедийных типов хвастуна и шарлатана. Напротив, говоря о своей борьбе с Филиппом, Демосфен переводит речь от себя к Афинам, обращаясь к образам трагедии и ссылаясь на волю божества (Дем. XVIII, 199—200). Ср. [Dyck, 1985, с. 42—48] — о художественной убедительности Демосфенова портрета Эсхина. См. также [Pearson, 1981, с. 168—170]. Против тенденции считать юридическую сторону процесса о венке искусственной выступил В. Гваткин [Gwatkin, 1957, с. 129—141].

⁸² См. уже упомянутую статью Садурни [Sadourny, 1979, с. 19—36], в которой прослеживается политический путь Эсхина с 356 по 338 г. до н. э. Автор стремится, по его словам, освободиться от влияния речей Демосфена и понять эволюцию, которую претерпели взгляды Эсхина, и изменения его отношения к Филиппу. Радикальный перелом в политической жизни оратора, по мнению Садурни, вызвало участие его в посольстве в Пелопоннес, не принесшем желанного успеха. Так, в 348 г. до н. э. Эсхин осознал эгоизм греков, неспособных объединиться против Филиппа. Отныне Эсхин стал не только защитником мира, но и сторонником союза с тем, против кого сам призывал ранее греков бороться.

⁸³ Столь большая цифра может вызвать сомнение, тем более что Фокион не был крупным полководцем, знаменитым своими победами. В поддержку истинности сообщения Плутарха ссылаются на Филокла, который 10 раз был стратегом и 4 — гиппархом, хотя мы о нем ничего не знаем, пока он не оказался замешанным в дело Гарпала (Dinarch. C. Dem. 11—12; см. также [Davies, 1971, с. 539—540]). Коквелл [Cawkwell, 1979, с. 270—272] полагал, что цифра 45 может означать скорее количество лет между первой и последней стратегией Фокиона, а Уильямс, считая такое предположение возможным, все-таки предпочитает следовать Плутарху буквально [Williams, 1982, с. 26].

⁸⁴ Согласно Плутарху, речь написал сын Гиперида Главкипп, что, впрочем, не меняет существа дела.

⁸⁵ Источники приводят разные цифры (cf. Plut. Phoc. XXVIII; Diod. XVIII, 18, 5). Здесь не место касаться этого сложного вопроса, как и проблемы политического строя Афин при Фокионе. Из более новой литературы см. [Mossé, 1973c, с. 99—100; Gehrke, 1976, с. 90—98; Williams, 1982, с. 117—129].

⁸⁶ Диодор (Diod. XVIII, 18, 5) говорит о государственном устройстве «по законам Солона». Тема «конституции предков» восходит к годам Пелопоннесской войны, когда в политической борьбе она начала разрабатываться как реакция на развитие афинской демократии, превратившись со временем в идеал ее противников. Исторической фигурой, к которой обращались сторонники «конституции предков», стал по преимуществу Солон, с ним связывали установление строя, когда объем политических прав определялся в зависимости от дохода (тимемы). Понятно, почему сторонники нового строя, установленного под защитой македонских вооруженных сил (тимократии), обратились именно к этим лозунгам политической пропаганды. Это был последний в истории Афин случай использования темы «конституции предков». Весь этот круг вопросов разрабатывался в работах: [Jacoby, 1949, с. 213—214; Fuks, 1954, с. 24—25; Ruschenbusch, 1958, с. 398—424; Finley, 1971, с. 6 и сл.; Mossé, 1975, с. 191—201; Mossé, 1978, с. 81—89; Mossé, 1979, с. 425—437].

⁸⁷ В русском переводе (Плутарх, т. III): гл. XVI — «виднейшие граждане», гл. XXXIV — «все лучшие и самые честные граждане»; в английском [Perrin, 1949]: the best citizens; the best of the citizens; τῶν πολλῶν — the multitude; во французском [Flacelière, 1976]: les notables; les bons citoyens; la foule. Cf. Diod. XVIII, 66—67; Nepos. Phoc. 4. См. также [Gehrke, 1976, с. 61, 119; Cloché, 1923, с. 163—164; Choche, 1924, с. 33; Williams, 1982, с. 157].

⁸⁸ В бедность Фокиона некоторые ученые не верят; см. [Gehrke, 1976, с. 1—3; Davies, 1971, с. 559; Williams, 1982, с. 26].

⁸⁹ У Плутарха можно найти целый ряд примеров неподкупности Фокиона, который был «могуществу золота неподдаствен» (Phoc. XVIII, XX, XXX). Как отметил Гарви, Фокион относится к тем немногим афинянам, которых, по свидетельству источников, нельзя было подкупить [Hague, 1985, с. 98]. Таких Гарви насчитал всего пять, кроме Фокиона — Аристид, Эфиальт, Перикл и Ликург.

⁹⁰ В речи против Фениппа говорится о богачах, которые производят много зерна и вина и продают их вдвое дороже, чем раньше (Ps.-Dem. XLII, 31). См. [Mosse, 1973c, с. 94—96; Gernet, 1957, с. 77].

⁹¹ Не совсем понятна позиция Митчела (на что обратил внимание и Герке [Gehrke, 1976, с. 75, примеч. 33]). После Херонеи, по мнению Митчела, руководство Афинами находилось в руках консервативной группы. Члены ее стремились сохранить мир, хотя некоторые признавали постоянство македонского сюзеренитета, а другие рассматривали его как временный. Но все они — и это важнее всего — были прежде всего патриотами Афин и хотели видеть свой полис сильным и независимым [Mitchel, 1965, с. 193; Mitchel, 1970, с. 26—27].

⁹² Им опубликован и ряд других статей (об еврипиде, Перикле, Эфиальте, Афинах времени Архидамовой войны), которые были затем собраны в сборник «Essays in Greek Politics» (N. Y., 1967).

⁹³ Книга М. Хансена «Афинское народное собрание» находится в ряду других исследований этого ученого, посвященных афинской демократии, которую он интенсивно изучает в последнее время. Кроме нескольких книг им опубликовано много статей, частично собранных теперь в сборнике [Hansen, 1983b]. Назовем также его последнюю работу «Были ли Афины демократией? Народное управление, свобода и равенство в античной и современной политической мысли» [Hansen, 1989].

⁹⁴ Еще раньше вышла книга Коннора [Connor, 1971] «Новые политики в Афинах V в. до н. э.», в которой он обрушивается на ученых, заполнивших свои книги и статьи разного рода «партиями». Трудно, пишет Коннор, определить ущерб, который использование этого понятия нанесло истории, приведя к фальсификации. «Партия» — не просто понятие, но предполагает определенную концепцию. В результате страдала и политическая, и социальная история, ученые путали социальные классы и политические группы и партии — олигархическую, умеренную, демократическую — тесно связывали с социальными и экономическими классами — «богатыми», «средним классом», «бедными». Сошлемся еще на недавно появившуюся работу «Классическая афинская демократия», автор которой решительно возражает против использования понятия «партия» применительно к V и IV вв. до н. э., видя в этом опасное заблуждение [Stockton, 1990, с. 124—125]. См. также соображения, высказанные П. Карлье [Carlier, 1990, с. 27 сл.].

⁹⁵ Подтверждение нашей мысли мы нашли у Босворта [Bosworth, 1985, с. 435—436; Bosworth, 1988a, с. 213] (ср. [Маринович, 1983а, с. 255]), который тоже пишет об этой антитезе, ссылаясь как раз на указанное место из Диодора, а также на Hell. Oх. 6,3 (Bartoletti). Анализ так называемым Оксирихским историком общественного мнения в Афинах в 395 г. до н. э. поразительно схож с ситуацией, описанной Диодором. Эти примеры приводят Босворта к выводу, что богатые собственники противились войне, тогда как более бедная часть демоса была склонна начать ее, рассчитывая извлечь политическую выгоду.

⁹⁶ Эту черту политической борьбы в полисах IV в. до н. э. отметила и Л. М. Глускина: «одни и те же деятели могли выступать совместно в одной ситуации и бороться друг с другом при иных обстоятельствах» [Глускина, 1983, с. 31].

⁹⁷ Хансен справедливо возражает против отождествления антимакедонских и продемократических политиков, которым нередко противопоставляют промакедонских и антидемократических деятелей.

⁹⁸ Как отмечается в современной литературе, разница между умеренной олигархией и умеренной демократией в IV в. до н. э. практически исчезает [Will, 1975, с. 420; Ehrenberg, 1951, с. 55].

¹ Несколько особняком стоит книга В. Вилля «Афины и Александр», в которой, изучая положение Афин после битвы при Иссе, автор обращается к «восстанию Агиса», естественно, с точки зрения позиции Афин [Will, 1983, с. 73—76].

² Представляется несправедливым определение движения Агиса как «восстания», которое нередко встречается в литературе. Ср. [Bosworth, 1975, с. 27, примеч. 1; McQueen, 1978, с. 40; Маринович, 1983б, с. 260, примеч. 15].

³ Его позицию разделяет Э. Дэвид [David, 1981, с. 89—90] (там же см. ссылки на более раннюю литературу).

⁴ См. особенно исследование П. Картледжа «Агесилай и кризис Спарты», важное для понимания развития Спарты и причин ее кризиса [Cartledge, 1987]; ср. [Cawkwell, 1983, с. 385—400].

⁵ Это суждение Полибия, сохранившего иную, чем в проафинских источниках, промакедонскую традицию (звук «неафинского колокола», по выражению А. Эмара), вызвало довольно оживленную дискуссию, особенно между А. Эмаром и П. Клоше; ср. [Pickard-Cambridge, 1914, с. 489—490; Gomme, 1937, с. 225; Jaeger, 1938, с. 230; Aymard, 1938, с. 79; Cloché, 1939a, с. 216; Aymard, 1939, с. 217—218; Cloché, 1939b, с. 361—369; Walbank, 1943, с. 8—9; Walbank, 1967, с. 568].

⁶ Отметим, кстати, что высокомерный ответ лакедемоняне дали не Филиппу, как пишет Э. Бэдиан, а Александру (Агг. Анаб. I, 1, 2). См. также [Фролов, 1974, с. 51] (Спарта — «противовес и пугало»); [Aymard, 1976, с. 182; David, 1981, с. 110; Кондратьев, 1977а, с. 29].

⁷ Это единственное упоминание Арриана об Агисе. Он еще дважды пишет о войне (Анаб. III, 6, 3; 16, 10), но не сообщает ничего ни о ее начале, ни о конце. Тем более удивительно, что такая изолированная деталь, как поездка Агиса на Сифнос, о которой ничего не говорит Курций, изложена Аррианом относительно полно. Комментатор полагает, что причина заключается в источнике Арриана, а именно в Каллисфене. Известия о более ранних действиях, зимы 333/332 г., могли достичь Александра сравнительно быстро, и Каллисфен узнал о них [Bosworth, 1980, с. 223 — ad II, 13, 2]; см. также [Ruzicka, 1988, с. 143].

⁸ Видимо, в этой связи следует рассматривать и отправку к «великому царю» Эвфилла, который вместе с другими эллинскими послами, прибывшими к Дарию, после Иссы попал в плен к Александру (Агг. Анаб. II, 15, 2; cf. Curt. III, 13, 15). Неясно, в каком отношении находится посылка Эвфилла с поездкой Агиса и что было раньше (см. [Badian, 1976, с. 176—177]. Во всяком случае, показательна ремарка Арриана: «Эвфилл, лакедемонянин, был представителем города, открыто враждебного в то время Александру» (Анаб. II, 15, 5; ср. [Bosworth, 1980, ad hoc]). Для подобного утверждения, очевидно, нужны были иные основания, чем неучастие Спарты в Коринфском союзе. Следовательно, антимакедонская деятельность в период после Иссы приобрела уже достаточно явный характер, что и понятно, так как Агис приплыл на Сифнос до этого сражения. Правда, замечание Арриана, писавшего много позже, можно объяснить ретроспективным взглядом человека, который знает о том, что произошло впоследствии. См. также [Bosworth, 1980, с. 233—234 — ad Агг. Анаб. II, 15, 2].

⁹ Крит не был столь однозначно враждебен Македонии, как считает А. С. Шофман, по мнению которого остров «видел в восточных завоеваниях Александра ущемление своих собственных интересов, в первую очередь экономических». Обстановка на Крите была сложнее, и ряд городов занимал промакедонскую позицию.

¹⁰ Такого же мнения придерживается и Г. Вирт [Wirth, 1971, с. 627]; ср. [Bosworth, 1975, с. 32; Ruzicka, 1988, с. 145]. О Крите как одном из источников наемной силы см. [Launey, 1949, с. 248 и сл.; Willets, 1965, с. 145 и сл.].

¹¹ Хаммонд отмечает хорошую осведомленность Диодора и объективность его рассказа, источником которого послужил, как считает исследователь, Диилл [Hammond, 1983, с. 45—46].

¹² Иначе — [Bosworth, 1975, с. 27—43]. По его мнению, можно говорить

только об одной экспедиции Амфотера — на Крит, которую Александр отправил еще до начала военных действий, в то время, когда Спарта набирала силы в Пелопоннесе и помогала персам на Крите. В статье А. Б. Босворта привлекает широкий исторический фон, сделан ряд интересных наблюдений. В частности, не лишено оснований его предположение о том, что одна из задач Амфотера заключалась в борьбе с пиратами. Любопытно его соображение о понятии «Пелопоннес», которое автор высказывает, пытаясь согласовать свидетельства Курция и Арриана, ограничивающего деятельность Амфотера Пелопоннесом и ничего не говорящего о Крите (обращаясь к Страбону и приписываемому Скилаку из Карианды «Периплу» IV в. до н. э., А. Б. Босворт считает, что слово Πέλοποννησος у Арриана можно истолковать в более широком смысле — как территорию к югу от Истма, включая Крит). Однако весь контекст Арриана исключает такое толкование (к тому же следует учесть, что и труд Страбона и «Перипл» — это географические сочинения), и в целом система аргументации Босворта представляется менее убедительной, чем выдвинутая ранее. См. также [Bosworth, 1980, с. 279—ad Arg. Anab. III, 6,3]. Ср. [Ruzicka, 1988, с. 149].

¹³ По мнению А. Эмара, число полноправных граждан в это время не превышало 15 тыс. [Aymard, 1976, с. 13]. Текст Диодора (XVII, 62, 7—8) дает возможность и для другой интерпретации, а именно: 22 тыс. — только союзники или союзники и лакедемоняне (без наемников), но и в этом случае греки в войске Антипатра численно превосходили союзников Агиса (см. ниже). В литературе пассаж Диодора понимают по-разному: ряд ученых пишет о 22 тыс. человек [Parke, 1933, с. 201; Tarn, 1948a, с. 52; Шофман, 1976, с. 436], но есть и другие толкования: Э. Бэдиан — 22 тыс. + 8 тыс. или 10 тыс. наемников [Badian, 1976a, с. 182], Д. Гамильтон — свыше 30 тыс. [Hamilton, 1969, с. 78], А. Джоунз — 32 тыс. [Jones, 1967, с. 150], Я. Зейберт — 40 тыс. [Seibert, 1985, с. 100]. См. также [Hammond, 1988b, с. 78, примеч. 1].

¹⁴ Как справедливо заметила М. А. Кондратьюк, исходя из контекста Эсхина, «он должен был дать полный перечень городов», вместе с тем вряд ли что-либо преувеличив [Кондратьюк, 1977a, с. 35].

¹⁵ Относительно хронологии событий среди ученых нет единства, причиною чего являются противоречия в источниках (Curt. VI, 1, 21; Diod. XVII, 62, 6—7; Aeschin. III, 133. Правда, хронология Диодора путанна). В общем, все разнообразие мнений можно свести к двум основным: война продолжалась с весны 331 г. до н. э. до осени того же года (оно было высказано Низе); война началась в конце лета 331 г. до н. э. и закончилась незадолго до смерти Дария (лето 330 г. до н. э.) (восходит к Гроту). Как видим, наиболее спорен вопрос о времени битвы при Мегалополе, завершившей военные действия. Э. Бэдиан, в своей статье об Агисе уделивший, как уже отмечалось, большое место выяснению хронологии, разделяет мнение многих ученых, которые, следуя Курцию (VI, 1, 21), считают, что битва при Мегалополе произошла до сражения при Гавгамелах (октябрь 331 г. до н. э.) [Badian, 1967a, с. 190—192]. Его аргументация не убедила Г. Д. Коквелла, выступившего в пользу более поздней даты [Cawkwell, 1969, с. 170—173]. Напротив, Э. Н. Борза и Г. Вирт приняли, с некоторыми модификациями, выводы Э. Бэдиана [Borza, 1971, с. 230—235; Borza, 1972, с. 239—242; Wirth, 1971, с. 617—632]. Но в отличие от Бэдиана, по подсчетам которого новость о победе достигла Александра через восемь месяцев, на пути из Персеполя в Экбатаны (в мае 330 г. до н. э.), Борза считает, что царь узнал о ней быстрее, а именно в декабре 331 г., еще в Персеполе, если не раньше. Как показывает вся эта полемика, при современном состоянии источников вопрос о времени битвы при Мегалополе вряд ли может быть решен окончательно. Обе датировки имеют своих сторонников и противников, новые доводы в пользу одной из них вызывают контраргументы, и страсти не утихают. В 1972 г. Р. Лок, пересмотрев еще раз источники, отказался установить точную дату битвы при Мегалополе. По его мнению, можно только сказать, что, наиболее вероятно, она произошла где-то в промежутке между ноябрем 331 г. до н. э. и апрелем 330 г. до н. э. Что касается других событий, то Р. Лок распределяет их хронологически следующим образом: Агис вернулся с Крита в конце 332 г. до н. э., зимой 332/331 г. он обращается за помощью к другим греческим государствам. Мемнон поднял восстание весной

331 г. до н. э. Агис отправил свои силы против Коррага в конце апреля или начале мая того же года. Александр узнает о выступлении Агиса в июне 331 г. до н. э., Антипатр — не позже; сбор новых сил занимает у него не менее четырех месяцев [Lock, 1972, с. 10—27]. Сен-Круа поддержал сторонников более раннего завершения войны [Ste. Croix, 1972, с. 376—378]. Но и после статьи Лока полемика не прекратилась, как показывает упоминавшаяся статья Босворта. Он считает возможным сроком начала мегалопольской кампании лето 331 г. до н. э., битву при Мегалополе датирует весной 330 г. до н. э. (так же — [Goukowsky, 1975, с. 275]). Маккуин полностью принимает аргументацию Бэдиана и Борзы [McQueen, 1978, с. 40]. См. также [Goukowsky, 1983, с. 236; Will, 1983, с. 76—77; Seibert, 1985, с. 99—100; Noethlichs, 1987, с. 395—396; Hammond, 1988b, с. 78, примеч. 3].

¹⁶ О деятельности Антипатра в войне с Агисом наиболее подробно см. [Kanatulis, 1958—1959, с. 55—64].

¹⁷ Весь этот комплекс взаимоотношений заново рассмотрел А. Босворт, которому мы в основном следуем [Bosworth, 1976b, с. 177 и сл.]. В общем, таков же ход рассуждений Маккуина [McQueen, 1978, с. 45—47].

¹⁸ Они, видимо, или сохранили нейтралитет, или присоединились к Антипатру, когда его армия появилась в Пелопоннесе. О мотивах их позиции см. [McQueen, 1978, с. 41—45]. В Коринфе стоял македонский гарнизон, что касается Аргоса и Мессении, то здесь причины найти труднее.

¹⁹ Правда, неоднозначно оценивалась позиция Этолии, но представляется более убедительным мнение об ее нейтралитете. Наиболее подробно вопрос рассмотрен в статье Мендельса [Mendels, 1984, с. 131—136]. Там же в примеч. 9 на с. 131 названы ученые, считавшие, что Этолия поддержала Агиса, — А. Шефер, Г. Берве, Э. Бэдиан.

²⁰ О сложности обстановки в Афинах и неоднозначности позиции демоса позволяет говорить, видимо, и сохранившийся у Плутарха анекдот, который приведен в числе других для подтверждения мысли, развиваемой Плутархом в сочинении «Наставления по управлению государством»: хорошо отвлечь внимание народа чем-либо полезным и тем, к чему он стремится. Так поступил, например, Демад. Тем афинянам, которые хотели послать триеры в помощь отпавшим от Александра и требовали для этого денег, он сказал, что деньги предназначал для преемника Анфестерия, но поскольку они принадлежат афинянам, те вправе распоряжаться ими по своему усмотрению. Не желая отказаться от раздачи, афиняне отменили посылку флота, и «вызова, брошенного Александру, удалось избежать» (Plut. Moral. 818 E—F). Вопрос о подлинности этого свидетельства решается по-разному. Коквелл [Cawckell, 1969, с. 173] склонен верить Плутарху, как и Берк [Burke, 1977, с. 336], в отличие от Тревиса [Treves, 1933, с. 118]. Анекдот связывают с традицией, враждебной демократии [Will, 1983, с. 75].

²¹ О позиции Афин кроме названных статей Коквелла, Митчела и Берка см. [Will, 1983, с. 73—76]. Недавно было высказано мнение о причастности к войне, начатой Агисом, афинян [Potter, 1984, с. 229—235]. Основанием послужило новое толкование афинского декрета в честь Еврилоха из Кидонии, который за свой счет выкупил афинян и отправил их с Крита на родину (IG, II², 399; Moretti, № 2). Дата не сохранилась, и надпись датируют по-разному, относя к годам Ламийской войны или даже к несколько более позднему времени, и связывают обычно с деятельностью пиратов (Moretti, с. 3; [Brulé, 1978, с. 16]; ср. [Hammond, 1987, с. 77: примеч. 1]).

²² Двумя годами позже сходные обвинения афинян и особенно Демосфена в неудаче борьбы Агиса с Антипатром выдвинул Коквелл [Cawckell, 1969, с. 178]. Возражая им, Сен-Круа привел ряд аргументов, которые кажутся вполне убедительными: 4 тыс. афинян (команды 20 триер) как заложники у Александра; устрашающий прецедент Фив, поставленных под власть олигархов Филиппом и разрушенных Александром; неудачное время — Агис начал слишком поздно, поскольку персидский флот (важность кооперации с которым признает и Коквелл, с. 178) потерпел поражение, и вместе с тем слишком рано, так как Александр имел силы разгромить греков. Наконец, афиняне знали, что немногие полисы примкнут к движению, возглавляемому Спартой. И действительно, призывы Афин

в 323 г. до н. э. вызвал гораздо больший отклик (правда, следует, как нам кажется важным, уточнить, что тогда Александра уже не было в живых). Восстание Агиса, заключает Сен-Круа, было безрассудным, и Афины поступили правильно, держась в стороне от него [Ste. Croix, 1972, с. 378] (ср. [Burke, 1977, с. 336—337]).

²³ Данные источников о подкреплениях, посланных Александру из Европы, собраны и проанализированы Сен-Круа [Ste. Croix, 1972, с. 377—378]. См. также [Hammond, 1989b, с. 63—68].

²⁴ В Сузах Александр поручил гиппарху Сирии, Финикии и Киликии Менету отослать Антипатру из 3 тыс. талантов серебра столько, сколько ему «потребуется для войны с лакедемонянами» (Arr. Anab. III, 16, 9—10). Приказ датируют октябрем-декабрем 331 г. до н. э. (ср. [Badian, 1967a, с. 188; Lock, 1972, с. 18, 27; Bosworth, 1975, с. 35]). Размер суммы, которую царь приказал доставить Менету («фантастической», по выражению Э. Бэдиана), свидетельствует о том, какую серьезную опасность видел македонский царь в выступлении Агиса. См. также [Borza, 1972, с. 239—242; Borza, 1977, с. 298; Bosworth, 1980, с. 320 — ad Arr. Anab. III, 16, 10].

²⁵ Во всяком случае, не менее 8 тыс. наемников получил Александр в числе других воинов, посланных ему в качестве подкреплений в разные годы восточного похода (но до поражения Агиса). Таков приблизительный результат подсчета тех цифр, которые приводят источники: Arr. Anab. II, 20, 5 (cf. Curt. IV, 3, 1); III, 5, 1; Diod. XVII, 65, 1; Curt. V, 1, 41 (cf. Arr. Anab. III, 16, 1). См. также [Ste. Croix, 1972, с. 377—378]; ср. [Engels, 1978, с. 146—147].

²⁶ У Арриана нет описания конца войны, что, вероятнее всего, объясняется незавершенностью труда Каллисфена, который опустил войну в Пелопоннесе. Изложение Каллисфена едва ли выходит за рамки 330 г., когда новость о битве при Мегалополе еще не достигла Александра [Bosworth, 1976b, с. 41; Bosworth, 1980, с. 223].

²⁷ Юстин отмечает только большие потери: «Много народу пало с той и другой стороны» (Justin. XII, 1, 8). Что касается источников сообщений об обстоятельствах смерти Агиса и численности потерь противников под Мегалополем, то ограничимся соображениями Хэммонда (см. также гл. 1 данной работы). Сравнительный анализ сочинений Диодора, Помпея Трога и Курция Руфа привел его к выводу, что Диодор, который следовал в основном Дииллу, для описания гибели Агиса обратился к более эффектной рассказу Клитарха, как и Курций, источник которого — тоже Клитарх, тогда как Юстин заимствовал материал о смерти Агиса у Сатира [Hammond, 1983, с. 46, 113, 133]. См. также [Маринович, 1990a, с. 204—205].

²⁸ Исследователи единодушно в признании большого сходства между книгой XVII «Исторической библиотеки» Диодора и Курцием Руфом, обычно объясняя это общим источником, но высказывая различные мнения относительно того, считать ли этот источник основным и отождествлять ли его с Клитархом. Библиография включает многие работы, из более новой литературы см. [Bosworth, 1976c, с. 1—33; Hamilton, 1977, с. 126—146; Badian, 1978, с. 198]; ср. [Hammond, 1983]. См. также [Маринович, 1990a, с. 202—208] и гл. 1 данной работы.

²⁹ Сопротивление, которое Спарта оказала Филиппу, а затем Александру, получило отражение в серии апофтем, свидетельствующих о том впечатлении, которое эта борьба произвела на современников, отложившись в их сознании. Так, к войне с Александром относится апофтегма об Астикратиде, который на вопрос, заданный после поражения царя Агиса в битве с Антипатром при Мегалополе, станут ли лакедемоняне рабами Македонии, гордо ответил: «Разве может Антипатр запретить нам умереть, сражаясь за Спарту?» (Plut. Mor. 219b). Несмотря на свой, в общем, анекдотический характер, апофтегмы базируются на исторических фактах, отражая нежелание Спарты признать решения Филиппа относительно земель Пелопоннеса, присоединиться к Коринфскому союзу, ее борьбу с Македонией в дальнейшем. Точное происхождение этих максим неизвестно, некоторые имеют фольклорный характер и анонимны. Апофтегмы продолжали жить и позднее, собранные в середине III в. до н. э. (или ранее).

Подробный анализ см. [Tigerstedt, 1974, с. 25 и сл.], там же дан обзор более ранней литературы. См. также [David, 1981, с. 110—113].

³ Однако вряд ли все-таки справедливо видеть в Агисе врага не только Александра, но и тех, кто ратовал за свободу и честь Греции (как Поттер [Potter, 1984, с. 234]).

⁴ Ср. [Bosworth, 1988a, с. 204]: «Большинство государств еще смотрели на правление Македонии как на более приятную альтернативу».

Глава 4

¹ Краткий обзор разработки проблемы см. [Seibert, 1981, с. 85—90].

² По мнению Я. Зейберта (не совсем, впрочем, справедливому), А. Баумбах во многом предвосхитил выводы Э. Бикермана, который даже не ссылается на него [Seibert, 1981, с. 86, 266, примеч. 19].

³ Критику взглядов Э. Бикермана как «образца буржуазного формализма, оперирующего отвлеченно-юридическими категориями», см. [Ранович, 1950, с. 50—51].

⁴ Критике ее взглядов отведено довольно большое место в книге В. Эренберга (с. 47—51). См. также [Зельин, 1951a, с. 147].

⁵ Как и ранее, этой проблемы с большей или меньшей степенью подробности касались авторы общих трудов по истории Греции и книг, посвященных жизни и деятельности Александра. См., например, [Goukowsky, 1975, с. 257—258; Will, 1975, с. 453—454]. Особняком стоит небольшой очерк Босворта «Греки Малой Азии», входящий в «Тематические исследования», которые составляют вторую часть его нового труда «Завоевание и империя. Царствование Александра Великого» [Bosworth, 1988a, с. 250—258].

⁶ См. основательную рецензию К. Розена, критические замечания которого весьма обоснованны [Rosen, 1982, с. 353—362]; см. также [Frazer, 1982, с. 241—243].

⁷ Плутарх ссылается на Аристобула, Птолемея и Анаксимена, Полибий — на Каллисфена. Кроме основополагающей работы Г. Берве [Berve, 1926a, с. 177 и сл.] о численности вооруженных сил см. [Engels, 1978, с. 146—147; Bosworth, 1980, с. 98—99; Bosworth, 1988a, с. 259—266].

⁸ Помимо названных работ Берве и Босворта см. [Ste. Croix, 1972, с. 377—378; Engels, 1978]. Д. Энгельс свел все цифры, характеризующие войско, — его численность, потери, подкрепления, оставленные в городах гарнизоны — в три таблицы, охватывающие соответственно время от начала похода до битвы при Гавгамелах, до индийской кампании и до завершения ее [Engels, 1978, таблицы 4—6].

⁹ В литературе нового времени обращают внимание на малочисленность сил Коринфского союза в армии Александра, что особенно поразительно при сравнении с военным потенциалом полисов. Обычно это несоответствие объясняют тем обстоятельством, что македонский царь не доверял своим союзникам, и присутствие греков рассматривают с точки зрения не военной, но политической — как заложников верности своих полисов. Однако не следует забывать, что еще при Филиппе Коринфский конгресс принял решение о совместном походе.

Греки воевали вместе с македонянами и другими народами в армии Александра до 330 г. до н. э., когда он отправил их всех домой. Это произошло в Экбатанах уже после того, как завоеватель был провозглашен царем Азии (а еще раньше — сыном Аммона). Сколь бы внешним ни было панэллинское прикрытие, теперь было покончено и с ним.

¹⁰ Об особой роли Афины в «крестовом походе» Александра, который совершал жертвоприношения, как кажется, во всех ее святилищах, встречающихся на пути, см. [Bosworth, 1980, с. 102— ad Arg. Anab. I, 11, 7].

¹¹ Таков был ответ Александра послам Аспенда, которого, видимо, эти условия не устроили, так как только тогда, когда аспендийцы увидели неожиданно появившегося Александра, они отправили послов просить мира на прежних условиях, но теперь царь Македонии потребовал влиятельнейших людей в качестве

заложенников, тех же лошадей и сто талантов. Аспендийцы вынуждены были подчиниться также сатрапу, поставленному Александром, и платить ежегодно дань македонянам (Arr. Anab. I, 26, 5; 27, 1—5).

¹² Ср. [Tarn, 1948a, с. 31; Preaux, 1954, с. 78; Badian, 1967b, с. 44, 63, примеч. 31 — разная интерпретация Syll.³, 279, 11.6—7]; см. также [Bosworth, 1980, с. 127—128].

¹³ Город получил демократическое правление, но за благоволение к персам Александр наложил большой штраф — 200 талантов, ввел гарнизон и взял заложников. После победы при Иссе он простил городу еще не выплаченные 50 талантов и вернул заложников (Arr. Anab. II, 5, 5 и 8; 12, 2; Curt. III, 7, 2). По мнению Босворта, это пример самого деспотического отношения Александра к греческому полису, который к тому же показывает, что дарование демократии могло быть весьма отличным от свободы в любом смысле [Bosworth, 1980, с. 195 — ad Arr. Anab. II, 5, 5].

¹⁴ У Арриана есть интересное свидетельство: когда в 333 г. до н. э. персы захватили Митилену и поставили у власти тирана, то они истребовали с митиленцев деньги, частично взяв их из городской казны, частью же силой отняв у имущих (Anab. II, 1, 5). Этими имущими были, скорее всего, приверженцы демократии и македонян, так как трудно представить, чтобы персы силой отнимали деньги у своих сторонников.

¹⁵ Возможно, в городе в это время строй не был демократическим [Haußoullier, 1902, с. 1—2]. В таком случае представляется более понятным определение Милета как города «друзей и союзников персов» (ср. [Preaux, 1954, с. 79—80]).

¹⁶ О событиях в Эфесе из более новой литературы см. [Badian, 1967b, с. 40—42; Berve, 1967, с. 335—336; Hofstetter, 1978, с. 169—170, № 302; Heisserer, 1980, с. 58—59; Bosworth, 1980, с. 132; Gehrke, 1985, с. 59—60]. О «тиране» Гересии (Polyaen. VI, 49) см. [Tarn, 1948b, с. 174—175; Badian, 1967, с. 64, примеч. 36; Bosworth, 1988a, с. 257].

¹⁷ Состояние источников порождает довольно значительные расхождения среди ученых в восстановлении хода политических событий в Эгее при Филиппе и Александре и трактовке деятельности здесь македонских царей. Из более новой литературы назовем комментарии А. Босворта [Bosworth, 1980] и Д. Аткинсона [Atkinson, 1980], обзор П. Гуковского [Goukowsky, 1983], а также работы: [Heisserer, 1980; Heisserer, Hodot, 1986, с. 109—128; Ruziska, 1988, с. 131—151].

¹⁸ Обо всем этом мы узнаем, так сказать, ретроспективно, из рассказа Арриана об условиях сдачи полиса персам в 333 г. до н. э. (Anab. II, 1, 4). О характере события кроме названных работ Баумбаха, Эренберга, Тарна и Бэдиана см. [Pistorius, 1913, с. 63—64; Bosworth, 1980, с. 181]. Об источниках рассказа Арриана о военных действиях в Эгее см. [Bosworth, 1980, с. 177].

¹⁹ Обращает на себя внимание одно различие у Арриана: если в отношении митиленцев он говорит о договорах с Александром (τὰς πρὸς Ἀλεξάνδρον... ἐπὶ τὰς — Anab. II, 1, 4), то применительно Тенедоса — о договорах с Александром и эллинами (τὰς ἐπὶ τὰς πρὸς Ἀλεξάνδρον καὶ τοὺς Ἑλλήνας — II, 2, 2). Т. Ленша объясняет это небрежностью Арриана [Lenschau, 1940, с. 214]. В литературе нового времени неоднократно отмечалось, что Арриану недостает точности в выражениях (см. [Badian, 1967b, с. 50 — именно в связи с данным различием; Wirth, 1972, с. 91; Heisserer, 1973, с. 195, примеч. 18]. Однако, по мнению Эренберга [Ehrenberg, 1938, с. 20 и сл.], пропуск «греков» может означать, что Митилена в отличие от Тенедоса не входила в Коринфский союз, а «просто» была в союзнических отношениях с Александром. Босворт склонен видеть здесь стилистическое разнообразие Арриана [Bosworth, 1980, с. 181]. См. также [Hammond, 1988b, с. 73 и примеч. 1].

²⁰ Об идентичности тирана Мефимны Аристоники (Arr. Anab. III, 2, 4; Curt. IV, 5, 19; 8, 11) с Аристонином Полиена (Polyaen. V, 44, 3) ср. [Berve, 1967, с. 337; Hofstetter, 1978, с. 29, № 48; Gehrke, 1985, с. 113]; см. также [Bosworth, 1980, с. 179—180].

²¹ О ссылаках на Антаклидов мир (здесь и в связи с Тенедосом — Arr. Anab. II, 2, 2) как «персидской пропаганде» см. [Bosworth, 1980, с. 181—182].

²² О Диогене см. [Berve, 1967, с. 336; Hofstetter, 1978, с. 51, № 86; Gehrke, 1985, с. 122].

²³ Неясно, были ли тираны в Эресе Агонипп и Эврисилай изгнаны Александром в 334 г. до н. э. и восстановлены у власти персами в 333 г. до н. э., или в этом году Мемнон впервые поставил их тиранами, а изгнал их Гегелох в 332 г. до н. э. Серия надписей из Эреса сложна по композиции и интерпретируется по-разному. Из более новой литературы ср. IG, XII, Suppl., с. 66—67; Tod, с. 258—259; [Berve, 1967, с. 337—338; Hofstetter, 1978, с. 6—7, № 6; с. 68, № 115; Heisserer, 1980, с. 36—44; Bosworth, 1980, с. 179; Rosen, 1982, с. 356—358; Hammond, 1988b, с. 74 и примеч. 2].

²⁴ Отрицая дарование свободы как элемент определенной политики, Э. Бикерман рассматривает этот вопрос статично, упуская из виду то важное обстоятельство, что в 334—333 гг. до н. э. Александр еще не завоевал Малой Азии, и когда он, согласно Арриану (Anab. I, 18, 1), послал Алкимаха в Эолиду и Ионию, то имел в виду города, которые «еще были под властью варваров».

²⁵ Вопрос о том, в какой мере позиция Александра по отношению к городам была предопределена самим характером похода, его официальными лозунгами, или она формировалась в ходе его, особенно интересовал Э. Бэдиана. Выступая против обычного подхода историков, которые сосредоточивают внимание на конечной форме отношений, Э. Бэдиан подчеркивает эволюцию: переход от неопределенности и двойственности под влиянием сложившейся обстановки к провозглашению свободы как общему принципу политики [Badian, 1967b, с. 45—46].

²⁶ В словах Арриана В. Тарн видит истоки обычной эллинистической формулы: αὐτονομία, ἀφροσύνη, ἀφρολόγητος; автономия была идентична свободе, а свобода и демократия в ряде случаев выступали как две грани одного явления [Tarn, 1948b, с. 207—209]. Полемизируя с Э. Бикерманом и В. Эренбергом, В. Тарн обращает внимание на неверный перевод Э. Бикерманом слова ἀφροσύνη как «давать» [Bickermann, 1934, с. 370], а не «вернуть», в отличие от Anab. I, 17, 4 — лидийцам Александр действительно дал (ἔδωκε) свободу. Следуя за Э. Бикерманом, В. Эренберг толкует ἀφρολόγητος (Syll.³, 312) как «given» [Ehrenberg, 1938, с. 19], а ἔδωκε переводит «gave back» (с. 11). Но ἀφροσύνη В. Эренберг верно переводит «be given back» (с. 12), о чем В. Тарн умалчивает. Однако, как справедливо отметил Э. Бэдиан [Badian, 1967b, с. 38, примеч. 10], абсурдно строить далеко идущие выводы, опираясь на терминологию Арриана (third-hand account). Соображения Тарна несостоятельны и по мнению Босворта: во-первых, хотя разница между лидийскими и греческими городами есть, Александр в обоих случаях дал им свободу, и тот факт, что греки пользовались автономией в прошлом, ничего не меняет, это — дар Александра, как и свобода, которую он дал Милету (ἔδωκε). Во-вторых, мы не знаем, насколько точно Арриан воспроизвел приказ Алкимаха. Есть различие во взглядах благодетеля и облагодетельствованного, и македонские династы часто говорили «дать», когда подтверждали или восстанавливали то, что было даровано их предшественниками [Bosworth, 1980, с. 135]. Мы предпочли буквальный перевод — «возвращать», тогда как М. Е. Сергеев переводит «разрешать жить».

²⁷ Вопрос об источниках Арриана неясен, свидетельство Диодора возводят к Клитарху, Плутарху (с некоторой долей сомнения) — к Каликфену [Bickermann, 1934, с. 368; Hammon, 1969, с. III; Levi, 1977, с. 240, 293]. См. также гл. 1 данной работы.

²⁸ Именно автономию означает разрешение «всем жить по их законам» (см., например, [Ehrenberg, 1974a, с. 93]).

²⁹ Вместе с тем в материковой Греции в ряде городов правили промакедонские тираны, о чем свидетельствует автор речи «О договоре с Александром», по словам которого Александр, «вопреки присяге и условиям, значащимся в общем договоре», возвратил бывших тиранов в Мессену, установил тиранию в Пеллене и Сикионе (Ps.-Dem. XVII, 4, 7, 10, 16).

³⁰ Об обстоятельствах и времени возникновения концепции «греки Азии» и лозунга «свобода греков Азии» в начале IV в. до н. э. и его дальнейшей судьбе в эллинистическое время см. [Seager, Tuipin, 1980, с. 141—154; Seager, 1981, с. 106—112].

³¹ Босворт склонен видеть в свободе милетян прежде всего освобождение их от порабощения, поскольку Александр взял город штурмом. Отказался же он от своего права из соображений пропаганды, поскольку милетян поработили в 494 г. до н. э. персы, и Александр не мог допустить, чтобы они претерпели ту же судьбу от рук мстителя за персидское святотатство.

³² В соответствии с приказом Алкимаха. В декрете, принятом гражданами в честь Антиоха между 270—260 гг. до н. э., они пишут, что при Александре и Антигоне полис был автономным (IvP, 30, 31; OGIS, 223; RC, 15).

³³ Что касается еще одного элемента — возможности проводить самостоятельную внешнюю политику, то, как отмечалось в литературе, вхождение мелких полисов в союзы часто исключало ее. Ср. Tod, № 123: в декрете о создании Второго Афинского морского союза от 377 г. до н. э. выражение «быть свободными и автономными» раскрывается как право сохранять государственный строй, какой пожелают, не иметь гарнизона, не принимать правителя (архонта) и не уплачивать форо.

³⁴ К чему приводило отсутствие гарнизона, показывает пример Лесбоса. Эрес и Антисса были сразу же захвачены Мемноном, тогда как Митилена благодаря македонскому гарнизону оказала такое сопротивление персам, что те вынуждены были пойти на ряд уступок.

³⁵ Неясно обстоит дело с городами Геллеспонтской Фригии, в частности с Зелеей (Anab, I, 17, 1—2); см. [Badian, 1967b, с. 44].

³⁶ По преданию, Герострат сжег храм в ту ночь, когда родился Александр (Plut. Alex. III).

³⁷ Возможно, еще Arr. Anab. I, 17, 7, если принять эмendaцию Г. Вирта: φῶρων(τε καὶ) συντάξεως(τῆς) ἀλοφορᾶς [Wirth, 1972, с. 98; Wirth, 1985a; Wirth, 1985b, с. 812, примеч. 111]; ср. [Bosworth, 1980, с. 130]. Кроме того, Бэдиан полагает, что нашел еще одно свидетельство о сюнтаксисе — в уже упомянутом свидетельстве Арриана об Аспенде [Badian, 1967b, с. 53, 56]. Поскольку Аспенд, до того как нарушил условия соглашения с Александром, вел себя подобно любому другому городу, то, по мнению Э. Бэдиана, нет никаких оснований сомневаться в том, что 50 талантов, которые город должен был уплатить Александру, указывают на размер сюнтаксиса. Отсюда ясно, как дорого города платили за свое «освобождение», пока Александр не получил достаточно средств для войны. Но такому весьма соблазнительному толкованию противоречит, как кажется, контекст: Александр приказал заплатить 50 талантов за вполне определенную привилегию — освобождение от гарнизона, а тот факт, что деньги предназначались для оплаты воинов, ничего не меняет (для объяснения позиций ср., однако, [Bosworth, 1980, с. 166, 281; Wirth, 1972, с. 97]).

³⁸ По мнению Г. Вирта, посвятившего сюнтаксису специальную статью, выплата его предусматривалась договорами, которые Александр заключал с каждым полисом, как только персидские гарнизоны и правящие партии покидали город и новое правительство устанавливалось Александром или одобрялось им. В первые годы похода, когда положение Александра нельзя сравнивать с последующим, он беспокоился хотя бы о видимости законности своих действий, чем и были вызваны эти соглашения. Сбор налога на нужды войны воспринимался его греческими говаричами по союзу как мера законная и справедливая, дозволенная Александру как стратеги-автократу. Размер и продолжительность выплаты сюнтаксиса неизвестны [Wirth, 1972, с. 91—98]. Что касается договоров, то Г. Вирт ссылается на Arr. Anab. I, 26, 3 (ξύψενον) и III, 2, 6 (δολοῖα). Однако в первом случае речь идет о просьбе Аспенды не ставить гарнизона, а во втором — о Митилене и других полисах Лесбоса и, по общепринятому мнению, имеется в виду включение их в Коринфский союз. Вопрос о договорах, которые оформляли отношения Александра с полисами, решается по-разному, в зависимости от того, как трактуют положение малоазийских полисов в новой системе.

³⁹ И тот и другой заменили форо: ср. Theopomp. ap. Harpocr., s. v. συντάξις (F Gr Hist, 2 B 115, F. 98). См. [Cargill, 1981, с. 124 и сл.].

⁴⁰ Текст: IvP, 1; OGIS, 1; Tod, № 185; [Van Berchem, 1970, с. 199; Heisserer, 1980, с. 146; Sherwin-White, 1985, с. 80—81]. Мы следуем восстановлению Шервин-Уайт.

⁴¹ Нам не удалось ознакомиться со статьей «Александр Великий и Приена» Г. Мараско [Marasco, 1987, с. 59—77].

⁴² Что касается имени Навлоха вместо Приены в списке теародок, то возможная причина тому следующая: Навлох — порт, куда прибывали теоры, и именно здесь ждал их теародок [Sherwin-White, 1985, с. 89].

⁴³ Текст — Syll.³, 283; Tod, № 192; Hicks-Hill, 158; [Heisserer, 1980, с. 80]. Русский перевод: [Ранович, 1950, с. 55]; Фролов — ВДИ. 1963, № 1, с. 208, № 11. См. также [Haussoullier, 1893, с. 188—190].

⁴⁴ См. Tod, с. 265; [Bosworth, 1980, с. 178—179] и особенно соображения К. Розена о хронологии событий в Эгее в 336—332 гг. до н. э., высказанные им в связи с книгой Хейсера [Rosen, 1982, с. 355—356]. Некоторые ученые приняли новую дату (например, [Hauben, 1976, с. 84—85; Prandi, 1983, с. 24 и сл.]), другие считают правильной прежнюю (например, [Goukowsky, 1978, с. 182; Bosworth, 1980, с. 132; Rosen, 1982, с. 358]).

Сопоставляя эти строки надписи с Ps.-Dem. XVII, 16, где говорится, что изгнанникам разрешалось жить в государствах — членах Коринфского союза, Хейсерер [Heisserer, 1973, с. 201] отмечает, что хиосским изгнанникам как своим злейшим врагам Александр, используя свое положение гегемона, отказал в том праве, которое решением союза имели все другие. Указание на то, что изгнанники «подлежат выдаче согласно решению эллинов», пополняет наши сведения о решениях Коринфского союза, находя параллель в сообщении Диодора (XVII, 14, 3) о разрушении Фив: тот же редко встречающийся термин αἰχμήος.

⁴⁶ ἔρχαταλειφθεῖν от ἔρχαταλείπειν («оставлять») — более обычное понимание «sont restes» [Haussoullier, 1893, с. 188], «had remained» [Ehrenberg, 1938, с. 25], «bleiben» [Lenschau, 1940, с. 206], «remain» (Tod, с. 265), «остаются» [Ранович, 1950, с. 55]. Иначе переводит Хейсерер — to capture (от ἔρχαταλαμβάνειν — «захватывать») [Heisserer, 1973, с. 202—203, примеч. 36; Heisserer, 1980, с. 94, примеч. 36].

⁴⁷ Возможно, гарнизон находился до 331 г. до н. э., когда Александр по просьбе хиосцев, пославших к нему специальную делегацию, вывел своих воинов. Так обычно понимал слова Курция (IV, 8, 12): «Rhodi et Chii de praesidio querebantur» — «и получили желаемое», хотя иногда это сообщение ставится под сомнение (ср. [Baumbach, 1911, с. 36; Ehrenberg, 1938, с. 25; Heisserer, 1973, с. 201]). Непонятен перевод В. С. Соколова: «жаловались на недостаточность гарнизонов». Ср. [Bardon, 1947; Rolfe, 1946].

⁴⁸ Действия Александра, противоречащие тому, что предписано им в декрете, довольно оживленно обсуждались в литературе, вызвав различные объяснения. В них видели симптом роста власти царя [Wilcken, 1922, с. 109—110], нежелание обострять борьбу в Хиосе [Kaerst, 1927, с. 322]. По мнению Т. Райдера, синедрион мог передать решение судьбы захваченных снова Александру, как это произошло с союзниками Агиса [Ryder, 1965, с. 106—107].

⁴⁹ Однако в таком случае закономерен вопрос: почему не были изменены также τῶς αὐτῶν τέλει (стк. 8—9) на τῶς ἡμῶν παρ' αὐτοῖς (стк. 17) на παρ' ἡμῶν?

⁵⁰ Его восстановление с некоторыми изменениями принял Хейсерер [Heisserer, 1980, с. 101] и Пейджко [Piejko, 1985, с. 238—239], которому мы следуем. Существенная разница в восстановлении трех названных ученых, давших самые полные тексты, заключается в том, что Форрест и Хейсерер читают имя Алкимаха только в стк. 10 (где говорится о подозрении в мидизме), а просьбу Александра связывают с лицом, имя которого нам неизвестно, тогда как Пейджко восстанавливает имя Алкимаха, кроме того, еще в стк. 12, поэтому при его чтении друга Александра, за которого он просит хиосцев, звали Алкимах (его-то и не следует подозревать в мидизме). Что касается спорной последней буквы в стк. 10 — «ню» или «сигма», то, исходя из смысла письма, более вероятным кажется «ню» (так у Форреста и Пейджко), чем «сигма» (так у Хейсера), так как было бы странно, чтобы Александр в письме хиосцам давал указание Алкимаху. Из более ранней литературы см. [Lenschau, 1890, с. 186—190; Lenschau, 1940, с. 207—214; Haussoullier, 1893, с. 189; Pridik, 1893, с. 30—32; Rohde, 1894, с. 623; Tod, с. 266—267; Walbank, 1962, с. 178—180; SEG, XXII, 1967, № 506].

⁵¹ Если последовательность надписей верна, а это вовсе не обязательно. Может быть, надпись относится к несколько более позднему времени и связана с какими-то нам не известными обстоятельствами (ср. SEG, XXIII, 1967, с. 163—164 — 330 г. до н. э.). Как мне кажется, есть еще один аргумент против того, чтобы датировать надпись 334 г. до н. э. «Ранее установленную олигархию» (τῆς ἀλιταρχίας τῆς κατὰ τοὺς πρότερον) вероятнее связывать с деятельностью Мемнона в Эгеиде в 333 г. до н. э.

⁵² О дате см. [Жебелев, 1953, с. 38—39; Виноградов, 1989, с. 169, примеч. 107].

⁵³ Неясность его положения вызвала довольно большую литературу: [Leuze, 1935, с. 425—429; Bengtson, 1937a, с. 126 и сл.; Bengtson, 1937b, с. 34, 36, 71, 171, 215—216; Berve, 1941, с. 189; Tarn, 1948b, с. 174—177; Hauben, 1972, с. 64—65; Wirth, 1985b, с. 856—857; Bosworth, 1980, с. 280—282].

⁵⁴ Членство Хиоса признают, например, следующие ученые: [Wilcken, 1922, с. 109; Zankan, 1934, с. 9 и сл.; Lenschau, 1940, с. 201 и сл.; Heisserer, 1973, с. 194]. Иначе — [Ehrenberg, 1938, с. 25; Jannelli, 1976, с. 153—175].

⁵⁵ Аргументация противников вхождения полисов Малой Азии в союз, прежде всего работа В. Эренберга, убедила У. Вилькена в ошибочности его гипотезы [Wilcken, 1938, с. 302, примеч. 5]; ср., однако, [Tarn, 1948b, с. 228, примеч. 1; Tarn, 1938, с. 234].

⁵⁶ О несостоятельности трех аргументов, выдвинутых В. Тарном в пользу негативного решения проблемы, см. [Badian, 1967b, с. 52—53].

⁵⁷ Э. Бэдиан изучает этот вопрос не для выяснения положения малоазиатских полисов, анализа их свободы, как обычно (в таком аспекте этот вопрос не стоит, по мнению Э. Бэдиана, потраченных на него чернил): организация империи Александра интересует Бэдиана с точки зрения деятельности Александра, его методов, способностей и характера. Конечно, каждый ученый вправе заниматься теми проблемами, которые интересуют его, однако при такой постановке вопроса, как у Бэдиана, исчезает один из важнейших аспектов исследуемой проблемы — правовое обоснование власти Александра, ибо не только военной силой объединялась его империя (ср. [Кошеленко, 1972, с. 75]).

⁵⁸ Хотя Арриан говорит о форосе, Э. Бэдиан обходит эту трудность, утверждая, что Арриан неточен в терминологии (с. 55, примеч. 73).

⁵⁹ На вопрос о том, предпринял ли Александр логический заключительный шаг и отменил ли особый статус полисов, который давал им «управляемую свободу» (см. Атт. Алаб. VII, 12, 4: Александр послал Кратера в Европу и велел «взять на себя... охрану эллинской свободы» — ἐξηγεῖσθαι καὶ τῷ Ἑλλήνων τῆς ἐλευθερίας), т. е. поставил ли их под контроль сатрапов, Э. Бэдиан (с. 60—61) отвечает отрицательно, считая приведенные Г. Бенгтсоном [Bengtson, 1937a, с. 126—127] аргументы неубедительными.

⁶⁰ Хотя ирония Э. Бэдиана по этому поводу, пожалуй, неуместна, поскольку Ф. Шахермайр ссылается на большую литературу [Badian, 1967b, с. 65, примеч. 56]; ср. [Schachermeyr, 1973, с. 117, примеч. 182].

Глава 5

¹ Из речи Гиперида против Демосфена известно, что помимо распоряжения Александра об изгнанниках Пиканор привез еще одно — «относительно общих собраний (κοινὸς συλλόγους) ахейян, аркадян и беотян» (Hyer. С. Dem. XVIII). Толковали это распоряжение по-разному: роспуск союзов; урегулирование прав Ахейского, Аркадского и Беотийского союзов, названия которых сохранились; требование обожествления Александра. Ср. [Plassart, 1914, с. 118; Aymard, 1937, с. 7—10; Tod, с. 301; Jaschinski, 1981, с. 35—88; Worthington, 1986, с. 115—121; Bosworth, 1988a, с. 222, примеч. 39].

² Следует обратить внимание на одну фразу в тексте письма — отрицание Александром какой-либо причастности к изгнанию тех лиц, возвращение которых он теперь разрешает. Здесь мы видим прекрасный пример политической пропаганды, когда Александр выступает в роли звергета греков (как и Филипп III —

Diod. XVIII, 56). См. также соображения на этот счет, высказанные П. Гуковским [Goukowsky, 1978, с. 187]; ср., однако, [Seibert, 1979, с. 150].

³ Вопрос этот довольно запутан и весьма оживленно обсуждался учеными, среди которых: [Wilcken, 1922, с. 116; Ehrenberg, 1930, с. 337—355; Heuss, 1937, с. 78 и сл.; Heuss, 1938, с. 135—194; Welles, 1938, с. 245—258; Bengtson, 1937b, с. 47; Bickermann, 1938, с. 295—312; Bickerman, 1940, с. 25—35]. Более полный перечень см. [Seibert, 1981, с. 170—171]. Из работ, вышедших позже, назовем: [Jaschinski, 1981, с. 62—92; Will, 1983, с. 121—127; Bosworth, 1988a, с. 220—228].

⁴ По мнению Э. Бикермана [Bickerman, 1940, с. 25—30], указ 324 г. до н. э. — это первая известная нам диаграмма, т. е. закон — указ, получавший силу после его обнародования, в данном случае — перед войском.

⁵ Об обострении отношений между Александром и Антипатром в последние годы жизни царя см. особенно [Bosworth, 1971, с. 112—136].

⁶ К свидетельству Плутарха см. [Hamilton, 1969, с. 138]. Об Этолии — [Mendels, 1984, с. 130—131], о Самосе — [Shipley, 1987, с. 161—166]. О проблеме с точки зрения причин Ламийской войны — [Маринович, 1990б, с. 109, 114, 134], там же приведена соответствующая литература. Большой интерес представляет ряд надписей, связанных с возвращением самосских изгнанников (о них см. там же).

⁷ Текст: IG, XII, 2, 6; Michel, 356; Hicks-Hill, 164; OGIS, 2; Schwyzer, 620; IG, XII, Suppl., p. 3, № 6; [Balogh, 1943, с. 120—125, № 280]; Tod, № 201; [Heisserer, 1980, с. 123—124]. Последний, пересмотренный текст — [Heisserer, Hodot, 1986, с. 120—121].

⁸ Возможно, с этими же событиями связан еще один фрагмент (ныне утерянный — IG, XII, 2, 8). Публикация «декрета о согласии» заставила Хейсера отказаться от своей прежней трактовки этого фрагмента, который он связывал или с реорганизацией, проведенной на Лесбосе в 336 г. до н. э. Филиппом, или с договором, заключенным между Александром и Митиленой в 334 г. до н. э. [Heisserer, Hodot, 1986, с. 115—116, примеч. 10]; ср. [Heisserer, 1980, с. 140—141].

⁹ Об арбитраже см. [Balogh, 1943, с. 77—78]; там же, в примеч. 285 на с. 198, указана библиография.

¹⁰ Текст: IG, V, 2, p. XXXVI—XXXVII; [Plassart, 1914, с. 104—106]; Syll.³, 306; Schwyzer, 657; [Balogh, 1943, с. 125—126, № 281]; Tod, № 202; [Heisserer, 1980, с. 206—208].

¹¹ Очень незначительная сумма (Tod, с. 298).

¹² Текст: Michel, 417; [Balogh, 1943, с. 128—129, примеч. 286]. См. также Tod, с. 301; [Balogh, 1943, с. 69—70]; ср. [Seibert, 1979, с. 508, примеч. 1267].

¹³ И. Дройзен рассматривал указ как «первый акт высшего авторитета того государства, к которому Александр надеялся приучить греков» [Дройзен, 1890, с. 365].

¹⁴ Так, по мнению У. Вилькена, Никанор передал оригинал указа Александра синедриону для рассылки его полисам. Синедрион нужен был, таким образом, только для выражения воли царя, которой греки должны были подчиниться [Wilcken, 1922, с. 115—118]. О роли синедриона ср. [Bengtson, 1937b, с. 46—47; Tod, с. 297; Ryder, 1965, с. 107].

¹⁵ О состоянии разработки см. [Seibert, 1981, с. 192—206; Кондратьев, 1977б, с. 340—348; Badian, 1978, с. 201—202]. К перечисленным там работам добавим: [Edmunds, 1971, с. 386 и сл.; Atkinson, 1973, с. 310—335]. Из вышедших позднее исследований назовем важнейшие: [Goukowsky, 1978; Badian, 1981, с. 27—71; Fridricksmeier, 1981, с. 145—156; Jaschinski, 1981, с. 93—119; Bosworth, 1988a, с. 278—290].

¹⁶ Сам Робинсон склонен связывать обожествление с разногласиями в войске Александра, предпочитая версию Арриана (Anab. VII, 8, 2) объяснению Юстина (XII, 11, 5) [Robinson, 1943, с. 301].

¹⁷ Не как бог, но как царь обращался Александр и к изгнанникам в письме, оглашенном в Олимпии. О царском титуле Александра, в том числе в эпиграфических документах, и Александре — «царе Азии» см. [Leroy, 1977, с. XX—XXII; Goukowsky, 1978, с. 182].

- ВДИ — Вестник древней истории.
 ABSA — Annual of the British School at Athens. L.
 AJPh — American Journal of Philology. Baltimore.
 Athen. — Athenaeum. Pavia.
 Cl. Ph. — Classical Philology. Chicago.
 Cl. Q. — Classical Quarterly. Oxf.
 Cl. Rev. — Classical Review. Oxf.
 Entretiens Hardt — Alexandre le Grand. Image et réalité. Fondation Hardt pour l'étude de l'antiquité classique. Entretiens. T. 22. Genève, 1976.
 F Gr Hist 2 B — Die Fragmente der griechischen Historiker, von F. Jacoby. T. 2, B. 1. Lief. B., 1927.
 F Gr Hist 2 BD — T. 2, BD. 2 und 4. Lief. B., 1927.
 GaR — Greece and Rome. Oxf.
 GRBS — Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham.
 Herm. — Hermes. Wiesbaden.
 Hesp. — Hesperia. Baltimore.
 Hicks — Hill — A Manuel of Greek Historical Inscriptions. By E. L. Hicks and G. F. Hill. Oxf., 1901.
 Hist. — Historia. Wiesbaden.
 HP — Hellenische Poleis. Kriese — Wandlung — Wirkung. Hrsg. von E. Ch. Welskopf. Bd. 1—4. B., 1974.
 IG — Inscriptiones Graecae. B.
 IvE — Die Inschriften von Erythrai und Klazomenai. T. 1. Hrsg. von H. Engelmann und R. Merkelbach. Bonn, 1972.
 IvP — Inschriften von Priene. Hrsg. von F. Hiller von Gaertringen. B., 1906.
 JHS — Journal of Hellenic Studies. L.
 Kock — Comicorum Atticorum Fragmenta, ed Th. Kock. Vol. 2. P. 1. Lipsiae, 1884.
 Maier — Maier F. G. Griechische Mauerbauinschriften. T. 1. Heidelberg, 1959.
 Michel — Michel Ch. Recueil d'inscriptions grecques. Bruxelles, 1900.
 Milet — Rehm A. Die Inschriften.— Kawerau G., Rehm A. Das Delphinion in Milet. Milet. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899. Bd. 1. H. 3. B., 1914.
 OGIS — Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Ed. W. Dittenberger. Lpz., 1903.
 Philip of Macedon — Philip of Macedon. Ed. by M. B. Hatzopoulos and L. D. Loukopoulou. Athens, 1980.
 Phoen. — Phoenix. Toronto.
 RC — Welles C. B. Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934.
 RE — Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung herausgegeben von G. Wissowa. Stuttgart.
 REA — Revue des études anciennes. Talence.
 REG — Revue des études grecques. P.

- Rev. hist. — Revue historique. P.
 Schmitt — Die Staatsverträge des Altertums. Bd. 3. Die Verträge der griechisch-römische Welt von 338 bis 200 v. Chr. Bearb. von H. H. Schmitt. München, 1969.
 Schwyzer — Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora. Ed. E. Schwyzer. Hildesheim, 1960.
 SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum. Lugduni Batavorum.
 Syll.³ — Sylloge Inscriptionum Graecarum. A G. Dittenbergero condita et aucta. 3 ed. Vol. 1. Lipsiae, 1915.
 Tod — A Selection of Greek Historical Inscriptions. Ed. by M. N. Tod. Vol. 2. Oxf., 1968.
 Wirth. Studien — Wirth G. Studien zur Alexander-geschichte. Darmstadt, 1985.
 ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn.
 Zu Alexander — Zu Alexander d. Gr. Festschrift G. Wirth zum 60. Geburtstag. Hrsg. von W. Will. Amsterdam. Bd. 1—2, 1987—1988.

- Аверинцев, 1973 — *Аверинцев С. С.* Плутарх и античная биография. М., 1973.
- Андреев, 1958 — *Андреев В. Н.* Вопрос о концентрации земли и обезземелении крестьянства в Аттике в IV в. до н. э.— Ученые записки ЛГПИ. 1958, т. 164, ч. 3.
- Андреев, 1959 — *Андреев В. Н.* Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н. э.— ВДИ, 1959, № 2.
- Андреев, 1960 — *Андреев В. Н.* Цена земли в Аттике IV в. до н. э.— ВДИ, 1960, № 2.
- Андреев, 1977 — *Андреев В. Н.* Лаврийские серебряные рудники как источник частного обогащения в V—IV вв. до н. э.— ЛГПИ. XXX Герценовские чтения. Научные доклады. Исторические науки. Л., 1977.
- Андреев, 1983 — *Андреев В. Н.* Аграрные отношения в Аттике в V—IV вв. до н. э.— Античная Греция. Т. 1. М., 1983.
- Андреев, 1973 — *Андреев Ю. В.* Спарта как тип полиса.— Вестник ЛГУ. 1973, № 8.
- Андреев, 1983 — *Андреев Ю. В.* Спарта как тип полиса.— Античная Греция. Т. 1. М., 1983.
- Бергер, 1966 — *Бергер А. К.* Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966.
- Боннар, 1962 — *Боннар А.* Греческая цивилизация. Т. 3. М., 1962.
- Борухович, 1959 — *Борухович В. Г.* Коринфский конгресс 338 г. до н. э. и его решения.— Ученые записки Горьковского университета. 1959, вып. 46.
- Ботвинник, 1952 — *Ботвинник М. Н.* Новые работы буржуазных историков об Александре Македонском.— ВДИ. 1952, № 1.
- Бузескул, 1909 — *Бузескул В.* История афинской демократии. СПб., 1909.
- Бузескул, 1915 — *Бузескул В.* Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки. Пг., 1915.
- Вальченко, 1976 — *Вальченко В. В.* Риторический план речи Ликурга против Леократа. — Вопросы романо-германской филологии. Калининград, 1976.
- Вальченко, 1977а — *Вальченко В. В.* О характере аргументации в речи Ликурга против Леократа.— Язык и литература античного мира. Межвузовский научный сборник. Вып. 1. Л., 1977.
- Вальченко, 1977б — *Вальченко В. В.* Речь Ликурга против Леократа. (Канд. дис.) Л., 1977.
- Виноградов, 1989 — *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. М., 1989.
- Гафуров, Цибукидис, 1980 — *Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980.
- Глускина, 1958 — *Глускина Л. М.* Греция в первой половине IV в. до н. э.— *Колобова К. М., Глускина Л. М.* Очерки истории древней Греции. Л., 1958.
- Глускина, 1967 — *Глускина Л. М.* Судебные процессы по делам, связанным с рудниками в Афинах IV в. до н. э.— ВДИ. 1967, № 1.
- Глускина, 1969 — *Глускина Л. М.* Лаврийские серебряные рудники в экономике Афин IV в. до н. э.— Ученые записки ЛГПИ. 1969, т. 307.
- Глускина, 1973 — *Глускина Л. М.* О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса.— ВДИ. 1973, № 2.
- Глускина, 1975 — *Глускина Л. М.* Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975.
- Глускина, 1983 — *Глускина Л. М.* Проблемы кризиса полиса.— Античная Греция. Т. 2. М., 1983.

- Глускина, 1984 — *Глускина Л. М.* [Рец. на:] *Lauffer S. Die Bergwerkssklaven von Laurion.* Wiesbaden, 1979. — ВДИ. 1984, № 1.
- Доватур, 1961 — *Доватур А. И.* Вопросы истории афинской демократии в новейшей зарубежной литературе. — Критика новейшей буржуазной историографии. М. — Л., 1961.
- Дройзен, 1890 — *Дройзен И. Г.* История эллинизма. Т. 1. М., 1890.
- Дьяков, 1952 — *Дьяков В. Н.* Древняя Греция. — История древнего мира. Под ред. В. Н. Дьякова и Н. М. Пикольского. М., 1952.
- Дьяков, 1956 — *Дьяков В. Н.* Греция в первой половине IV в. до н. э. — Древняя Греция. Отв. ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистов. М., 1956.
- Жебелев, 1922 — *Жебелев С. А.* Демосфен. Берлин — Москва, 1922.
- Жебелев, 1930 — *Жебелев С. А.* Афинская колония на Адриатике. — Доклады Академии наук. Серия В. Л., 1930, № 4.
- Жебелев, 1953 — *Жебелев С. А.* Милет и Оливия. — *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М. — Л., 1953.
- Зельин, 1948 — *Зельин К. К.* Основные черты исторической концепции Помпея Трога. — ВДИ. 1948, № 4.
- Зельин, 1951а — *Зельин К. К.* О государстве в эллинистический период. — ВДИ. 1951, № 1.
- Зельин, 1951б — *Зельин К. К.* [Рец. на:] *Ранович А. Б.* Эллинизм и его историческая роль. М. — Л., 1950. — ВДИ. 1951, № 2.
- Зельин, 1954 — *Зельин К. К.* Помпей Трог и его произведение «*Historiae Philippicae*». — ВДИ. 1954, № 2.
- Зельин, 1960 — *Зельин К. К.* Из области греческой историографии IV в. до н. э. — ВДИ. 1960, № 1.
- Зельин, 1964 — *Зельин К. К.* Борьба политических группировок в Афинах в VI в. до н. э. М., 1964.
- Исаева, 1974 — *Исаева В. И.* О некоторых направлениях в изучении речей Исократ. — ВДИ. 1974, № 4.
- Исаева, 1983 — *Исаева В. И.* Принципы межполисных отношений конца V — середины IV в. до н. э. — Античная Греция. Т. 2. М., 1983.
- Каллистов, 1956 — *Каллистов Д. П.* Пелопоннесская война. Упадок Афин и возвышение Македонии. — Всемирная история. Т. 2. М., 1956.
- Ковалев, 1936 — *Ковалев С. И.* Греция (История античного общества. Греция. Эллинизм. Рим). Л., 1936.
- Ковалев, 1953 — *Ковалев С. И.* [Рец. на:] *Ранович А. Б.* Эллинизм и его историческая роль. М. — Л., 1950. — ВДИ. 1953, № 2.
- Колобова, 1963 — *Колобова К. М.* Афины в борьбе за независимость. — ВДИ. 1963, № 1.
- Кондратюк, 1977а — *Кондратюк М. А.* Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30—20-х гг. — ВДИ. 1977, № 2.
- Кондратюк, 1977б — *Кондратюк М. А.* Проблема обожествления Александра Македонского в современной историографии. — Проблемы всеобщей истории. М., 1977.
- Кондратюк, 1980 — *Кондратюк М. А.* Политическая борьба в Афинах в 324—323 гг. до н. э. и «процесс Гарпала». — Древний Восток и античный мир. М., 1980.
- Костюхин, 1972 — *Костюхин Е. А.* Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972.
- Кошеленко, 1972 — *Кошеленко Г. А.* Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н. э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н. э. — ВДИ. 1972, № 1.
- Кошеленко, 1974 — *Кошеленко Г. А.* Аристотель и Александр (К вопросу о подлинности «Письма Аристотеля к Александру о политике по отношению к городам»). — ВДИ. 1974, № 1.
- Кошеленко, 1975 — *Кошеленко Г. А.* Некоторые основные проблемы истории эллинизма в современной зарубежной литературе. — XIV Международный конгресс исторических наук. Материалы к конгрессу. Вып. 4. Проблемы эллинизма. М., 1975.

- Кошеленко, 1979 — Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- Крюгер, 1962 — Крюгер О. О. Арриан и его труд «Поход Александра». — Арриан. Поход Александра. Пер. с древнегреч. М. Е. Сергеев. М.—Л., 1962.
- Кудрявцев, 1953 — Кудрявцев О. В. Запустение Эллады в период империи, его причины и значение. — ВДИ. 1953, № 2.
- Кудрявцев, 1954 — Кудрявцев О. В. Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры. М., 1954.
- Кудрявцев, 1957 — Кудрявцев О. В. Исследования по истории Балканско-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957.
- Маринович, 1975 — Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975.
- Маринович, 1977 — Маринович Л. П. [Рец. на:] Briant P. Alexandre le Grand. P., 1974. — ВДИ, 1977, № 1.
- Маринович, 1979 — Маринович Л. П. [Рец. на:] Hamilton J. R. Alexander the Great. Pittsburgh, 1974. — ВДИ, 1979, № 2.
- Маринович, 1980 — Маринович Л. П. Александр Македонский и полисы Малой Азии (К постановке проблемы). — ВДИ. 1980, № 2.
- Маринович, 1982 — Маринович Л. П. Время Александра Македонского. — Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982.
- Маринович, 1983а — Маринович Л. П. Афины при Александре Македонском. — Античная Греция. Т. 2. М., 1983.
- Маринович, 1983б — Маринович Л. П. Спарта при Агисе III. — Античная Греция. Т. 2. М., 1983.
- Маринович, 1983в — Маринович Л. П. Греческие города и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). — Consilium Eirene XVI. Vol. 1. Prague, 1983.
- Маринович, 1985 — Маринович Л. П. Полис и эллинистическая монархия: к проблеме генезиса отношений. — Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо. 1982. Тб., 1985.
- Маринович, 1986 — Маринович Л. П. Входили ли малоазийские полисы в Коринфский союз? (К состоянию разработки вопроса). — Проблемы античной культуры. М., 1986.
- Маринович, 1990а — Маринович Л. П. Три историка Александра. — ВДИ. 1990, № 1.
- Маринович, 1990б — Маринович Л. П. Ламийская война. — Эллинизм. Экономика. Политика. Культура. Т. 1. М., 1990.
- Пикус, 1962 — Пикус Н. Н. Греция в первой половине IV в. до н. э. — Блаватская Т. В., Блаватский В. Д., Бокщанин А. Г., Казаменова Л. Н. История древней Греции. М., 1962.
- Пикус, 1972 — Пикус Н. Н. Греция в первой половине IV в. до н. э. — История древней Греции. Под ред. В. И. Авдиева, А. Г. Бокщанина, Н. Н. Пикуса. М., 1972.
- Радциг, 1954 — Радциг С. И. Демосфен — оратор и политический деятель. — Демосфен. Речи. Пер. с греч., статья и примеч. С. И. Радцига. М., 1954.
- Ранович, 1947 — Ранович А. Б. Александр Македонский и греческие города Малой Азии. — ВДИ. 1947, № 4.
- Ранович, 1950 — Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950.
- Рожицын, 1914 — Рожицын В. С. Развитие в греческой политической литературе учения о формах государственного устройства. — Сборник статей в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков, 1914.
- Савицкий, 1941 — Савицкий Г. И. Фл. Арриан как источник по истории Средней Азии. — Труды Самаркандского педагогического института. 1941, т. 3.
- Сергеев, 1948 — Сергеев В. С. История древней Греции. М., 1948.
- Сергеев, 1963 — Сергеев В. С. История древней Греции. М., 1963.
- Соболевский, 1955 — Соболевский С. И. Демосфен и его современники. — История

- греческой литературы. Т. 2. Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. М., 1955.
- Соболевский, 1960а — *Соболевский С. И.* Диодор Сицилийский. — История греческой литературы. Т. 3. Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. М., 1960.
- Соболевский, 1960б — *Соболевский С. И.* Флавий Арриан. — История греческой литературы. Т. 3. Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. М., 1960.
- Тюменев, 1922 — *Тюменев А.* Очерки экономической и социальной истории древней Греции. Т. 3. Упадок. Пб., 1922.
- Тюменев, 1935 — *Тюменев А. И.* История античных рабовладельческих обществ. М. — Л., 1935.
- Тюменев, 1937 — *Тюменев А. И.* Общий кризис рабовладельческой системы. — История древнего мира. Под ред. С. И. Ковалева. Т. 3. Ч. 2. Древняя Греция. М., 1937.
- Утченко, 1976 — *Утченко С. Л.* Юлий Цезарь. М., 1976.
- Утченко, Дьяконов, 1970 — *Утченко С. Л., Дьяконов И. М.* Социальная стратификация древнего общества. XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970.
- Фролов, 1972 — *Фролов Э. Д.* Греческие тираны. Л., 1972.
- Фролов, 1974 — *Фролов Э. Д.* Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады. — ВДИ. 1974, № 1.
- Фролов, 1983а — *Фролов Э. Д.* Панэллинизм в политике IV в. до н. э. — Античная Греция. Т. 2. М., 1983.
- Фролов, 1983б — *Фролов Э. Д.* Политические лидеры афинской демократии (Опыт типологической характеристики). — Политические деятели античности, средневековья и нового времени. Л., 1983.
- Фюстель-де-Куланж, 1895 — *Фюстель-де-Куланж.* Древняя гражданская община. М., 1895.
- Хвостов, 1924 — *Хвостов М.* История Греции. М., 1924.
- Цибукидис, 1981 — *Цибукидис Д. И.* Древняя Греция и Восток. М., 1981.
- Шахермайр, 1984 — *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. М., 1984.
- Шмидт, 1935 — *Шмидт Р. В.* Очерки из истории горного и металлообработки о производства в античной Греции. — Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М. — Л., 1935, вып. 108.
- Шофман, 1973 — *Шофман А. С.* Первый этап антимакедонского движения периода восточных походов Александра Македонского. — ВДИ. 1973, № 4.
- Шофман, 1974 — *Шофман А. С.* Каллисфен. — Вопросы истории. 1974, № 6.
- Шофман, 1976 — *Шофман А. С.* Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976.
- Штаерман, 1988а — *Штаерман Е. М.* Европа в античную эпоху. Введение. — История Европы. Т. 1. М., 1988.
- Штаерман, 1988б — *Штаерман Е. М.* Александр Македонский в идеологии Рима. — Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988.
- Adams, 1938 — *Adams C. D.* Speeches VIII and X of the Demosthenic Corpus. — Cl. Ph. 1938, vol. 33.
- Adams, 1963 — *Adams C. D.* Demosthenes and his Influence. N. Y., 1963.
- Adams, 1988 — *The Speeches of Aeschines. With an English Translation by Adams C. D.* London—Cambridge (Mass.), 1988.
- Alonso-Nunez, 1989 — *Alonso-Nunez J. A.* Historiographie hellénistique pré-polybienne. — REG. 1989, vol. 102.
- Andréadès, 1929 — *Andréadès A.* Les finances de guerre d'Alexandre. — Annales. P., 1929, t. 1.
- Andréadès, 1933 — *Andréadès A. M.* A History of Greek Public Finance. Cambridge, (Mass.), 1933.
- Andrewes, 1982 — *Andrewes A.* Spartan Imperialism? — Imperialism in the Ancient World. London — Cambridge — New York, 1982.

- Andreyev, 1974 — *Andreyev V. N.* Some Aspects of Agrarian Conditions in Attica in the Fifth to Third Centuries B. C. — Eirene. Praha, 1974, t. 12.
- Ardaillon, 1897 — *Ardaillon E.* Les mines du Laurion dans l'antiquité. P., 1897.
- Ashton, 1979 — *Ashton N. G.* How Many Penteis? — GRBS. 1979, vol. 20.
- Atkinson, 1963 — *Atkinson J. E.* Primary Sources and the Alexanderrreich. — Acta Classica. Kaapstad, 1963, t. 6.
- Atkinson, 1980 — *Atkinson J. E.* A Commentary on Q. Curtius Rufus' Historiae Alexandri Magni. Books 3 and 4. L., 1980.
- Atkinson, 1973 — *Atkinson K. M. T.* Demosthenes, Alexander, and Asebeia. — Ahen. 1973, vol. 51.
- Aymard, 1937 — *Aymard A.* Un ordre d'Alexandre. — REA. 1937. vol. 39.
- Aymard, 1938 — *Aymard A.* [Rev. on:] *Cloché P.* Démosthènes et la fin de la démocratie Athénienne. P., 1937. — Rev. hist. P., 1938, vol. 183.
- Aymard, 1939 — *Aymard A.* La lettre. — Rev. hist. P., 1939, vol. 185.
- Aymard, 1976 — *Aymard A.* Le monde grec au temps du Philippe II de Macédoine et Alexandre le Grand. P., 1976.
- Badian, 1958a — *Badian E.* Alexander the Great and the Unity of Mankind. — Hist. 1958. Bd. 7.
- Badian, 1958b — *Badian E.* The Eunuch Bagoas. A Study in Method. — Cl. Q. 1958, vol. 8.
- Badian, 1961a — *Badian E.* Harpalus. — JHS. 1961, vol. 81.
- Badian, 1961b — *Badian E.* [Rev. on:] *Pearson L.* The Lost Histories of Alexander the Great. N. Y., 1960. — Gnomon. München, 1961, Bd. 33.
- Badian, 1965 — *Badian E.* The Administration of the Empire. — GaR. 1965. vol. 12.
- Badian, 1967a — *Badian E.* Agis III. — Herm. 1967. Bd. 95.
- Badian, 1967b — *Badian E.* Alexander the Great and the Greeks of Asia. — Ancient Society and Institutions: Studies Presented to Victor Ehrenberg. N. Y., 1967.
- Badian, 1975 — *Badian E.* Nearchus the Cretan. — Studies in the Greek Historians. Cambridge — London — New York, 1975.
- Badian, 1976 — *Badian E.* Some Recent Interpretations of Alexander. — Entretiens Hardt. 1976.
- Badian, 1977 — *Badian E.* The Battle of the Granicus: A New Look. — Ancient Macedonia. II. Thessaloniki, 1977.
- Badian, 1978 — *Badian E.* Alexander the Great, 1948—67. — The Classical World Bibliography of Greek and Roman History. N. Y., 1978.
- Badian, 1981 — *Badian E.* The Deification of Alexander the Great. — Ancient Macedonian Studies in Honor of Charles F. Edson. Thessaloniki, 1981.
- Badian, 1987 — *Badian E.* The Ring and the Book. — Zu Alexander.
- Baldson, 1950 — *Baldson J. P. V. D.* The «Devinity» of Alexander. — Hist. 1950, Bd. 1.
- Balogh, 1943 — *Balogh E.* Political Refugees in Ancient Greece from the Period of the Tyrants to Alexander the Great. Johannesburg, 1943.
- Bardon, 1947 — *Quinte-Curce.* Histoires. Texte établi et traduit par H. Bardon. T. 1. P., 1947.
- Bardon, 1948 — *Quinte-Curce.* Histoires. Texte établi et traduit par H. Bardon. T. 2. P., 1948.
- Barrow, 1967 — *Barrow R. H.* Plutarch and his Times. L., 1967.
- Bartoletti, 1959 — *Hellenica Oxyrhynchia*, ed. V. Bartoletti. Lipsiae, 1959.
- Baumbach, 1911 — *Baumbach A.* Kleinasien unter Alexander dem Grossen. Jena, 1911.
- Beloch, 1884 — *Beloch J.* Die attische Politik seit Perikles. Lpz., 1884.
- Beloch, 1923 — *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. Bd. 3. Abt. 2. B. — Lpz., 1923.
- Bengtson, 1937a — *Bengtson H.* Philoxenos ho Makedon. Ein Beitrag zur Verwaltungsgeschichte Ioniens. — Philologus. B., 1937, Bd. 102.
- Bengtson, 1937b — *Bengtson H.* Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 1. München, 1937.
- Bengtson, 1969 — *Bengtson H.* Griechische Geschichte. München, 1969.
- Bernays, 1881 — *Bernays J.* Phokion und seine neueren Beurteiler. Ein Beitrag zur Geschichte der griechischen Philosophie und Politik. B., 1881.

- Berthold, 1984 — *Berthold R. M.* Rhodes in the Hellenistic Age. Ithaca—London, 1984.
- Berve, 1926a — *Berve H.* Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. 1. München, 1926.
- Berve, 1926b — *Berve H.* Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. 2. München, 1926.
- Berve, 1941 — *Berve H.* Philoxenos, 1.—RE. 1941. Hbd. 39.
- Berve, 1967 — *Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. 1—2. München, 1967.
- Berve, Capelle, 1935 — *Berve H., Capelle W.* Nearchos. 3.—RE. 1935, Hbd. 32.
- Bickermann, 1934 — *Bickermann E.* Alexandre le Grand et les villes d'Asie.—REG. 1934. vol. 47.
- Bickerman, 1938 — *Bickerman E.* Diagramma.—Revue de philologie. P., 1938. vol. 12.
- Bickerman, 1940 — *Bickerman E.* La lettre d'Alexandre le Grand aux bannis grecs.—REA. 1940, vol. 42.
- Bickerman, 1950 — *Bickerman E.* [Rev. on:] *Tarn W.* Alexander the Great. Vol. 1—2. Cambridge, 1948.—Cl. Ph. 1950, vol. 45.
- Bickerman, 1963 — *Bickerman E.* Sur un passage d'Hypéride (Epitaphios, col. VIII).—Athen. 1963, t. 41.
- Bielawski, Plezia, 1970 — Lettre d'Aristote à Alexandre sur la politique envers les cités. Texte arabe établi et traduit par J. Bielawski, commentaire de M. Plezia. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1970.
- Bizièvre, 1974 — *Bizièvre F.* Comment travaillait Diodore de Sicile.—REG. 1974, vol. 87.
- Blass, 1893 — *Blass F.* Die attische Beredsamkeit. Abt. 3. Abschn. 1. Lpz., 1893.
- Blass, 1898 — *Blass F.* Die attische Beredsamkeit. Abt. 3. Abschn. 2. Lpz., 1898.
- Bockisch, 1975 — *Bockisch G.* Panhellenismus bei Isokrates und Demosthenes.—Actes de la XII^e Conférence Internationale d'études classiques Eirene. București, 1975.
- Bodefeld, 1982 — *Bodefeld H.* Untersuchungen zur Datierung der Alexander Geschichte des Q. Curtius Rufus. Düsseldorf, 1982 (non vidi).
- Boehnecke, 1864 — *Boehnecke K. G.* Demosthenes, Lykurgos, Hyperides und ihr Zeitalter mit Benutzung der neuesten Entdeckungen. B., 1864.
- Bogaert, 1968 — *Bogaert R.* Banques et banquiers dans les cités grecques. Leyde, 1968.
- Bogaert, 1974 — *Bogaert R.* Die Kriege der Banken im 4. Jahrhundert v. u. Z.—IIP. Bd. 1.
- Borza, 1971 — *Borza E. N.* The End of Agis' Revolt.—Cl. Ph. 1971, vol. 66.
- Borza, 1972 — *Borza E. N.* Fire from Heaven: Alexander at Persopolis.—Cl. Ph. 1972. vol. 67.
- Borza, 1977 — *Borza E. N.* Alexander's Communications.—Ancient Macedonia. II. Thessaloniki, 1977.
- Bosworth, 1970 — *Bosworth A. B.* Aristotle and Callisthenes.—Hist. 1970, Bd. 19.
- Bosworth, 1971 — *Bosworth A. B.* The Death of Alexander the Great: Rumour and Propaganda.—Cl. Q. 1971, vol. 21.
- Bosworth, 1975 — *Bosworth A. B.* The Mission of Amphiotes and the Outbreak of Agis' War.—Phoenix. 1975, vol. 29.
- Bosworth, 1976a — *Bosworth A. B.* Errors in Arrian.—Cl. Q. 1976, vol. 26.
- Bosworth, 1976b — *Bosworth A. B.* Early Relations between Aetolia and Macedon.—American Journal of Ancient History. Cambridge (Mass.), 1976, t. 1.
- Bosworth, 1976c — *Bosworth A. B.* Arrian and the Alexander Vulgate.—Entretiens Hardt.
- Bosworth, 1980 — *Bosworth A. B.* A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. 1. Commentary on Books I—III. Oxf., 1980.
- Bosworth, 1985 — *Bosworth A. B.* [Rev. on:] *Will W.* Athen und Alexander. München, 1983.—Gnomon, München, 1985, Bd. 57.
- Bosworth, 1988a — *Bosworth A. B.* Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great. Cambridge, 1988.
- Bosworth, 1988b — *Bosworth A. B.* From Arrian to Alexander. Studies in Historical Interpretation. Oxf., 1988.
- Bougot, 1891 — *Bougot A.* Rivalité d'Eschine et de Démosthène. P., 1891.

- Braccesi, 1967 — *Braccesi L.* A proposito d'una notizia su Iperide — *Rivista di Filologia*. Torino, 1967, vol. 45.
- Braccesi, 1970 — *Braccesi L.* L'Epitafio di Iperide come fonte storica. — *Athen.* 1970 vol. 48.
- Bradeen, 1964 — *Bradeen D. W.* Athenian Casualty Lists. — *Hesp.* 1964, vol. 33.
- Breebaart, 1960 — *Breebaart A. B.* Enige historiografische Aspecten van Arrianus *Anabasis Alexandri*. Leiden, 1960.
- Briant, 1973 — *Briant P.* Antigone le Borgne. P., 1973.
- Briant, 1974 — *Briant P.* Alexandre le Grand. P., 1974.
- Briant, 1979a — *Briant P.* Des Achéménides aux rois hellénistiques: continuités et ruptures. — *Annali della Scuola normale superiore di Pisa*. 1979, t. 9.
- Briant, 1979b — *Briant P.* Impérialismes antiques et idéologie coloniale dans la France contemporaine: Alexandre le Grand modèle colonial. — *Dialogues d'histoire ancienne* 1979, vol. 5.
- Briant, 1982 — *Briant P.* Conquête territoriale et stratégie idéologique: Alexandre le Grand et l'idéologie monarchique Achéménide. — *Briant P.* Rois, tributs et paysans. P., 1982.
- Briant, 1987 — *Briant P.* De la Grèce à l'Orient. Alexandre le Grand. P., 1987.
- Brown, 1949a — *Brown T. S.* Onesicritus. A Study in Hellenistic Historiography. Berkeley — Los Angeles, 1949.
- Brown, 1949b — *Brown T. S.* Callisthenes and Alexander. — *AJPh.* 1949, vol. 70.
- Brown, 1950 — *Brown T. S.* Clitarchus. — *AJPh.* 1950, vol. 71.
- Brown, 1967 — *Brown T. S.* Alexander's Book Order (Plut. Alex. 8). — *Hist.* 1967. Bd. 16.
- Brown, 1973 — *Brown T. S.* The Greek Historians. Lexington (Mass.), 1973.
- Brulé, 1978 — *Brulé P.* La piraterie crétoise hellénistique. P., 1978.
- Brunt, 1962 — *Brunt P. A.* Persian Accounts of Alexander's Campaigns. — *Cl. Q.* 1962, vol. 56.
- Brunt, 1974 — *Brunt P. A.* Notes on Aristobulus of Cassandrea. — *Cl. Q.* 1974, vol. 68.
- Burford, 1972 — *Burford A.* Craftsmen in Greek and Roman Society. Ithaca, 1972.
- Burke, 1977 — *Burke E. M.* «Contra Leocratem» and «De corona»: Political Collaboration? — *Phoen.* 1977, vol. 31.
- Burke, 1985 — *Burke E. M.* Lycurgan Finances. — *GRBS.* 1985, t. 26.
- Burn, 1952 — *Burn A. R.* Notes on Alexander's Campaigns, 332—330. — *JHS.* 1952, vol. 72.
- Burt, 1973 — *Minor Attic Orators. II. Lycurgus, Dinarchus, Demades, Hyperides.* With an English Translation by J. O. Burt. London—Cambridge (Mass.), 1973.
- Calhoun, 1931 — *Calhoun G. M.* Ancient Athenian Mining. — *Journal of Economic and Business History.* 1931, vol. 3.
- Calhoun, 1970 — *Calhoun G. M.* Athenian Clubs in Politics and Litigation. N. Y., 1970.
- Canfora, 1968 — *Canfora L.* Per la cronologia di Demostene. Bari, 1968.
- Cargill, 1981 — *Cargill J.* The Second Athenian League. Empire or Free Alliance? Berkeley — Los Angeles, 1981.
- Cargill, 1985 — *Cargill J.* Demosthenes, Aischines and the Crop of Traitors. — *Ancient World.* Chicago, 1985, vol. 11.
- Carlier, 1989 — *Carlier P.* Démosthène, Alexandre et Antipatros. — *REG.* 1989, vol. 102.
- Carlier, 1990 — *Carlier P.* Démosthène. [P.], 1990.
- Cartledge, 1978 — *Cartledge P.* [Rev. on:] *Levy E.* Athènes devant la défaite de 404. P., 1976. — *Gnomon.* München, 1978, Bd. 50.
- Cartledge, 1980 — *Cartledge P.* The Peculiar Position of Sparta in the Development of the Greek City-State. — *Proceedings of the Royal Irish Academy.* Dublin, 1980, t. 80. C.
- Cartledge, 1987 — *Cartledge P.* Agesilaos and the Crisis of Sparta. L., 1987.
- Cary, 1932 — *Cary M.* The Sources of Silver for the Greek World. — *Mélanges Gustave Glotz.* T. 1. P., 1932.

- Casson, 1971 — *Casson L. Ships and Seamanship in the Ancient World*. Princeton, 1971.
- Castets, 1872 — *Castets F. Eschine l'orateur*. P., 1872.
- Cavagnola, 1973 — *Cavagnola B. Aspetti economici dell' allevamento a Delo e Reneia in eta ellenistica*. — Istituto Lombardo. Accademia di scienze e lettere. Rendiconti. Milano, 1973, t. 107.
- Cavaignac, 1948 — *Cavaignac E. Sparta*. P., 1948.
- Cawkwell, 1961 — *Cawkwell G. L. A Note on Ps. Demosthenes 17.20*. — *Phoen.* 1961, vol. 15.
- Cawkwell, 1963a — *Cawkwell G. L. Eubulus*. — *JHS.* 1963, vol. 83.
- Cawkwell, 1963b — *Cawkwell G. L. Demosthenes' Policy after the Peace of Philocrates*. — *Cl. Q.* 1963, vol. 13.
- Cawkwell, 1969 — *Cawkwell G. L. The Crowning of Demosthenes*. — *Cl. Q.* 1969, vol. 19.
- Cawkwell, 1978 — *Cawkwell G. Philip of Macedon*. Boston, 1978.
- Cawkwell, 1979 — *Cawkwell G. L. [Rev. on:] Gehrke H.-J. Phokion*. München, 1976. — *Cl. Rev.* 1979, vol. 29.
- Cawkwell, 1980 — *Cawkwell G. Philip and Athens*. — *Philip of Macedon*.
- Cawkwell, 1983 — *Cawkwell G. L. The Decline of Sparta*. — *Cl. Q.* 1983, vol. 33.
- Cawkwell, 1984 — *Cawkwell G. L. Athenian Naval Power in the Fourth Century*. — *Cl. Rev.* 1984, vol. 34.
- Chamoux, 1983 — *Chamoux F. Diodore et la Macédoine*. — *Ancient Macedonia. III. Thessaloniki*, 1983.
- Charneux, 1966 — *Charneux P. Liste argienne de théarodques*. — *Bulletin de correspondance hellénique*. P., 1966, vol. 90.
- Chrimes, 1952 — *Chrimes K. M. T. Ancient Sparta. A Re-examination of the Evidence*. Manchester, 1952.
- Clarysse, Schepens, 1985 — *Clarysse W., Schepens G. A Ptolemaic Fragment of an Alexander History*. — *Chronique d'Égypte*. Bruxelles, 1985, vol. 60.
- Clemanceau, 1926 — *Clemanceau G. Démosthène*. P., 1926.
- Cloch , 1923 — *Cloch  P. Les derni res ann es de l'Ath nien Phocion*. — *Rev. hist.* P., 1923, vol. 144.
- Cloch , 1924 — *Cloch  P. Les derni res ann es de l'Ath nien Phocion*. — *Rev. hist.* P., 1924, vol. 145.
- Cloch , 1939a — *Cloch  P. La lettre*. — *Rev. hist.* P., 1939, vol. 185.
- Cloch , 1939b — *Cloch  P. A propos d'un chapitre de Polybe*. — *L'Antiquit  classique*. Bruxelles, 1939, vol. 8.
- Cloch , 1957 — *Cloch  P. D mosth nes et la fin de la d mocratie ath nienne*. P., 1957.
- Cloch , 1960 — *Cloch  P. Les hommes politiques et la justice populaire dans l'Ath nes du IV  si cle*. — *Hist.* 1960, Bd. 9.
- Colin, 1925 — *Colin G. D mosth nes et l'affaire d'Harpale*. — *REG.* 1925, vol. 38.
- Colin, 1926 — *Colin G. D mosth nes et l'affaire d'Harpale*. — *REG.* 1926, vol. 39.
- Colin, 1928 — *Colin G. Note sur l'administration financi re de l'Orateur Lycurgue*. — *REA.* 1928, vol. 30.
- Colin, 1938 — *Colin G. L'oraison fun bre d'Hyp ride*. — *REG.* 1938, vol. 51.
- Colin, 1946 — *Hyp rides. Discours. Texte  tabli et publi  par G. Colin*. P., 1946.
- Connor, 1971 — *Connor W. R. The New Politicians of Fifth-Century Athens*. Princeton, 1971.
- Croiset, 1968 — *D mosth ne. Harangues. Texte  tabli et traduit par M. Croiset*. T. 1. P., 1968.
- Croiset, 1975 — *D mosth ne. Harangues. Texte  tabli et traduit par M. Croiset*. T. 2. P., 1975.
- Croissant, 1969 — *Croissant F. [Rev. on:] Ranum G. Die politischen Ziele und Wege des Aischines*. Erlangen, 1965. — *REG.* 1969, vol. 82.
- Crosby, 1950 — *Crosby M. The Leases of the Laureion Mines*. — *Hesp.* 1950, vol. 19.
- Cunningham, 1967 — *Cunningham C. J. K. The Silver of Laurion*. — *GaR.* 1967, vol. 14.

- Daitz, 1957 — *Daitz S. J.* The Relationship of the De Chersoneso and the Philippica Quarta of Demosthenes. — Cl. Ph. 1957, vol. 52.
- Dascalakis, 1966 — *Dascalakis A.* Alexander the Great and Hellenism. Thessaloniki, 1966.
- David, 1981 — *David E.* Sparta between Empire and Revolution (404—243 B. C.). N. Y., 1981.
- Davies, 1971 — *Davies J. K.* Athenian Propertied Families. 600—300 B. C. Oxf., 1971.
- Davies, 1981 — *Davies J. K.* Wealth and the Power of Wealth in Classical Athens. Salem, 1981.
- Delaunois, 1959 — *Delaunois M.* La plan rhétorique dans l'éloquence grecque d'Homère à Démosthènes. Brixelles, 1959.
- Demand, 1986 — *Demand N.* The Relocation of Priene Reconsidered. — Phoen. 1986, vol. 40.
- Demandt, 1972 — *Demandt A.* Politische Aspekte im Alexanderbild der Neuzeit. — Archiv für Kulturgeschichte. Lpz. — B., 1972, vol. 54.
- Develin, 1989 — *Develin R.* Athenian Officials. 684—321 B. C. Cambr., N. Y., 1989.
- Drerup, 1916 — *Drerup E.* Aus einer alten Advokatenrepublik. Paderborn, 1916.
- Drerup, 1923 — *Drerup E.* Demosthenes im Urteile des Altertums. Würzburg, 1923.
- Drews, 1962 — *Drews R.* Diodorus and His Sources. — AJPh. 1962, vol. 83.
- Dunkel, 1938 — *Dunkel H. B.* Was Demosthenes a Panhellenist? — Cl. Ph. 1938, vol. 33.
- Dürnbach, 1890 — *Dürnbach F.* L'Orateur Lycurgue. P., 1890.
- Dürnbach, 1932 — *Lycurgue.* Contre Léocrate. Fragments. Texte établi et traduit par F. Dürnbach. P., 1932.
- Dusanić, 1970 — *Dušanić S.* Arkadski savez IV veka. Beograd, 1970.
- Dyck, 1985 — *Dyck A. R.* The Function and Persuasive Power of Demosthenes' Portrait of Aeschines in the Speech «On the Crown». — GaR. 1985, vol. 32.
- Edmunds, 1971 — *Edmunds L.* The Religiosity of Alexander. — GRBS. 1971, vol. 12.
- Effenterre — *Effenterre H. van.* La Crête et le monde grec de Platon à Polybe. P., 1948.
- Egge, 1978 — *Egge R.* Untersuchungen zur Primärtradition bei Q. Curtius Rufus. Freiburg, 1978 (non vidi).
- Ehrenberg, 1929 — *Ehrenberg V.* Sparta. — RE. 1929, Hbd. 6.
- Ehrenberg, 1930 — *Ehrenberg V.* Zur Verfassungsurkunde von Kyrene. — Herm. 1930, Bd. 65.
- Ehrenberg, 1938 — *Ehrenberg V.* Alexander and the Liberated Greek Cities. — *Ehrenberg V.* Alexander and the Greeks. Oxf., 1938.
- Ehrenberg, 1951 — *Ehrenberg V.* The People of Aristophanes. Cambridge, 1951.
- Ehrenberg, 1974a — *Ehrenberg V.* The Greek State. L., 1974.
- Ehrenberg, 1974b — *Ehrenberg V.* Some Aspects of the Transition from the Classical to the Hellenistic Age. — *Ehrenberg V.* Man, State and Deity. Essays in Ancient History. L., 1974.
- Ellis, 1976 — *Ellis J. R.* Philip II and Macedonian Imperialism. L., 1976.
- Engels, 1978 — *Engels D. W.* Alexander the Great and Logistics of the Macedonian Army. Berkeley — Los Angeles, 1978.
- Errington, 1984 — *Errington M.* [Rev. on:] *Hammond N. G. L.* Three Historians of Alexander the Great. Cambridge, 1983. — Gnomon. München, 1984, Bd. 56.
- Errington, 1969 — *Errington R. M.* Bias in Ptolemy's History of Alexander. — Cl. Q. 1969, vol. 19.
- Errington, 1976 — *Errington R. M.* Alexander in the Hellenistic World. — Entretiens Hardt.
- Eucken, 1984 — *Eucken Ch.* Reinform und Zweck der Olynthischen Reden. — Museum Helveticum. Basel, 1984, t. 41.
- Ferguson, 1913 — *Ferguson W. S.* Greek Imperialism. Boston — London, 1913.
- Ferguson, 1974 — *Ferguson W. S.* Hellenistic Athens. L., 1974.
- Fine, 1951 — *Fine J. V. A.* Horoi. Studies in Mortgage, Real Security, and Land Tenure in Ancient Athens. Baltimore, 1951.

- Finley, 1952 — *Finley M. I.* Studies in Land and Credit in Ancient Athens, 500—200 B. C. New Brunswick, 1952.
- Finley, 1953 — *Finley M. I.* Land, Debt, and the Man of Property in Classical Athens. — *Political Science Quarterly*. 1953, t. 68.
- Finley, 1968 — *Finley M. I.* The Alienability of Land in Ancient Greece: A Point of View. — *Eirene*. Praha, 1968, t. 7.
- Finley, 1971 — *Finley M. I.* The Aecestral Constitution. Cambridge, 1971.
- Finley, 1975 — *Finley M. I.* Sparta. — *Finley M. I.* The Use and Abuse of History. L., 1975.
- Finley, 1979 — *Finley M. I.* The Ancient Economy. L., 1979.
- Finley, 1983 — *Finley M. I.* Politics in the Ancient World. Cambridge — London — New York, 1983.
- Flaceliere, 1976 — *Plutarque*. Vies. Texte établi et traduit par R. Flaceliere T. 10. P., 1976.
- Forman, 1897 — Index Andocideus, Lysurgeus, Dinarcheus, confectus a L. L. Forman. Oxonii, 1897.
- Forrest, 1968 — *Forrest W. G.* A History of Sparta, 950—192 B. C. L., 1968.
- Forrest, 1969 — *Forrest W. G.* Alexander's Second Letter to the Chians. — *Klio*. B., 1969, Bd. 51.
- Fox, 1980 — *Fox L.* The Search for Alexander. Boston — Toronto, 1980.
- Frazer, 1952 — *Frazer P. M.* Alexander and the Rhodian Constitution. — *La Parola del Passato*. Napoli, 1952, t. 24.
- Frazer, 1982 — *Frazer P. M.* [Rev. on:] *Heisserer A. J.* Alexander the Great and the Greeks. Norman, 1980. — *Cl. Rev.* 1982, vol. 32.
- Fridricksmeyer, 1981 — *Fridricksmeyer E. A.* On the Background of the Ruler Cult. — *Ancient Macedonian Studies in Honor of Charles F. Edson*. Thessaloniki, 1981.
- Fuks, 1954 — *Fuks A.* The Ancestral Constitution. Four Studies in Athenian Party Politics at the End of the Fifth Century B. C. L., 1954.
- Garnsey, 1985 — *Garnsey P.* Grain for Athens. — *Crux*. Essays Presented to G. E. M. de Ste. Croix. L., 1985.
- Garnsey, 1988 — *Garnsey P.* Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World. Cambridge — New York, 1988.
- Gauthier, 1972 — *Gauthier Ph.* Symbola. Les étrangers et la justice dans les cités grecques. Nancy, 1972.
- Gehrke, 1976 — *Gehrke H.-J.* Phokion. Studien zur Erfassung seiner historischen Gestalt. München, 1976.
- Gehrke, 1985 — *Gehrke H.-J.* Stasis. Untersuchungen zu den inneren Kriegen in den griechischen Staaten des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. München, 1985.
- Gernet, 1957 — *Démosthène*. Plaidoyers civils. Texte établi et traduit par L. Gernet. T. 2. P., 1957.
- Gernet, 1968 — *Gernet L.* Choses visibles et choses invisibles. — *Gernet L.* Anthropologie de la Grèce antique. P., 1968.
- Glötz, Cohen, 1945 — *Glötz G., Cohen R.* Alexandre le Grand et la conquête de l'Orient. — *Glötz P., Roussel P., Cohen R.* Alexandre et le démembrement de son Empire. P., 1945.
- Goldstein, 1958 — *Goldstein J. A.* The Letters of Demosthenes. N. Y. — L., 1968.
- Gomme, 1937 — *Gomme A. W.* The End of the City-State. — *Gomme A. W.* Essays in Greek History and Literature. Oxf., 1937.
- Goukowsky, 1969 — *Goukowsky P.* Clitarque seul? Remarques sur les sources du livre XVII de Diodore de Sicile. — *REA*. 1969, vol. 71.
- Goukowsky, 1975 — *Goukowsky P.* Alexandre et la conquête de l'Orient. — *Will E., Mossé C., Goukowsky P.* Le monde grec et l'Orient. T. 2. Le IV^e siècle et l'époque hellénistique. P., 1975.
- Goukowsky, 1976 — *Diodore de Sicile*. Bibliothèque historique, livre XVII. Texte établi et traduit par P. Goukowsky. P., 1976.
- Goukowsky, 1978 — *Goukowsky P.* Essai sur les origines du mythe d'Alexandre. T. 1. Nancy, 1978.
- Goukowsky, 1981 — *Goukowsky P.* Essai sur les origines du mythe d'Alexandre. T. 2. Nancy, 1981.

- Goukowsky, 1983 — *Goukowsky P. Recherches récentes sur Alexandre le Grand.* — REG. 1983, vol. 96.
- Griffith, 1935 — *Griffith G. T. The Mercenaries of the Hellenistic World.* Cambridge, 1935.
- Griffith, 1979 — *Griffith G. T. The Reign of Philip the Second.* — *Hammond N. G. L., Griffith G. T. History of Macedonia.* Vol. 2. Oxf., 1979.
- Grilli, 1976 — *Grilli A. Il «Saeculum» di Curzio Rufo.* — *La Parola del Passato.* Napoli, 1976, vol. 168.
- Gulick, 1959 — *Athenaeus. The Deipnosophists.* With and English Translation by Ch. B. Gulick. L. — N. Y., 1959, t. 6.
- Gunderson, 1981 — *Gunderson L. L. Alexander and the Attic Orators.* — *Ancient Macedonian Studies in Honor of Charles F. Edson.* Thessaloniki, 1981.
- Gunderson, 1982 — *Gunderson L. L. Quintus Curtius Rufus: On His Historical Methods in the Historiae Alexandri.* — Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage. Wash., 1982.
- Gwatkin, 1957 — *Gwatkin W. E. The Legal Arguments in Aeschines' Against Ktesiphon and Demosthenes' On the Crown.* — *Hesp.* 1957, vol. 26.
- Habicht, 1956 — *Habicht C. Gottmenschen und griechische Städte.* München, 1956.
- Hamilton, 1955 — *Hamilton J. R. Three Passages in Arrian.* — *Cl. Q.* 1955, vol. 5.
- Hamilton, 1961 — *Hamilton J. R. Cleitarchus and Aristobulus.* — *Hist.* 1961, Bd. 10.
- Hamilton, 1969 — *Hamilton J. R. Plutarch. Alexander: A Commentary.* Oxf., 1969.
- Hamilton, 1974 — *Hamilton J. R. Alexander the Great.* Pittsburgh, 1974.
- Hamilton, 1977 — *Hamilton J. R. Cleitarchus and Diodorus 17.* — *Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory.* B. — N. Y., 1977.
- Hamilton, 1988 — *Hamilton J. R. The Date of Quintus Curtius Rufus.* — *Hist.* 1988, Bd. 37.
- Hammond, 1980a — *Hammond N. G. L. Some Passages in Arrian Concerning Alexander.* — *Cl. Q.* 1980, vol. 74.
- Hammond, 1980b — *Hammond N. G. L. Alexander the Great: King, Commander and Statesman.* L., 1980.
- Hammond, 1983 — *Hammond N. G. L. Three Historians of Alexander the Great.* Cambridge, 1983.
- Hammond, 1986 — *Hammond N. G. L. A History of Greece.* Oxf., 1986.
- Hammond, 1987 — *Hammond N. G. L. A Papyrus Commentary on Alexander's Balkan Campaign.* — *GRBS.* 1987, vol. 28.
- Hammond, 1988a — *Hammond N. G. L. The Royal Journal of Alexander.* — *Hist.* 1988, Bd. 37.
- Hammond, 1988b — *Hammond N. G. L. From the Death of Philip to the Battle of Ipsus.* — *Hammond N. G. L., Walbank F. W. A History of Macedonia.* Vol. 3. Oxf., 1988.
- Hammond, 1989a — *Hammond N. G. L. Aspects of Alexander's Journal and Ring in his Last Days.* — *AJPh.* 1989, vol. 110.
- Hammond, 1989b — *Hammond N. G. L. Casualties and Reinforcements of Citizen Soldiers in Greece and Macedonia.* — *JHS.* 1989, vol. 59.
- Hammond, 1989c — *Hammond N. G. L. The Macedonian State. Origins, Institutions, and History.* Oxf., 1989.
- Hansen, 1974 — *Hansen M. H. The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B. C.* Odense, 1974.
- Hansen, 1976 — *Hansen M. H. Apagoge, Endeixis and Ephegesis against Kakourgoi, Atimoi and Pheugontes. A Study in the Athenian Administration of Justice in the Fourth Century.* Odense, 1976.
- Hansen, 1978a — *Hansen M. H. Nomos and Psephisma in Fourth-Century Athens.* — *GRBS.* 1978, vol. 19.
- Hansen, 1978b — *Hansen M. H. Demos, Ecclesia and Dicasterion in Classical Athens.* — *GRBS.* 1978, vol. 19.
- Hansen, 1981 — *Hansen M. H. Initiative and Decision: The Separation of the Power in Fourth-Century Athens.* — *GRBS.* 1981, vol. 22.
- Hansen, 1981—1982 — *Hansen M. H. The Athenian Heliiaia from Solon to Aristotle.* — *Classica et mediaevalia.* København, 1981—1982, t. 33.

- Hansen, 1983a — *Hansen M. H.* The Athenian «Politicians», 403—322 B. C. — GRBS. 1983, vol. 24.
- Hansen, 1983b — *Hansen M. H.* «Rhetores» and «Strategoi» in Fourth-Century Athens. — GRBS. 1983, vol. 24.
- Hansen, 1983c — *Hansen M. H.* The Athenian Ecclesia: A Collection of Articles, 1976—1983. Copenhagen, 1983.
- Hansen, 1984 — *Hansen M. H.* Two Notes on Demosthenes' Symbolleutic Speeches. — *Classica et mediaevalia*. Köbenhavn, 1984, t. 35.
- Hansen, 1985 — *Hansen M. H.* Athenian Nomothesia. — GRBS. 1985, vol. 26.
- Hansen, 1987a — *Hansen M. H.* The Athenian Assembly in the Age of Demosthenes. Oxf., 1987.
- Hansen, 1987b — *Hansen M. H.* Rhetores and Strategoi: Addenda et Corrigenda. — GRBS. 1987, vol. 28.
- Hansen, 1989 — *Hansen M. H.* Was Athens a Democracy? Popular Rule, Liberty and Equality in Ancient and Modern Political Thought. Copenhagen, 1989.
- Hansen, 1990 — *Hansen M. H.* The Political Power of the People's Court in Fourth-Century Athens. — The Greek City, From Homer to Alexander. Oxf., 1990.
- Harding, 1985 — From the End of the Peloponnesian War to the Battle of Ipsus. Edited and Translated by P. Harding. Cambridge., 1985.
- Harding, 1987 — *Harding P.* Rhetoric and Politics in Fourth-Century Athens. — *Phoen*. 1987, vol. 41.
- Harris, 1988 — *Harris E. M.* When was Aeschines Born? — *Cl. Ph.* 1988, vol. 83.
- Harvey, 1985 — *Harvey F. D.* Dona ferentes: Some Aspects of Bribery in Greek Politics. — *Crux*. Essays Presented to G. E. M. de Ste. Croix. L., 1985.
- Hasebroek, 1928 — *Hasebroek J.* Staat und Handel im alten Griechenland. Tübingen, 1928.
- Hasebroek, 1931 — *Hasebroek J.* Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte. Tübingen, 1931.
- Hauben, 1972 — *Hauben H.* The Command Structure in Alexander's Mediterranean Fleets. — *Ancient Society*. Leuven, 1972, t. 3.
- Hauben, 1976 — *Hauben H.* The Expansion of Macedonian Sea-Power under Alexander the Great. — *Ancient Society*. Leuven, 1976, t. 7.
- Hauben, 1977 — *Hauben H.* Rhodes, Alexander and the Diadochi from 333/332 to 304 B. C. — *Hist*. 1977, Bd. 26.
- Hauben, 1987 — *Hauben H.* Onesicritus and the Hellenistic Archikybernesis. — *Zu Alexander*.
- Haussoullier, 1893 — *Haussoullier B.* Un rescrit d'Alexandre le Grand. — *Revue de Philologie*. P., 1893, vol. 17.
- Haussoullier, 1902 — *Haussoullier B.* Études sur l'histoire de Milet et du Didymeion. P., 1902.
- Heisserer, 1973 — *Heisserer A. J.* Alexander's Letter to the Chians: A Redating of SIG³ 283. — *Hist*. 1973, Bd. 22.
- Heisserer, 1980 — *Heisserer A. J.* Alexander the Great and the Greeks. The Epigraphic Evidence. Norman, 1980.
- Heisserer, Hodot, 1986 — *Heisserer A. J., Hodot R.* The Mytilenean Decree on Concord. — *ZPE*. 1986, Bd. 63.
- Heuss, 1937 — *Heuss A.* Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren Staats- und Völkerrechtlichen Beziehungen. Lpz., 1937.
- Heuss, 1938 — *Heuss A.* Antigonos Monophthalmos und die griechischen Städte. — *Herm*. 1938, Bd. 73.
- Hofstetter, 1978 — *Hofstetter J.* Die Griechen in Persien: Prosopographie der Griechen im persischen Reich vor Alexander. B., 1978.
- Holt, 1988 — *Holt F. L.* Alexander the Great and Bactria. Leiden — New York, 1988.
- Homeyer, 1963 — *Homeyer H.* Beobachtungen zu den hellenistischen Quellen der Plutarch-Viten. — *Klio*. B., 1963, Bd. 41.
- Hopper, 1953 — *Hopper R. J.* The Attic Silver Mines in the Fourth Century B. C. — *ABSA*. 1953. t. 48.
- Hornblower, 1981 — *Hornblower J.* Hieronymus of Cardia. Oxf., 1981.

- Hornblower, 1984 — *Hornblower S.* [Rev. on:] *Hammond N. G. L.* Three Historians of Alexander the Great. Cambridge, 1983. — Cl. Rev. 1984, vol. 34.
- Hornblower, 1985 — *Hornblower S.* [Rev. on:] *Will W.* Athen und Alexander. München, 1983. — Cl. Rev. 1985, vol. 35.
- Humphreys, 1985 — *Humphreys S.* Lycurgus of Butadae: An Athenian Aristocrat. — The Craft of the Ancient Historian. Essays in Honor of Chester G. Starr. N. Y. — L., 1985.
- Instinsky, 1962 — *Instinsky H. U.* Zur Kontroverse um die Datierung des Curtius Rufus. — Herm. 1962, Bd. 90.
- Isager, Hansen, 1975 — *Isager S., Hansen M. H.* Aspects of the Athenian Society in the Fourth Century B. C. Odense, 1975.
- Jackson, Rowe, 1969 — *Jackson D. F., Rowe G. O.* Demosthenes, 1915—1965. — Lustrum. Göttingen, 1969, Bd. 14.
- Jacoby, 1921 — *Jacoby F.* Kleitarchos, 2. — RE. 1921, Hbd. 21.
- Jacoby, 1927 — см. F Gr Hist.
- Jacoby, 1949 — *Jacoby F.* Attis: The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxf., 1949.
- Jaeger, 1938 — *Jaeger W.* Demosthenes. The Origin and Growth of his Policy. Berkeley, 1938.
- Jaeger, 1944 — *Jaeger W.* Paideia: The Ideals of Greek Culture. N. Y., 1944.
- Jannelli, 1976 — *Jannelli M.* I rapporti giuridici di Alessandro Magno con i Chii. — Studi di storia antica offerti dagli allievi a Eugenio Manni. Roma, 1976.
- Jaschinski, 1981 — *Jaschinski S.* Alexander und Griechenland unter dem Eindruck der Flucht des Harpalos. Bonn, 1981.
- Jones, 1957 — *Jones A. H. M.* Athenian Democracy. Oxf., 1957.
- Jones, 1967 — *Jones A. H. M.* Sparta. Oxf., 1967.
- Jones, 1966 — *Jones C. R.* Towards a Chronology of Plutarch's Works. — Journal of Roman Studies. L., 1966, vol. 56.
- Jones, 1982 — *Jones J. E.* The Laurion Silver Mines. — GaR. 1982, vol. 21.
- Jones, Sackett, Eliot, 1957 — *Jones J. E., Sackett L. H., Eliot G. W. J.* To Dema: A Survey in the Aigaleos — Parnes Wall. — ABSA. 1957, t. 52.
- Jones, Sackett, Graham, 1962 — *Jones J. E., Sackett L. H., Graham A. J.* The Dema House in Attica. — ABSA. 1962, t. 57.
- Jones, 1956 — *Jones J. W.* The Law and Legal Theory of the Greeks. Oxf., 1956.
- Julien, Péréra, 1902 — *Eschine.* Discours sur l'ambassade. Texte grec publié avec une introduction et un commentaire par J.-M. Julien et H. L. de Péréra. P., 1902.
- Kaerst, 1892 — *Kaerst J.* Der Briefwechsel Alexanders des Grossen. — Philologus. B., 1892, Bd. 51.
- Kaerst, 1897 — *Kaerst J.* Zum Briefwechsel Alexanders d. Gr. — Philologus. B., 1897, Bd. 56.
- Kaerst, 1927 — *Kaerst J.* Geschichte des Hellenismus. Bd. 1. Lpz. — B., 1927.
- Kagan, 1964 — *Kagan D.* [Rev. on:] *Mossé C.* La fin de la démocratie athénienne. P., 1962. — Cl. Ph. 1964, vol. 15.
- Kanatsulis, 1958—1959 — *Kanatsulis D. K.* Antipatros als Feldherr und Staatsmann in der Zeit Philipps und Alexanders des Grossen. — Hellenika. Thessaloniki, 1958—1959, t. 16.
- Karavites, 1984 — *Karavites P.* The Political Use of *ἐλευθερία* and *αὐτονομία* in the Fourth Century among the Greek City-States. — Revue internationale des droits de l'Antiquité. P., 1984, t. 31.
- Kennedy, 1963 — *Kennedy G.* The Art of Persuasion in Greece. Princeton, 1963.
- Kindstrand, 1982 — *Kindstrand J.* The Stylistic Evaluation of Aeschines in Antiquity. Uppsala, 1982.
- Kingsley, 1986 — *Kingsley B. M.* Harpalos in the Megarid (333—331 B. C) and the Grain Shipments from Cyrene (S. E. G. IX 2+—Tod, Greek Hist. Inscr. II no. 196). — ZPE. 1986, Bd. 66.
- Klotz, 1952 — *Klotz A.* Pompeius. — RE. 1952, Hbd. 42.
- Kornemann, 1935 — *Kornemann E.* Die Alexandergeschichte des Königs Ptolemaios I von Aegypten. Lpz. — B., 1935.
- Kunst, 1927 — *Kunst.* Lykurgos, 10. — RE. 1927, Hbd. 26.

- Laqueur, 1936 — *Laqueur R.* Timagenes, 2. — RE. 1936, Hbd. 11.
- Laqueur, 1958 — *Laqueur R.* Diodorea. — Herm. 1958, Bd. 86.
- Larsen, 1966 — *Larsen J. A. O.* Representative Government in Greek and Roman History. Berkeley — Los Angeles, 1966.
- Lauffer, 1955 — *Lauffer S.* Die Bergwerkssklaven von Laureion. Bd. 1. Wiesbaden, 1955.
- Lauffer, 1957 — *Lauffer S.* Prosopographische Bemerkungen zu den attischen Grubenpachtlisten. — Hist. 1957, Bd. 6.
- Lauffer, 1979 — *Lauffer S.* Die Bergwerkssklaven von Laureion. 2. Auf. Wiesbaden, 1979.
- Launey, 1949 — *Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. T. 1. P., 1949.
- Launey, 1950 — *Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. T. 2. P., 1950.
- Lazenby, 1985 — *Lazenby J. F.* The Spartan Army. Warminster, 1985.
- Lenschau, 1890 — *Lenschau Th.* De rebus Priensium. — Leipziger Studien. 1890, Bd. 12.
- Lenschau, 1940 — *Lenschau Th.* Alexander der Grosse und Chios. — Klio. B., 1940, t. 33.
- Lenschau, 1941 — *Lenschau Th.* Phokion. 2. — RE. 1941, Hbd. 39.
- Leopold, 1981 — *Leopold J. W.* Demosthenes on Distrust of Tyrants. — GRBS. 1981, vol. 22.
- Lepore, 1955 — *Lepore E.* Leostene e le origini della guerra lamiaca. — La Parola del Passato. Napoli, 1955, t. 42.
- Leroy, 1977 — *Leroy Ch.* Alexandre en Lycie (Plutarque, Alexandre, 17, 4—6). — REG. 1977, vol. 90.
- Leuze, 1955 — *Leuze O.* Die Satrapieneinteilung in Syrien und im Zweistromlande von 520—320. — Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft. Geisteswissenschaftliche Klasse. 1935, 11. Jahr.
- Levi, 1977 — *Levi M. A.* Introduzione ad Alessandro Magno. Milano, 1977.
- Levy, 1976 — *Levy E.* Athènes devant la défaite de 404. Histoire d'une crise idéologique. P., 1976.
- Levy, 1981 — *Levy E.* Le sens de $\alpha\upsilon\tau\omega\mu\acute{\iota}\alpha$ et de $\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\acute{\iota}\alpha$. — REG. 1981, vol. 94.
- Lewis, 1955 — *Lewis D. M.* Notes on Attic Inscriptions (II). — ABSA. 1955 (1956), t. 50.
- Lewis, 1959 — *Lewis D. M.* Law on the Lesser Panathenaia. — Hesp. 1959, vol. 28.
- Lewis, 1966 — *Lewis D. M.* [Rev. on:] *Ramming G.* Die politischen Ziele und Wege des Aischines. Erlangen, 1965. — Cl. Rev. 1966, vol. 16.
- Lewis, 1973 — *Lewis D. M.* [Rev. on:] *Reinmuth O. W.* The Ephebic Inscriptions of the Fourth Century B. C. Leiden, 1971. — Cl. Rev. 1973, vol. 23.
- Lock, 1972 — *Lock R. A.* The Date of Agis III's War in Greece. — Antichthon. Sydney, 1972, t. 6.
- Lofberg, 1976 — *Lofberg J. O.* Sycophancy in Athens. Chicago, 1976.
- Loraux, 1981 — *Loraux N.* L'invention d'Athènes. Histoire de l'oraison funèbre dans la « cité classique ». P., 1981.
- Luccioni, 1961 — *Luccioni J.* Démosthène et le panhellénisme. P., 1961.
- MacDowell, 1970 — *MacDowell D. M.* The Fourth Phillipic and on the Chersonese. — Cl. Rev. 1970, vol. 20.
- MacDowell, 1975 — *MacDowell D. M.* Law-Making at Athens in the Fourth Century B. C. — JHS. 1975, vol. 95.
- MacDowell, 1986 — *MacDowell D. M.* Spartan Law. Edinburgh, 1986.
- MacKendrick, 1969 — *MacKendrick P.* The Athenian Aristocracy: 399 to 31 B. C. Cambridge (Mass.), 1969.
- Marasco, 1987 — *Marasco G.* Alessandro Magno e Priene. — Sileno. Roma, 1987, t. 13. (non vidi).
- Marinović, 1988 — *Marinović L. P.* Le mercenariat grec au IV^e siècle avant notre ère et la crise de la polis. P., 1988.
- Markianos, 1969 — *Markianos S.* A Note on the Administration of Lycurgos. — GRBS. 1969, vol. 10.

- Martin, Budé, 1927 — *Eschine*. Discours. Texte établi et traduit par V. Martin et G. de Budé. T. 1. P., 1927.
- Martin, Budé, 1928 — *Eschine*. Discours. Texte établi et traduit par V. Martin et G. de Budé. T. 2. P., 1928.
- Mathieu, 1948 — *Mathieu G.* Démosthène. L'homme et l'oeuvre. P., 1948.
- Mathieu, 1966 — *Mathieu G.* Les idées politiques d'Isocrate. P., 1966.
- Mathieu, 1971 — *Démosthène*. Plaidoyers politiques. Texte établi et traduit par G. Mathieu. T. 4. P., 1971.
- Mathieu, 1972 — *Démosthène*. Plaidoyers politiques. Texte établi et traduit par G. Mathieu. T. 3. P., 1972.
- McK. Camp II, 1974 — McK. Camp II J. Greek Inscriptions. — Hesp. 1974, vol. 43.
- McKechnie, 1989 — *McKechnie P.* Outsiders in the Greek Cities in the Fourth Century B. C. London — New York, 1989.
- McQueen, 1967 — *McQueen E. J.* Quintus Curtius Rufus. — Latin Biography. L., 1967.
- McQueen, 1978 — *McQueen E. J.* Some Notes on the Anti-Macedonian Movement in the Peloponnese in 331 B. C. — Hist. 1978, Bd. 27.
- Meier, 1966 — *Meier Ch.* Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik. Wiesbaden, 1966.
- Meister, 1989 — *Meister K.* Das Bild Alexanders des Großen in der Historiographie seiner Zeit. — Festschrift Robert Werner zu seinem 65. Geburtstag. Konstanz, 1989.
- Mendels, 1984 — *Mendels D.* Aetolia 331—301: Frustration, Political Power, and Survival. — Hist. 1984, Bd. 33.
- Mensching, 1963 — *Mensching E.* Peripatetiker über Alexander. — Hist. 1963, Bd. 12.
- Meritt, 1935 — *Meritt B. D.* Inscriptions of Colophon. — AJPh. 1935, vol. 56.
- Michell, 1952 — *Michell H.* Sparta. Cambridge, 1952.
- Milchhöfer, 1899 — *Milchhöfer*. Besa. — RE. 1899, Bd. 3.
- Milns, 1966 — *Milns R. D.* The Date of Curtius Rufus and the Historiae Alexandri. — Latomus. Bruxelles, 1966, t. 25.
- Mitchel, 1962 — *Mitchel F. W.* Demades of Paconia and IG II². 1493, 1494, 1495. — Transactions and Proceedings of the American Philological Association. Chico (Cal.), 1962, vol. 93.
- Mitchel, 1965 — *Mitchel F.* Athens in the Age of Alexander. — GaR. 1965, vol. 12.
- Mitchel, 1970 — *Mitchel F. W.* Lykourgan Athens: 338—322. Cincinnati, 1970.
- Montgomery, 1983 — *Montgomery H.* The Way to Chaeronea. Foreign Policy, Decision Making and Political Influence in Demosthenes' Speeches. Bergen, 1983.
- Moretti, 1967 — *Iscrizioni storiche ellenistiche*. A cura di L. Moretti. Vol. 1. Firenze, 1967.
- Mossé, 1962a — *Mossé C.* La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du déclin de la cité grecque au IV^e siècle avant J. — C. P., 1962.
- Mossé, 1962b — *Mossé C.* Un aspect de la crise de la cité grecque au IV^e siècle: la resrudescence de la tyrannie. — Revue philosophique. P., 1962, t. 152.
- Mossé, 1972 — *Mossé C.* La vie économique d'Athènes au IV^e siècle: crise ou renouveau? — Praelectiones Patavinae. Roma, 1972.
- Mossé, 1973a — *Mossé C.* Les classes sociales à Athènes au IV^e siècle. — Ordres et classes. Colloque d'histoire sociale. P., 1973.
- Mossé, 1973b — *Mossé C.* Le statut des paysans en Attique au IV^e siècle. — Problemes de la terre en Grece ancienne. P., 1973.
- Mossé, 1973c — *Mossé C.* Athens in Decline. 404—86 B. C. London — Boston, 1973.
- Mossé, 1974 — *Mossé C.* Les procès politiques et la crise de la démocratie athénienne. — Dialogues d'histoire ancienne. P., 1974, vol. 1.
- Mossé, 1975 — *Mossé C.* Le IV^e siècle. — Will E., Mossé C., Goukowsky P. Le monde grec et l'Orient. T. 2. Le IV^e siècle et l'époque hellénistique. P., 1975.
- Mossé, 1978 — *Mossé C.* Le thème de la patrios politeia dans la pensée grecque du IV^e siècle. — Eirene. Praha, 1978, t. 16.
- Mossé, 1979 — *Mossé C.* Comment s'élabore un mythe politique: Solon, «père fondateur» de la démocratie athénienne. — Annales. P., 1979, t. 34.

- Mossé, 1984 — Mossé C. Politeuменoi et idiôtai: l'affirmation d'une classe politique à Athènes au IV^e siècle. — REA. 1984, vol. 84.
- Mossé, 1989 — Mossé C. Lycurgue l'Athénien: homme du passé ou précurseur de l'avenir. — Quaderni di storia. Bari, 1989, vol. 30.
- Mossman, 1988 — Mossman J. M. Tragedy and Epic in Plutarch's «Alexander». — JHS. 1988, vol. 108.
- Niese, 1893 — Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeroneia. T. 1. Gotha, 1893.
- Niese, 1894 — Niese B. Agis, 3. — RE. 1894, Bd. 1.
- Noethlichs, 1987 — Noethlichs K. L. Sparta und Alexander: Überlegungen zum «Mäusekrieg» und zum «Sparta-Mythos». — Zu Alexander. 1987.
- Nouhaud, 1982 — Nouhaud M. L'utilisation de l'histoire par les orateurs attiques. P., 1982.
- Oikonomides, 1986 — Oikonomides A. N. Epigraphical Tradition of the Decree of Stratokles Honoring «post mortem» the Orator Lycourgos. — Ancient World. Chicago, 1986, t. 14.
- Oliver, 1966 — Oliver J. H. [Rev. on:] Ramming G. Die politischen Ziele und Wege des Aischines. Erlangen, 1965. — AJPh. 1966, vol. 87.
- Oliva, 1971 — Oliva P. Sparta and her Social Problems. Prague, 1971.
- Opelt, 1982 — Opelt I. Die Polemik des Redners Hyperides. — Koinonia. Napoli, 1982, t. 6 (non vidi).
- Orban, 1976 — Orban M. Eschine a-t-il trahi? — Les études classiques. Namur, 1976, vol. 44.
- Ostwald, 1969 — Ostwald M. Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy. Oxf., 1969.
- Ostwald, 1982 — Ostwald M. Autonomia: Its Genesis and Early History. Chico (Cal.), 1982.
- Palagia, 1982 — Palagia O. A Colossal Statue of a Personification from the Agora of Athens. — Hesp. 1982, vol. 51.
- Palm, 1955 — Palm J. Über Sprache und Stil des Diodor von Sizilien. Lund, 1955.
- Panagos, 1968 — Panagos Ch. Th. Le Pirée. Etude économique et historique. Athènes, 1968.
- Parke, 1933 — Parke H. W. Greek Mercenary Soldiers. Oxf., 1933.
- Payrau, 1968 — Payrau S. [Rev. on:] Ramming G. Die politischen Ziele und Wege des Aischines. Erlangen, 1965. — REA. 1968, vol. 70.
- Payrau, 1971 — Payrau S. EIRHNIKA. Considérations sur l'échec de quelques tentatives panhelléniques au IV^e siècle avant J.-C. — REA. 1971, vol. 73.
- Pearson, 1941 — Pearson L. Historical Allusions in the Attic Orators. — Cl. Ph. 1941, vol. 35.
- Pearson, 1955 — Pearson L. The Diary and the Letters of Alexander the Great. — Hist. 1955, Bd. 3.
- Pearson, 1960 — Pearson L. The Lost Histories of Alexander the Great. N. Y., 1960.
- Pearson, 1964 — Pearson L. The Development of Demosthenes as a Political Orator. — Phoen. 1964, vol. 18.
- Pearson, 1981 — Pearson L. The Art of Demosthenes. An Arbor, 1981.
- Pečírka, 1966 — Pečírka J. The Formula for the Grant of Enktesis in Attic Inscriptions. Praha, 1966.
- Pečírka, 1975a — Pečírka J. The Crisis of the Athenian Polis in the Fourth Century B. C. (XIV International Congress of Historical Sciences). San Francisco, 1975.
- Pečírka, 1975b — Pečírka J. [Ren. on:] Reinmuth O. W. The Ephebic Inscriptions of the Fourth Century B. C. Leiden, 1971. — Eirene. Praha, 1975, t. 13.
- Pečírka, 1976 — Pečírka J. The Crisis of the Athenian Polis in the Fourth Century B. C. — Eirene. Praha, 1976, t. 14.
- Pecorella Longo, 1971 — Pecorella Longo Ch. «Eterie» e gruppi politici nell' Atene del IV sec. a. C. Firenze, 1971.
- Pédech, 1977 — Pédech P. Les historiens d'Alexandre. — Historiographia antiqua. Leuven, 1977.
- Pélékidis, 1962 — Pélékidis Ch. Histoire de l'éphébie attique des origines à 31 avant J.-C. P., 1962.

- Perlman, 1961 — *Perlman S.* The Historical Example, its Use and Importance as Political Propaganda in the Attic Orators. — Studies in History. Jerusalem, 1961.
- Perlman, 1963 — *Perlman S.* The Politicians in the Athenian Democracy of the Fourth Century B. C. — Athen. 1963, vol. 41.
- Perlman, 1964a — *Perlman S.* The Causes and the Outbreak of the Corinthian War. — Cl. Q. 1964, vol. 14.
- Perlman, 1964b — *Perlman S.* Quotations from Poetry in Attic Orators of the Fourth Century B. C. — AJPh. 1964, vol. 80.
- Perlman, 1967 — *Perlman S.* Political Leadership in Athens in the Fourth Century B. C. — La Parola del Passato. Napoli, 1967, vol. 114.
- Perlman, 1976a — *Perlman S.* Panhellenism, the Polis and Imperialism. — Hist. 1976, Bd. 25.
- Perlman, 1976b — *Perlman S.* On Bribing Athenian Ambassadors. — GRBS. 1976, vol. 17.
- Perlman, 1985 — *Perlman S.* Greek Diplomatic Tradition and the Corinthian League of Philip of Macedon. — Hist. 1985, Bd. 34.
- Perrin, 1949 — Plutarch's Lives. With an English Translation by B. Perrin. Cambridge (Mass.) — London, 1949, vol. 8.
- Pickard-Cambridge, 1914 — *Pickard-Cambridge A. W.* Demosthenes and the Last Days of Greek Freedom, 384—332 B. C. N. Y. — L., 1914.
- Piejko, 1985 — *Piejko F.* The «Second Letter» of Alexander the Great to Chios. — Phoen. 1985, vol. 39.
- Piéart, 1987 — *Piéart M.* Athenes et ses lois: discours politiques et pratiques institutionnelles. — REA. 1987, vol. 89.
- Pistorius, 1913 — *Pistorius H.* Beiträge zur Geschichte von Lesbos im vierten Jahrhundert v. Chr. Bonn, 1913.
- Plassart, 1914 — *Plassart A.* Reglement tégéate concernant le retour des bannis a Tégée en 324 av. J.-C. — Bulletin de correspondance hellénique. P., 1914, vol. 38.
- Plezia, 1972 — *Plezia M.* Der Titel und der Zweck von Kallisthenes' Alexandergeschichte. — Eos. Wroclaw, 1972, t. 60.
- Pohlenz, 1966 — *Pohlenz M.* Freedom in Greek Life and Thought. Dordrecht, 1966.
- Potter, 1984 — *Potter D. S.* IG II² 399; Evidence for Athenian Involvement in the War of Agis III. — ABSA. 1984, t. 79.
- Pouilloux, 1954 — *Pouilloux J.* La forteresse de Rhamnonte. P., 1954.
- Powell, 1939 — *Powell J. E.* The Sources of Plutarch's Alexander. — JIIS. 1939, vol. 59.
- Prandi, 1983 — *Prandi L.* Alessandro Magno e Chio: considerazioni su Syll.³ 283 e SEG XXII, 506. — Aevum. Milano, 1983, vol. 57.
- Préaux, 1954 — *Préaux Cl.* Les villes hellénistiques principalement en Orient. — Recueils de la Société Jean Bodin, T. 6. La ville. Bruxelles, 1954.
- Préaux, 1978 — *Préaux Cl.* Le monde hellénistique. La Grèce et l'Orient. T. 1—2. P., 1978.
- Pridik, 1893 — *Pridik E.* De Alexandri Magni epistulatum commercio. B., 1893.
- Quass, 1971 — *Quass F.* Nomos und Psephisma. Untersuchungen zum griechischen Staatsrecht. München, 1971.
- Raaflaub, 1985 — *Raaflaub K.* Die Entdeckung der Freiheit. München, 1985.
- Rabe, 1964 — *Rabe I.* Quellenkritische Untersuchungen zu Plutarchs Alexanderbiographie. Hamburg, 1964.
- Radet, 1924 — *Radet G.* La valeur historique de Quinte-Curce. — Comptes rendus d'Académie des inscriptions et belles-lettres. P., 1924.
- Ramming, 1965 — *Ramming G.* Die politischen Ziele und Wege des Aischines. Erlangen, 1965 (non vidi).
- Raubitschek, 1962 — *Raubitschek A. E.* Demokratia. — Hesp. 1962, vol. 31.
- Reinmuth, 1971a — *Reinmuth O. W.* The Ephebic Inscription of the Fourth Century B. C. Leiden, 1971.
- Reinmuth, 1971b — *Reinmuth O. W.* The Spirit of Athens after Chaeronea. — Acta of the Fifth International Congress of Greek and Roman Epigraphy. Oxf., 1971.

- Rankin, 1988 — *Rankin D. I.* The Mining Lobby at Athens. — *Ancient Society*. Leuven, 1988, t. 19.
- Rohde, 1894 — *Rohde E.* Theopomp. — *Rheinisches Museum für Philologie*. Frankfurt / M., 1894, Bd. 69.
- Rhodes, 1980 — *Rhodes P. J.* Ephebi, Bouleutae and the Population of Athens. — *ZPE*. 1980, Bd. 38.
- Rhodes, 1981 — *Rhodes P. J.* A Commentary on the Aristotelian *Athenaion Politeia*. Oxf., 1981.
- Rhodes, 1984 — *Rhodes P. J.* Nomothesia in Fourth-Century Athens. — *Cl. Q.* 1984, vol. 35.
- Robert, 1945 — *Robert F.* La réhabilitation de Phocion et la méthode historique de Plutarque. — *Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres*. P., 1945, t. 50.
- Robert, 1982 — *Robert J. T.* Athens' So-called Unofficial Politicians. — *Herm.* 1982, Bd. 110.
- Robert, 1960 — *Robert L.* Sur une loi d'Athènes relative aux Petites Panathénées. — *Hellenica*. P., 1960, t. 11—12.
- Robinson, 1932 — *Robinson C. A.* The Ephemerides of Alexander's Expedition. Providence, 1932.
- Robinson, 1943 — *Robinson C. A.* Alexander's Deification. — *AJPh.* 1943, vol. 64.
- Robinson, 1953 — *Robinson C. A.* The History of Alexander the Great. T. 1. Providence, 1953.
- Robson, 1946 — *Arrian*. *Anabasis Alexandri*. With and English Translation by E. I. Robson. Vol. 1. London — Cambridge (Mass.), 1946.
- Roebuck, 1941 — *Roebuck C. A.* A History of Messenia from 369 to 146 B. C. Chicago, 1941.
- Roebuck, 1948 — *Roebuck C.* The Settlements of Philip II with the Greek States in 338 B. C. — *Cl. Ph.* 1948, vol. 43.
- Roisman, 1984 — *Roisman J.* Ptolemy and his Rivals in his History of Alexander. — *Cl. Q.* 1984, vol. 34.
- Rolfe, 1946 — *Quintus Curtius*. With and English Translation by J. C. Rolfe. Vol. 1. London — Cambridge (Mass.), 1946.
- Romilly, 1954 — *Romilly J. de.* Les modérés Athéniens vers le milieu du IV siècle: échos et concordances. — *REG.* 1954, vol. 67.
- Romilly, 1971 — *Romilly J. de.* La loi dans la pensée grecque des origines à Aristote. P., 1971.
- Romilly, 1975 — *Romilly J. de.* Problèmes de la démocratie grecque. P., 1975.
- Ronnet, 1951 — *Ronnet G.* Étude sur le style de Démosthène. P., 1951.
- Rosen, 1967 — *Rosen K.* Political Documents in Hieronymus of Cardia. — *Acta Classica*. Kaapstadt, 1967, t. 10.
- Rosen, 1982 — *Rosen K.* [Rev. on:] *Heisserer A. J.* Alexander the Great and the Greeks. Norman, 1980. — *Gnomon*. München, 1982, Bd. 54.
- Rougé, 1975 — *Rougé J.* La marine dans l'antiquité. P., 1975.
- Rowe, 1966 — *Rowe G. O.* The Portrait of Aeschines in the Oration on the Crown. — *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. Chico (Cal.), 1966, vol. 47.
- Runciman, 1990 — *Runciman W. G.* Doomed as an Evolutionary Dead-End. — *The Greek City, From Homer to Alexander*. Oxf., 1990.
- Ruschenbusch, 1958 — *Ruschenbusch E.* ΠΑΤΡΙΟΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑ. Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. — *Hist.* 1958, Bd. 7.
- Ruschenbusch, 1979 — *Ruschenbusch E.* Die soziale Herkunft der Epheben um 330. — *ZPE*. 1979, Bd. 35.
- Ruschenbusch, 1981 — *Ruschenbusch E.* Epheben, Buleuten und die Bürgerzahl von Athen um 330 v. Chr. — *ZPE*. 1981, Bd. 41.
- Rutz, 1965 — *Rutz W.* Zur Erzählungskunst des Q. Curtius Rufus. Die Belagerung von Tyrus. — *Herm.* 1965, Bd. 93.

- Ruzicka, 1988 — *Ruzicka S.* War in the Aegean, 333—331: A Reconsideration. — *Phoen.* 1988, vol. 42.
- Ryder, 1965 — *Ryder T. T. B.* Koine Eirene. General Peace and Local Independence in Ancient Greece. Oxf., 1965.
- Sadourny, 1979 — *Sadourny J.* A la recherche d'une politique ou les rapports d'Eschine et de Philippe de Macédoine de la prise l'Olynthe à Chéronée. — *REA.* 1979, vol. 81.
- Sakellariou, 1980a — *Sakellariou M. B.* Philip and the Southern Greeks: Strength and Weakness. — Philip of Macedon.
- Sakellariou, 1980b — *Sakellariou M. B.* Panhellenism: From Concept to Policy. — Philip of Macedon.
- Salamone, 1976 — *Salamone S.* L'impegno etico e la morale di Licurgo. — *Atene e Roma.* Firenze, 1976, vol. 21.
- Samuel, 1965 — *Samuel A. E.* Alexander's «Royal Journals». — *Hist.* 1965, Bd. 14.
- Samuel, 1986 — *Samuel A. E.* The Earliest Elements in the Alexander Romance. — *Hist.* 1986, Bd. 35.
- Schachermeyr, 1949 — *Schachermeyr F.* Alexander der Grosse. Ingenium und Macht. Wien, 1949.
- Schachermeyr, 1970 — *Schachermeyr F.* Alexander in Babylon und die Reichsordnung nach seinem Tode. Wien, 1970.
- Schachermeyr, — *Schachermeyr F.* Alexander der Grosse. Das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens. Wien, 1973.
- Schaefer, 1885 — *Schaefer A.* Demosthenes und seine Zeit. Bd. 1. Lpz., 1885.
- Schaefer, 1886 — *Schaefer A.* Demosthenes und seine Zeit. Bd. 2. Lpz., 1886.
- Schaefer, 1887 — *Schaefer A.* Demosthenes und seine Zeit. Bd. 3. Lpz., 1887.
- Scheda, 1969 — *Scheda G.* Zur Datierung des Curtius Rufus. — *Hist.* 1969, Bd. 18.
- Schepens, 1971 — *Schepens G.* Arrian's View of his Task as Alexander Historian. — *Ancient Society.* Leuven, 1971, t. 2.
- Schindel, 1963 — *Schindel U.* Demosthenes im 18. Jahrhundert. Zehn Kapitel zum Nachleben des Demosthenes in Deutschland, Frankreich, England. München, 1963.
- Schmitt, 1974 — *Schmitt J.-M.* Les premières tétères à Athènes. — *REG.* 1974, vol. 87.
- Schwartz, 1896a — *Schwartz E.* Aristobulos, 14. — *RE.* 1896, Bd. 2.
- Schwartz, 1896b — *Schwartz E.* Arrianus, 9. — *RE.* 1896, Bd. 2.
- Schwartz, 1899 — *Schwartz E.* Chares, 13. — *RE.* 1899, Bd. 3.
- Schwartz, 1901 — *Schwartz E.* Curtius, 31. — *RE.* 1901, Bd. 4.
- Schwartz, 1905 — *Schwartz E.* Diodiros, 38. — *RE.* 1905, Bd. 5.
- Schweigert, 1939 — *Schweigert E.* Greek Inscriptions. — *Hesp.* 1939, vol. 8.
- Schweigert, 1940 — *Schweigert E.* Greek Inscriptions. — *Hesp.* 1940, vol. 9.
- Schwenk, 1985 — *Schwenk C. J.* Athens in the Age of Alexander. The Dated Laws and Decrees of the Lykourgan Era, 338—322 B. C. Chicago, 1985.
- Seager, Tulpin, 1980 — *Seager R. J., Tulpin C. J.* The Freedom of the Greeks of Asia: On the Origins of a Concept and the Creation of a Slogan. — *JHS.* 1980, vol. 100.
- Seager, 1981 — *Seager R.* The Freedom of the Greeks of Asia: From Alexander to Antiochus. — *Cl. Q.* 1981, vol. 31.
- Sealey, 1955a — *Sealey R.* Dionysius of Halicarnassus and Some Demosthenic Dates. — *REG.* 1955, vol. 68.
- Sealey, 1955b — *Sealey R.* Athens after the Social War. — *JHS.* 1955, vol. 75.
- Sealey, 1956 — *Sealey R.* Callistratos of Aphidna and his Contemporaries. — *Hist.* 1956, Bd. 5.
- Sealey, 1960a — *Sealey R.* Regionalism in Archaic Athens. — *Hist.* 1960, Bd. 9.
- Sealey, 1960b — *Sealey R.* The Olympic Festival of 324 B. C. — *Cl. Rev.* 1960, vol. 10.
- Sealey, 1967 — *Sealey R.* Pseudo-Demosthenes XIII and XXV. — *REG.* 1967, vol. 80.
- Sealey, 1982 — *Sealey R.* On the Athenian Concept of Law. — *Classical journal.* Athens, 1982, vol. 77.

- Seibert, 1969 — *Seibert J.* Untersuchungen zur Geschichte Ptolemaios' I. München, 1969.
- Seibert, 1979 — *Seibert J.* Die politischen Flüchtlinge und Verbannten in der griechischen Geschichte. Bd. 1—2. Darmstadt, 1979.
- Seibert, 1981 — *Seibert J.* Alexander der Grosse. Darmstadt, 1981.
- Seibert, 1983 — *Seibert J.* Das Zeitalter der Diadochen. Darmstadt, 1983.
- Seibert, 1985 — *Seibert J.* Die Eroberung des Perserreiches durch Alexander den Grossen auf kartographischer Grundlage. Wiesbaden, 1985.
- Sherwin-White, 1985 — *Sherwin-White S. M.* Ancient Archives: The Edict of Alexander to Priene, a Reappraisal. — JHS. 1985, vol. 105.
- Shipley, 1987 — *Shipley G.* A History of Samos. 800—188 B. C. Oxf., 1987.
- Sinclair, 1989 — *Sinclair R. K.* Democracy and Participation in Athens. Cambridge — New York, 1989.
- Stadter, 1980 — *Stadter P. A.* Arrian of Nicomedia. Chapel Hill, 1980 (non vidi).
- Starr, 1987 — *Starr Ch. G.* Past and Future in Ancient History. New York, 1987.
- Ste.Croix, 1972 — *Ste.Croix G. E. M. de.* The Origins of the Peloponnesian War. L., 1972.
- Stockton, 1990 — *Stockton D.* The Classical Athenian Democracy. Oxf.— N. Y., 1990.
- Strasburger, 1939 — *Strasburger H.* Onesikritos. — RE. 1939, Hbd. 35.
- Strasburger, 1952 — *Strasburger H.* [Rev. on:] *Tarn W. W.* Alexander the Great. Cambridge, 1948. — Bibliotheca Orientalis. Leiden, 1952, t. 9.
- Strauss, 1984 — *Strauss B. S.* Philip II of Macedon, Athens, and Silver Mining. — Herm. 1984, t. 112.
- Stroux, 1933 — *Stroux J.* Die stoische Beurteilung Alexanders des Grossen. — Philologus. B., 1933, Bd. 88.
- Sundwall, 1906 — *Sundwall J.* Epigraphische Beiträge zur sozial-politischen Geschichte Athens im Zeitalter des Demosthenes. Lpz., 1906.
- Tarn, 1927 — *Tarn W. W.* Greece: 335 to 321 B. C. — The Cambridge Ancient History. Vol. 6. Cambridge, 1927.
- Tarn, 1936 — *Tarn W. W.* Ptolemy's History of Alexander. — Cl. Rev. 1936, vol. 50.
- Tarn, 1938 — *Tarn W. W.* [Rev. on:] *Ehrenberg V.* Alexander and the Greeks. Oxf., 1938. — Cl. Rev. 1938, vol. 52.
- Tarn, 1939 — *Tarn W. W.* Alexander, Cynics and Stoics. — AJPh. 1939, vol. 60.
- Tarn, 1948a — *Tarn W. W.* Alexander the Great. Vol. 1. Cambridge, 1948.
- Tarn, 1948b — *Tarn W. W.* Alexander the Great. Vol. 2. Cambridge, 1948.
- Thalheim, 1915 — *Thalheim.* Hypereides. — RE. 1915, Bd. 9.
- Therasse, 1968 — *Therasse J.* Le moralisme de Justin (Trogue-Pompée) contre Alexandre le Grand: son influence sur l'oeuvre de Quinte-Curce. — Antiquité Classique. Bruxelles, 1968, vol. 37.
- Therasse, 1973 — *Therasse J.* Le jugement de Quinte-Curce sur Alexandre. — Les Etudes Classiques. Namur, 1973, vol. 41.
- Thomas, 1974 — *Thomas C. G.* Alexander's Garrison: A Clue to his Administrative Plans? — Antichthon. Sydney, 1974, t. 8.
- Thompson, Wycherley, 1972 — *Thompson H. A., Wycherley R. E.* The Agora of Athens. The History, Shape and Uses of an Ancient City Center. Princeton, 1972.
- Tibiletti, 1954 — *Tibiletti G.* Alessandro e la liberazione delle città d'Asia Minore. — Athen. 1954, vol. 32.
- Tigerstedt, 1974 — *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. 2. Stockholm, 1974.
- Tonnet, 1987 — *Tonnet H.* La «vulgate» dans Arrien. — Zu Alexander.
- Toynbee, 1969 — *Toynbee A.* The Rise and Decline of Sparta. — Toynbee A. Some Problems of Greek History. L.— N. Y. 1969.
- Treves, 1933 — *Treves P.* Un'interpretazione della Leocratea. — Rivista di filologia. Torino, 1933, vol. 11.
- Treves, 1936 — *Treves P.* Apocrifi demostenici. — Athen. 1936, vol. 14.
- Treves, 1944 — *Treves P.* The Problem of a History of Messenia. — JHS. 1944, vol. 64.
- Tritttle, 1978 — *Tritttle L.* Phocion the Good. Chicago, 1978 (non vidi).

- Tronson, 1985 — *Tronson A.* The Relevance of IG 11² 329 to the Hellenic League of Alexander the Great.— *Ancient World*. Chicago, 1985, vol. 12
- Van Berchem, 1970 — *Van Berchem D.* Alexandre et la restauration de Priène.— *Museum Helveticum*. Basel, 1970, Bd. 27.
- Vanderpool, 1952 — *Vanderpool E.* Kleophon.— *Hesp.* 1952, vol. 21.
- Vannier, 1988 — *Vannier F.* Finances publiques et richesses privées dans le discours athénien aux V^e et IV^e siècles. P., 1988.
- Verdière, 1966 — *Verdière R.* Quinte-Curce, écrivain néronien.— *Wiener Studien*. 1966, Bd. 79.
- Vidal-Naquet, 1981 — *Vidal-Naquet P.* Le chasseur noir et l'origine de l'éphébie athénienne.— *Vidal-Naquet P.* Le chasseur noir. Formes de pensée et formes de société dans le monde grec. P., 1981.
- Walbank, 1943 — *Walbank F. W.* Alcaeus of Messene, Philip V, and Rome.— *Cl. Q.* 1943, vol. 37.
- Walbank, 1962 — *Walbank F. W.* Surety in Alexander's Letter to the Chians.— *Phoen.* 1962, vol. 16.
- Walbank, 1967 — *Walbank F. W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. 2. Commentary on Books VII—XVIII. Oxf., 1967.
- Walbank, 1980 — *Walbank M. B.* Greek Inscriptions from the Athenian Agora.— *Hesp.* 1980, vol. 49.
- Wardman, 1955 — *Wardman A. E.* Plutarch and Alexander.— *Cl. Q.* 1955, vol. 5.
- Wardman, 1971 — *Wardman A. E.* Plutarch's Methods in the Lives.— *Cl. Q.* 1971, vol. 21.
- Wehrli, 1961 — *Wehrli C.* La place de Trogue-Pomée et de Quinte-Curce dans l'historiographie romaine.— *Revue des études latines*. P., 1961, vol. 39.
- Weil, 1955 — *Weil M. R.* Eschine, lecteur de Plato? — *REG.* 1955, vol. 68.
- Welles, 1938 — *Welles C. B.* New Texts from the Chancery of Philip V of Macedonia and the Problem of the «Diagramma».— *American journal of archaeology*. N. Y., 1938, no. 42.
- Welles, 1962 — *Welles C. B.* The Discovery of Sarapis and the Foundation of Alexandria.— *Hist.* 1962, Bd. 11.
- Welles, 1963 — *Welles C. B.* The Reliability of Ptolemy as an Historian.— *Miscellanea di studi Alessandrini in memoria di Augusto Rostagni*. Torino, 1963.
- Welles, 1970 — *Diodorus Siculus*. With an English Translation by C. B. Welles. Vol. 8. London — Cambridge (Mass.), 1970.
- Whitehead, 1977 — *Whitehead D.* The Ideology of the Athenian Metic. Cambridge, 1977.
- Wilcken, 1922 — *Wilcken U.* Alexander der Grosse und der Korinthische Bund.— *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse*. B., 1922, Bd. 16.
- Wilcken, 1938 — *Wilcken U.* Entstehung des hellenistischen Königs Kultes.— *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse*. B., 1938, Bd. 28.
- Will, 1954 — *Will E.* Trois quarts de siècle de recherches sur l'économie grecque antique.— *Annales*. P., 1954, t. 9.
- Will, 1972 — *Will E.* Le monde grec et l'Orient. T. 1. Le V^e siècle. P., 1972.
- Will, 1975 — *Will E.* Le monde hellénistique.— *Will E., Mosse C., Goukowsky P.* Le monde grec et l'Orient. T. 2. Le IV^e siècle et l'époque hellénistique. P., 1975.
- Will, 1977 — *Will E.* Histoire grecque.— *Revue historique*. P., 1977, vol. 257.
- Will, 1982 — *Will W.* Zur Datierung der Rede Ps.-Demosthenes XVII.— *Rheinisches Museum für Philologie*. Frankfurt/M., 1982, Bd. 125.
- Will, 1983 — *Will W.* Athen und Alexander. Untersuchungen zur Geschichte der Stadt von 338—322 v. Chr. München, 1983.
- Willetts, 1965 — *Willetts R. F.* Ancient Crete. A Social History. London — Toronto, 1965.
- Williams, 1982 — *Williams J. M.* Athens without Democracy: The Oligarchy of Phocion and the Tyranny of Demetrius of Phalerum, 322—307 B. C. Ann Arbor, 1982.

- Wirth, 1959 — *Wirth G.* Ptolemaios I. als Schriftsteller und Historiker.— RE. 1959, Hbd. 46.
- Wirth, 1963 — *Wirth G.* Aristobulos, 7.— Der Kleine Pauly Lexikon der Antike. Bd. 4. Stuttgart, 1963.
- Wirth, 1964 — *Wirth G.* Anmerkungen zur Arrianbiographie.— Hist. 1964, Bd. 13 (=Wirth. Studien).
- Wirth, 1971 — *Wirth G.* Alexander zwischen Gaugamela und Persepolis.— Hist. 1971, Bd. 20 (=Wirth. Studien).
- Wirth, 1972 — *Wirth G.* Die Syntaxeis von Kleinasien 334 v. Chr.— Chiron. München, 1972, Bd. 2. (=Wirth. Studien).
- Wirth, 1976 — *Wirth G.* Alexander und Rom.— Entretiens Hardt.
- Wirth, 1984 — *Wirth G.* Zu einer Schweigenden Mehrheit. Alexander und griechischen Söldner.— Aus dem Osten des Alexanderreiches. Völker und Kulturen zwischen Orient und Okzident. Köln, 1984.
- Wirth, 1985a — *Arrian.* Der Alexanderzug. Indische Geschichte, griechisch und deutsch von G. Wirth und O. von Hinüber. T. 1. B., 1985.
- Wirth, 1985b — *Arrian.* Der Alexanderzug. Indische Geschichte, griechisch und deutsch von G. Wirth und O. von Hinüber. T. 2. B., 1985.
- Wirth, 1985c — *Wirth G.* Arrianos ho philosophos.— *Wirth. Studien.*
- Wirth, 1985d — *Wirth G.* Nearchos, der Flottenschef.— *Wirth. Studien.*
- Wirth, 1986 — *Wirth G.* Ephemeridenspekulationen.— Studien zur alten Geschichte. Siegfried Lauffer zum 70. Geburtstag am 4. August 1981 dargebracht. Bd. 3. Roma, 1986.
- Wirth, 1989 — *Wirth G.* Der Kampfverband des Proteas. Spekulationen zu den Begleitumständen der Laufbahn Alexanders. Amsterdam, 1989.
- Wooten, 1988 — *Wooten C. W.* Clarity and Obscurity in the Speeches of Aeschines.— *AJPh.* 1988, vol. 109.
- Worthington, 1984 — *Worthington I.* The First Flight of Harpalus Reconsidered.— *GaR.* 1984, vol. 31.
- Worthington, 1985 — *Worthington I.* Pausanias II 33,4—5 and Demosthenes.— *Herm.* 1985, Bd. 113.
- Worthington, 1986 — *Worthington I.* Hyper. 5, Dem. 18 and Alexander's Second Directive to the Greeks.— *Classica et Mediaevalia.* København, 1986, t. 37.
- Zancan, 1934 — *Zancan P.* Il monarcato ellenistico nei suoi elementi federativi. Padova, 1934.
- Ziegler, 1951 — *Ziegler K.* Plutarchos, 2.— RE. 1951, Hbd. 41.

В работе использованы следующие переводы:

- Арриан.* Поход Александра. Перевод с древнегреческого М. Е. Сергеевко. М.— Л., 1962.
- Гиперид.* Перевод Л. М. Глускиной.— ВДИ. 1962, № 1.
- Демосфен.* Речи. Перевод с греческого, статья и примечания С. И. Радцига. М., 1954.
- Динарх.* Перевод Э. Д. Фролова.— ВДИ. 1962, № 2.
- Диодор,* книга XVII. Перевод М. Е. Сергеевко.— *Арриан.* Поход Александра. М.— Л., 1962.
- Жизнеописания ораторов: Гиперида — перевод Л. М. Глускиной; Ликиурга — перевод Т. В. Прушакевич; Эсхина — перевод Л. М. Глускиной.— ВДИ. 1962, № 4.
- Ксенофонт Афинский.* Сократические сочинения. Перевод, статьи и комментарии С. И. Соболевского. М.— Л., 1935.
- Квинт Курций Руф.* История Александра Македонского. Под редакцией В. С. Соколова. М., 1963.
- Ликиург.* Перевод Т. В. Прушакевич.— ВДИ. 1962, № 2.
- Плутарх.* Александр. Перевод М. Е. Сергеевко.— *Арриан.* Поход Александра. М.— Л., 1962; *Плутарх.* Александр. Перевод М. Н. Ботвинника и И. А. Перельмута.— *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. 2. М., 1963.

- Плутарх. Фокион.* Перевод С. П. Маркиша.— *Плутарх. Сравнительные жизнеописания.* Т. 3. М., 1964.
- Плутарх. Демосфен.* Перевод С. П. Маркиша.— *Плутарх. Сравнительные жизнеописания.* Т. 3. М., 1964.
- Плутарх. Наставления по управлению государством.* Перевод Л. Е. Ельницкого.— ВДИ. 1978, № 4.
- Эсхин. I. «Против Тимарха». Перевод Э. Д. Фролова.— ВДИ. 1962, № 3; II. «О преступном посольстве». Перевод Н. И. Новосадского с поправками К. М. Колобовой.— ВДИ. 1962, № 3; III. «Против Ктесифонта». Перевод Л. М. Глускиной.— ВДИ. 1962, № 4.
- События 346/5 — 318/7 гг. до н. э. в отражении эпиграфических источников. Надписи подобраны и переведены Э. Д. Фроловым.— ВДИ. 1963, № 1.

Авторы и деятели античного времени, боги

- Август 38, 41
 Автофрадат 141, 176
 Агесилай 142
 Агис III 5, 6, 44, 56, 57, 66, 74, 85,
 88, 93, 135—137, 139, 140, 142—
 145, 147—150, 153, 154, 225,
 229—233, 237
 Агис IV 213
 Агонипп 174, 235
 Адриан 50
 Александр III Македонский 5—7, 20—
 35, 37—59, 62, 63, 66, 67, 73,
 75, 87, 88, 91—93, 95, 98, 105,
 114, 115, 117, 118, 120, 129, 131,
 135, 136, 138, 140, 141, 143—147,
 150—153, 155—212, 214—218,
 223—225, 229—239
 Алкивиад 60
 Алкимах 177, 185, 189, 190, 195, 196,
 235—237
 Амон 5, 39, 48, 198, 207, 233
 Амфиарай 219
 Амфотер 145, 146, 175, 230
 Анаксимен 233
 Антигон Одноглазый 30, 52, 181, 236
 Антиох 236
 Антипатр 5, 57, 95, 112, 116, 117,
 135, 136, 143, 145, 149—152, 193,
 199, 200—202, 206, 207, 230—
 232, 239
 Антифонт 85
 Аполлонид 173, 175, 188
 Аполлоний 226
 Арист 52
 Аристарх 127
 Аристид 60, 78, 117, 228
 Аристион 127
 Аристобул 27, 29, 30—36, 41, 42, 44,
 46, 47, 51, 52, 197, 233
 Аристогитон 92, 222
 Аристоники 175, 234
 Аристотель 40, 47, 79, 80, 81, 84,
 134, 215, 216
 Аристофан 227
 Арриан Флавий 23, 24, 26, 29—31,
 34, 37, 40—43, 45—47, 49, 50,
 52, 54, 66, 140—143, 145, 149,
 162, 167, 169, 170, 173—181, 185,
 186, 195, 196, 217, 224, 225, 229,
 230, 232, 234—236, 238, 239
 Артемида 164, 172, 180, 181
 Архидам 139, 140
 Асклепиад 52
 Астикратид 232
 Астил 148
 Атропат 53
 Аттал 162, 165
 Афина 21, 169, 181, 183—185, 204
 Афинагор 175
 Афиней 193
 Афобет 104
 Афродита 70
 Ахемениды 158, 184, 214
 Бузиги 104
 Бут 64
 Бутады 64
 Гарпал 22, 57, 58, 78, 85, 86, 89, 93,
 97, 98, 120, 127, 201, 218, 223, 227
 Гегелок 159, 174, 175, 185—187, 235
 Гегемон 112
 Гегесий 195, 234
 Гегесипп 89
 Геракл 52
 Гераклиды 181
 Геродот 52
 Герострат 236
 Гефест 64
 Гея 64
 Гиероним 113, 199
 Гиперид 22, 23, 59, 60, 62, 64, 71,
 73, 86, 89, 90, 92—98, 105, 109,
 116, 120, 125, 129, 132, 134, 197,
 200, 218, 221—225, 227, 238
 Гиппий 142
 Главк 104
 Главкипп 227
 Гомер 47, 50
 Горг 21
 Горгипп 86
 Дарий 25, 33, 39, 42, 52, 161, 169, 174, 181,
 184, 186, 188, 201, 207, 229, 230
 Дейсителей 185, 186
 Демад 59, 60, 87, 92, 97, 102, 110,
 112, 114, 120, 218, 231
 Деменст 104
 Деметрий Полиоркет 219
 Деметрий Фалерский 62, 64, 110
 Демосфен 22, 58—64, 70, 73—88, 90,
 92—94, 96—108, 112, 114, 115,
 120, 127, 129, 131, 134, 136, 139,
 140, 144, 145, 148, 149, 197, 213,
 218, 220—224, 226, 227, 231, 238
 Дирилл 36, 44, 45, 229, 232
 Динарх 22, 85, 144, 145, 148, 223
 Дион 31, 41

Диоген, тиран Митилены 174, 235
 Диоген, философ 27, 28, 217
 Диодор 24, 31, 32, 34, 35—38, 41,
 43—45, 54, 66, 93, 143, 144, 150—
 152, 162, 167, 168, 177—179, 181,
 199, 201, 202, 204, 216, 217, 228—
 230, 232, 235, 237
 Дионис 69
 Дионисий Галикарнасский 226
 Диотим 69, 220
 Дифил 68
 Драконт 223
 Дурид 27, 36, 47, 93, 113

 Евбул 60, 102, 123
 Евдем 219
 Евксенипп 90, 95, 97, 221, 225
 Евмен 23, 24
 Еврилох 231
 Евфикрат 90

 Зевс 21, 82
 Зенон 49

 Идоменей 93
 Иол 93
 Ипполита 52
 Исократ 64, 78, 80, 101—103, 105,
 115, 218, 220, 221, 226

 Калигула 41
 Каллистрат 110
 Каллисфен 24—26, 29, 32—34, 36,
 40—42, 46—48, 197, 216, 229,
 232, 233, 235
 Кассандр 37
 Катон 113
 Квинтилиан 226
 Кимон 60
 Кинадон 213
 Кир II 30, 158
 Кир Младший 50
 Клеобул 104
 Клеомен 213
 Клеон 60
 Клеофонт 106
 Клисфен 223
 Клит 26
 Клитарх 26, 27, 29, 31—37, 39, 41,
 42, 44, 46, 47, 216, 217, 232, 235
 Кодр 72
 Конон 86
 Константин 41
 Корраг 146, 149, 231
 Кратер 201, 238
 Ксенократ 116
 Ксенофонт 50, 52, 90, 225, 226
 Ктесий 41, 47
 Ктесифонт 22, 56, 73, 108, 145, 223

Курций Руф Квинт 24, 32, 34—37,
 39, 41—43, 45, 54, 136, 143, 145,
 150, 152, 167, 175, 188, 216, 229,
 230, 232, 237

 Лаг 51
 Лагиды 28, 32
 Ласикл 65
 Леократ 65, 66, 68, 220
 Леосфен 93, 94, 114, 218
 Лето 183
 Либаний 89
 Ливий 43
 Ликофрон 64, 96, 97, 225
 Ликург 21, 22, 58—60, 62—73, 82,
 88, 89, 92, 93, 96, 97, 104, 105,
 114, 129, 131, 132, 218—220, 225,
 228
 Лисимах 27, 183, 184
 Лукан 43
 Лукиан 98

 Мегарей 173
 Мегасфен 51
 Мемнон 38, 141, 145, 149, 173, 185,
 186, 196, 230, 235, 236
 Менесехм 73, 225
 Менет 232
 Менилл 117
 Мидий 127
 Микон 52
 Мильтиад 78, 94
 Мишион 21
 Миррина 89

 Набис 213
 Навсикл 90
 Неарх 28, 36, 51, 216
 Нерон 41
 Никанор 199, 200, 209, 238, 239
 Никий 60
 Никокл 112
 Нин 38

 Олимпиада 25, 48, 93, 95, 152
 Олимпиадор 219
 Онесикрит 27—29, 33, 36, 46, 47, 51

 Павсаний 87, 147
 Палегонт 172
 Памфил 86
 Парменион 40, 162, 165, 169, 171,
 172, 185, 196
 Пердикка 23
 Перикл 60, 65, 69, 78, 228
 Перисад 86
 Пифокл 112
 Платон 64, 79, 80, 105, 134
 Плутарх 24, 34, 37, 43, 45—49, 82,

85, 93, 97, 113—117, 167, 168,
177, 178, 216—218, 223, 227, 228,
231, 233, 235, 239
Полибий 26, 139, 146, 229, 233
Полиевкт 114
Полиен 234
Полиперхонт 207
Посейдон 64
Праксител 71
Псевдо-Плутарх 22, 26, 93, 104, 218
Птолеми 182
Птолемей I 23, 27—34, 41, 42, 51—53,
55, 197, 217, 224, 233
Птолемей II 193

Сатир, историк 44, 46, 232
Сатир II, боспорский царь 86
Селевкиды 182
Семирамида 38
Сенека 43
Симонид 72
Сирфакс 172
Скилак 230
Солон 83, 117, 119, 122, 124, 222,
223, 227
Софокл 71
Стобей 225
Страбон 27, 34, 47, 180, 230
Стратокл 218, 219
Стратид 24, 55
Сцилла 55

Танс 42
Тесей 52, 223
Тимаген 39, 41, 42
Тимарх 127, 225
Тимей 26, 42
Тимокл 97
Тиртей 72
Траян 48
Трог Помпей 32, 34, 36, 37—42, 44,
144, 168, 232

Фаилл 178
Фарнабаз 141, 173—176
Фемистокл 60, 94
Фенипп 118, 224
Феокрит 47
Феопомп 82
Феофраст 42, 216
Фесин 173
Фидипп 86
Фидон 86
Фила 89
Филипп II 6, 22, 23, 37, 39,
40, 47, 51, 56, 58, 59,

74—77, 80, 85, 91, 92, 98—102,
105, 110, 114, 118, 129, 131, 139—
141, 146—148, 152, 156, 162—
165, 169, 172, 178—180, 194, 196,
221, 224, 226, 227, 229, 231—234,
239
Филипп III Арридей 185, 238
Филипп, лицо из речи Гиперида «В
защиту Евксениппа» 90
Филиппид 224
Филиск 219
Филокл 227
Филократ 100, 109
Филоксен 87, 191, 193—195
Филон 67
Филострат 226
Филота 48
Филохар 104
Филург 219
Фокион 38, 59, 62, 92, 93, 100—102,
110—118, 120, 123, 129, 131, 132,
134, 227, 228
Формион 70
Фудипп 112

Харет 26, 27, 46, 47, 215
Харибда 55
Харидем 116
Херон 147
Херифил 86

Цезарь 158
Цецилий 218
Цицерон 43, 226

Эвбул 110, 127
Эврипид 71
Эврисилай 235
Эвфил 229
Эпаминонд 147
Эпиген 86
Эпикрат 90
Эпиктет 49
Эпитадей 18
Эратосфен 42, 51, 216
Эрехфей 64
Эсхил 71
Эсхин 22, 59, 62, 74, 84—87, 96, 97,
99, 101—110, 127, 129, 130—132,
134, 144—146, 150, 197, 213, 218,
220—223, 225—227
Этеобутады 64, 104
Эфиальт 97, 228

Юстин 24, 32, 34, 35, 37—39, 42, 45,
168, 232, 239

Адамс Ч. 101
 Андреев В. Н. 13, 224
 Ардальон Э. 224
 Аткинсон Д. 52, 136, 216, 234
 Бальдсон Д. 209
 Бардон А. 145
 Барфорд А. 13
 Баумбах А. 155, 233, 234
 Белох К. 63, 75, 99, 100, 111, 112,
 120—122, 224, 225
 Бенгтсон Г. 192, 238
 Берве Г. 27, 31, 192—194, 225, 231,
 233
 Берк Э. 73, 74, 219, 231
 Бернаис И. 110
 Берт Д. 121
 Бикерман Э. 36, 156—161, 163, 165,
 170, 176, 181, 192, 194, 207, 209,
 233, 235, 239
 Бласс Ф. 62, 70, 218, 225, 227
 Богарт Р. 14
 Бодefeldь Х. 216
 Боннар А. 75, 100, 112
 Борза Ю. 136, 230, 231
 Босворт А. 25, 34, 37, 63, 112, 136,
 146, 177, 182, 197, 207, 217, 224,
 225, 228, 230, 231, 233, 234—236
 Браун Т. 28
 Браццези Л. 225
 Бриан П. 135
 Брунт А. 35
 Бьюри Дж. 101
 Бэдиан Э. 24, 25, 33, 34, 36, 46, 49,
 136, 139, 140, 142, 149, 163, 164,
 177, 183, 192, 194—196, 198, 201,
 207, 229—232, 234—236, 238
 Бэлог Э. 206
 Бюхер К. 7
 Ван Берхем Д. 184
 Виламовиц У. 101
 Виль В. 217—219, 225, 229
 Виль Э. 17, 58, 59, 63
 Вилькен У. 160, 192—194, 207, 225,
 238, 239
 Вирт Г. 25, 54, 192, 193, 196, 217,
 225, 229, 230, 236
 Гамильтон Дж. 33, 36, 37, 46, 47, 49,
 230
 Гарви Ф. 223, 228
 Газткин В. 227
 Герке Г.-И. 110, 111, 113
 Гитлер А. 100
 Глотц Г. 63, 73, 112, 120—122

Глускина Л. М. 10, 11, 15—18, 91,
 220, 226, 228
 Гомейер Х. 47, 216
 Гомм А. 112
 Готье Ф. 14
 Грот Дж. 74, 156, 230
 Гуковский П. 36, 37, 54, 201, 234,
 239
 Дэвид Э. 229
 Дэвис Дж. 218, 222
 Джоунз А. 13, 122, 135, 138, 230
 Дреруп Э. 221
 Дройзен И. 155, 192, 205, 239
 Душанич С. 148
 Дьяков В. Н. 10, 11
 Дюрбах Ф. 62, 70
 Егер В. 75
 Жерне Л. 14
 Зейберт Я. 30, 215, 216, 218, 230,
 233
 Зельин К. К. 40, 122, 124, 163
 Кавеньяк Е. 135
 Каллистов Д. П. 10, 11
 Карлье П. 76, 228
 Картледж П. 17, 229
 Карштедт У. 74
 Кастет Ф. 100
 Кеннеди Дж. 226
 Керст Ю. 25, 112, 192
 Клаузевиц К. 60
 Клемансо Ж. 75
 Клоше П. 74, 75, 121, 218, 224, 229
 Ковалев С. И. 8
 Коквелл Д. 75, 225, 227, 230, 231
 Колен Ж. 100, 224, 225
 Кондратюк М. А. 136, 137, 230
 Коннор У. 218, 228
 Корнеманн Э. 29
 Козн Р. см. Глотц Г.
 Круазе А. 101
 Круассан Ф. 226
 Кудрявцев О. В.¹ 11
 Лакер Р. 35
 Лауффер З. 91, 92
 Леви Э. 82
 Лейце О. 195
 Леншау Т. 181, 188—190, 192, 234
 Лок Р. 136, 230, 231
 Лоро Н. 94
 Льюис Д. 226
 Люччиони Ж. 75, 100, 103, 112

Маккуин Э. 136, 152, 231
Мараско Г. 237
Матье Ж. 74, 75, 100, 112, 223
Мейер Х. 122, 124
Мейер Э. 7, 75, 160
Мендельс Д. 231
Митчел Ф. 59, 62, 111, 228, 231
Мицос М. 219
Мичелл Х. 135
Момильяно А. 112
Монтгомери Г. 76
Моссе К. 9, 10, 62—64, 76, 100, 102,
112, 125, 127, 215, 217, 219, 220,
223, 225

Нибур Б. 74
Низе Б. 225

Олива П. 136, 138, 151
Орбан М. 101

Пауэлл Дж. 46, 217
Пейджко Ф. 190, 237
Пекорелла-Лонго К. 125—127
Перера Ж.-М. 101
Перлман Ш. 101, 123—125, 127, 133, 222
Перо С. 226
Печирка Я. 14, 15, 19, 124
Пикард-Кэмбридж А. 224
Пикус Н. Н. 112
Пирсон Л. 24, 25, 27, 28, 31, 33, 35,
41, 46
Поттер Д. 233
Прео К. 206

Раафлауб К. 179
Рабе И. 46
Радциг С. И. 75, 100, 225
Райдер Т. 197, 206, 237
Рамминг Г. 226
Ранович А. Б. 10, 162, 163, 166, 181
Робер Ф. 113
Роберт Д. 218
Робинсон Ч. 24, 160, 208, 209, 239
Робсон Э. 52
Розен К. 233, 237
Рольфе Д. 145
Ромилли Ж. де 223, 226

Садурни Ж. 102, 227
Сен-Круа Дж. де 136, 231, 232
Сергеев В. С. 10
Сили Р. 122—125, 127, 130
Соболевский С. И. 217
Соколов В. С. 237
Стедтер П. 217
Сундвалль И. 122, 218
Сэмюэль А. 24

Тарн В. 27, 31—33, 35—37, 39, 41, 46,
49, 54, 57, 63, 73, 120, 139, 160,
161, 163, 187, 192, 194, 195, 197,
208, 209, 216, 225, 234, 235, 238
Тревисс П. 73, 231
Триттл Л. 113
Тюменев А. И. 8

Уайтхэд Д. 215
Уильямс Д. 62, 110, 111, 113, 227
Утченко С. Л. 122, 124
Уэллз Ч. 36, 202
Уэрдман А. 49, 216
Уэртингтон И. 87

Файн Дж. 12
Фергюсон У. 63, 111, 112, 120, 121, 208
Фишли М. 12, 87, 137, 219
Форрест У. 135, 189, 237
Френкель А. 46
Фролов Э. Д. 14, 225, 237
Фюстель-де-Куланж Н. 7, 8

Хабихт Х. 209
Хазебрек И. 8, 9
Хамфрис С. 62—64, 71, 76, 219, 220
Хансен М. 125, 128, 218, 222, 223,
228
Хардинг Ф. 75, 218, 221
Хейсгер Э. 166, 183, 185, 188—190, 192,
193, 196—198, 202, 215, 237, 239
Холт Б.
Хэммонд Н. 25, 44, 45, 55, 197, 229, 232

Цанкан П. 158, 192

Чраймс К. 135

Шаму Ф. 37
Шахермайр Ф. 27, 31, 33, 36, 37,
197, 215, 238
Шварц Э. 26, 31—33, 35—37, 41
Швенк С. 219
Шефер А. 46, 58, 70, 224, 225, 231
Шене А. 46
Шервин-Уайт С. 182, 183, 185, 235
Шофман А. С. 136, 137, 165, 166, 229
Штаерман Е. М. 17, 217
Штрасбургер Г. 33

Эгте Р. 216
Эмар А. 229, 230
Энгельс Д. 233
Эренберг В. 13, 138, 158—160, 187,
192—196, 206, 218, 225, 233—
235, 238

Якоби Ф. 27, 31, 32, 35, 37, 41
Яшинский З. 201

- Адриатика 21
 Азия 40, 44, 59, 66, 93, 150, 156,
 157, 159, 163, 164, 169, 179, 194,
 195, 233, 235, 239
 Александрия 33
 Антисса 173, 192, 196, 236
 Арахозия 43
 Аргинусские о-ва 113
 Аргос 149, 231
 Аркадия 144—148
 Аспенд 165, 170, 180, 181, 233, 236
 Аттика 9, 12, 88, 99, 104, 118, 122,
 124
 Афины 6, 8, 12, 15, 16, 18, 20,
 22, 23, 56—59, 61, 63, 64, 67,
 70—75, 78—80, 82, 83, 85—87,
 89, 92—96, 98—100, 102, 104,
 105, 110—112, 114, 116, 119—
 127, 129, 131—134, 136, 141,
 146, 149, 212, 213, 215, 218—
 229, 231, 233
 Ахайя 146, 151, 152, 154
 Балканы (Балканский полуостров) 11,
 138, 173, 201, 211, 214
 Беса 224
 Вавилон 24
 Византий 88, 115
 Восток 29, 42, 56, 88, 129, 135, 141,
 165, 206, 211
 Гавгамелы 26, 177, 178, 230, 233
 Галикарнасс 167, 170, 171, 173, 177,
 180
 Геллеспонт 5
 Гергит 157
 Герм 177
 Германия 75
 Гидасп 28
 Гипарны 171
 Граник 40, 52, 141, 169, 170, 172,
 173
 Греция 7—16, 20—22, 34, 39, 40, 44,
 56, 57, 65, 70, 72—77, 79, 88,
 93, 94, 100, 101, 114, 118, 125,
 135—138, 142, 144, 145, 152—
 158, 160, 161, 163, 180, 182, 192,
 195, 201, 208, 209, 211—213, 218,
 226, 233, 235
 Даскилий 170, 171
 Евбея 115
 Европа 75, 100, 176, 232, 238
 Евфрат 43
 Египет 28, 30, 34, 173, 194, 195
 Запад 201
 Зелея 167, 170, 172, 236
 Иасос 21, 205
 Илион 169, 181, 182
 Иллирия 55
 Имброс 192
 Инд 27
 Индийский океан 40
 Индия 27, 159, 206
 Иония 190, 195, 235
 Исс 141, 142, 173, 175, 229, 234
 Истм 147, 148, 230
 Каик 177
 Калимна 21, 188, 200, 202, 205
 Каппадокия 50
 Кария 173, 177
 Кассандрия 30
 Келены 171
 Кизик 191
 Киликия 180, 232
 Киос 157
 Кирена 21
 Китион 70
 Клазомены 177
 Колоны 170
 Колофон 168, 177, 182, 196
 Коринф 149, 151, 231
 Кос 192
 Крит 142, 143, 192, 229—231
 Кротон 178
 Ксанф 167, 169, 170, 183
 Лаврий (Лаврийские рудники) 68, 72,
 91, 92, 98, 129, 132, 219—221,
 224
 Лакседмон 136, 139, 141, 154
 Лакония — см. Лакедемон
 Лампсак 170
 Лебедос 177
 Левктры 137, 138, 140, 153, 213
 Лемнос 192
 Лесбос 167, 172, 173, 176, 192, 196,
 236, 239

- Лидия 173, 194
 Ликия 170
 Магнесия 164, 169, 170
 Македония 5, 22, 23, 40, 56—59, 62—65, 67, 74—77, 82, 88, 91—94, 97—101, 105, 109—115, 118, 120, 121, 125, 127, 129, 131, 133, 136, 140, 142, 145—149, 152—155, 164, 200, 201, 208, 212, 213, 220, 221, 224—226, 229, 232, 233
 Малая Азия 5, 6, 21, 34, 52, 59, 141, 142, 155—158, 160, 161, 163, 165, 166, 169, 171, 173, 174, 176—178, 182, 185, 187, 188, 191—194, 196, 197, 200, 201, 206, 207, 211—214, 233, 235, 238
 Маллы 181
 Мантинея 140, 147, 153
 Мегалополь 136, 137, 144—151, 153, 230—232
 Мессена 235
 Мессения 137, 138, 140, 141, 149, 151, 153, 213, 231
 Мефимна 173, 234
 Мидия 41, 43
 Миласы 157
 Милет 167, 170, 171, 173, 182, 191, 235
 Мисия 173
 Митилена 21, 26, 159, 168, 173, 174, 176, 188, 192, 196, 200, 202, 203, 209, 234, 236, 239
 Навлох 183, 184, 237
 Навпакт 146
 Никомедия 49
 Олимпия 199, 200, 209, 239
 Олинф 24, 92
 Ольвия 191
 Ороп 219
 Паллена 90
 Парфия 41
 Пасаргады 30
 Патары 169, 170
 Пеллена 146, 147, 235
 Пелопоннес 136, 138, 139, 141—143, 145—147, 149, 150, 153, 154, 227, 230—232
 Перинф 88, 115
 Перкота 170
 Персеполь 42, 157, 169, 230
 Персия (Персидское государство, Персидская держава) 21, 32, 41, 86, 88, 99, 156, 161, 164, 192, 212—214
 Пинары 169, 170
 Пирей 67, 70, 89, 129, 220
 Платей 157, 178
 Понт Евксинский — см. Черное море
 Потидея 221
 Приап 167, 169
 Приена 21, 157, 162, 165, 168, 181—185, 188, 194, 196, 237
 Пруссия 75
 Рим 52, 124
 Родос 192
 Саламин 71, 178
 Самос 87, 192, 199, 202, 239
 Сарды 167, 170, 182, 191
 Северное Причерноморье 70, 220
 Сикион 235
 Силлий 171
 Сирия 232
 Сифнос 141, 229
 Сицилия 178, 194
 Советский Союз 14
 Софы 172
 Спарта 6, 18, 22, 56, 63, 135—144, 148—154, 201, 212, 213, 229, 230—232
 Средиземноморье 136
 Средняя Азия 43
 Сузы 26, 201, 232
 Тавр 195
 Тегей 21, 145, 147, 148, 151, 152, 168, 188, 200, 202—205, 209
 Тенар 87, 142
 Тенедос 167, 172—176, 192, 234
 Теос 177
 Тир 52, 142
 Траллы 164, 169, 170, 171, 172, 176
 Троада 38
 Фаселис 170, 172
 Фермопилы 136
 Фивы 5, 38, 59, 66, 73, 93, 105, 115, 141, 147—149, 179, 212, 231, 237
 Фигелы 191
 Финикия 232
 Фокея 177
 Фракия 38, 55, 145, 149
 Франция 75
 Фригия 52, 236
 Херонея 56—58, 65—68, 70, 76, 92, 94, 97, 110, 114, 116, 119, 120, 138, 139, 146, 147, 149, 214, 220, 223, 224
 Херсонес Фракийский 77, 88, 221
 Хиос 21, 162, 165, 167, 168, 172, 173, 175, 176, 185—190, 192, 194, 196, 237, 238

Черное море 43, 88, 194

Эгеида 70, 142, 159, 194, 202, 234,

237

Эгейское море 156, 172

Экбатаны 17, 230, 233

Элевсин 89

Элефантина 176, 187

Элея 157

Элида 148, 149, 151, 152

Эллада — см. Греция

Эниады 202

Эолида 177, 190, 195, 235

Эрес 21, 168, 173, 174, 185, 191, 192,

196, 235, 236

Эритры 168, 177, 179, 181, 196

Этна 72

Этолия 146, 202, 231, 239

Эфес 164, 167, 172, 173, 176, 177,

180, 188, 190, 195, 196, 200, 234

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Речь в защиту Евксениппа по обвинению
его Полиевктом в противозаконии²*

После битвы при Херонее Филипп вернул афинянам г.Ороп. Городская земля, за исключением священной, была разделена между десятью филами по одному участку на две филы. После раздела появились сомнения, не является ли земля, доставшаяся филам Гиппофонтиде и Акамантиде, священным участком Амфиарая. Трем афинянам, в том числе Евксениппу, поручено было провести ночь в храме Амфиарая в Оропе в надежде, что им откроется истина. Евксенипп заявил потом, что видел сон, по-видимому, благоприятный для двух фил. Но сомнения оставались, и некий Полиевкт предложил, чтобы филы отдали землю божеству, а остальные восемь фил компенсировали их. Предложение не прошло, и автор его был оштрафован на 25 драхм. Не успокоившись, Полиевкт внес исангелию против Евксениппа, обвиняя его в том, что он был подкуплен заинтересованными филами и потому сообщил о сновидении в их пользу.

Стб. I

(1) Я, право, граждане судьи, удивляюсь — об этом я говорил уже недавно присутствующим здесь, — как вам не в тягость исангелии, подобные этой. Ведь прежде по исангелиям привлекались у вас Тимомах³, Леосфен⁴, Каллистрат⁵, Филон из дема Эксоней⁶, Феотим⁷, погубивший Сест, и другие такие же люди. Одни из них обвинялись в том, что предали корабли, другие — что предали принадлежавшие афинянам города, оратор — в том, что выступал против интересов афинского народа.

(2) Из названных пяти лиц ни один не дождался суда, а сами они удалились, отправившись в изгнание. И многие другие, против которых подавали исангелии, поступали так же,

Стб. II

и редко можно было увидеть, чтобы человек, привлекаемый по процессу такого рода, явился в суд. Настолько велики и оче-

исангелии.

(3) То же, что теперь делается в городе, совершенно смешотворно; Диогнид и метек Антидор привлечены по исангелии за то, что сдают внаймы флейтисток по более высокой цене, чем предписано законом; Агасикл из Пирея — за то, что был внесен в списки в Галимунте⁸, Евксенипп — за сны, которые он, по его словам, видел.

Стб. III

Ни одно из этих обвинений ничего общего, разумеется, не имеет с законом об исангелиях.

(4) Однако, граждане судьи, в процессах политического характера судьям не следовало бы допускать, чтобы они соглашались выслушивать мелкие детали обвинения, прежде чем установят самое основное в процессе — соответствует ли или нет исковая жалоба закону. И, клянусь Зевсом, не так, разумеется, надо вести дело, как предлагал Полиевкт, заявивший в своей обвинительной речи, что обвиняемые не должны основываться на законе об исангелии; а этот закон требует, чтобы исангелии вносили в случае выступлений во вред демократии, против самих ораторов, а не против рядовых афинян.

Стб. IV

(5) Что касается меня, то я ни о чем другом не напоминаю прежде, чем об этом законе, и думаю, что самое большое значение надо придавать тому, чтобы в демократии имели силу законы и чтобы исангелии и другие судебные дела поступали в дикастерий в соответствии с законами. Ведь именно ради этого вы установили особые законы относительно каждого из всех тех проступков, которые совершаются в городе.

(6) Совершит ли кто кощунство в отношении святынь — подастся письменная жалоба о кощунстве базилею; кто-нибудь дурно обращается со своими родителями — для этого поставлен архонт.

Стб. V

Кто-нибудь в городе вносит противозаконное предложение? Для этого существует коллегия фесмофетов. Совершил ли кто проступок, заслуживающий увода в тюрьму, — есть коллегия одиннадцати. Точно так же и для других всех проступков вы создали подобающие каждому и законы, и должностных лиц, и дикастерии.

(7) По поводу каких же проступков следует, по вашему мнению, вносить исангелии? Ведь для того, чтобы никто не был в неведении, вы подробно написали об этом в законе: «Если кто-

нибудь будет содействовать уничтожению демократического строя». И это естественно, о гражданах судьи. Ведь такого рода обвинение не допускает ни с чьей стороны никаких клятвенных просьб об отсрочке и должно как можно скорее

Стб. VI

поступить в дикастерий.

(8) «Или если кто вступит в заговор, или организует гетерию для ниспровержения демократии, или предаст какой-либо [наш] город, или флот, сухопутное либо морское войско, или если оратор будет выступать во вред афинскому народу, получая за это деньги». Первую часть закона написали для всех граждан — ведь такого рода проступки могут совершать любые из них. Но заключительную часть закона составили именно против ораторов, ведь составление проектов декретов — их дело.

(9) Было бы весьма неразумно с вашей стороны, если бы вы этот закон установили иным, чем вы это сделали, способом: ведь тогда получилось бы, что ораторам

Стб. VII

достаются от их выступлений почести и выгоды, а связанные с их выступлениями опасности вы возложили бы на частных лиц. Однако же у Полиевкта достало наглости, внося исангелию, заявлять, что привлекаемые им к суду не должны ссылаться на закон об исангелии.

(10) Все другие, выступая с обвинениями, когда хотят в своей речи — она произносится первой⁹ — свести на нет защитительные речи привлеченных к суду, убеждают судей, чтобы они отказывались слушать ответчиков, если те будут говорить не в соответствии с законами; [в этом случае] пусть они прерывают выступления и требуют оглашения закона. Ты же, напротив,

Стб. VIII

полагаешь, что надо лишить Евксениппа обращения к законам в целях защиты.

(11) И, кроме того, ты говоришь, что никто не должен ни помогать ему, ни выступать в его защиту, и предписываешь судьям, чтобы они отказывались слушать тех, кто выступит. Однако разве среди многочисленных прекрасных установлений нашего города есть лучшее или более демократичное, чем такое, [согласно которому] если какой-либо простой человек, подвергшийся опасности судебного процесса, не может защитить себя сам, то дозволяется любому желающему из граждан, выступив в суде, помочь ему, направить судей в связи с этим делом по правильному пути и сообщить им о рассматриваемом деле?

Стб. IX

(12) Но, клянусь Зевсом, разве ты сам не прибегал к этому? Да, прибегал, когда тебя привлек к суду Александр из Ойи, ты потребовал десять защитников от филы Эгеиды, в числе которых был избран тобой и я, да и других афинян ты призывал на суд, чтобы они помогли тебе. Но к чему говорить о другом? Ведь как ты вел себя на этом самом процессе? Разве ты не обвинял сколько хотел? Разве не призывал в качестве сообвинителя Ликурга, который никому в городе не уступает по умению говорить, а у этих людей (судей) слывет рассудительным и добропорядочным?¹⁰.

(13) Значит, тебе дозволяется призывать себе на помощь в случае, когда тебя привлекают к суду, и выводить на трибуну сообвинителей, когда ты сам возбуждаешь дело?

Стб. X

И это в то время, как ты способен не только защитить себя, но в состоянии доставить неприятности целому городу. А почему Евксениппу, человеку неопытному в процессах и пожилому, не могут помочь его друзья и родственники из боязни быть оклеветанными тобой?

(14) Клянусь Зевсом, содеянное им, как ты заявляешь в обвинении, ужасно и заслуживает смерти. Посмотрите же, граждане судьи, взвешивая все в отдельности. Народ предписал Евксениппу и еще двум лицам совершить инкубацию в храме, и он (Евксенипп) говорит, что, заснув, увидел сон,

Стб. XI

о котором сообщил народу. Если ты полагаешь, что это правда и что он сообщил народу именно то, что увидел во сне, то почему он виновен, сообщив афинянам то, что ему предписывал бог?

(15) Если же, как ты теперь утверждаешь, ты думаешь, что он, прикрываясь именем бога и в угоду каким-то людям, сообщил народу неправду, то тебе следовало не псефизму предлагать по поводу сновидения, но сделать то, что предложил говоривший до меня, а именно — послать в Дельфы, чтобы выяснить истину у бога. Ты же этого не сделал, а внес против двух фил псефизму без предварительного рассмотрения в Совете¹¹, не только в высшей степени несправедливую,

Стб. XII

но противоречащую самой себе. Из-за этого, а не из-за Евксениппа ты был осужден за противозаконие.

(16) Рассмотрим все это следующим образом: филы, объединившись по две, разделили между собой горные области в

Оропе, которые им дал народ. Эту горную область получили по жребию филы Акамантида и Гиппофонтида. Ты внес предложение, чтобы эти филы отдали горный участок и полученные от арендаторов деньги Амфиараю на том основании, что определявшие границы 50 человек выделили этот участок богу и установили его границы, и не подобает, чтобы эти две филы владели им.

(17) В той же самой псефизме немного дальше ты предложил, чтобы [остальные] восемь фил возместили и уплатили разницу тем двум филам, так чтобы они не оказались ущемленными.

Стб. XIII

Однако если ты отнял у фил принадлежавший им горный участок, разве не справедливо негодовать против тебя? Если же они владели участком не по праву, но он принадлежал богу, зачем же ты предлагал, чтобы остальные филы им сверх того вернули еще и деньги? Ведь они должны были бы быть довольны, если только возвращали богу то, что ему принадлежит, и не платили еще сверх того денежного штрафа.

(18) Когда эти предложения рассмотрели в дикастерии, то решили, что они несправедливы, и при голосовании судьи присудили тебя к [штрафу]. Но раз твой проект не прошел, следовательно, Евксенипп не обманывал от имени бога. Не потому ли уж, что тебе привелось проиграть процесс, Евксенипп должен быть осужден?

Стб. XIV

И тебе, автору такой псефизмы, был назначен штраф в 25 драм, а ему, переспавшему в храме по приказу народа, надо лишиться погребения в Аттике¹².

(19) Разумеется, Евксенипп совершил страшный проступок тем, что разрешил Олимпиаде посвятить фиалу на статую Гигиен. Ты ведь на этом процессе как бы мимоходом связываешь Евксениппа с ее именем и, необоснованно обвиняя его в лести, имеешь в виду вызвать против него гнев и ненависть судей. А следовало бы тебе, дружище, не стремиться к тому,

Стб. XV

чтобы причинить зло кому-либо из граждан, пользуясь именем Олимпиады или Александра.

(20) Но когда они предъявляют афинскому народу несправедливые и неподобающие требования, вот тогда тебе следовало бы выступить в защиту города, и возражать, и спорить с их посланцами, и отправиться на общий совет эллинов, чтобы помочь своему отечеству. Там ты никогда не выступал и не произносил

речей о них; а здесь ты высказываешь ненависть к Олимпиаде ради того, чтобы погубить Евксениппа, и утверждаешь, что он низкопоклонничает перед ней и македонянами.

(21) Если ты докажешь, что он когда-либо приезжал

Стб. XVI

в Македонию или принимал кого-либо из македонян в своем доме, встречается и имеет дело с кем-нибудь оттуда, произносит речи или что бы то ни было говорил об этих делах в эргастерии, на агоре или в другом месте, а не занимался своими делами скромно и спокойно, как и любой другой из граждан, — тогда пусть судьи поступят с ним, как им угодно.

(22) Если бы то, в чем ты его обвиняешь, было правдой, то об этом знали бы все жители города, а не только один ты. Ведь относительно других, которые выступают или действуют в пользу македонян,

Стб. XVII

знают не только они сами, но и все остальные афиняне и даже дети, обучающиеся в школах; всем известны и ораторы, которые находятся на содержании у македонян, и другие, которые радушно угощают и принимают в своем доме проходящих оттуда или открыто встречают на дорогах, когда те приближаются. Но нигде не видно, чтобы Евксенипп был причислен к кому-либо из этих людей.

(23) Ты же никого не преследуешь и не привлекаешь к суду из тех людей, которые, как всем известно, этим занимаются; а Евксениппа, образ жизни которого не дает повода к порицанию, ты обвиняешь в лести?

Стб. XVIII

Однако, если бы ты был благоразумен, ты не обвинял бы Евксениппа по поводу посвящения фиалы и вообще не говорил бы здесь об этом. Это не в наших интересах. Почему же? А вот послушайте, граждане судьи, что я собираюсь вам сказать.

(24) Олимпиада несправедливо обвинила вас в связи с тем, что произошло в Додоне. Я уже дважды в народном собрании в присутствии вас и других афинян доказывал присланным ею людям, что она предъявляет городу необоснованные обвинения. Ведь Зевс из Додоны предписал вам в порицании украсить статую Дионы.

Стб. XIX

(25) И вы, сделав лицо и все остальные детали как можно более прекрасными и приготовив многочисленные и дорогие

украшения для богини и отправив священное посольство с дорогими жертвоприношениями, украсили статую Дионы достойным вас самих и богини образом.

Из-за этого и появились жалобы против вас в посланиях Олимпиады, а именно что страна молоссов, где находится святилище, принадлежит ей¹³ и ни в коем случае не следует вам [вмешиваться в дела этой области].

(26) Если бы вы постановили, что действия, связанные с фиалой, являются проступком,

Стб. XX

то некоторым образом признали бы, что сами мы неправильно поступили в Додоне. Если же мы оставим без внимания случившееся здесь, то окажемся отвергнувшими и ее (Олимпиады) трагические заявления и обвинения. Ведь не может же быть, что Олимпиаде дозволено украшать афинские святилища, а нам не будет разрешено украсить святилища в Додоне, тем более по предписанию бога.

(27) Право, мне кажется, что нет ничего такого, чего бы ты не использовал в целях обвинения. Однако же, раз ты избрал себе политическую деятельность, и, клянусь Зевсом, у тебя есть для этого данные, тебе следовало бы не частных лиц привлекать к суду и поступать нагло в отношении их, а привлекать к суду

Стб. XXI

ораторов, если кто-либо из них прегрешит, или подавать исангелию против стратега, который действует неправильно. Ведь у этих людей, если кто-нибудь из них захочет, есть возможность вредить городу, но ее нет ни у Евксениппа, ни у кого-либо из этих судей.

(28) Я полагаю, что тебе не следовало бы поступать таким образом. Сам же я занимаюсь политической деятельностью несколько иначе; я сам никогда в жизни не привлекал к суду частного человека, напротив, некоторым оказал помощь по мере своих сил. Каких же людей я привлек к суду и вызвал на процесс? Аристофана из дема Газении, который был влиятельнейшим политическим деятелем.

Стб. XXII

И он в этом дикастерии был оправдан большинством только в два голоса.

(29) Диопейфа из Сфеттия, который считался самым ужасным в городе человеком; Филократа из дема Гагнунт, бесстыднейшего и наглешего политического деятеля. Я внес исангелию против него, обвиняя его в прислужничестве Филиппу против города, и он был осужден в дикастерии. А исангелию я написал

справедливую и в соответствии с предписаниями закона: «Если кто, будучи оратором, говорит вопреки интересам афинского народа, получая деньги и подарки от врагов демократии».

(30) Но я не удовлетворился подачей исангелии в таком виде,

Стб. XXIII

но еще приписал ниже: «Вот это вредное для демократии он предложил, получив деньги». Затем я приписал ниже его предложение и снова: «Это вредное для демократии он предложил, получив деньги». И это у меня написано пять или шесть раз. Я полагал, что и процесс, и суд должны соответствовать закону. Ты же, утверждая, что Евксенипп предложил вредное для демократии, не имеешь, что написать в исангелии, ибо ты частного человека привлекаешь к суду, словно бы он был оратором.

(31) Сказав очень кратко относительно письменного ответа обвиняемого, ты являешься уже с новыми обвинениями и наветами

Стб. XXIV

против него; ты говоришь, что он выдавал дочь за Филокла, что он взял на себя посредничество для Демотиона¹⁴, и другие подобные обвинения. Все это для того, чтобы судьи, если обвиняемые, оставив в стороне исангелию, будут защищаться против обвинений, сделанных не по существу дела, остановили бы их: «Зачем вы нам говорите об этом?» Если же они (обвиняемые) ничего не скажут относительно этих дополнительных обвинений, процесс окажется для них еще более тяжким. Ведь такое обвинение, которое не отведено защитой, дает основания для гнева судей.

Стб. XXV

(32) А самое подлое из того, что ты сказал в своей речи, — ты рассчитывал, что не заметят, ради чего ты это говоришь, но тебе не удалось скрыть, — это то, что ты многократно напоминал в своей речи, что Евксенипп богат, и немного погодя [сказал об этом] снова, как будто он нечестным путем составил себе большое состояние. Большое ли состояние у Евксениппа или малое — это, разумеется, не имеет никакого отношения к этому процессу, но Полиевкт, говоря это, злонамеренно создает у судей неосновательное предубеждение, чтобы они вынесли решение на основании не самого дела, а чего-то другого, независимо от того, провинился ли в отношении вас подсудимый или нет.

(33) Мне кажется, что и ты, Полиевкт,

Стб. XXVI

и твои соумышленники плохо знаете, что нет на свете народа, монарха или племени более великодушного, чем афинский народ, — и он тех граждан, которые становятся жертвой сикофантов, отдельный ли это человек или группа их, не оставляет без внимания, а помогает им.

(34) Так, например, когда Тисид из дема Агрилы подал заявление, что имущество Евфикрата подлежит конфискации, как принадлежащее народу, — оно составляло более шестидесяти талантов, а он обещал после этого донести и об имуществе Филиппа и Навsikла, заявляя, что они разбогатели от разработок незарегистрированных рудников, — судьи

Стб. XXVII

так далеки были от поддержки кого-либо в таком заявлении и от стремления к чужому имуществу, что сами тут же лишили прав пытавшегося сикофантствовать против них, не уделив ему и одной пятой своих голосов.

(35) Или, если хочешь, вот как поступили судьи совсем недавно, в прошлом месяце: и разве это не достойно великой похвалы? Когда Лисандр донес, что рудник, разрабатывавшийся уже в течение трех лет Эпикратом из дема Паллены в компании с едва ли не богатейшими в Афинах людьми, прорублен за пределами установленных границ, он сулил городу взыскание трехсот талантов: столько эти люди будто бы получили с рудника.

Стб. XXVIII

(36) Тем не менее судьи, исходя не из обещаний обвинителя, а из того, что справедливо, постановили, что рудник -- частная собственность, и тем же самым голосованием обеспечили безопасность имущества этих людей и утвердили дальнейшую разработку ими рудника. Именно поэтому новые разработки, которыми раньше пренебрегали из страха, теперь действуют, и отсюда вновь возрастут доходы города, которые были загублены некоторыми ораторами, обманувшими народ и обложившими налогами разрабатывающих рудники.

(37) Не тот гражданин хорош,

Стб. XXIX

граждане судьи, кто, дав мало, во многом вредит общему делу, и не тот, кто незаконным путем, доставив городу доход в данный момент, уничтожает законные доходы города. Хорош именно тот гражданин, который печется о выгодах города и на будущее время, о единодушии граждан и о вашей славе. Некоторые же люди не заботятся об этом, но, лишая доходов тех, кто

разрабатывает рудники, заявляют, что доставляют эти доходы [городу], в действительности же уготовляют материальные затруднения для города. Ведь если будет опасно приобретать имущество и делать сбережения, кто захочет рисковать?

(38) Может быть, нелегко помешать этим людям поступать таким образом. Но вы, о граждане

Стб. XXX

судьи, подобно тому как спасали и многих других граждан, несправедливо привлеченных к суду, так помогите и Евксениппу и не оставляйте его без внимания в деле, которому грош цена. Евксенипп не только не совершил того, что написано в исангелии, но и сама исангелия составлена вопреки законам и, кроме того, опорочена некоторым образом самим обвинителем.

(39) Ведь Полиевкт заявил в ней (исангелии), что Евксенипп говорил не ко благу афинского народа, получив деньги и подарки от врагов афинской демократии. Если бы он

Стб. XXXI

обвинял Евксениппа в том, что тот, получив подарки от каких-то людей вне города, стал их соратником, он мог бы сказать, что поскольку тех людей наказать невозможно, то отвечать перед судом должны те, кто помогает им в Афинах. Но в действительности Полиевкт утверждает, что люди, от которых получил дары Евксенипп, являются афинянами. Так почему же, если враги демократии находятся в городе, ты не наказываешь их, а беспокоишь Евксениппа?

(40) Я еще скажу вкратце о предстоящем вам голосовании и сойду с трибуны. Когда же вы соберетесь голосовать, граждане судьи, потребуйте,

Стб. XXXII

чтобы секретарь прочел пункт за пунктом и исангелию, и закон об исангелиях, и присягу гелиастов. И выносите решение, отвлекшись от речей всех нас, а голосуйте, приняв во внимание и исангелию, и законы, за то, что вы сами сочтете справедливым и соответствующим присяге.

(41) Я помог тебе, Евксенипп, как умел. Остается просить у судей [разрешения] пригласить друзей и вывести на подмостки детей.

¹ Настоящий перевод выполнен Л.М.Глускиной по изданию: *Minor Attic Orators. Vol. 2. Lycurgus, Demades, Dinarchus, Hyperides. With an English Translation by J.O.Burt.* London — Cambridge (Mass.), 1954. Впервые опубликован в «Вестнике древней истории» (1962, № 1). Далее примечания Л.М.Глускиной.

² В источниках не упоминается эта речь Гиперида. И в папирусе, сохранившем ее текст, имя автора не указано. Принадлежность речи Гипериду определяется упоминанием в ней фактов, известных из биографии оратора (участие его в суде над Полиевктом в качестве одного из десяти адвокатов; возбуждение им процесса против Аристофонта и Филократа).

³ Стратег, потерпевший неудачу во Фракии в 361 г. до н.э. По возвращении в Афины был осужден.

⁴ Командовал афинским флотом против Александра Ферского в 361 г. до н.э. За потери был приговорен афинским судом к смерти, отправился в изгнание.

⁵ Знаменитый оратор, был изгнан из Афин, самовольно вернулся и был казнен.

⁶ О Филоне более ничего не известно.

⁷ Привлечен к суду в 361 г. до н.э. после того, как Сест был взят фракийским царьком Котисом.

⁸ Метек, добившийся с помощью подкупа включения в списки граждан. Гарпократион (s.v. 'Αγασκλης) упоминает обвинительную речь Динарха против него.

⁹ В афинском суде первыми выступали представители обвинения, а затем уже обвиняемые и их защитники.

¹⁰ Упоминание здравствующего Ликурга дает *terminus ante quem* (он умер в 324 г. до н.э.) для датировки речи.

¹¹ Ψήφισμα αὐτοτελές — в таком сочетании *hapaх*. Hesych. s.v. — декрет, внесенный в собрание без предварительного рассмотрения в совете. Burtт переводит: «*entirely conceived by yourself*»; Liddell — Scott: Ψήφισμα «*without appeal*».

¹² Подразумевается, что в случае обвинительного приговора Евксениппу грозит пожизненное изгнание.

¹³ Олимпиада получила контроль над Молоссией в 330 г. до н.э. Это дает *terminus post quem* для нашей речи.

¹⁴ Упоминается в комедии в связи с параситом Херефонтом (Athen. VI, 243 b в издании: *Comicorum Atticorum Fragmenta*, ed. T. Kock. T. 2. Lipsiae, 1884, с. 455).

L. P. Marinovich. *Greeks and Alexander the Great (on the crisis of polis)*. The author proceeds from a postulate which is important to him as a principle — polis was going through a crisis in the 4th c. B. C., so the relations between the Greeks and Alexander the Great are being examined in perspective of this crisis.

Alexander's policy with respect to the Greek cities underwent a certain evolution shaped by the changed nature of his ruling power. The first stage is the beginning of his reign when, having inherited the power from his father Philip, the young king stood as the head of the League of Coriath. Thrusted upon the Greeks by the will of the victor, the Hellenic League met in the first place the interests of the king of Macedonia. In form, the league was to be an equitable agreement of two parties — the Greeks and Philip, but even though the alliance had some traits of dualism in it, the entire activity of the Council of Greeks — the sinedrion — was guided by the Macedonian king who was its actual head.

The second stage in the relations between the Greeks and Alexander related to the time when the eastern campaign started and Asia Minor was conquered. At that period Alexander's relations with a particular polis were determined by the concrete situation, but two features are typical of his policy in general. The first one is the Panhellenic nature of the campaign which started under the slogan of vengeance on the Persians for the desecration of the Greek holy places, a patronage over the old Greek cities and freedom proclaimed for the poleis. The second one is the fact that the freedom granted to the poleis began to change its content. But thus far Alexander does not remove the types of relations that have shaped between him and the Greeks, providing a place for the sinedrion and making references to its decisions.

The next time the League of Corinth is mentioned was several years later, in 330 B. C. when the troops were already far in the east. The fate of the Greeks who took up arms against Macedonia under King Agis of Sparta was discussed by the sinedrion which ruled to leave the final decision to Alexander, and a semblance of independence for the Hellenes was preserved in this case too.

Several more years pass, the campaign is over, new tasks arise relating to the way of government, and in August of 324 B. C., an edict is issued allowing all political refugees to return to their motherland. But Alexander entrusted the control over the implementation of his edict not to the sinedrion but to his governor-general Antipater, with an authority to use force if need be. So the edict symbolized a turn in Alexander's policy when his single act allowed him to interfere arbitrarily into the internal affairs of the poleis, altering their citizens' corps and their rights of property. All pretence to relations of alliance is henceforth done with. The Greeks of the Balkans and Asia Minor found themselves in the confines of a single state the like of which they had never known before and parts of which they now came to make, despite the peculiarity of their situation.

Examining Alexander's policy, we see the foundations laid for the role of the

poleis of Asia Minor in the Hellenistic Age. Genetically their dependence goes to the fact of the conquest of Asia Minor by Alexander, although it took a shape of «liberation» in view of the prevailing circumstances. As to the poleis in Greece itself, they came to develop in a different manner. When compared to the classical period, their position during the Hellenistic period was also determined by the new historical conditions, but genetically it did not relate to the position they had been put in by the victories of Philip and Alexander, although that position was determined by Alexander's actions, to the extent in which the Hellenistic era itself was obliged to him for its appearance.

The specific features of the crises in various types of poleis is best of all seen when we compare Athens to Sparta. A study of the Athenian material allows us to speak about the dissolution of the previously clearcut borders for the civic society, and on the other hand, we can speak about a certain identification of definite groups of citizens with similar economic and political interests. In Athens, several political groups become active at the time, whose leaders reflect the interests of certain social strata in their views and their social behaviour. These groups conflict in their interests, they bicker, sometimes hard. All this leads to disintegration of the civic society and weakening of relations within it. At the same time, the political speeches reveal a virtually general rejection of the prevailing system of democracy. The analysis of the political struggle made in the book testifies to a crisis of democracy, which is seen as a sign of the crisis of polis in Athens.

In Sparta the crisis took a different turn. The battle of Leuctra can be considered a clear point of its beginning. The entire life of Sparta was based on its possession of Messenia whose lands were divided into cleroi, providing for the citizens' existence. Now that the bases were undermined, we can speak about the «turning point» in the development of the crisis. We have evidence of earlier social upheavals (the uprising of the Helots, the Cinadon conspiracy), and Sparta provides vivid examples of bitter social struggle during the subsequent, early Hellenistic period, (the reforms of Agis IV and Cleomenes III, the tyranny of Nabis). But the period under consideration shows years of relative internal calm. On the other hand, it is precisely at this time that Sparta is waging a struggle for the restoration of its hegemony in Peloponnes where it attempts to restore its domination over Messenia. Moreover, the polis makes an attempt at a direct military confrontation with Macedonia, i. e., it continues its traditional methods under different, basically changed conditions. The crisis here finds its expression in complete lack of coincidence between the policy of the polis and the external situation, the balance of forces which has formed in Hellas. In other words, we approach once more the problem of crisis of a polis as a crisis of a system of poleis.

As to Asia Minor, we should note that none of its poleis took part in the Lamian war. This circumstance has been undeservingly overlooked in literature. The fact can be explained by analyzing the deeper processes in the crisis of the polis. This crisis, of rather the crisis of the classical Greek polis, can be qualified as a process of loss and distortion of its main features. Political independence is one of them. Not the independence of a separate polis, but a system of independent poleis. As a result of the Peace of Antalkidas, the Greek cities of Asia Minor found themselves in a new system, as parts of the Persian Empire, i. e., they lost their independence. One may suppose that the stage of the polis crisis which, for the Greek cities in the Balkans,

began after the defeat at Chaeronea and the formation of the League of Corinth, for the poleis of Asia Minor should be dated to the Peace of Antalkidas. If this supposition is correct, then we can determine the Asia Minor version of the polis crisis, a version linked to an earlier subordination of the polis to an external force which was alien to it in its social nature. This supposition proves once again that the crisis of a polis is the crisis of a system of poleis. The world of Greek cities was many times the object of the outside aggression, but during the period of rise and prosperity of the polis the Greeks found the force to stand up to that aggression and to defend their independence. During the Greek-Persian wars Hellas won in its struggle with Persian Empire which also was at the apex of its power, in the fourth century B. C., when the state of the Achaemenids was approaching its decline, it still managed to subjugate the Greeks of Asia Minor. But have we a right to look at this subjugation as a result of the developing crisis of the poleis system?

For the Greeks of the Balkan peninsula the creation of the League of Corinth was an act which infringed on their political sovereignty and hence was a negative phenomenon, especially so for the large poleis, while for the Greeks of Asia Minor the conquest of Alexander presented a somewhat different phenomenon. In the series of relations the substitution of the Macedonian rule for the Persian one meant a change of the ruler, but this change was quite important in one respect: under Alexander, democratic regimes were being restored everywhere. The restoration of democracy, even under a Macedonian rule, met the interests of most citizens and finally caused the Greeks of Asia Minor to stay away from the Lamian war.

The specificity of the stage of the polis crisis under consideration in this work primarily lies in the fact that the previously internal crisis of particular poleis (of varying nature and degree) is transforming into a crisis of the poleis system. For the first time in their history virtually all the poleis in Greece proper and in Asia Minor found themselves in a position of dependence on one foreign power. Despite the diversity of their destinies, the development of poleis in both regions headed the same direction, polis was stopping to be the subject of history, becoming its object. From a system of independent poleis whose history was primarily shaped by the interaction of poleis between themselves or with external forces, Hellas was turning into a battlefield for various forces that were external in relation to the poleis world.

The final stage of the polis crisis was the time of dying for the system of independent poleis, the time of transition from the poleis world to the Hellenistic epoch with its extensive state formations. But the polis crisis did not signify an end to the polis, its death. The polis continued to exist for many centuries to come, when new poleis emerged, but it was changed in its nature, which allows us to distinguish the classical polis from the hellenistic polis not only from the point of view of chronology. Besides, the historical situation has radically changed, so that cities either found themselves as parts of larger states, or, now preserving and now losing their independence, were subjected to an influence from the more powerful neighbours.

Введение	5
Глава 1. Обзор источников	20
Глава 2. О характере политической борьбы в Афинах	56
Глава 3. Независимый полис и Македонское государство	135
Глава 4. Греческие города Малой Азии и Александр	155
Глава 5. Полис в структуре новой империи	199
Заключение	211
Примечания	215
Список сокращений	240
Библиография	242
Указатель имен	265
Указатель географических названий	270
Приложение. <i>Гиперид</i> . Речь в защиту Евксениппа по обвинению его Полиевктом в противозаконии	273
Summary	285

Научное издание

Маринович Людмила Петровна

ГРЕКИ И АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

(К проблеме кризиса полиса)

Утвержден к печати

Инструктором всеобщей истории РАН

Заведующий редакцией С. С. Целыникер. Редактор И. Г. Вигасина.
Младший редактор Г. А. Парфенова. Художник Л. С. Эрмач. Художественный редактор Э. Л. Эрмач.
Технический редактор Г. А. Никитина. Корректоры А. А. Артамонова, Е. В. Карюкина

ИБ № 16959

Сдано в набор 12.10.92. Подписано к печати 01.06.93. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. п. л. 18,0. Усл. кр.-отт. 18,25. Уч.-изд. л. 20,4.
Тираж 3700 экз. Изд. № 7344. Зак. № 3388. „С”—1

ВО «Наука»

Издательская фирма «Восточная литература»
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6